

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования

«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА»

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ:

ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ УВИДЕННЫМИ

Сборник научных статей

Выпуск 3

*Под редакцией доктора исторических наук
И. Р. Чикаловой*

Минск 2004

УДК 930.8
ББК 63.3
Ж 561

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ имени Максима Танка

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *И. Р. Чикалова* (главный редактор); доктор исторических наук, профессор *Н. Л. Пушкарева*; доктор исторических наук, профессор *В. Н. Сидорцов*; доктор исторических наук, профессор *В. В. Тугай*; доктор исторических наук, профессор *Г. А. Космач*.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор *В. А. Федосик*; доктор исторических наук, профессор *В. Н. Михнюк*.

Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. *И. Р. Чикаловой*. — Мн.: БГПУ, 2004. — Выпуск 3. — 308 с.

ISBN № 985-435-776-7

Третий выпуск сборника научных статей белорусских, российских и украинских исследователей *Женщины в истории: возможность быть увиденными* открывается разделом «Гендерный проект в гуманитарных науках», в котором авторы рассматривают развитие гендерной методологии в современном гуманитарном знании, аспекты взаимодействия феминизма и постструктурализма, проблему «лингвистического выражения» гендера. Отдельные разделы сборника посвящены исследованиям матриархата и материнства, выступающего в качестве интегративной категории исследования. В самостоятельных разделах помещены статьи, анализирующие женские домены Средневековья, а также — гендерные идеологии и политические проекты Новейшего времени.

Сборник адресуется специалистам в области истории, социологии, культурологии, антропологии, философии и смежных дисциплин.

УДК 930.8
ББК 63.3

ISBN № 985-435-776-7

С И. Р. Чикалова. Состав, статьи, 2004
С Авторы. Статьи, 2004
С УИЦ БГПУ, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНЫЙ ПРОЕКТ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Ирина Чикалова (Минск)

«Бархатная революция» в политической и исторической науке

Ольга Шутова (Минск)

Феминизм и постструктурализм: генеалогии, взаимодействия, противодействия

Алиса Толстокорова (Киев)

«Лингвистическое выражение» гендера. Результаты и перспективы демократических реформ

МАТРИАРХАТ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ КОНСТРУКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ УТОПИИ

Анна Бородина, Дмитрий Бородин (Тверь)

«Материнское право» И. Я. Бахофена и концепт «матриархат»

Игорь Богин (Минск)

Истина матриархата

МАТЕРИНСТВО: ИНТЕГРАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Наталья Пушкарева (Москва)

Материнство как социокультурный феномен: исследовательские подходы в психологии, философии, истории

Наталья Пушкарева (Москва)

Зарубежная историография «истории материнства» как проблемы социальной истории

Павел Романов, Елена Цыглакова, Елена Ярская-Смирнова (Саратов)

Мать, работница, клиентка: социальное гражданство одиноких матерей в России

ЖЕНСКИЕ ДОМЕНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Елена Чернышева (Белгород)

«Прекрасная дама» в представлениях трубадуров, труверов и миннезингеров

Валентина Успенская (Тверь)

Кристина Пизанская и ее «теоретическая реабилитация женщин»

Елена Сурта (Минск)

Институализация проституции в позднесредневековом городском обществе Германии: легитимация мужского желания и социальная маргинализация

ЖЕНЩИНЫ В ИДЕОЛОГИЯХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Анатолий Дулов (Витебск)

Брак, материнство и семья в государственной политике БССР 1920-х — первой половины 1930-х годов

Александр Ермаков (Ярославль)

Брак, материнство и семья в нацистской идеологии и государственной политике Германии межвоенного времени

Ирина Николаева (Витебск)

Политика немецких оккупационных властей в Беларуси в отношении женского населения (1941—1944 гг.)

Ирина Чикалова (Минск)

Феминизм и гендерные проекты политических партий в Великобритании

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

«БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

За последние десятилетия произошло заметное обновление методологической базы и тематической направленности исследований в области гуманитарных и политических наук. В связи с состоявшейся ревизией подходов к изучению прошлого и настоящего открылись перспективы для расширения исследовательского поля за счет подключения новых дискурсов и методологических интерпретаций, что стало отражением неудовлетворенности результатами, полученными исторической, социологической и политической науками при исследовании общественных процессов. Свое право на существование получили феминистский и гендерный дискурсы.

В связи с общей темой статьи целесообразно начать с оценки методологических подходов к рассмотрению проблем пола традиционалистско-консервативной политической теорией и историографией.

Гендерный аспект традиционалистско-консервативной политической теории и историографии

Большинство теоретиков, начиная с мыслителей античности, объявляли, что биологические особенности и культурные модели, связанные с женщинами, не только не позволяют им участвовать в структурах власти и управления, но и развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Концепция, которая структурировала политический дискурс, базировалась на признании четкой дихотомии публичного и частного. Начиная с древних греков, их концептуальное разведение отражало классическое понимание частной области (*oikos*, или сфера репродукции) и хозяйственной (*polis*, город-государство, организующее производство) как изначально разделенных. Более того, только публичная сфера характеризовалась в качестве арены свободы и гражданских прав. Поскольку женщины ассоциировались с частной, подчиненной сферой они функционально были исключены из практик свободы, которые определяли политическую жизнь: публичная сфера не только существовала без женщин, но и была настроена против них; при этом исключение женщин из публичной сферы опиралось на вменяемую им «естественную» неспособность переступить за пределы их биологического и экономического подчинения в домашней сфере. Данное отношение было характерно не только для государств античной Греции, но и для Древнего Рима: женщина абсолютно подчинялась домовладыке по Законам XII таблиц (середина V в. до н.э.), и, хотя и в несколько меньшей степени — по семейным законам императора Августа (43 г. до н.э. — 14 г. н.э.). Соответственно в андроцентристской политической теории женщины и все связанное с ними оказались на самой периферии.

Для консервативных научных школ характерна особая интерпретация сущности общества и государства, взаимоотношений между ними: человеческое общество образуется согласно божественному плану. Это подразумевает его неизменяемость и противоестественность попыток воздействия на него с целью модернизации. В консервативной концепции общество интегрировано в государство и построено на фундаменте жесткого иерархического порядка, подразумевающего ограниченную свободу и неравенство различных социальных групп. Равенство существует только в области морали и добродетели, которая состоит в обязанности исполнять предназначенный каждому долг: женщины рожают и растят детей, ухаживают за мужчинами, а мужчины

заботятся об общественном благе. Лучшие люди страны не те, кто заботится о своих правах, а те, кто несет особые обязанности.

Самый надежный руководитель человеческого поведения, с точки зрения одного из основателей идеологии европейского консерватизма английского политического деятеля и публициста конца XVIII в. Эдмунда Бёрка, — скрытая в «обычных предрассудках» таинственная мудрость, унаследованная от предков: именно в ней отражен «разум всеобщий, коллективный, политический». В связи с этим Бёрк провозгласил один из важнейших принципов консерватизма: *«Вместо того, чтобы отвергнуть наши старые предрассудки, мы их глубоко чтим и, добавим не стыдясь, уважаем их именно потому, что это предрассудки: и чем древнее они и шире распространены, тем больше мы их почитаем. Мы опасаемся оставлять людей наедине с их собственным запасом разума, ибо полагаем, что он невелик и что индивидам лучше иметь доступ к общим накоплениям наций и веков»*¹. Консервативный дискурс «о естественном порядке вещей в мире» основан на христианской доктрине. Последняя лежит в основании культуры западно-европейской цивилизации. Поэтому встроенные в нее представления «о естественном предназначении женщины» как «хранительнице традиций, семейных ценностей и домашнего очага» оказались наиболее устойчивыми и тяжело разрушаемыми, ибо составляют базис утвердившегося в европейской культуре патриархатного гендерного порядка. В нем *фактор половой принадлежности* оказывается решающим в «навязывании» женщинам социальных функций, занимающих нижние строчки в системе социальных иерархий.

Для консервативных научных направлений в общественных науках, в том числе в исследовании всемирной истории, характерным явилось четкое фиксирование стандартов женского и мужского поведения, признание соответствующей атрибутики пола «на все времена» и для всех народов; сегрегация женщин и женского внутри научного дискурса с подчас дискриминационным подтекстом («женская сфера», «женское занятие», «женская логика»). Центральный дискурс исторических и политических трудов конструировался таким образом, как будто женщины и практики их существования концептуально не могут быть объектом ни исторического, ни политического исследования. В результате происходило формирование соответствующего отношения к женщинам как к людям «другим», «маргинальным». И несмотря на факт, что женщины (вопреки исключенности на протяжении веков из мира профессиональной жизни и государственной деятельности) все-таки влияли, *хотя и своеобразными и немногими им доступными в то время способами*, на ход мировых трансформаций (участвуя в процессах воспроизводства домохозяйств и населения, осуществляя уход за членами семьи, поддерживая системы общественных, культурных и религиозных ценностей, участвуя в процессах создания произведений искусства), это обстоятельство не встречало должного понимания у исследователей. Как следствие, в иерархической структуре знания, в которой все значимое концентрировалось в публичной сфере политики, профессиональной и религиозной деятельности, женщинам не находилось места. Научное исследование «незаметных статисток истории» в лучшем случае, рассматривалось как вспомогательное, само по себе маргинальное. Таким же второстепенным, незначимым, необязательным становилось производимое в результате знание.

Либерализм и либерально-феминистское направление

Уже в античную эпоху Греция и Рим дали своим гражданам (из числа которых были исключены рабы и женщины) возможность владеть собственностью и принимать участие в управлении государством, т.е. наделили свободных членов общества правами и статусом, не отличавшимися по существу от того, что составило базис будущей доктрины либерализма. В Западной Европе его идейно-политическая традиция восходит к

¹ Цит. по: Фадеева Т.М. У истоков идеологии европейского консерватизма // Новая и новейшая история. 1992. №6. С.60.

английской Великой хартии вольностей 1215 г., провозгласившей нерушимость частной собственности и неприкосновенность личности. Английская революция середины XVII в. и Славная революция 1688 г. дополнили список либеральных политических ценностей требованием предоставления «гарантии гражданских и политических прав личности». Идеями либерального мировоззрения пронизана американская *Декларация независимости* 1776 г.: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем очевидными правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью»². Французская «Декларация прав человека и гражданина» в редакции, приведенной в Конституции Франции 1793 г., указала на естественные и неотъемлемые права человека: «Эти права суть: равенство, свобода, безопасность, собственность»³. Названные документы важны не только в связи с провозглашением основополагающих постулатов либерализма, но в еще большей степени приданием последним качества государственной идеологии. Из признания естественного характера человеческих прав вытекало требование равенства всех людей в правовом отношении.

Последовательно концентрируясь в творчестве многих мыслителей XVIII — XIX вв.: Дж. Локка, А. Смита, Дж. Милля, И. Бентама — в Англии; Ш.-Л. Монтескье, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Б. Константа, А. де Токвиля — во Франции; Б. Франклина, Дж. Медисона — в США; И. Гумбольдта — в Германии (этот ряд выдающихся имен можно многократно умножить), идеология восходившей буржуазии в начале XIX в. получила обозначение — либерализм. Его теория и практика представляют собой комплекс мировоззренческих принципов, программных установок в политической, экономической и социальной сферах, гибкую и динамичную систему, чутко откликающуюся на социально-экономические и общественно-политические реалии времени и модифицирующуюся в связи с ними. Либерализм выступил за динамичное, ориентированное на социальный прогресс общество. Поэтому идеалы и принципы либерализма разделяли в XIX—XX вв. и исповедуют в наступившем XXI в. многие люди различного социального положения.

Сторонники либерализма доминанту демократического общества видят в личной и гражданской свободе: только она открывает путь к вершинам социальной иерархии, достижению достойного места в ориентированном на социальный прогресс обществе. Индивид уже в дообщественном, догосударственном т.н. «естественном» состоянии наделен неотчуждаемыми правами, а потому он должен сохранить их и в последующие эпохи. Свобода независима от происхождения, способностей и знаний, характера и убеждений, а потому все люди равны перед законом, а гражданские права человека не должны зависеть от его пола, сословной или классовой принадлежности, должностного или имущественного положения. Либеральная доктрина исходит из предположения, что реализация ее принципов откроет каждому человеку и каждой социальной группе возможность максимального развития и достижения наивысших результатов. Именно поэтому на идейный базис либерализма опирались первые феминистские критические работы⁴. Однако вплоть до окончания Первой мировой войны либеральная теория с ее акцентом на индивидуализм и гражданские свободы демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на женщин. Либералы пренебрегали ими просто потому, что они — женщины. Исключение женщин из практик свободы опиралось на их якобы «естественную» неспособность преступить за пределы «биологического предназначения». Но именно из теории либерализма вырос первый из феминизмов — *либеральный феминизм*, явивший собой теорию индивидуальной свободы женщин. Труд Мери Уоллстонкрафт «*В защиту прав женщины*» (1789 г.) явился его первым развернутым манифестом.

² Американские просветители. Избранные произведения. М., 1969. С.27.

³ Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII — XVIII вв. М., 1990. С.247.

⁴ См.: Уоллстонкрафт М. В защиту прав женщины; Гуж Олимпия де. Декларация прав женщины и гражданки; Адамс А. Письма к мужу и др. // Феминизм: Проза, мемуары, письма. М., 1992; Милль Д. О подчинении женщины. М., 1994; Рише Л. Свободная женщина: о женском вопросе и свободе женщин. М., 1879.

Либеральная феминистская теория принимает существующую систему как неизбежность, но видит ее будущее в постепенном реформировании в направлении обеспечения для женщин равных возможностей в достижении благосостояния, в доступе к образованию, в устранении дискриминации в области трудовых прав, в сфере профессиональной деятельности и медицинской помощи. Особое значение в рамках либерально-феминистской теории придается полноценной интеграции женщин в политическую жизнь. Реализация этого оценивается не только исходя из самого факта присутствия в мире политики, но и из осознания того, как именно политические решения в разных областях сказываются на судьбах женщин. Ведь поскольку правительства вовлечены в регулирование рождаемости, сексуальности, разделения труда и собственности в семье, т.е. формируют условия, которые создают или разрушают семью, женщины без власти в политическом мире не смогут на деле обладать полной мерой власти в собственной частной жизни. В. Сапиро в книге «Политическая интеграция женщин» подчеркивает в этой связи: «если бы миры феминности и политики были интегрированы, не было бы ничего особенного в участии женщин в политике или в политическом вовлечении в то, что сейчас приобрело ярлык «женские вопросы». Действительно, что являлось бы «женским вопросом», если бы частный мир семьи и общественный мир политики существовали бы нераздельно друг от друга, или если бы мужчины и женщины разделили бы в равной степени семейные и общественные заботы»⁵. И это только один аспект проблемы. Ибо женщины могут влиять не только на политические решения в социальной сфере, но и привносить новое видение в сферу международных отношений, внешней политики, оборонной стратегии.

Таким образом, *концепция интеграции* предлагает важнейший оправдывающий аргумент для участия женщин в политике. Но *маргинальность* положения женщин в обществе препятствует их широкому вхождению в политику. Традиционно женщин убеждали, что их участие в политике в лучшем случае должно ограничиваться голосованием на выборах. Допускалось, правда, что они могут играть некоторую роль в гражданских делах, но лишь в пределах, затрагивающих дом и семейную жизнь. Их право работать ограничивалось должностями, ориентированными на обслуживание. С другой стороны, женщины, пытавшиеся преодолеть предписанные роли, часто приобретали маргинальный статус. Он неминуемо развивался из конфликта, который возникал, если женщина выходила за рамки своей традиционной роли и стремилась занять определенное положение в общественной сфере. В этом случае в противоречие вступали ролевые требования, предъявляемые к обеим группам: женщинам (как «слабому» или «второму» полу) и политикам (как профессионалам, с которыми прежде всего ассоциируются мужчины). Конфликтующие требования различных ролевых групп приводили к тому, что женщина-политик не идентифицировалась полностью ни с одной из возможных ролей. Как политику ей требовалось отказаться от некоторых, наиболее затратных, с точки зрения делания карьеры, требований, вытекающих из традиционной женской роли (посвящение себя без остатка обслуживанию дома и семьи). В то же время мужская по составу политическая группа зачастую не воспринимала женщин в качестве равнозначных себе политиков и стремилась поставить их в подчиненное положение. Ввиду этого они не рассматривались серьезно в качестве политически самостоятельных кандидатов, за которых проголосовали бы избиратели. Одним из следствий этого был досрочный и добровольный отказ от политической карьеры. Именно поэтому, хотя женщины в большинстве западно-европейских стран обладают политическими правами, все еще не состоялось их полное интегрирование в мир политики.

Виола Клейн определила *маргинальность*, как состояние человека, одновременно живущего в «двух разных мирах», «двух культурных системах», одна из которых в соответствии с преобладающими стандартами рассматривается как «высшая по отношению к другой»⁶. В этом смысле требования к женщинам-политикам мало чем

⁵ Sapiro V. The Political Integration of Women. Urbana, etc.: University of Illinois Press. 1984. P.7.

⁶ Klein V. The Feminist Character: A History of Ideology. Urbana: University of Illinois Press. 1972. P.171.

отличаются от требований, предъявляемым остальным женщинам-профессионалам. Их тоже оценивают исходя из их соответствия двум стандартам — стандарта «женственности» (который включает как наличие семьи и детей, так и обладание «привлекательными» внешними данными) и имиджа компетентного политического деятеля, причем второй стандарт является высшим по отношению к первому. Женщины, пытаясь соответствовать обоим стандартам, выполняют двойную работу, и поэтому немногие из них в состоянии достигнуть политических высот. И хотя они постепенно прокладывают дорогу к руководящим областям, их количество в высших эшелонах власти по-прежнему невелико. Почти во всех демократических государствах женщины к 2000 г. в среднем составляли только 12,8% от состава национальных парламентов, занимали всего 7% министерских должностей по руководству в основном социальной сферой, включая образование, здоровье, семью. Общая доля женщин-министров по социальным вопросам составляла в мире в среднем 14%, в то время как на политических министерских должностях женщин — 3%, и экономических — 4%. Они слабо представлены в руководстве политических партий, которые остаются мужскими клубами, куда женщины допускаются преимущественно для обеспечения вспомогательных функций, например, помощников в период избирательных кампаний для организации поддержки мужчин-кандидатов.

В широком смысле *маргинальность* стала рассматриваться в качестве контекста существования, в котором находятся не только женщины, но и вообще все те, кто страдает от несправедливости, неравенства и эксплуатации. Целые группы населения, независимо от их численности, оказываются невидимыми из-за отсутствия возможности транслировать свою точку зрения, а в политическом смысле находятся в положении ущемленного меньшинства. Люди оказываются в состоянии маргиналов не только из-за общественного неравенства и несправедливого распределения материальных ресурсов, но также из-за самой организации структуры познания, в которой взгляды одной группы людей признаются в качестве объективных⁷, к которым должны адаптировать свои взгляды и поведение остальные члены общества. Тем не менее к 1990-м гг. в мире в целом стало расти понимание необходимости переосмысления системы ценностей и перенесения запросов прежде «неинтересных» для общества групп (женщин, инвалидов, детей, пожилых людей, инфицированных вирусом иммунодефицита) в центральное русло общественной политики. Простые подсчеты показывают, что «нормальные» группы составляют незначительное меньшинство в обществе, а группы со специальными нуждами абсолютно доминируют, и на протяжении жизни каждый человек — и мужчина, и женщина — оказывается членом одной (а то и не одной) из таких групп. Поскольку гуманизация общества самым тесным образом связана с преодолением неравенства и неравных возможностей самореализации разных групп населения, стал актуальным пересмотр политики в отношении широкого комплекса проблем, которые традиционно характеризовались в качестве женских и раньше относились к разряду вторичных. Политическая же активизация «пассивных» и «незаметных» прежде групп, в том числе женщин, поставила вопросы об их реальном влиянии на процессы принятия решений.

Таким образом, современный либеральный феминизм ориентирован на включение женщин в общественные институты, стремится повысить социальный статус и улучшить их положение за счет совершенствования законодательной базы общества, не оспаривая при этом легитимность и принципы существующей системы⁸. В то же время либеральные

⁷ Kirbi S.L. and K.McKenna. Experience. Research. Social Change. Methods from the Margins. Toronto: Garamond Press, 1989. P.33.

⁸ Добавим, что традиционное узкое толкование понятий *политики* и *политического* как целенаправленных действий в *публичной* сфере и в XX в. по-прежнему не оставляло женщинам достойного места в общественной иерархии. Должна была быть проведена операция по «инвентаризации» традиционного знания и подходов к изучению общества. Феминистская реконструкция политической теории началась с пересмотра ряда устоявшихся и постановки новых исследовательских задач. Прежде всего был сделан вызов конвенциональным определениям политики. Кроме того, был поставлен вопрос, каким образом пол

феминисты убеждены, что приватная жизнь (и особенно сфера сексуальности) не может являться объектом регулирования и контроля со стороны общества. В этом вопросе им оппонировать представительницы радикального феминизма.

Радикально-феминистское направление

Если *либеральный феминизм* сосредоточил острие критики на социальных институтах и законодательной базе общества, то *радикальный феминизм* дополнил критику общества концептуализацией понятия *патриархата*, проблематизацией *приватной сферы* и анализом взаимосвязи между *сексуальностью* и *властью*, а также расширительным толкованием *политики и политического*.

Патриархат стал рассматриваться как целостная, структурированная система, пронизывающая общество вплоть до его мельчайшей ячейки — семьи. Радикальный феминизм объявил системе патриархатных ценностей «войну», сделав основной ареной своего внимания *приватную сферу* жизни и, особенно, институт *сексуальности*. В дискурсе *радикального феминизма* *сексуальность* и *власть* стали рассматриваться как ключевые и взаимопереплетающиеся понятия. Одновременно начался процесс концептуализации и проблематизации новых или широко не использовавшихся прежде научных категорий: «гендер», «гендерное неравенство», «гендерная система», «сексизм», «маскулинность», «феминность» и др.

Феминизм и демократическая концепция гражданства. В связи с тем значением, которое феминистская теория придает развитию демократических процессов, одним из важных направлений дискуссий стала взаимосвязь между феминизмом и демократической концепцией гражданства. Либеральные феминистки, требуя предоставления широкого спектра политических и гражданских прав для женщин, не бросали вызов доминирующей либеральной модели гражданства и политики, так же как рамкам политического и политической территории. Хотя женщины в либеральных демократиях сейчас являются гражданками, их гражданство было завоевано в рамках структур патриархальной власти, в которых женские качества и свойства по-прежнему являются малоценными⁹. В связи с этим Кэрол Пейтман в своем «*Социальном контракте*» (1988) ставит вопросы: кто такой «гражданин»? что делает этот гражданин на арене, где он действует, коль скоро она сконструирована по мужскому типу?¹⁰

Переосмысление и деконструкция понятий политического и политической территории создало основания для попыток построения такой модели гражданства и гражданской активности, которая бы инкорпорировала феминистские политики приватного, основанные на таких специфических для семьи добродетелях, как любовь, интимность и озабоченность судьбой «конкретного другого»¹¹. В частности, стоящие на материалистской позиции Джин Элштейн¹² и Сара Раддик¹³ вслед за Кэрол Гиллиган, противопоставившей мужской и либеральной «этике справедливости» феминистскую «этику заботы», утверждают, что именно в женском опыте материнства следует искать новую модель гражданской активности. Хотя подобная материалистская позиция нашла противников среди самих феминисток, которые рассматривают гражданство в качестве сугубо патриархальной категории, тем не менее, очевидно, что необходима переоценка положений традиционной политической концепции по поводу того, что значит «быть гражданином» и действовать в качестве члена демократического политического сообщества.

конструирует женский политический опыт, и как гендерная принадлежность в сочетании с расой, этничностью, классовым интересом влияют на политические действия и политическое сознание.

⁹ Цит. по: Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика. С.114.

¹⁰ Pateman C. The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press, 1988.

¹¹ Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Гендерные исследования. 1999. №3. С.113.

¹² Elshain J. Public Man, Private Woman. Princeton: Princeton University Press, 1989.

¹³ Ruddick S. Maternal Thinking. London: Verso, 1989.

Публичное и частное пространство. Для феминистских исследователей радикального направления актуальным является расширительное толкование определения *политики* и традиционных концепций *политического*. В этом контексте центральной стала деконструкция подхода к определению понятий политической территории и политики. Поскольку в патриархальном обществе отчетливо разделены между собой *публичная* и вторичная по отношению к ней *частная* сферы являлись основными территориями бытия мужчин и женщин, в феминистской теории на первый план вышла проблема взаимодействия между ними, что потребовало четко определить понятие территории политических действий: является ли ею только публичная сфера или не только она, но и сфера частного. В политологии сформировалась тенденция (не оспоренная либерально-феминистским направлением) определять политику как целенаправленную деятельность, ограниченную рамками *особой* публичной сферы, в которой и происходит принятие решений. Это традиционное определение *политики* и было поставлено под сомнение. Радикальные феминисты, развернувшие в 1970-е гг. дискуссию, подвергли основательной критике общепринятую трактовку *политики* как деятельности, не охватывающей область *частного*. Одна из основоположников радикального феминизма Кейт Миллет в своей уже классической работе *Сексуальная политика* предложила перенести акцент в определении *политики* на взаимоотношения, основанные на власти, «посредством которой одна группа людей контролируется другой»¹⁴. Этот контроль распространяется и на сферу *частного*. Миллет развивает тезис о том, что отношения между полами являются не просто *политическими*, но *сексуально-политическими* в том смысле, что власть мужчин над женщинами основана на различии полов. Монополизация мужчинами ключевых позиций в политико-властных структурах является только одним, хотя и наиболее очевидным, проявлением этой власти. Но именно разделение человеческого бытия на сферы *общественной* и *частной* жизни, с одной стороны, закрепляет мужское доминирование в обществе, с другой стороны, существует из-за асимметричных отношений власти и подчинения, утвердившихся между полами, и в результате нужно, чтобы скрыть эти самые властные взаимозависимости.

Таким образом, понятие *политика* радикальные феминисты стали трактовать предельно широко — как всякие действия в сфере современной социальной и культурной жизни, направленные на трансформацию традиционного общества. Поэтому любой женский поступок, направленный на подрыв дискурса патриархальной культуры, воспринимается как политический, поскольку всегда ставит под сомнение основы и принципы функционирования существующих патриархальных институтов и практик, символизирует собой акт преодоления стереотипов традиционной культуры. Радикальные феминисты и их сторонники, требуя приоткрыть завесу над частной жизнью граждан, с 1970-х гг. обращали внимание общества на размах насилия в семьях, которое в течение десятилетий являлось закрытой темой. Тогда же в качестве политической позиции начали рассматривать отношение к проблеме личной репродуктивной свободы и свободы в выборе сексуальной ориентации. Борьба за свободный репродуктивный выбор и за права сексуальных меньшинств стала важным направлением политической активности.

В этом истоки основной политической формулы радикальных феминистов и, по существу, второй волны феминизма — «*личное является политическим*». Поместив в этот центральный лозунг утверждение о прямой связи между политикой и повседневной жизнью, между индивидуальными нуждами, заботами и социальными переменами, радикальные феминисты существенно расширили саму политическую повестку: проблемы, прежде рассматривавшиеся исключительно в качестве «частных» женских, — аборт, репродуктивные права, забота о детях, домашняя работа, насилие и сексуальное преследование — стали соревноваться между собой за приоритетное место в национальном политическом дискурсе современных демократий. Хотя вопрос о

¹⁴ Millet K. *Sexual Politics*. London: Abacus, 1972. P.23.

границах персонального и открытого для общества в частной жизни граждан не имеет однозначного ответа, признание того, что *личное/персональное* является *политическим*, упраздняет искусственное разделение жизненного пространства на *публичное* и *приватное*, бросая в то же время вызов идеологическому ограничению *политики*, сводящего ее к узкому миру выборов, избирательных кампаний, кандидатов и их лоббистов.

Концептуализация понятий «различие» и «сексуальное различие». В то же время стала выявляться ограниченность и самой феминистской теории и феминистской практики, произраставших из персонального опыта объединенных в свои организации белых женщин среднего класса, которые не могли аккумулировать и репрезентировать опыт других, в том числе небелых, женщин. С этой точки зрения, оказалось, что феминистское движение также определяло содержание *политики* недостаточно широко. Это проистекало из чрезмерно схематичного подхода к определению категории «женщина», идентифицируемой в обобщенном понятии «мы». Такая «идентичность» как отправная точка не могла удержаться в качестве основы для феминистского политического движения, поскольку любая попытка определить универсальное содержание категории «женщины», идентифицируемое в понятии «мы», несостоятельна ввиду ее неоднородности. Другими словами, политическим фактом становится то, что обнаруживается не только общность женского жизненного опыта, но и его несхожесть у представительниц разных социальных, религиозных, этнических, возрастных групп, и, как следствие, на политической сцене женщины воспроизводят и транслируют эти различия — в том числе во взглядах на политические приоритеты. Именно поэтому в начале 1980-х гг. феминистское «мы» подверглось критике со стороны черных феминисток за игнорирование совершенно особого опыта потомков чернокожих рабынь, ощущавших себя «другими» не только по отношению к мужчинам (более к белым, нежели к черным), но, в очень значительной степени, по отношению к белым женщинам из среднего класса. Инициированная ими дискуссия привела к фракционализации понятия «мы» и к проблематизации категории «различия» в политической теории и практике.

В дальнейшем теоретические и политические дискуссии 1990-х гг. на фоне дезинтеграционных процессов, роста националистических движений в мире еще более концептуализировали и проблематизировали понятия «различия» в общем и «гендерные различия», в частности. Например, в тексте интервью Джутит Батлер с Розы Брайдотти утверждается: «...акцентуализация на обобщенной европейской личности, которая сопутствует проекту "унификации" старого континента, неизбежно приводит к "различию", которое становится даже более чем принципиальным и взрывоопасным понятием. Следствием парадокса одновременной глобализации и фрагментации, который соответствует социально-экономической структуре наших постиндустриальных времен, является регрессия к национализму и расизму, который идет рука об руку с проектом европейского федерализма, свидетелями чего мы все являемся в сегодняшней Европе»¹⁵. Исчезновение «восточного блока», распад СССР и Югославии, появление чеченского вопроса несет в себе такие феномены, как «различия» в общем, так и «гендерные различия», в частности, ставшие *политически* окрашенными. И хотя корни концепции «различия» могут быть обнаружены также и в иерархических, исключающих способах тоталитарного мышления, не принимая во внимание феномен *различия* не как исключения, а как равноправного множества в целом, становится невозможным анализировать и исследовать происходящие сегодня дезинтеграционные процессы.

Women's Studies и Женская история

Заявившие о себе в 1970-е гг. междисциплинарные академические *women's studies* являются родово связанными с феминистской теорией и движением. Они стали

¹⁵ Батлер Дж. Феминизм под любым другим именем. Интервью с Розы Брайдотти. Пер. с англ. // Гендерные исследования. 1999. №2, С.61.

развиваться как субдисциплина внутри феминистской мысли в области социологии, истории, антропологии, психологии, языкознания, литературоведения. В круг основных задач для представителей *women's studies* выдвинулись следующие: продемонстрировать социальную сконструированность различий между мужчинами и женщинами, выявлять и распространять информацию о женщинах, проводить изучение неравноправного специфического положения и угнетения женщин мужчинами, обсуждать и «разоблачать» патриархат. Таким образом, в рамках *women's studies* произошло открытие и теоретическое осмысление феномена неравенства по половому/гендерному признаку, в связи с чем ответственное за него патриархатное общество было подвергнуто всесторонней критике.

Начиная с этого времени, на Западе историки также стали изучать истоки и проявления неравенства, в основании которого лежит пол. На первом этапе категория *гендера* еще не вошла в историческое исследование, однако уже в 1980-е гг. множество «частных» тем, раскрывавших место и роль женщин в обществе, стали не просто статусными, но и приобрели совершенно иное звучание. Это отражали и Международные конгрессы исторических наук. Они зафиксировали изменение исследовательского интереса ученых в сторону более тщательного изучения повседневной жизни людей в разные исторические эпохи, которое без включения женщин уже невозможно. Стремясь связать «женскую историю» с историей общества и объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, традиционный социально-классовый анализ общества исследователи дополнили фактором различия полов, а статус исторического лица стали рассматривать как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик.

Рост числа исследователей женской истории привел к оформлению соответствующих организационных структур. В 1989 г. на XVII Международном конгрессе исторических наук была создана «Международная федерация исследователей в области женской истории»¹⁶, объединившая ученых нескольких десятков стран. Она в том же году провела свою первую конференцию в Белладжиио (Италия). Тем самым манифестировалось признание «женской темы». Результаты первых встреч исследователей-феминологов и их дискуссий опубликованы в коллективной работе «Создавая историю женщин. Международные перспективы», изданной под редакцией Карен Оффен, Рут Пирсон и Джейн Рендалл в 1991 г.¹⁷ Сама же женская история достаточно быстро насыщалась разнообразными исследованиями¹⁸. Среди обобщающих работ необходимо отметить вышедший в 1988 г. двухтомный труд «История их самих.

¹⁶ Англ.: International Federation for Research in Women's History.

¹⁷ Writing Women's History. International Perspectives. Ed. by K. Offen, R. Pierson, J. Rendall. Bloomington (Ind.), 1991.

¹⁸ См., например: Caroll B.A. Liberating Women's History. Theoretical and Critical Essays. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1976; Scott J. Women in History: The Modern Period // Past and Present: A Journal of Historical Studies. Vol.101, 1983; Scott J. Women in The Making of the English Working Class // The Essay Delivered at the Meeting of the American Historical Association in December 1983. Позже опубликовано в: Scott J. Gender and the Politics of History. New York: Columbia University Press, 1999; Lerner G. The Creation of Patriarchy. Oxford: Oxford University Press, 1986; Women in the Middle Ages and the Renaissance: Literary and Historical Perspectives. Edited by Rose M.B. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1986; Become Visible: Women in European History. Edited by Bridenthal R., C.Koonz, & S.Stuard. Boston: Houghton Mifflin, 1987; Connecting Spheres: Women in the Western World, 1850 to the Present. Edited by Boxer M.H. and J.H.Quataert. New York: Oxford University Press, 1987; Hufton O. What is Women's History...? // Gardiner T. What is History Today? N.Y., 1988; Kerber L.K. Separate Spheres, Female Worlds, Woman's Place: The Rhetoric of Women's History // Journal of American History. June 1988. Vol.75. №1; Norton M.B. (Ed.) Major Problems of of American Women's History. Documents and Essays. Lexington, Massachusetts, Toronto: D.C. Heath & Compaby, 1989; Bock G. Women's History and Gender History: Aspects of an International Debate // Gender and History. Vol.1. №1. Spring 1989; Scott J. Women's History // Burke P. (Ed.) New Perspectives on Historical Writing, 1992; Kerber L.K., A. Kessler-Harris, and K.Sklar (Eds.) U.S. History as Women's History: New Feminist Essays. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995.

Женщины в Европе от доисторических времен до настоящего времени»¹⁹, а также пятитомное исследование — «История женщин на Западе», осуществленное под руководством патриарха французской социальной истории Жоржа Дюби и лидера феминистского направления во французской историографии Мишель Перро²⁰. В настоящее время ведется работа по подготовке русского издания этого фундаментального труда.

Активно развиваясь, «история женщин» включила в сферу своих интересов почти все вопросы, имеющие отношение к их жизни в разные эпохи, и дала импульс к созданию нового направления в историографии — «гендерной истории». В этом ее неоценимое значение. Но обнаружилась и методологическая слабость нового направления. Она состояла в том, что «история женщин» не была интегрирована во всеобщую историю и была обречена в лучшем случае на параллельное с ней существование. В похожем методологическом тупике оказались и другие «периферийные» исследовательские области, например, *men's studies* («исследования мужчин») и *gay/lesbian studies* («гей/лесбийские исследования»). Политическая и культурная периферийность целых групп населения и доминантное положение других было продемонстрировано с помощью научного инструментария. Но каковы механизмы вытеснения одних и выдвижения в привилегированное положение других? Помочь ответить на эти вопросы уже не могла марксова *теория классов и классовой стратификации*, объяснявшая разделение общества в связи с отношением индивида к собственности. Ее было явно недостаточно. Преодоление тупика оказалось возможным на пути теоретического осмысления *гендера* с помощью целого ряда модернистских социологических теорий *социального конструирования*. Благодаря им концептуализация понятия *гендера* превратит его в важнейшую категорию научного анализа в политических, социальных и гуманитарных науках.

Гендер как категория научного исследования

Начиная с 1980-х гг. гендер становится одной из центральных категорий изучения в социальных и гуманитарных науках. Он стал использоваться для проведения т.н. горизонтальной социо-половой стратификации общества в отличие от вертикальной — классовой, сословной и подобных им. Несмотря на широкое использование, эта категория и сегодня остается весьма дискуссионной. Само понятие гендера оформилось терминологически в процессе развития теории феминизма, женских, а затем и собственно гендерных исследований. Соответственно, категория гендера остается развивающейся и проблемной²¹.

При всей множественности и дискуссионности описаний и определений гендера смысл заключается прежде всего в идее его социального конструирования. В ее основе лежит ряд социологических теорий: теория *структурного функционализма* Т.Парсонса, теория *социализации* Т.Парсонса и Р.Бейлса, теория П.Бергера и Т.Лукмана и их социально-конструктивистский подход²², этнометодология Г.Гарфинкеля²³ и

¹⁹ Anderson B.S., Zinsser J.P. A History of Their Own. Women in Europe from Prehistory to the Present. New York, 1988.

²⁰ Histoire des Femmes en Occident. Sous la Direction de G.Duby et M.Perrot. V. I-VI. Paris, 1985—1991.

²¹ См. о гендере подробнее: Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ – СПб.: Алетейя, 2001; Шакирова С. Толкования гендера // Шакирова С., Сеитова М. (ред.) Пол женщины. Сборник статей по гендерным исследованиям, Алматы, 2000. Чикалова И.Р., Янчук Е.И. Гендер // *Всемирная энциклопедия: Философия. XX век* / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002; Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А.Денисовой. М.: Информация — XXI век, 2002; Блохина Н.А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления // *Общество и гендер. Материалы Летней школы в Рязани*. Рязань, 2003 и др.

²² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. М., 1995.

драматургический интеракционизм И.Гофмана²⁴. С целью выяснения, как создается, конструируется и контролируется гендер в рамках социального порядка, исследователи различают три основных понятия: *биологический пол (sex)*, *приписывание пола* (категоризация по полу) и *гендер*. Гендер «определяется как работа общества по приписыванию пола, которая производит и воспроизводит отношения неравенства и дискриминации. “Женщины” (и “мужчины”) более не рассматриваются как недифференцированные категории, напротив, категория различия становится основной в определении *мужественности* и *женственности*. Различия задаются также через контексты возраста, расы и сексуальной ориентации»²⁵. Понимание гендера в рамках теории социального конструктивизма может выглядеть следующим образом: «Гендер — это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка»²⁶.

Новая дисциплина — гендерные исследования и гендерная история

Дальнейшая концептуализация и проблематизация категории гендера в 1990-е гг. привела к возникновению новой субдисциплины — *гендерных исследований*. Получив толчок для своего развития прежде всего от *женских исследований*, они переместили акцент с изучения неравноправного специфического положения женщины, обсуждения и осуждения патриархата на исследование более широкого социального контекста, анализ *гендерной системы*. В 1990-е гг. *гендерные исследования* выступают в качестве междисциплинарной исследовательской субдисциплины, став новейшим концептуальным проектом постфеминизма, в рамках которого реализуются новые возможности гендерного подхода для анализа не только депривации женщин со стороны мужчин, но шире — властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в общественной и частной сферах. В этом свете изучение неравноправного положения женщин предстает только в качестве частного случая функционирования гендерной системы в целом. На этом этапе в их развитии усиливается теоретическая роль ранее периферийных, теперь вышедших из невидимости областей — «исследований мужчин», «гей/лесбийских исследований», «квир исследований». Под их влиянием произошло перенесение акцента с исследования положения женщин на механизмы функционирования властного дискурса как такового. С этого момента начинаются собственно *гендерные исследования*, включившие в сферу своего исследовательского интереса также проблемы социального конструирования *маскулинности*, *феминности* и *сексуальности*, а сама категория гендера получила статус, равнозначный по значимости давно утвердившимся на исследовательском научном поле категориям «класс» и «этнос». Таким образом, можно предложить следующее определение новой области:

Гендерные исследования — междисциплинарная исследовательская область, в рамках которой реализуются возможности, связанные с использованием гендерного подхода для анализа властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в рамках политических, экономических, правовых, гражданских институтов, внутри социальных групп, на межгрупповом и межличностном уровне.

²³ Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967.

²⁴ Goffman E. “Frame Analysis of Gender” и Goffman E. “Gender Display” // Lemert C. and A. Branaham, eds., *Goffman Reader*. Oxford: Blackwell, 1997.

²⁵ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // *Социс*, 2000, №11. С.19.

²⁶ Цит. по: Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория. С.161.

Что касается исторических исследований, то в них тоже появилась возможность использования гендерного подхода благодаря состоявшейся концептуализации понятия и развития теории гендера. Основные теоретико-методологические положения гендерной истории впервые сформулировала американский историк Джоан Скотт в докладе «Гендер: полезная категория исторического анализа», озвученном на пленарном заседании ежегодной конференции *Американской ассоциации историков* в декабре 1985 г. и через год опубликованном в виде статьи в *American Historical Review*²⁷. Траектория современного исторического знания, в ее трактовке, развивается от истории как бы бесполой, по форме всеобщей, но, по существу, игнорирующей женщин к ее зеркальному отражению — однополый «монологической» «женской истории» и далее — к «диалогической» истории *гендерных отношений*, а еще точнее, к обновленной и обогащенной социальной истории, расширившей понимание социального (и соответственно свое предметное поле) и включившей в него все сферы социальных отношений как в общественной, так и в частной жизни²⁸. Таким образом в гендерной истории *центральным предметом исследований выступает уже не столько «история женщин», сколько история властных взаимозависимостей, взаимосвязей и иерархий между мужчинами и женщинами, мужчинами и мужчинами, женщинами и женщинами разных социально-классовых слоев с учетом сексуального статуса, расовой/этнической принадлежности и возраста, т.е. — «диалогическая» история социальных отношений.*

Наиболее полный теоретико-методологический анализ развития на Западе и в России женской и гендерной истории и особенно после встречи последней с постструктурализмом в русскоязычной историографии представлен работами ведущих российских специалистов Н.Л. Пушкаревой²⁹ и Л.П. Репиной³⁰. Усиление в последние годы научного интереса к проведению исследований, в которых центральными категориями выступали не только класс и раса/этнос, но и категория гендера, говоря словами Дж. Скотт, показало «приверженность ученых истории, которая включает сведения об угнетенных, анализ значения и природы их угнетения, и ... научное понимание того, что неравенства власти распространяются, по крайней мере, в трех направлениях»³¹. Рост соответствующих публикаций специалистов разных областей на постсоветском пространстве свидетельствует о том, что среди исследователей растет число тех, кто чаще сознательно, а иногда интуитивно, разделит эту точку зрения.

²⁷ Scott J. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // Scott J. Gender and the Politics of History. New York: Columbia University Press, 1988. Перевод статьи на русском языке опубликован в журнале *Гендерные исследования* (2000, № 5) и *Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия* / Под ред. С. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.

²⁸ Репина Л.П. *Гендерная история: проблемы и методы исследования* // Новая и Новейшая история. 1997. №6.

²⁹ См.: Пушкарева Н.Л. Как женщин сделали видимыми // *Женщины в истории: возможность быть увиденными*. Выпуск 1 / Под ред. И.Р. Чикаловой. Мн.: БГПУ, 2001; Пушкарева Н.Л. *История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории* // *Социальная история. Ежегодник*, 1997. М.: РОССПЭН, 1998; Пушкарева Н.Л. Зачем он нужен, этот "гендер"? (новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа прошлого) // *Социальная история. Ежегодник*, 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999; Пушкарева Н.Л. *Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук* // *Женщина. Гендер. Культура*. М., 1999; Пушкарева Н.Л. *Между "тюрьмой" и "хаосом". Феминистская эпистемология, постмодернизм и историческое знание* // Шорэ Э., Хайдер К. (отв. ред.) *Пол. Гендер. Культура*. Вып. 2. М., 2000; Пушкарева Н.Л. *Гендерная проблематика в исторических науках* // *Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие* / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.

³⁰ См.: Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 1998; Репина Л.П. *Гендерная история: проблемы и методы исследования* // Новая и Новейшая история. 1997. № 6; Репина Л.П. *Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть I* // *Социальная история. Ежегодник*, 1997. М., 1998; Репина Л.П. *Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть II* // *Социальная история. Ежегодник*, 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999; Репина Л.П. *Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки*. Хрестоматия. М., 2002.

³¹ Скотт Дж. *Гендер: полезная категория исторического анализа* // *Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия*. С.407.

ФЕМИНИЗМ³² И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ: ГЕНЕАЛОГИИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Представители нашего поколения обычно, а иногда и гневно, вопрошают: чья история? чья наука? чьим интересам служат те иные идеи или истории? Брошен вызов всем претензиям на универсальность, выраженным в таких фразах, как “люди (“men”) — это...”, “естественно, наука утверждает...” и “как все мы знаем...”.

Joyce A., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth About History. New York, London: W.W. Norton and Company. 1999.

Мы дестабилизируем основы «мужчины», если продолжим свои разрушительные поиски определения себя как женщин. Процесс, который дает нам правдивое понимание Женщины, бесконечен.

Cornell D. What Is Ethical Feminism? // Feminist Contentions: A Philosophical Exchange. Ed. Nicholson L. New York, London: Routledge. 1995.

«Язык» и «гендер» как социальные феномены и как понятия, казалось бы взятые из разных уровней анализа, все же имеют радикально общую черту, которая делает их аналитиков союзниками: они настолько встроены в социальную жизнь и человеческое мышление/восприятие, что не замечаются. Они как бы «природно» присущи человеку (именно этим пользуются противники построенных на их осмыслении теорий) и тем самым не осознаются.

Сближает их и время начала научного осмысления. Следует отметить, что историки в бывшем Советском Союзе приходили (я использую именно такую временную форму, поскольку этот процесс еще далеко не завершен) к представлению о языковом характере мышления, и соответственно, культуры, истории, гендерных взаимодействий путем, отличающимся от того, которым шел Запад. Теоретическое осмысление и обоснование «лингвистического поворота» не предшествовало практике, а напротив, двигалось за реалиями жизни в арьергарде. И если в западной историографии идеи изучения дискурсивных практик как сферы культурного производства породили такие обширные направления исторических исследований, как новая культурная история, история повседневности, устная история (а также гендерная история, которая имеет мощную установку на примат языка, символики, повседневности — что вполне закономерно, поскольку женщин в истории можно «услышать» именно в этих сферах), то к нам поначалу пришла практическая сторона, и сами эти исследования породили интерес и попытки осмысления (за исключением того направления, которое взяли последователи Тартусской школы и Ю.Лотмана, получившей мировое признание концепции М.Бахтина — правда, преимущественно в литературоведении).

Осмысление языковой природы считалось в советской традиции прерогативой языкознания, в лучшем случае литературоведения или философии, но никак не истории или социальных наук. И это, позволим себе такую оговорку, не случайно, поскольку признание примата языка ведет к признанию сконструированности исторических произведений по тем же принципам, что и литературные (и близости истории к литературе). Соответственно, говорить о ведущей роли истории, историческом прогрессе и т.п. в условиях господства теоретического наследия марксизма-ленинизма тогда становилось проблематичным. Именно поэтому, в отличие от довольно быстрого освоения постсоветской историографией наработок школы «Анналов», новой культурной истории, гендерной истории, устной истории, только к концу 1990-х гг. начинается волна «разоблачений» исторического исследования как творчества, а истории как литературы.

И именно с этим моментом в теоретической мысли связано проявление конфликта в до сих пор «мирно» взаимодействующих постструктуралистской и гендерной теориях. Американская исследовательница Джейн Флэкс однажды написала: «как феминистка и женщина, я сталкиваюсь с всеобщим присутствием и центральным положением гендера, непосредственным опытом переживания структур его доминирования и подчинения. Как философ, получивший образование в посткантовскую эпистемологическую эру, я признаю, что вопросы познания и его границ неизбежны. Постмодернизм создает самые радикальные и беспокоящие разрушения на этой эпистемологической территории... Как политолог, я не могу игнорировать проблемы власти и правосудия. Каждая из теорий постмодернизма вносит важный вклад в переосмысление традиционных ценностей»³³.

³² Данная статья умышленно оставляет за рамками своего формата постмодернистский феминизм, или постфеминизм (Ю.Кристева, Э.Сиксу, Л.Иригарэ и др.), представляющий особое исследовательское поле и требующий специального анализа.

³³ Flax J. Rethinking Fragments: Psychoanalysis, Feminism, and Postmodernism in the Contemporary West. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1990. P.4

«Не добирая» такого количества идентификаций, я все же поддаюсь соблазну отождествить свою позицию с позицией Дж.Флэкс, с одной лишь оговоркой: полифоническая благодать сосуществования гендерной теории и постструктурализма заканчивается там, где начинается вопрос о знании — этот вопрос, поставленный в радикальной манере, обнажает основное противоречие самого постструктурализма. Проблемы познания и крайнего релятивизма в этом вопросе становятся неприемлемыми для любого течения, претендующего на создание полноценной теории, в том числе и гендерной теории.

Между тем, вне осмысления языкового характера мышления, деконструкции механики формирования языковых форм, осознания дискурсивности культурного пространства, наличия фигур-троп и в обыденной речи, и в исследовательском труде, — опыт новой культурной истории, как и других «новых» направлений в современной историографии, представляется в урезанном виде. Понятно, что социальные науки, в том числе история, и особенно гендерная, не могут оставаться выключенными из общего культурного дискурса постмодерна, знаковым элементом которого является внимание к языку.

В свое время я была поражена фактом мифологизации собственных представлений на примере, приведшемся в замечательном междисциплинарном исследовании российского лингвиста И.Сандомирской «Книга о Родине». Пример из ее личного опыта иллюстрирует стереотипы, скрывающиеся в каждом из нас. «Когда в школе мы изучали “Горе от ума”, учитель спросил класс, как мы понимаем крылатое выражение “И дым отечества нам сладок и приятен”. Восьмиклассники середины 70-х, пионеры и комсомольцы, воспитанные на советских фильмах, книгах и песнях о войне, мы дали интерпретацию следующего рода: если на наше Отечество нападут враги и сожгут его дотла, то даже и в таком “ущербном” виде оно будет дорого сердцу патриота. По-видимому, повод для такой интерпретации возник в связи с присутствием в афоризме смысла пожара, огня, горения, которые мы немедленно интерпретировали в духе современных нам фильмов о войне, в стилистической тональности известной стихотворной строчки “Враги сожгли родную хату”. Полное несоответствие стилистики нашей интерпретации значению атрибутов “сладок” и “приятен” мы проигнорировали, проявив не только филологическую невинность, но и языковую глухоту. Примат заготовленной и уже прочно сидевшей в нашем сознании конструкции оказался абсолютным»³⁴.

На самом деле, через целую цепочку заимствований и цитат (Грибоедов-Державин-Овидий-Гомер) мы выходим на образ о «дыме отечества — дыме родного очага, который сдувает с кровли ветер, и передает этот образ настроение воина, который собирается в поход и заранее грустит по родному дому, предпочитая богатой военной добыче один только запах родного жилища»³⁵.

Исследование подобных искажений, цитат и заимствований, переданных в устной традиции или историографически, становится сегодня важной сферой культурной археологии языка, а осмысление их в терминах гендерной истории — неотъемлемой частью современной историографии.

Но даже здесь исследователи осознают «объективное» препятствие к «объективному» исследованию — устройство памяти как таковое, причем памяти не только исследуемого носителя культуры, но и самого исследователя. Как пишет И.Сандомирская, «мы видим прошедшие эпохи через призмы стереотипов и знаний, внушенных нам собственным воспитанием и образованием, в преломлении картины мира культурного и социального круга, к которому мы принадлежим, сквозь топографическую сетку “само собой разумеющегося” на когнитивной карте локального знания сегодняшнего дня. При таких обстоятельствах изучение культуры ушедшей эпохи неизбежно сводится к переводу ее понятий на свойственную исследователю культурную идиому. Внутреннее видение (или внутренний редактор?) схватывает при чтении старых документов то, что узнаваемо, то, что соответствует актуальному опыту читающего»³⁶.

В плену собственного языкового подсознания (или в «сладком» плену своего неведения — трактовка может варьироваться) и самой природы мышления, мы не замечаем их особенностей или закономерностей, они есть с нами, и мы не ощущаем их присутствия. А когда ощущаем, то в поисках первоначального смысла вновь упираемся в его последующие искажения. И искажения даже более тонкие, чем может показаться на первый взгляд, поскольку идеологические конструкции, в том числе историографические категории, как признает Сандомирская, часто не имеют автора и опираются на *ощущение* традиции, а не на традицию как таковую. «Подобно народному творчеству, культурное конструирование не имеет категории авторства. Удачная конструкция создает по себе ощущение цитатности, даже если история ее изобретения еще свежа. Такое “цитатное” переживание события, такая заведомая фразеологичность любого имени создает чувство соприсутствия Большинства (“здорового смысла”) или чувство соприсутствия Времени (“исторической традиции”). Это значимости, которые создаются исключительно припоминаящим (напоминающим) действием языковой фразеологии. Однако, именно на неточных цитатах, которые современники вчитывают в собственную культурную историю, и покоятся традиции “воображаемых сообществ”»³⁷.

Парадоксальна с точки зрения возможностей познания и ситуация с осознанием природы языка, речи как таковых. Язык является настолько глубоко погруженной структурой, что человек не может вернуться в непосредственность до-языкового бытия, пока к нему применимо название «человек». И в то же время

³⁴ Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 50. Wien. 2001. С.155

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С.156.

³⁷ Там же. С.155.

именно ситуация наличия языка (внутренней речи у Л.Вygотского, тормозной доминанты у Б.Поршнева, символической системы, рождающей разрывы и запаздывания у Ю.Лотмана) ставит нашу позицию в мире как фундаментально опосредствованную, а следовательно проблематичную «с самого начала». Так, М.Аркадьев, рассуждая о постоянном присутствии в человеке языковой, символической, знаковой «пленки», приводит данные психофизиологических экспериментов, из которых следует, что реакции человека на многие важные внешние раздражители замедлены по сравнению с аналогичными реакциями животного примерно на 1 сек. И возможно, что причиной этой задержки является именно скрытая речевая деятельность. «Язык как бы вынуждает нас останавливаться и осуществлять свой выбор там, где «раньше» это без запинок делал «инстинкт». «Непосредственная» же, т.е. доязыковая позиция остается как бы «позади», «за спиной» человека, хотя и сопричастна в нем как уровень его «животной» телесности»³⁸.

Эта «языковая пленка» неустранима. Именно она вносит специфический разрыв в отношении Мир/Человек, и она же, в конечном счете, дает средство для осознания и описания этого разрыва. Более того, само указанное отношение структурно определимо только через наличие этой языковой пленки и этого разрыва... Чаще всего мы просто не в состоянии замечать эту ситуацию, поскольку бессознательно отождествляем эту «языковую пленку» с миром.

Принимая еще сосюрровский тезис о том, что «границы моего мира — суть границы моего языка», мы приходим к осознанию, что сам язык обуславливает и типы, и образ мышления, и особенности культуры той или иной эпохи. Эта идея приобрела фундаментальный смысл и, развитая в современном деконструктивизме, литературоведении и других культурных проявлениях второй половины XX века, во многом определяет и состояние, и дискуссии в теории и практике гендерных исследований.

Мы умышленно оставляем за рамками своих рассуждений о «лингвистическом повороте» такие огромные домены, как общая лингвистика и ее, условно говоря, «прикладные» направления — психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, а также необъятные поля логической семантики, модальной логики, теории речевых актов (от Л.Вygотского и Ж.Пиже до К.Льюиса, Д.Остина и У.Куайна) и т.д. В данном случае нас интересует, главным образом, сама идея о языковом характере мышления и вытекающие из нее онтологические и гносеологические последствия.

Каковы же основные составляющие лингвистического поворота в теоретическом плане, если исходить из его мотива о языковом характере мышления и переноса подходов и методов литературной критики на все гуманитарное знание?

Мир воспринимается человеком посредством языка и осмысливается через язык. Это специфически человеческое восприятие конституирует воспринимаемый человеком мир как текст, наполненный семиотическими связями. Следует констатировать две главные позиции по поводу возможностей познания этой конструкции: познание невозможно вообще, исходя из языкового характера самого этого познания / познание возможно в той мере, в какой мы отдаем себе отчет о языковом характере любого знания (поскольку мир — семиотическое образование, то оно может быть расшифровано).

Следуя тезису классического структурализма, все элементы текста (а мы повторяем, что под «текстом» в традициях «лингвистического поворота» понимается культура в целом) взаимосвязаны, и связь эта носит трансуровневый характер. Исходя из тезиса классического постструктурализма, эта связь проявляет себя в виде повторяющихся единиц разных уровней (мотивов).

Согласно классическому психоанализу и постфрейдовской аналитической психологии, оказавшихся на перекрестии огня в баталиях лингвистического поворота, «в тексте нет ничего случайного — самые свободные ассоциации являются самыми надежными, и за каждым поверхностным и единичным проявлением текста лежат глубинные и универсальные проявления, носящие мифологический характер»³⁹. Каждый элемент текста имеет прямые (деннотативные) и косвенные (коннотативные) значения, которые определяются контекстом самого текста и его соотношения с миром. Эти соотношения носят диалогический характер (в терминологии М.Бахтина) или характер полилога (Ю.Кристева), складывающиеся между автором, читателем и исследователем (в непосредственном историографическом контексте — между источником, автором, исследователем, текстом, читателем).

Известный российский языковед и философ В.Руднев так конституировал свои взгляды, и это кажется нам показательным примером, катехизисом во времена лингвистического поворота: «текст — это системное единство (1), проявляющее себя посредством повторяющихся мотивов (2), выявляемых при помощи метода свободных ассоциаций (3), обнаруживающих скрытые глубинные мифологические значения (4), определяемые контекстом, с которым текст вступает в сложные взаимоотношения (5), носящие характер межмировых отношений между языком текста и языком реальности (7), строящихся как диалог текста с читателем и исследователем (8)»⁴⁰.

Итак, уже к 1950-м гг. постулат о тождестве языкового оформления сознания с самим сознанием завоевывает центральное место в литературоведении (позже этот процесс «захватывает» и остальные домены гуманитарного знания). Разумеется, мы не ставим здесь задачу доказать или опровергнуть эту

³⁸ Аркадьев М.А. Лингвистическая катастрофа. <http://www.glasnet.ru/~rou/library/arcac/lingv.html> или <http://www.philosophy.ru/library/misc/diskurs/arkadev.html>.

³⁹ Руднев В. Винни Пух и философия обыденного языка // Милн А. Винни Пух. Дом в Медвежьем Углу / Пер. с англ. Т.А. Михайловой и В.П. Руднева; Аналитич. ст. и коммент. В.П. Руднева. М.: Аграф, 2000. С.14.

⁴⁰ Там же. С.15.

мысль. Наша задача — проанализировать условия и основные моменты процессов, связанных в единое целое термином «лингвистический поворот» — когда слоганом теоретических построений и многочисленных практических исследований стало «Loquor, Ergo Sum» — «говорю, следовательно, существую» (хотя для сегодняшнего постструктурализма мы бы охотнее использовали «пишу, следовательно, существую», поскольку мир представляется порождением именно письменного сознания, «Гуттенберговой цивилизации», состоящий из необъятной совокупности текстов.

По известному высказыванию идейного лидера постструктурализма Ж.Деррида, «ничего не существует вне текста»⁴¹, и «любой индивид в таком случае неизбежно находится «внутри текста», т. е. в рамках определенного исторического сознания, насколько оно нам доступно в имеющихся текстах. Весь мир в конечном счете воспринимается Деррида как бесконечный, безграничный текст, как «космическая библиотека», по определению Винсента Лейча, или как «словарь» и «энциклопедия», по характеристике Умберто Эко»⁴².

Напомним ставшую уже довольно распространенной идею о том, что наше мышление цитатно, а культура — интертекстуальна. В этом отношении можно привести пример опросов на тему Родины, которые проводились среди молодежи Москвы, Петербурга и Харькова. Отвечая на вопрос о том, что означает для респондента такое, казалось бы, знакомое нам с детства слово «родина», «опрашиваемый раздражался потоками стереотипных словосочетаний из советской пропаганды, неявными цитатами из патриотической песни, приводил воспоминания детства, как две капли воды напоминающие тексты из школьных хрестоматий, увлеченно описывал личные переживания, не отличимые от эпизодов советского кино, или выражал собственные политические убеждения, как будто списанные с культурных программ политических партий. Таков дискурс о Родине: здесь поневоле все цитируют всех. Говорить о Родине легко, но чрезвычайно трудно при этом быть оригинальным»⁴³.

Идеологический концепт Родины, как и любой распространенный культурный концепт, имеет удивительную способность порождать цитаты и цитаты цитат, проявляя интертекстуальный характер культуры. В отличие от интертекстуальности в литературе, источник «цитирования» установить крайне сложно. Так, «дискурс Родины можно представить себе как бесконечное цитирование из (псевдо) источника, который, перефразируя средневековых мистиков, располагается одновременно везде и нигде»⁴⁴.

Вероятно, осознание цитатности/интертекстуальности культуры не могло прийти раньше, так же как и осознание языкового характера мышления не могло прийти (а если и приходило — то совсем в иных терминах, не будем «достраивать» взгляды Гердера или Канта до постмодернистской взаимообусловленности культура/человек/язык) философам XVIII ст. Только в условиях подвижности населения, «метизации» как выразился У.Эко, в условиях глобализации культурных штампов, роста связанности мира и скоростей передачи информации мы можем говорить о процессе признания всеобщей цитатности и интертекстуальности культуры.

Письмо/говорение, применение языка в целом уже означает использование тех или иных концепций («красный», «любовь», «справедливость», «женщина» и т.п.), которые мы принимаем в соответствии с нашими конвенциями о том, что они означают. Мой трехлетний сын, например, прожив два года во Франции, все-таки не может понять, почему французы вместо простого «Здравствуйте» говорят «Bon jour», хотя «тоже хотят поздороваться»; он просто переключается с одного языкового «регистра» на другой и не ищет соответствий.

Или возьмем пример, который приводит С.Тер-Минасова: чтобы назвать «палец» по-английски, необходимо уточнить, что имеется в виду: палец руки или ноги, и если руки, то какой палец, потому что, как известно, пальцы руки, кроме большого, у англичан называются *fingers*, большой палец — *thumb*, а пальцы ноги — *toes*. Русскому словосочетанию *десять пальцев* эквивалентно английское *eight fingers and two thumbs* [восемь пальцев и два больших пальца], а *двадцать пальцев* — это *eight fingers, two thumbs, and ten toes* [восемь пальцев, два больших пальца (на руках) и десять пальцев (на ногах)]. Форма выражения одного и того же кусочка реального мира вызовет у русского, изучающего английский язык, ощущение избыточности (зачем делить пальцы на *fingers, thumbs, toes?*), а у англичанина, изучающего русский язык, — недостаточности (три разных с точки зрения английского языкового мышления понятия объединены в одно — *палец*)⁴⁵.

Причина лингвистической безэквивалентности состоит в том, что слова всегда имеют культурные коннотации, со-значения, подразумевания, и даже и при счете на пальцах мы считаем по-разному: большинство представителей «западного мира» разгибает пальцы наружу, мы же загибаем их внутрь, закрывая ладонь, закрывая свое «Я».

Как писал Р.Барт («Миф как семиологическая система»): «В любой семиотической системе постулируется отношение между двумя элементами: означающим и означаемым». Когда мы говорим

⁴¹ Derrida J. Of Grammatology. Baltimore, 1976. P.158

⁴² Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. С.354.

⁴³ Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик, с.27.

⁴⁴ См. подробный анализ дискурса Родины: Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик.

⁴⁵ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/SLOVO, 2000. С.50.

«розы», то подразумеваем и другие коннотации, например, «любовные чувства»; в результате — возникает нечто третье, а именно «розы, отягощенные чувством», т.е. знак.

Примеров подобного рода — бесчисленное множество, и мы можем говорить о культурных различиях, отраженных в языке, или речевом сознании, создающем эти различия. Так, «мы можем сказать о людях, животных, и даже о любом предмете неживого мира: *домик, домишечка, домичек, домок, домушка; ложечка, вилочка, кастрюлька, сковородочка* и т. д. Всеми этому богатству английский язык может противопоставить только слово *little или dear little: little cat* [букв. маленькая кошка], *dear little dog* [букв. милая маленькая собака], но до высот *dear little fork/spoon/frying pan* [букв. милая маленькая вилка/ложка/сковорода] англоязычному человеку не подняться... — и не просто потому, что в английском языке нет такого количества и разнообразия уменьшительно-ласкательных суффиксов, а главным образом потому, что у них этого нет и в менталитете. А в менталитете нет, потому что нет в языке, они не приучены языком к таким «нежностям»⁴⁶.

Слово как единица языка («означающее», signifier) соотносится с неким предметом или явлением мира («означаемое», значение слова, signified). Однако не только эти предметы или явления могут быть совершенно различными в разных культурах (дом эскимоса, китайца, киргиза и англичанина — это очень разные дома). Важно, что различными будут и культурные понятия об этих предметах и явлениях, поскольку последние живут и функционируют в разных — иных — мирах и культурах. За языковой эквивалентностью лежит понятийная эквивалентность, эквивалентность культурных представлений⁴⁷. Гораздо труднее, если рассматриваемое слово является идеологической конструкцией, за которой, как в приводившемся примере с Родиной, кроются многочисленные идиоматические культурные смыслы, полузабытые цитаты, воспоминания, всевозможные клише и ассоциации.

Мишель Фуко нашел вдохновение в отрывке из сейчас уже знаменитого и клишированного рассказа Х.Л. Борхеса «Аналитический язык Джона Уилкинса», где есть такая «китайская классификация» животных, которые подразделяются на: «а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят...» и т.д.⁴⁸ Фуко констатирует: «Предел нашего мышления — то есть совершенная невозможность мыслить таким образом — вот что сразу же открывается нашему взору, восхищенному этой таксономией; вот какое экзотическое очарование иного способа мыслить предстает перед нами под покровом аполога»⁴⁹.

«Экзотическое очарование иного способа мыслить» открывается нам не только при чтении литературных сюжетов, но и в научных трудах по антропологии и этнолингвистике. Так, американский антрополог Л. Бохэннен сделала попытку пересказать шекспировского «Гамлета» жителям Западной Африки. В результате, оценки, которые они давали хрестоматийным для европейской культуры героям и событиям, сильно отличались от привычных нам. Так, «Клавдий — молодец, что женился на вдове брата, так и должен поступить хороший, культурный человек, но нужно было это сделать немедленно после смерти мужа и брата, а не ждать целый месяц. Призрак отца Гамлета вообще не уложился в сознании: если он мертв, то как он может ходить и говорить? Полоний вызвал неодобрение: зачем он мешал дочери стать любовницей сына вождя — это и честь и, главное, много дорогих подарков. Гамлет убил его совершенно правильно, в полном соответствии с охотничьей культурой туземцев: услышав шорох, крикнул «что, крыса?», а Полоний не ответил, за что и был убит. Именно так и поступает каждый охотник в африканском лесу: услышав шорох, окликает и, если нет человеческого отклика, убивает источник шороха и, следовательно, опасности»⁵⁰.

Итак, использование языка, с одной стороны, неотъемлемо от повседневной жизни, с другой — конституирует саму нашу жизнь. Такая точка зрения стала отправной для многих современных исследователей, ориентирующихся в особенности на историческую антропологию, культурную историю, гендерную историю и исследующих языковое сознание той или иной эпохи, деконструирующих дискурсивные практики, клише, культурную символику, ритуалы и т.п.

Постулируя основную составляющую лингвистического поворота в социальных науках — признание исследователями языкового характера мышления, и анализируя ее «фон» в общей картине гуманитарного знания, мы не можем оставить без внимания те ее проявления, которые в последнее время стали «огневыми точками» теоретических баталий. Баталий, где направления, бывшие довольно долгое время «союзными»⁵¹, начинают выступать как непримиримые враги.

Главным полем для критических выступлений являются построения постструктурализма, или его «литературоведческой версии» — деконструктивизма, и в целом их онтологические и гносеологические, как сказали бы во времена классической философии, последствия.

⁴⁶ Там же. С.153-154.

⁴⁷ Там же. С.53.

⁴⁸ См. Борхес Х.Л. Аналитический язык Джона Уилкинса. Оправдание вечности. Москва, 1994.

⁴⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С.28-37.

⁵⁰ См.: Bohannan L. Shakespeare in the Bush. Applying Cultural Anthropology. Ed. by A. Podolefsky / Peter Brown. Mayfield Publishing Company, 1991. Цит. по: Тер-Минасова С.Г. Указ. соч. С.23.

⁵¹ О «союзе» феминизма и постмодернизма см.: Feminism/Postmodernism. Ed. L.Nicholson. N.Y.: Routledge, 1990.

Расхожая фраза о том, что структурализм был реакцией на «плоский» позитивизм, скрывает огромный пласт собственной историографии. Действительно, изначальный пафос структурализма был направлен на «модернизацию» гуманитарных наук с учетом опыта позитивистских попыток их перестройки, «подтягивания» под уровень естественных наук. Возникший на заре XX в., структурализм в самом общем смысле определяется как направление во многих сферах гуманитарного знания, ставящее в качестве основной задачи исследование структуры объектов. Однако подспудно идеология структурализма (как позднее и постструктурализма) кроется в лингвистическом детерминизме: язык сам по себе становится объяснительным принципом.

Генеалогия структурализма восходит к Ф. де Соссюру (в частности его «Курс общей лингвистики», 1915) — первому, кто определил предмет лингвистики (язык), его закономерности и создал исследовательскую методикку. Выделив особенности «языка» (социального феномена) и «речи» (индивидуального), Соссюр тем самым конституировал основное: «речь», в отличие от «языка», принадлежит говорящему и является актом его воли и разума. «Сама по себе мысль — словно бесформенное облако, ее форма не является внутренне детерминированной. Не существует идей, предопределенных заранее, как нет ничего отчетливо-ясного до языковой структуры»⁵². Таким образом, язык структурирует мир; весь известный мир обусловлен используемым языком. Знак (слово) объединяет означающее, акустическую целостность, и означаемое, «концепцию». Эти «два элемента, составляющие лингвистический знак, являются психологическими и связаны в мозгу по ассоциации»⁵³.

Лингвистические идеи Соссюра были восприняты многими его современниками (так называемые русские формалисты, представители Пражского кружка — Н.Трубецкой, Р.Якобсон, В.Пропп, Ц.Тодоров, Л.Ельмслев и др.), хотя привычно выделяется новаторская роль Кл.Леви-Стросса, «отца французского структурализма», который применил методы языкознания в практике антропологических исследований («Элементарные структуры родства», 1949; «Печальные тропики», 1955; «Первобытное мышление», 1962). Следующим решающим шагом распространения структурализма среди гуманитарных дисциплин стало применение Леви-Строссом исследовательской тактики лингвистики к неязыковому материалу («Элементарные структуры родства», 1949) и в целом его идеи об отождествлении строения языка и культуры, и соответственно, принципов их исследования.

Подобная установка, констатирует российский автор Г.К. Косиков, «открывала путь для переноса лингвистических, а затем и структурно-семиотических методов в любые гуманитарные науки в той мере, в какой они получали возможность выделять в своем материале «язык» и «речь», «диахронию» и «синхронию», «варианты» и «инварианты» и т.п. ... Унификация гуманитарных наук под знаком лингвистики — такова была методологическая установка структурализма»⁵⁴.

Интересное наблюдение по этому поводу мы находим у американского исследователя А.Бермана: «Возможно, что подход Леви-Стросса к мифу сродни подходу медицинских учебников к болезни, для которой они указывают симптомы, причины и прогнозы безо всякого внимания к личности носителя этой болезни (хотя не существует болезни отдельно от ее носителя)»⁵⁵.

Работы К.Леви-Стросса, А.-Ж. Греймаса, Р.Барта (в особенности бартовские «Мифологии», 1957; «Система моды», 1967) и др. послужили мощным толчком к выработке идеологии «знака» в культуре и созданию семиологии, основанной на научном эмпиризме — традиции, идущей еще от таких представителей английской философии, как Гоббс, Локк, Беркли, Юм. Главным орудием структурализма в борьбе за «научность» гуманитарного знания была разработка и применение понятия «структура», ее основных особенностей (целостность, саморегулируемость, изменчивость), а в связи с этим — решение проблемы субъект/объект, выработка понятия «структурного объяснения» (в противовес генетическому или причинно-следственному объяснению).

Появление и распространение постструктурализма было во многом парадоксальным, поскольку как раз тогда, когда структурализм начал свое «победное шествие» по мировым научным центрам и превратился в своеобразную моду, внутри него уже наметился радикальный сдвиг, изменивший и перечеркнувший то, за что он ратовал. А.Берман, например, считает, что, когда структурализм и позже постструктурализм пришли в Америку, они были приняты атмосферой, где американские литературные критики пытались сохранить самое понятие «я», которое вообще-то французские мыслители как раз и разрушали. *«Хотя французская теория была воспринята — благодаря своей подразумеваемой научной базе, политической легитимности и, что особенно важно, возвышению, даже возвеличиванию, статуса языка — теория в Америке, с точки зрения “Я”, научности и эмпирицизма на самом деле двигалась в направлении, противоположном европейскому»*⁵⁶.

⁵² Saussure F. Course in General Linguistics. London: Duckworth, 1983. P.110.

⁵³ Ibid. P.66.

⁵⁴ Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., Прогресс, 2000. С.3.

⁵⁵ Berman A. From the New Criticism to Deconstruction: The Reception of Structuralism and Post-Structuralism. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1988. P.131.

⁵⁶ Berman A. From the New Criticism to Deconstruction: The Reception of Structuralism and Post-Structuralism. P.4.

Цитата выделена мною умышленно — ведь по поводу проникновения постструктурализма в советскую (и постсоветскую) гуманитарную мысль напрашиваются те же параллели. Действительно ли это наблюдение Бермана у нас? (В принципе, это утверждение спорно и для Америки, ведь уже целое поколение гуманитариев не мыслит себя вне произведений П.де Мана, Ф.Джеймсона, Х.Блума, Дж.Х.Миллера и др. Поэтому говорить, что американская историография из-за ее изначального эмпиризма не восприняла идеи «новой критики», деконструктивизма и вообще постструктурализма, было бы неверным. Восприняла, и довольно быстро.

Что же о «постсоветском» варианте распространения, то тут приходится помнить о фундаменте, заложенном еще русскими «формалистами», Пражской школой (лингвистический структурализм Н.С.Трубецкого и Р.О.Якобсона, философия диалогизма М.Бахтина), Тартусской школой и Ю.Лотманом — которые, в свою очередь, оказывали заметное влияние на французских постструктуралистов. Постструктуралистские «веяния» довольно быстро распространились среди российских литературных критиков и лингвистов, реже — историков. Как будут складываться «взаимоотношения» постструктурализма и белорусских исследователей, покажет время, но уже сейчас мы можем констатировать растущий интерес и «модную» эйфорию, а также смешение идей, периодов и жанров: к нам приходят постструктуралисты структуралистского разлива, и классики структурализма зачастую получают ярлык «постмодернистов»... Понятно, что такая ситуация, связанная с «модностью» данного течения, постепенно нормализуется. Только приобретет ли постструктурализм «нормативный» характер, зависит от его ответов на «вызовы» сегодняшнего дня.

И в этой связи, следует отметить главную особенность постструктуралистского превращения: «переход к постструктурализму отмечен движением от лингвистической к литературной модели⁵⁷» (курсив О.Ш.). Эта трансформация происходит тогда, когда «акценты в исследованиях переносятся со “знака” на “текст”, с “языка” на “дискурс”⁵⁸. И если, согласно Ж.Деррида, «речь» суммируется как «письмо», то ее восприятие является «чтением» (интерпретацией), а не «слушанием».

И не только литературная критика, но все формы дискурса начинают рассматриваться как текстуральные, как литературные, как то, что может быть проанализировано в терминах «риторики». Литературная критика становится моделью для аналитических работ во всех областях гуманитарного знания.

В период своего «структуралистского осмысления» язык рассматривался как целостность структуры фонетических различий, система понятий, каждое из которых имеет соответствия в объективной реальности. При этом хотя идеи о неререферентности языка появились уже в среде структуралистов, кардинальный пересмотр проблемы эмпирического соответствия стал актуальным только с приходом постструктурализма.

А.Берман показывает, как постепенно выстраивалась идеология постструктурализма, и прежде всего, вокруг признания, что четкая связь между «означающим» (“signifier”) и «означаемым» (“signified”) в теории Соссюра является ее же теоретической слабостью. “Означаемое”, которое соответствовало локковской «идее», могло быть всегда редуцировано в нерепрезентационной теории языка до бесконечности дополнительных означаемых... Эта связь была разорвана Ж.Лаком (Ecrits, 1966), а затем М.Фуко (The Order of Things, 1966). В работах Ж.Деррида (особенно Of Grammatology, 1967; Writing and Difference, 1967; Margins of Philosophy, 1972) «означаемое» исчезло окончательно⁵⁹.

Конечно, рассуждая о теоретическом багаже постструктурализма, необходимо сделать существенную оговорку о том, что сами понятия «теория», «концепция» довольно сложно применять к такому размытому течению, каковым он является. И это вполне согласовывается с постструктуралистской позицией недоверия к метатеории вообще. Как пишет российский критик И.Ильин, «скорее можно говорить о комплексе представлений, поскольку постструктуралисты отличаются крайним теоретическим нигилизмом и отрицают саму возможность какой-либо общей теории»⁶⁰.

И даже принимая эту оговорку, следует отметить внимание, с которым постструктуралисты «читают» М.Хайдеггера, создателя и одного из главных проводников концептуального принципа «поэтического мышления» начала и первой половины XX в. Влияние Хайдеггера чувствуется и в работах корифея литературного постструктурализма — деконструктивизма — Ж.Деррида, и в работах многих других постмодернистов, воплощающих так называемую «постмодернистскую чувствительность», которая ориентирована на осознание литературного мышления. Ведь если исходить из постструктуралистской посылки (особенно представителей Йельской школы, отличающихся в этом плане большим философским релятивизмом и скептицизмом), что человеческому мышлению вообще присущи метафоричность и риторичность, и его природа по сути художественна, и само мышление в принципе художественно, — тогда открывается постструктуралистская онтологизация «текста», «повествования», «нарратива» — традиция,

⁵⁷ Ibid. P.175.

⁵⁸ Ibid. P.176.

⁵⁹ Ibid. P.4.

⁶⁰ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1999. С.6.

восходящая к Хайдеггеру и его представлению о герменевтичности самого Бытия, вскрывающей смысл слова «Бытие».

Французский постструктурализм, с самого начала направивший свое внимание на критику структуры, на ее «децентрацию», на анализ неструктурируемого, на перенос исследовательских акцентов с репрессивного «центра» на «границы», ставивший акцент на всем иррациональном, на неприятии целостности и пристрастии ко всему случайному, фрагментарному и нестабильному, очень четко совпал (или, лучше сказать, взаимодействовал) с общим интеллектуальным настроением против буржуазной «структуры» общества, бунтарским духом студенческого движения и идеологической атмосфере Франции второй половины 1960-х гг. Не случайным было и его развитие среди левых интеллектуалов (группы «Тель Кель», «Шанж»), и быстрое распространение среди гуманитариев, поднявших его как знамя противодействия заскорузлости системы, эпатажа буржуазного (а именно: картезианского) мировосприятия, развенчания буржуазных (а именно: структуралистских и позитивистских) стереотипов мышления.

Наш упрощенный, даже «наивный» вопрос к постструктурализму по основным пунктам философской теории («Я», «познание», «свобода», «истина»), обнажает основной конфликт «философский рационализм vs. структурализм и постструктурализм». По этому поводу Г.К.Косиков пишет: «В рамках “декартовско-кантовской” онто-гносеологической модели мироустройство понимается как рационально самоупорядоченная и внутренне осмысленная целокупность, управляемая универсальными закономерностями, а человеческая субъективная организация, со своей стороны, непосредственно выводится из этой объективной организации бытия. Отсюда следует, что — в силу онтологической причастности человека к мирозданию — человеческое мышление и предстоящая ему реальность обладают одинаковой природой, а именно: составляя сущность мира, разум составляет и сущность человека, вследствие чего мировая целокупность полностью доступна рациональному постижению (принцип тождества бытия и мышления: “порядок идей” соответствует “порядку вещей”), что и гарантирует привилегированное положение человека в мире... Само сознание отождествляется с разумом и с познавательной способностью человека (человек приравнивается к своему разуму), ... как носитель сверхиндивидуального рационального сознания — как “трансцендентальный субъект”, чей разум оказывается источником беспредпосылочного, универсального и абсолютно достоверного знания о мире». При этом «философский рационализм утверждает, что на уровне сознания нет ничего такого, что не попадало бы в сферу самосознания и не получало бы там адекватного отражения, что сознание, следовательно, в точности таково, каким оно само себя представляет (по формуле “я = я”).⁶¹»

Глобальные противоречия в этих установках (что заметили еще такие мыслители, как Ницше и Шопенгауэр) вылились в кризис классической философии. В результате возникли «антропологические учения, положившие в основу следующие тезисы: 1) разум не составляет сущность мира; поэтому 2) мир не тождествен познающему сознанию; 3) само сознание не равно разуму и не может быть к нему сведено (большая часть душевной жизни совершается за его пределами, помимо него и ему неподконтрольно); 4) сознание не является ни первичной, ни беспредпосылочной точкой отсчета в человеке, но, напротив, представляет собой сложную функцию дорефлексивных и иррефлексивных процессов»⁶².

Подобные идеи многие авторы видят как продолжение теоретического наследия эмпиризма (*esse est percipi*, Беркли), представленного английскими философами Гоббсом, Локком, Беркли, Юмом. А.Берман говорит, что для английских эмпиристов человеческое мышление не являлось целостностью, которая могла посредством своих рациональных операций постичь истину, предопределенную ей самой природой — напротив, мышление имело возможность выработки методологии, основанной на определяемых психологических механизмах, а содержание знания определялось “опытом”⁶³.

При этом А.Берман сравнивает движение английской «субъективно-идеалистической» мысли Льюиса Гоббса, Локка к Юму с эволюцией, проделанной структуралистами: от Соссюра через Леви-Стросса к Деррида⁶⁴.

Понятная необходимость оставаться в рамках заданного формата не позволяет нам пространно излагать основные идеи, привнесенные постструктуралистами в гуманитарное знание. Остановимся лишь на некоторых из них — тех, которые представляются самыми важными с точки зрения восприятия социальными науками.

Важнейшим следствием постструктуралистской теории выступает деконструктивистская теория текстового анализа и идея деконструкции вообще⁶⁵, понимаемая как выявление внутренней

⁶¹ Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст»: стратегии современной семиотики. //Французская семиотика: от структурализму к постструктурализму. С.15.

⁶² Там же. С.16.

⁶³ Berman A. From the New Criticism to Deconstruction: The Reception of Structuralism and Post-Structuralism. P.7.

⁶⁴ Ibid. P.21-22.

⁶⁵ Термин «деконструкция» сам по себе несет множество коннотаций. Деконструкция деконструкции рознь, она варьируется в зависимости от теоретической принадлежности, и весьма заметно. Так, согласно И.П.Ильину, известный английский литературовед Э.Истхоуп выделил пять типов деконструкции: (1) деконструкция текста с целью изучения процесса его порождения; (2) фукольдианская деконструкция как процедура обнаружения интердискурсивных зависимостей дискурса; (3) «левый деконструктивизм» как

противоречивости текста, обнаружение в нем скрытых «остаточных смыслов». Одна из центральных идей постструктурализма об интертекстуальности (Ю.Кристева) преломляется, например, в историографии как представление истории в виде «бессознательного интертекста» (М.Фуко) — представление, в свою очередь, скрывающее множество коннотаций: и то, что «бытие есть язык», и то, что бытие носит бессознательный характер, поскольку «власть» есть машина подавления и продукт дискурса одновременно; здесь скрывается и лаковское «реальное — воображаемое — символическое» (как дань и противовес фрейдскому «Оно — Я — Сверх-я»); и крушение стереотипа «прозрачности» текста и наличие в каждом тексте отсылок, аллюзий, цитат и т. п. из других текстов.

Постструктуралистский акцент на изучении дискурсивных практик, дискурса как языкового сознания, распространение категории «эпистема» как проблемного поля культуры нашли широкое распространение в исследовательской практике, а представления о прерывистом характере истории и ее «**дисконтинуитетах**» (М.Фуко) составляют сегодня уже почти традиционное «онтологическое» видение истории.

Взгляды на субъектно-объектные отношения в контексте постмодернизма («смерть автора», популяризованная Р.Бартом, «речевые акты», «читатель», «эффект реальности») повлекли за собой и пересмотр всего столь значимого для гуманитариев комплекса «автор-текст-читатель». «Траектория мысли, исходящей из предположения об исчезновении автора произведения и приходящей к предположению об исчезновении самого произведения, которое вбирается всепоглощающим языком, вековечно выговариваемым тысячами уст»⁶⁶, говоря схематично, сводится к тому, что «письмо по отношению к пишущему перестает выступать как средство, становясь тем “местом, в котором происходит его мышление”, поскольку “не он мыслит на своем языке, но его язык мыслит им, мысля его вовне”»⁶⁷.

Под влиянием постструктурализма заметно изменился весь облик гуманитарного знания — не только литературоведение, но и история, и другие социальные науки несут на себе его отпечатки (достаточно сделать беглый обзор ведущих мировых исторических журналов *American Historical Review*, *Annales: Histoire, Sciences Sociales*, *Daedalus*, *English Historical Review*, *Journal of Contemporary History*, *Journal of Interdisciplinary History*, *History and Theory*, *History Today*, *Past and Present*, *Journal of Modern History*, *Historische Anthropologie*, *Quaderini Storici* и др.), «где на смену структуралистскому аскетизму пришли эlegantный гедонизм и иронический скепсис, а подчеркнутая строгость квазиматематических построений уступила место свободной импровизации и непринужденному эссеизму»⁶⁸.

И если Берман говорит в 1988 г., что в американской историографии идеи постструктурализма не прижились в их европейской форме (дескать, потому, что американской культурной атмосфере свойственен философский эмпиризм⁶⁹), то уже в 2000 г. Кейт Виндшаттл констатирует (надо отметить, с большой горечью) успех, который постструктуралистские, деконструктивистские идеи имеют в последнее десятилетие в англоязычной университетской среде⁷⁰.

Хотелось бы специально остановиться на этой книге К.Виндшаттла, поскольку она замечательна тем, что доводит до логической точки рассуждения деконструктивистов, примененные к истории. Но вот только до логической ли?

Начинается книга довольно пафосно — с того, что истории как интеллектуальной дисциплине уже более 2400 лет, и все это время «сущностью ее было то, что она пыталась рассказывать правду, описывать как можно лучше то, что происходило на самом деле»⁷¹. А вот со второй половины XX в. историки, отдавая дань моде, вдруг увлеклись идеей о том, что «мы можем видеть прошлое только через перспективу нашей собственной культуры, и, следовательно, то, что мы видим в истории — это наши собственные интересы и заботы, отраженные от нас»⁷². Таким образом, центрального звена, на котором история основывалась,

проект уничтожения категории «литература» посредством выявления дискурсивных и институциональных практик, которые ее поддерживают; (4) «американская» деконструкция в духе Поля де Мана, доказывающая, что любой текст отличается от самого себя в ходе его критического прочтения, и этот другой текст, текст уже читателя, благодаря саморефлексивной иронии приводит к той же неразрешимости; (5) дерридианская деконструкция как выявление, анализ и уничтожение традиционных бинарных оппозиций. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. С.177.

⁶⁶ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998. С.336.

⁶⁷ *Les chemins actuels de la critique*. Ed. J.Poule, Paris, 1967. P.246. Цит. по: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. С.336.

⁶⁸ Косиков Г.К. Указ. соч. С.5.

⁶⁹ При этом тот же А.Берман все-таки вынужден сделать оговорку о том, что предпосылки к распространению «импортированного» из Европы деконструктивизма были в Америке, ссылаясь на работы Н.Хомского в области лингвистики; Т.Куна в сфере создания весьма близкой постструктурализму критической теории (*The Structure of Scientific Revolutions*, 1962); критицизм Н.Фрая (*Anatomy of Criticism*, 1957). См. Berman A. *From the New Criticism to Deconstruction: The Reception of Structuralism and Post-Structuralism*. P.1.

⁷⁰ Windschuttle K. *The Killing of History: How Literary Critics and Social Theorists Are Murdering Our Past*. San Francisco: Encounter Books, 2000. P.x.

⁷¹ Ibid. С. ix.

⁷² Ibid. С. x.

констатирует Виндшаттл, больше нет: «не существует фундаментального отличия между историей и мифом».

Виндшаттл удивлен тем, что история, которая в отличие от социологии, антропологии, психологии, часто увлекавшихся новомодными теориями, всегда стояла на пьедестале непоколебимой неприкосновенности, теперь тоже подвергается изменениям. (В этом, пожалуй, он грешит против истины, поскольку история никогда не была чужда переменам, и возникновение тех же «социологии», «антропологии» обязано именно увлечению историков новыми идеями). Но в целом позиция К.Виндшаттла ясна: подходы литературной критики для такой дисциплины, как история, являются смерти подобными.

Виндшаттл делит угрозы для истории на такие виды: (1) множество литературных критиков и теоретических социологов, которые пытаются писать свои версии истории (например, «интеллектуальная история» — О.Ш.); (2) многие историки-профессионалы, принявшие аргументы деконструктивизма и создающие работы, которые можно было назвать враждебными; (3) те историки, которые частично инкорпорировали в свои работы идеи деконструктивизма (видимо, подразумеваются исследования дискурсивных практик, культурной символики и т.д. — О.Ш.), не подозревая, что принятие одного из элементов в потенциале уничтожит все, на чем зиждется история.

Таким образом К.Виндшаттл сводит все споры, разразившиеся вокруг теоретического багажа постструктурализма, к одной позиции: принципы постструктурализма чужды самой природе гуманитарного знания, и малейшая уступка ему приводит к неизбежному кризису.

К.Виндшаттл далеко не одинок в своем, мягко говоря, негативном отношении к постструктурализму и вообще к постмодерну (хотя, перефразируя Геннадия Герасимова, от постмодерна «можно отвернуться, но нельзя вернуться»). Культурная реакция на события 9 сентября породила новую волну недоверия и критики постструктуралистских объяснений (например, последние работы лаканиста Славоя Жижека или ставшее уже «притчей во языцех» перевоплощение Терри Иглтона).

В то время как распространение постмодернистских взглядов стало всеобщим, чуть ли не стихийным бедствием, если не заблуждением, когда многие отождествляют себя с постмодернизмом только потому, что имеют согласие с ним по какому-то одному или нескольким пунктам (а за этим одним пунктом, как мы пытались показать выше, в постмодернистской чувствительности стоят многочисленные и взаимосвязанные последствия), «история взаимоотношений» феминистской и постструктуралистской критики свидетельствует о многочисленных разногласиях в их «совместной жизни».

Так, феминистка, психоаналитик и постмодернист Джейн Флэкс высказывает основной упрек постмодернизму вообще и постструктурализму в частности: «проблема скорее в том, что постмодернисты репрессировывают, исключают и стирают некоторые голоса и вопросы, которые должны быть услышаны. Этот «выключенный» и репрессированный материал состоит из многих идей и социальных отношений, которые, как считают феминисты и теоретики психоанализа, являются центральными для понимания «Я», знания и власти. Следовательно, постмодернистские дискурсы должны объектом дополнений и взаимных вопросов со стороны других»⁷³.

Парадоксально, но факт: постструктурализм, создав критику западной философии знания и ратуя за «открытость» позиций, сам претендует на репрезентацию истины, создавая непреодолимые барьеры для теории и голосов «других», в числе которых оказывается и гендерная теория.

Так, Д.Флэкс обвиняет многих постмодернистов в невключении женщин в контекст исследований. Определяя Р.Рорти, М.Фуко и Ж.Деррида как центральные фигуры постмодернизма, она анализирует взгляды каждого. О Рорти она пишет, что он не видит разные точки зрения внутри human: «Несмотря на его акцент на исторически специфическом и прагматическом основании всего знания, он не в состоянии признать, что в одной культуре опыты людей и групп могут радикально отличаться... Подозрительно считать, что разные гендеры вовлечены в одни и те же «языковые игры»⁷⁴.

Когда речь идет о М.Фуко, то Флэкс признает, что он, правда, упоминает женщин как один из субъективированных, маргинализованных и сопротивляющихся элементов внутри современной культуры. Но, ратуя за дисконтинуитеты в истории, локальные истории, Фуко не включает в них женщин. Его интересует более широкая тема — сексуальность и власть (даже биологическая власть), и он часто противоречит феминистским теориям. Д.Флэкс приводит пример такого противоречия, указывая, что Фуко считает биовласть порождением модерна, но это идет в разрез с теорией феминизма о том, что женское тело было «колонизовано» гораздо раньше — многочисленными способами, на пересечении знания и власти.

И, наконец, признанный авторитет постструктуралистской деконструкции Ж.Деррида в оценке Д.Флэкс тоже выглядит «ущербно»: хотя он и считает гендер одной из асимметричных и фальшивых дихотомий (идея еще Бовуар о фальшивости «симметрии» мужчина/женщина), свою деконструкцию он осуществляет с «мужской» позиции. Он подвергает деконструкции ценности, «традиционно» приписываемые женщинам (тело, а не сознание; чувство, а не мышление; пре-эдипово, а не эдипово состояние; мать, а не отец; удовольствие, а не производство; природное, а не культурное; стиль, а не

⁷³ Flax J. Thinking Fragments: Psychoanalysis, Feminism, and Postmodernism in the Contemporary West. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1990. P.191.

⁷⁴ Ibid. C.211.

истина). Женщина (и мужчина, и сексуальное различие) должны быть деконструированы и отвязаны от всех исторических, специфических или биологических референтов.⁷⁵

Неудивительно, что в процессе своего анализа Д.Флэкс делает вывод о том, что «постмодернизм в равной мере неадекватен в своих попытках интерпретации или исключения из поля зрения гендера... Несмотря на риторику «женского прочтения» («reading like woman») или отмену «фаллоцентризма», многие постмодернисты-мужчины, вероятно, не осознают глубоко укорененную в гендере природу своих собственных мнений и интерпретаций западной традиции... В постмодернистских философиях женщина все еще используется как Другой или как зеркало для Мужчины. Речь женщины конструируется по их правилам — или женщина молчит вообще»⁷⁶.

Сходные оценки, но с иной подоплекой и аргументацией дает Сейла Бенхабиб. Проводя аналогию между союзом феминистских теоретиков и «новых левых» в 1980-х с альянсом (или мезальянсом) феминизма и постмодернизма, С.Бенхабиб задается вопросом: может ли феминизм принять постмодернизм в качестве своего теоретического партнера? И дает отрицательный ответ, поскольку «теорию нельзя считать зрелой, если она не дает анализа сексизма»⁷⁷. С другой стороны, она признает необходимость некоей эпистемологии, потому что феминизм — это скорее социальная критика, которая нуждается в некоем философском обосновании. Может ли быть им постмодернизм? Лишь в том случае, если он включает в свой анализ гендер; до этих пор «феминизм и постмодернизм являются концептуальными и политическими союзниками», но не более того.

Данная статья демонстрирует те противоречивые чувства, которые бушуют многих феминистских критиков по отношению к постструктуралистской теории. Именно к постструктуралистской, поскольку в пылу дискуссий зачастую теряется представление о различиях. Следовало бы разграничить смыслы «постмодернизм» и «постструктурализм»⁷⁸ — и тогда те основные «претензии», которые высказывают теоретики феминизма, обратились бы именно к постструктурализму. И ими бы стали все те же вопросы об истине, знании и «я», которые постструктурализм поставил перед всеми гуманитариями.

Более того, и появление феминизма тоже может с полным основанием считаться одним из проявлений «состояния постмодерна» (понятно, что суфражизм, как и идеи феминизма, возникли гораздо раньше, однако современная гендерная теория ассоциируются со второй половиной XX в.). Демократизация общества, включение в него голосов людей, стоявших «на границах» по отношению к «центру» власти, переписывание истории с позиций культурного многообразия, лишение науки ее трона как модели и источника истины... — все это взаимосвязанные феномены: «то, что они появились одновременно, не совпадение»⁷⁹.

В непосредственной связи с этим стоит мысль Нэнси Фрэзер о том, что постмодернизм — это нечто «большее, чем постструктурализм. Он включает не только Фуко, Деррида и Лакана, но и таких теоретиков, как Хабермас, Грамши, Бахтин и Бурдье, создавших альтернативные схемы сигнификации»⁸⁰. В качестве критерия такого «включения» Н.Фрэзер принимает их теоретизирование в рамках «лингвистического поворота». В таком случае, парадигма «лингвистического поворота» представляется даже еще «больше», чем постмодернизм, и уж «куда больше», чем постструктурализм! Насколько правомерно такое суждение?

Парадокс постмодернистской мысли состоит в том, что все в ней представляется связанным со всем, «все вытекает из всего», и даже те связи, которые устанавливаются произвольно, имеют свою причинность.

«Лингвистический поворот» как термин часто используют, чтобы показать «лингвистическое измерение» мышления, нарратива, теоретизирования и т.п. В этом смысле, действительно, теоретическая мысль приняла «лингвистическое направление» еще в начале XX в. (выше мы коротко показывали развитие структуралистских изысканий от Соссюра и Леви-Стросса к Деррида), однако эта мысль была связана с эволюцией от структурализма к постструктурализму, от «языка» к «речи», и проходила она не столько в сфере «чистой» философии, сколько в области литературной критики. И собственно «лингвистический поворот» (если употреблять терминологию, прозвучавшую у Рорти) должен ассоциироваться не столько с признанием языка моделью мышления, сколько с теми параметрами, которые идут от литературоведения: не «язык», а «речь», «письмо»; не просто методы лингвистики, а литературной критики; «литературность», «художественность» мышления; акцент на интертекстуальности культуры; деконструкция и т.д.

Те же революционные признания, которые совершила эволюция структурализма к пост-версии, не могли не придать совершенно иной облик как философии, так и всему гуманитарному знанию. Как

⁷⁵ См.: Derrida J. *Spurs: Nietzsche's Styles*. Chicago: University of Chicago Press, 1979.

⁷⁶ Flax J. *Thinking Fragments: Psychoanalysis, Feminism, and Postmodernism in the Contemporary West*. P.225, 226.

⁷⁷ Benhabib S. *Feminism and Postmodernism: An Uneasy Alliance // Feminist Contentions: A Philosophical Exchange*. Ed. Nicholson, Linda. New York, London: Routledge, 1995. P.25.

⁷⁸ Об этом упоминает и Д.Батлер (см. Butler J. *Contingent Foundation: Feminism and the Question of "Postmodernism" / Feminist Contentions: A Philosophical Exchange*), но при этом она все же стоит на позиции разграничения полей феминизма и деконструкции.

⁷⁹ Appleby J., Hunt L., Jacob M. *Telling the Truth About History*. New York, London: W.W. Norton and Company, 1994. P.3, 4.

⁸⁰ Fraser N. *Pragmatism, Feminism and the Linguistic Turn / Feminist Contentions: A Philosophical Exchange*. P.157.

следствие, постмодернизм бросает вызов детерминизму и причинности, либеральной демократии и гуманизму, объективности, необходимости и истине. Поэтому, говоря о соотношении понятий (1) «постмодернизм»; (2) «постструктурализм»; (3) «лингвистический поворот», мы все же предпочитаем делать акцент на иерархии «1→2→3», а не наоборот.

Н.Фрэзер видит среди всех диспутов о взаимоотношениях феминизма с постмодернизмом три основные позиции: (1) хабермасовская перспектива, ориентированная на истинность межсубъективной коммуникации; (2) фукольдьянская перспектива, ориентированная на плюралистичные, случайные, исторически специфические и укорененные во власти дискурсивные режимы, которые конституируют различные субъектные позиции (например, позиции мужчин и женщин — О.Ш.); (3) лакановско-дерридианская перспектива, ориентированная на маскулинный, фаллоцентричный символический порядок, который угнетает все феминное и в то же время скрывает свою собственную беспочвенность⁸¹. (Следует отметить, что последняя перспектива фактически реализована в т.н. постфеминизме, или постмодернистском феминизме, представленном именами Ю.Кристевоу, Э.Сиксу, Л.Иригарэ и др.)

Вместо того, чтобы выбирать между этими тремя подходами, Фрэзер предлагает выработать интегрированный четвертый, феминистский. Смысл его должен заключаться в том, чтобы в анализ возникновения и циркуляции культурных значений гендера включить язык, а также интегрировать в нем социальные и исторические контексты, расположенные во времени и месте.

Иную попытку «оправдать» пребывание представителей гендерной теории под сенью постструктуралистских идей делает Полин Росно. Она выстраивает ее на признании широкого диапазона постмодернистской мысли, а в соответствии с этим — на классификации этого многообразия с позиции его «положительности» или «отрицательности». Она выделяет «утверждающий» (affirmative) (естественно, к этой группе Росно причисляет и феминистских критиков); и «скептический» постмодернизм⁸².

Если первые проповедуют пересмотр «субъекта» и рождение нового постмодернистского индивида, то вторые выступают за «смерть субъекта», «смерть автора» (т.е. нет ни автора, ни свободы, а есть лишь набор дискурсов — О.Ш.). В то время как по вопросу об историческом процессе, линейном времени, предсказуемой географии и пространстве скептические постмодернисты вообще говорят о «конце истории», «положительные» постмодернисты, видят смысл истории в создании микро-нарративов, трансформации и большей гибкости в отношении понимания времени, пространства и истории, написании локальной истории.

В отношении принятия/непринятия «теории» и «истины», «скептики» и «оптимисты» также разнятся: в «скептическом» постмодернизме «теория» и «истина» отмирают и растворяются в релятивизме, поскольку язык трансформирует их в чисто языковые конвенции. Для «положительных», утверждает Росно, существует и «истина» — как относительная, персональная или специфичная для каждого сообщества, и «теория» — как децентрированная, гетерологичная, без притязаний на чью-либо привилегированность. С этой же позиции они исходят, оставляя, в отличие от «скептиков», возможность для эпистемологической репрезентации (и изучения символики, семиотики в истории и культуре).

Несмотря на свои усилия аргументировать такую, довольно упрощенную, классификацию, сама П.М.Росно делает оговорку о том, что ни один из упоминающихся в ее книге авторов-постмодернистов не может быть отнесен к первой или второй «чистой» категории⁸³.

Мы не можем согласиться с концепцией Росно, выделяющей «положительных» и «скептиков» в постмодернизме, и по другой причине: в такой классификации заведомо присутствует «внешняя цель» — апология тех направлений в социальных науках, которых автор считает «положительными». Как говорил Р.Барт, «вещи не могут означать в несколько большей или несколько меньшей мере: они либо означают, либо не означают; сказать, что они несут лишь поверхностное значение, — это уже и есть определенная позиция по отношению к миру»⁸⁴.

Женские исследования сталкиваются с дилеммой, фундаментальной для всего гуманитарного знания в условиях постмодерна: принятие «свободы-от-истины» требует и свободы от теории, и в этом состоит главная трудность направлений и дисциплин, основанных на неких доминирующих теориях. Выступая союзниками в борьбе против модернистского понимания истины (исходящей из маскулинной позиции), гендерные исследования не вписываются в постструктуралистские рамки недоверия к метатеориям, метанарративам, релятивистского и даже скептического отношения к знанию.

⁸¹ Ibid.

⁸² Rosenau P.M. Post-modernism and the Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions. Princeton University Press, 1992. P.ix.

⁸³ Известны и другие попытки классификации постмодернизма: Agger B. The Decline of Discourse: Reading, Writing, and Resistance in Postmodern Capitalism. New York: Falmer Press, 1990; Gitlin T. Postmodernism: Roots and Politics // Dissent (Winter). P.100-108; Griffin D. The Reenchantment of Science: Postmodern Proposals. Albany: State University of New York Press, 1988. P.x-xi; Graff G. Literature Against Itself. Chicago: University of Chicago Press, 1979. P.55-60.

⁸⁴ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С.228.

Противоречие заключается и в том, что «постмодернистский взгляд не может рассматриваться для феминизма более приемлемым, нежели “мужской” взгляд»⁸⁵. В то же время, согласно постмодернистам, все версии истины равноправны, и феминистская перспектива может оспариваться так же, как и любая другая. Естественно, что многие феминистские критики доказывают свою правоту или считают необходимым выработку своей собственной эпистемологии⁸⁶.

Поделившись своими размышлениями о проблемах взаимодействия социальных наук и феминистской критики с постструктуралистско-постмодернистской мыслью и их решениях теоретиками, сделаю заключение.

— «Лингвистический поворот» как следствие постструктуралистских изысканий происходит во всех сферах культуры (включая и политику, и даже экономическую теорию); он идет по пути лишения науки приоритета быть моделью для всего знания, поставив во главу угла язык и подходы литературоведения.

— Ни одна дисциплина не может избежать влияния постструктуралистских идей, как бы отрицательно (и положительно) не выступали его критики (и апологеты). Там, где кто-то видит только «моду» и знак принадлежности к интеллектуальной элите или «посвященности», есть тенденция реальности, от которой «можно отвернуться, но нельзя вернуться», а потому нужно пытаться ее понять. Она уже породила множество феноменов в культуре и все еще продолжает подпитывать умонастроения и дальше, причем смыкается и совпадает с процессами в области технического развития и общекультурными движениями (информационные технологии, глобализация, массовое производство и т.п.).

— Продуктивной представляется позиция открытости к новым веяниям, в том числе, и по отношению к «инсайтам» постструктурализма (и лингвистического поворота).

— Основные противоречия в рамках «лингвистического поворота» как тенденции влияния постструктуралистской ориентации современного литературоведения происходят не столько на уровне эмпирических исследований, сколько в области теории. При этом главные «болевые» точки определяются как скептицизм и релятивизм по вопросам истины, познания, «я».

В своей совместной работе Дж.Эпплбай, Л.Хант и М.Якоб пишут: «скептицизм и релятивизм — обоюдоострые мечи. Они могут адресовать свою критику власти, но они же ставят под вопрос любую отрасль знания. ... В то же время, вера в реальность прошлого и его познаваемость является центральной для практики истории»⁸⁷. И не только истории, но и любой другой дисциплины, добавим мы.

Каков в этом смысле урок «постмодернизма»? «Поскольку никто не может быть уверен в конечной правоте своих объяснений, то необходимо слушать других. Все человеческие истории предположительны; никто не может иметь последнего слова»⁸⁸.

В условиях такого «многоголосия» можно видеть различные перспективы. П.Росно, например, пишет о двух возможностях. Первая связана с разделением гуманитарного знания на две области: (1) вдохновляемая естественными науками, направленная на поиск причин социальных феноменов; (2) ведущая линию от гуманитарного знания (постмодернистского) и занятая критикой и исследованием языка и смысла. Второй сценарий заключается в интеграции постмодернизма в общее течение общественных наук; это путь компромисса, и «утверждающие» постмодернисты-«оптимисты» более всего для этого подходят⁸⁹.

Рискнем выдвинуть «прогноз» и мы. Поскольку «постмодернизм» — это своего рода «буфер», переходный период перед чем-то, чему еще не нашли ни названия, ни определения, в этом «буферном состоянии» крайние позиции, выдвигаемые постструктуралистами (или доведенные до своей логической «чистоты», как, например, вопросы об истине, знании, «я»), вероятно, не станут определяющими. «Следы» постструктуралистской идеологии в будущем могут быть такими же, какими сегодня философы видят наследие Беркли, Юма, Канта; а более «частные» ее проявления в гуманитарном знании в будущем могут вылиться в более критическое оценивание и использование достижений науки, акцент на «качественном» в противовес «количественному», возрастающей фрагментации исследований, мультикультурализм.

Продолжая размышлять над проблемами взаимодействия идей постструктуралистско-постмодернистского комплекса и феминизма (и находясь в таком же затруднении по поводу его оценок, как и в самом начале своих занятий — если не в большем), приходится согласиться с авторитетом в области литературоведения и постструктурализма Лионелом Госсманом. Обладая опытом более чем тридцатилетнего преподавания и литературоведческих штудий, он сделал признание, что так и «не смог развить собственную единую последовательную теоретическую позицию, и по тем же причинам, охватить чью-нибудь еще. Конкурирующие аргументы слишком часто кажутся мне в равной степени вынужденными, и если для некоторых идеологические или этические предпочтения могут иногда перевесить то, что разум сам по себе сделать не в состоянии, то в моем случае это не срабатывает»⁹⁰.

Вопросы постструктурализма к гендерным теориям (либеральной, социалистической или радикальной ориентации) и вопросы феминизма к постструктурализму остаются в силе. Одним из вариантов возможного ответа может считаться постфеминизм, анализу которого мы надеемся посвятить следующую работу.

⁸⁵ Rosenau P.M. Post-modernism and the Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions. P.85.

⁸⁶ См., например, Di Stefano C. Dilemmas of Difference: Feminism, Modernity, and Postmodernism; Harding S. Feminism, Science, and the Anti-Enlightenment Critique // Feminism/Postmodernism. Ed. Linda J. Nicholson. New York: Routledge, 1990.

⁸⁷ Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth About History. P.8-9.

⁸⁸ Ibid. P.10.

⁸⁹ Rosenau P.M. Post-modernism and the Social Sciences: Insights, Inroads, and Intrusions. P.180-181.

⁹⁰ Gossman L. Between History and Literature. Cambridge, London: Harvard University Press, 1990. P.55.

«ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ» ГЕНДЕРА: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Особенностью современного научного процесса является его динамизм, способность непосредственного и оперативного реагирования на происходящие социокультурные изменения. Составляющие основу глобализации макроэкономические преобразования выдвигают на первое место проблемы, которые не были актуальными ранее и, следовательно, определяют необходимость появления понятий для обозначения новых социальных категорий. Научный и политический дискурсы обогащаются понятийными инновациями, отражающими с одной стороны, интенсификацию межкультурных отношений и демократизацию общественной жизни в целом, а с другой — процессы децентрализации и диверсификации, усиление интереса к специфическому культурному опыту отдельных этнических групп, различных социальных типов личностей. К числу таких неологизмов относится один из аспектов прав человека, вошедший в международный правовой дискурс только в конце прошлого столетия. Речь идет о понятии **лингвистические права человека**, само появление которого является подтверждением перехода общественного правового сознания на новую фазу развития, характеризующуюся усилением внимания к отдельной правовой личности во всем разнообразии её социальных и индивидуальных проявлений.

Концепция лингвистических прав была представлена в проекте *Всеобщей декларации лингвистических прав человека* и одобрена Всемирной конференцией по лингвистическим правам, проходившей в июне 1996 г. в Барселоне⁹¹. Конференция была организована по инициативе Комитета по переводу и лингвистическим правам Международного ПЕН-клуба и Международного центра этнических меньшинств Эскарре при моральной и технической поддержке ЮНЕСКО.

Анализ материалов международных документов и научных работ по вопросам лингвистического законодательства показывает, что неологизм

⁹¹ Эта концепция имеет свою предысторию, основные этапы которой таковы: декабрь 1966 г. — приняты Международные соглашения по гражданским и политическим правам и Международное соглашение по экономическим, социальным и культурным правам, в Преамбулах которых утверждается, что человек не может быть свободным до тех пор, пока ему не будут созданы условия, необходимые для полноценного использования его неотъемлемых гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав; октябрь 1987 г. — 12-й семинар Международной ассоциации за развитие межкультурной коммуникации рекомендовал ООН предпринять действия, необходимые для одобрения и принятия Всеобщей декларации лингвистических прав; май 1990 г. — в Барселоне принята Всеобщая декларация коллективных прав народов, провозгласившая право всех народов представлять и развивать свою культуру, язык и традиции и с этой целью формировать собственные политические, образовательные, коммуникативные и правительственные структуры в различных политических структурах; август 1991 г. — в г. Пеш (Венгрия) принята Заключительная декларация генеральной ассамблеи Международной федерации современных языков, которая рекомендовала рассматривать лингвистические права в числе основных прав личности; июнь 1992 г. — Совет министров Совета Европы одобрил Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств; декабрь 1992 г. — резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН утверждена Декларация прав личности, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и лингвистическим меньшинствам; октябрь 1993 г. — на встрече на высшем уровне Совета Европы одобрена Декларация по вопросам национальных меньшинств; декабрь 1993 г. — принята Декларация комитета по переводу и лингвистическим правам Международного ПЕН-клуба, содержащая предложение о проведении Всемирного конгресса по лингвистическим правам; ноябрь 1994 г. — принята рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств; сентябрь 1995 г. — межамериканская комиссия по правам человека одобрила проект Декларации о правах коренных народов.

«лингвистические права» понимается практически как синоним понятия **«языковые права»** т.е. **права этнических меньшинств иметь и развивать свой национальный язык**. Разница между ними по мнению специалистов только в том, что «лингвистические права — это языковые права + права человека»⁹², т.е. первые имеют легальный статус. В самой *Декларации* понятия «языковые права» и «лингвистические права» употребляются как взаимозаменяемые. По нашему мнению, такая подмена является неправомерной и отнюдь не безобидной. Даже если понимать языковые права в самом широком смысле — как права каждого человека пользоваться своим родным языком — уже само наименование этих двух понятий подразумевает, что лингвистические права по своей сути шире, чем языковые, так как должны иметь больше отличительных признаков и предполагают более широкий социальный спектр функционирования. Это не только права меньшинств на язык, но и права каждого человека на оптимальное использование ресурсов своего языка.

Действительно, в проекте *Декларации* лингвистические права определяются именно как **«права языкового сообщества или языковой группы на лингвистическое самовыражение»**⁹³. Но при этом языковое сообщество определяется опять-таки на основе этно-географических признаков. Т.е. речь идет о праве этнической группы на лингвистическую репрезентацию своей национальной идентичности. Однако выделение языкового сообщества исключительно на основе этнического признака является неправомерным сужением этого понятия, поскольку языковая группа может выделяться и на основе ряда других параметров, в первую очередь социальных. В таком случае лингвистическими правами должны пользоваться как этнические, так и социальные группы (сообщества), выделяемые на основе разных отличительных признаков, в том числе гендерного. Право на лингвистическое самовыражение не может и не должно быть монополией этнической/национальной группы. Его следует распространять на любое языковое сообщество, по каким бы признакам оно не выделялось, так же, как и на его отдельных членов.

Учитывая, что гендерный фактор является универсальной константой социального членения общества, право женщин и мужчин на самовыражение своей гендерной природы через язык и речь также должно быть предусмотрено лингвистическим законодательством, чего на самом деле не происходит. Это означает, что гендерный аспект лингвистических прав не осознается обществом, не рассматривается как возможный объект дискриминации и потому официально не регламентирован.

Считаю, что решению этой проблемы может способствовать обращение к опыту международного женского движения, в рамках которого уже не одно десятилетие обсуждается проблема, на мой взгляд непосредственно связанная с социальным аспектом лингвистических прав человека, а именно — лингвистическое неравенство женщин и мужчин, рассматриваемое как следствие гендерной дискриминации личности средствами языка. Эта проблема активно разрабатывается в русле феминистской или критической (контрастивной) лингвистики, трактующей существующие гендерные асимметрии в языковой системе как проявление лингвистической дискриминации — **языкового сексизма**, — для преодоления которого предлагаются специальные меры по гендерной коррекции современного, андроцентричного по своей сути, дискурса. Речь идет о том, что в языке патриархатной цивилизации манифестация женской

⁹² Philipson R., Rannut M., Skutnabb-Kangas T. Introduction // Linguistic Human Rights. Overcoming Linguistic Discrimination / Ed. T. Skutnabb-Tangas, R. Phillipson in collaboration with M. Rannut. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 1995. P.1-22.

⁹³ Universal Declaration of Linguistic Rights // <http://www.linguistic-declaration.org/index-gb.htm>

идентичности является **недопустимо недостаточной**, если вообще актуализированной. Женское видение мира, жизненный опыт, перцепции и приоритеты, как правило, игнорируются, что по сути является скрытой лингвистической дискриминацией по отношению к женскому гендеру. Фактически происходит маргинализация женщин средствами языка, вытеснение женского на периферию языкового функционирования, а, следовательно, и языкового сознания, что приводит к восприятию женской личности обществом как второстепенной, не имеющей самостоятельного значения.

Активное вхождение женщин в сферу общественной жизни неизбежно порождает необходимость радикальных ценностных трансформаций в обществе, в первую очередь в области языка как социального конструкта и мощнейшего средства структурирования сознания. Новые социальные парадигмы и новые гражданские ценности выдвигают на первый план проблему лингвистического равноправия женщин и мужчин. Такая постановка вопроса предполагает отстаивание женщинами их законного права на актуализацию своей женской идентичности языковыми средствами, свободу лингвистического самовыражения. Императивом сегодня является создание условий для визуализации женской парадигмы в языковых и коммуникативных процессах, женская объективация в языковой культуре, интеграция женского жизненного опыта и мироощущения в языковые ресурсы культуры.

Как отмечает немецкая исследовательница Марлис Хеллингер, сексистские тенденции наблюдаются во всех исследованных на сегодня языках. При этом отмечаются всеобщие закономерности их проявления, к которым относятся следующие:

- Мужское начало воспринимается как общественная норма, а женское — как отклонение от неё. Это особо отчетливо манифестируется на морфологическом и лексико-семантическом уровнях.
- Мужское ассоциируется с положительным, а женское — с отрицательным. Это демонстрируется исследованием значений отдельных слов и лексических полей.
- Мужское доминирует в языке, женское же «невидимо», не визуализировано. Эта закономерность доказывается прежде всего на примерах номинации лиц определенного пола, в частности, в названиях профессий, что важно с точки зрения влияния языкового материала на возможную неадекватную самоидентификацию носителей этих названий⁹⁴.

На наш взгляд, симптоматичным в этом отношении является тот факт, что проявления сексизма характерны не только для естественных, но и для искусственных языков, среди которых в первую очередь следует назвать эсперанто. Несмотря на то, что целью его автора Л. Заменхоффа было создание нейтральной базы для успешной коммуникации разных людей и народов и содействие гармонизации человеческих отношений, ему не удалось избежать влияния сексистских языковых стереотипов, присущих его эпохе и культуре. Как утверждают Д. Граддол и Дж. Сванн, эсперанто нельзя считать нейтральным с гендерной точки зрения, поскольку его словарь основан преимущественно на лексике европейских языков и унаследовал ее сексистскую структуру, в которой по иронии судьбы Заменхофф видел условие для облегчения усвоения изобретенного им языка. Справедливости ради нужно сказать, что хотя эсперантисты по-разному реагируют на упреки в сексистском характере их языка,

⁹⁴ Хеллингер М. Контрастивная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. Тверь, 1999. С.91-98.

часть из них активно поддерживают идею лингвистической реформы в эсперанто⁹⁵.

Следует иметь в виду, что кодируемые посредством языка мировоззренческие, идеологические установки как правило не осознаются его носителями в результате их естественной склонности воспринимать мир через призму принятых в обществе социальных стереотипов. Поэтому и сексистские модели часто воспринимаются социумом всего лишь как требования здравого смысла по причине их относительной невидимости в повседневном дискурсе и неосознанности. Следовательно, для устранения лингвистического гендерного дисбаланса необходимо, в первую очередь, осознание обществом самого наличия этого явления в его языковой культуре. Следующим шагом должно стать изучение возможных способов его проявления, комплексное исследование существующих в разных культурах моделей асимметричной репрезентации женской и мужской языковой парадигмы.

Исследования различных языковых культур показывают, что дискриминация в языке может проявляться в трех основных формах: а) игнорирование; б) стереотипизация; в) недооценивание, обесценивание.

Игнорирование

Игнорирование имеет место в тех случаях, когда формы одного рода, как правило мужского, используются для обозначения человека вообще, т.е. в обобщенно-родовом значении или по отношению к гендерно-неопределенному референту, другими словами, для обозначения объекта, чья гендерная идентичность неизвестна. В первую очередь это относится к употреблению самого слова **человек** и его семантических эквивалентов. В некоторых случаях такое обобщенно-родовое употребление противоречит здравому смыслу и может восприниматься только с определенной долей юмора, как в ниже приведенных примерах:

Человек относится к классу млекопитающих: **он** является живородящим, сам вынашивает своих детей и кормит их грудью.

Everyone should be able to decide for **himself** whether to have an abortion.

Подобная форма игнорирования характерна для тех случаев, когда существительным мужского рода обозначаются, по сути, оба гендера: т.е. когда слово может употребляться в форме как мужского, так и женского рода, но для обозначения обобщенно-родового одушевленного, тем не менее, принято использовать мужской род.

Например: **Каждый** должен это знать.

Заходите по одному.

Книга рассчитана на элитного читателя ...

Ответы респондентов на вопросы анкеты... и т.д.

Сюда относятся и случаи, когда лексическая единица потенциально имеет две формы — и мужского и женского рода, но во множественном числе как правило, употребляется первая. Например, слово «гражданин» мужского рода, но оно имеет свое соответствие женского рода — «гражданка» и, следовательно, две формы множественного числа, в женском и мужском роде — граждане и гражданки. Однако по отношению к группе лиц, состоящей из представителей двух полов, предпочтительным является обращение в форме мужского рода:

Например: **Граждане!** Будьте внимательны и осторожны!

⁹⁵ Graddol D., Swann J. Gender Voices. Oxford, Cambridge: Basil Blackwell. 1989. P.126-128.

Наглядным примером гендерного языкового игнорирования является Конституция Украины, провозглашающая права граждан в форме, дискриминационной по отношению к женщине, поскольку женская часть общества лингвистически в ней не представлена:

Ст. 28 **Кожен** має право на повагу до його гідності.

Ст. 32 Ніхто не може зазнавати втручання в його особисте і сімейне життя.

Ст. 43 **Кожен** має право на працю, що включає можливість заробляти собі на життя працею, яку він вільно обирає.

Ст. 47 **Кожен** має право на житло. Держава створює умови, за яких **кожний громадянин** матиме змогу побудувати житло, придбати його у власність або взяти в оренду.

Доказательством некорректности такого словоупотребления является комментарий депутата британского Парламента Дианы Эббот, которая в программе радиостанции BBC заметила, что в течение нескольких первых дней после обнародования имени вновь избранного на место Маргарет Тетчер премьер-министра трудно было понять о ком ведут речь радиокомментаторы, поскольку в отношении обоих употреблялись формы мужского рода.

Многочисленные исследования доказывают, что употребление обобщающих местоимений и существительных мужского рода, в частности, в объявлениях о найме на работу, оказывает влияние не только на осмысление читателями письменной информации и на ее запоминание, но и, что наиболее важно, на отношение к профессиональному выбору, а следовательно, на результат рекрутинговых кампаний⁹⁶. Сандра Бем приводит примеры того, как гендерно-нейтральный язык объявлений о приеме на работу способствует увеличению количества женщин на рабочих местах, традиционных занимаемых мужчинами⁹⁷. Дж. Хайд обнаружила, что когда в описании определенных видов работы употреблялись только формы мужского рода, у учеников младших и средних классов складывалось мнение, что женщины менее способны к выполнению таких видов работ⁹⁸.

Подобное использование формы мужского рода по отношению к лицам обоего пола делает «мужское» — нормой, а «женское» — исключением, причем исключением как в лингвистическом, так и в социальном смыслах. Таким путем женская идентичность исключается из дискурса, становится непредставленной, «невидимой». Она хотя и подразумевается, но не воспринимается адресатом как агент или субъект действий, в роли которого в данном случае эксплицитно выступает мужчина.

Как отмечает Н.Габриэлян, особенности языка таковы, что для обозначения обобщенно-полового одушевленного принято употреблять, как правило, мужской род. В русском языке это просматривается на уровне причастий, глаголов прошедшего времени, числительных, множественного числа существительных и т.д. Эта тенденция «вытесняет» женщину из множества грамматических форм, тем самым тщательно дозируя ее присутствие в языковом пространстве. По всей видимости, это оказывает на психику более глубокое воздействие, нежели грубые формы дискриминации, и проникает в более глубокие ее пласты именно в силу своей неочевидности. Мы окружены этими представлениями постоянно и не замечаем их отнюдь не потому, что здесь нет проблем, а потому, что есть культурный запрет на осознание проблем такого рода... Нам почему-то

⁹⁶ Bate B. Communication and the Sexes. N.-Y., 1988.

⁹⁷ Bem S. et al. Does Sex-Biased Job Advertising "aid and abet" Sex Discrimination? // Journal of Applied Social Psychology. 1973, №3. P.6-18.

⁹⁸ Hyde J.S. How Large are Gender Differences in Aggression? A Developmental Meta-Analysis // Developmental Psychology, 1984, №20. P.722-736.

не хочется замечать самых очевидных вещей, если они касаются неравноправного положения женщины⁹⁹.

Эти соображения подтверждаются результатами экспериментальных исследований. Так, например, в исследовании Дж. Хайд студентам предложили составить небольшой рассказ о том, каким они видят обычного студента колледжа. При этом у тех, чьё задание содержало местоимение «он» для обозначения главного действующего лица, женщины выступали объектами описаний только в 12% случаев. Когда в задании существительное стояло в множественном числе (то есть предлагалось рассказать об обычных студентах) процент женщин в качестве главных персонажей рассказов возрос до 18%. В тех же случаях, когда задание включало существительные обоих родов — рассказать о студенте и студентке — женщин в них было уже 42%. Из этого можно сделать вывод, что использование существительных мужского рода для обозначения лиц обоего пола не является гендерно-нейтральным, как это принято считать. Тот факт, что женский пол присутствует в речевом высказывании лишь имплицитно, по сути нивелирует его в восприятии реципиента информации. Приведенные данные касаются в первую очередь мужчин, поскольку оказывается, что именно они чаще всего не склонны воспринимать обобщенно-родовые местоимения как такие, которые обозначают и женщин, и мужчин.

Более того, оказалось, что ученики начальных классов даже не осознают, что местоимение «он» может иметь обобщенно-родовое значение и реферировать одновременно оба пола. По наблюдениям исследователей, у детей, постоянно пребывающих в дискурсивном пространстве, в котором преобладают формы мужского рода, складывается впечатление, что обычный человек — это главным образом мужчина¹⁰⁰, то есть что мужчин количественно больше, чем женщин, что они лучше и социально значимее последних¹⁰¹. Даже нейтральные, на первый взгляд, формы множественного числа, как например «они», ассоциируются у детей в первую очередь с мужским полом, как и слова человек, взрослый, каждый и т.п. Подобный эффект является следствием того, что, по меткому выражению Деборы Камерон, мир, представленный устным и письменным словом, населен преимущественно мужчинами¹⁰².

Иллюстрацией детского восприятия подобных гендерно-казуистических лингвистических реалий является известная шутка из детского фольклора, в которой мать, рассказывая ребенку о пещерном человеке, сталкивается с типичным детским вопросом: «Мама, а у пещерного человека была пещерная тётя?»

Таким образом, употребление обобщенно-родовых форм приводит к игнорированию женской части человечества в лингвистическом сознании носителей языка.

Стереотипизация

Стереотипизация как форма гендерной лингвистической дискриминации имеет три разновидности:

А. Первый способ стереотипизации заключается в том, что *современный язык представляет женские качества маркированными по отношению к общепринятым нормам* (преимущественно мужским по своей сути),

⁹⁹ Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996. P.4.

¹⁰⁰ Basow S.A. Gender Stereotypes and Roles. Third Edition. Brooks/Cole Publishing Company, [1986], 1992.

¹⁰¹ Шелдон Е. У королів більше королівської величі, ніж у королев: мова і соціалізація // Gender-bibo: http://gender.ntu-kpi.kiev.ua/web_ukr/bibo/article_28.html

¹⁰² Cameron D. Lost in Translation: Non-Sexist Language // The Feminist Critique of Language: A Reader. London; New York: Routledge. 1998. P.161.

производными от них, вторичными, и тем самым институционализирует гендерные стереотипы в общественном сознании.

Например: врач (нейтральное) vs женщина-врач (маркированное); писатель (первичное) — писательница (производное).

Семантика приведенных примеров предполагает, что обычный взрослый человек и типичный представитель любой профессии — это мужчина, а быть женщиной — значит быть нетипичной, не такой, другой. Мысль, что женщина — это нечто маркированное, кодируется в матрице гендерной социализации ребенка и в процессе становления его/ее личности оказывает существенное влияние на самооценку, уверенность в себе и даже на профессиональный выбор.

В связи с этим неудивительно, что наименования большинства наград, знаков отличия, званий рассчитаны преимущественно на мужчин:

Например: Первыми кавалерами ордена княгини Ольги стали женщины-лидеры общественных организаций.

Pearl Baily and Hazel Kohring each received a «Man of the Year» award.

Американские исследователи отмечают, что гендерная стереотипизация проявляется даже в языке жестов, которым пользуются глухонемые. Так, маскулинные качества в американском варианте этого языка обозначаются в области верхней части головы, которая также служит для обозначения интеллекта и авторитета, уровня принятия решений. Женские же качества сигнализируются жестами на уровне нижней части лица, ассоциирующейся с эмоциональной, чувственной сферой.

Примером мышления, обусловленного гендерными лингвистическими стереотипами, является часто цитируемая в феминистской литературе логическая загадка следующего содержания:

Отец и сын попадают в автокатастрофу. Отец погибает. Когда умирающего сына привозят в больницу на операцию, хирург, взглянув на пострадавшего, заявляет: «Я не могу оперировать. Это мой сын.»

Загадка рассчитана на то, что в сознании реципиента информации слово *хирург* подсознательно ассоциируется в первую очередь с мужским образом, в то время как в данном случае хирургом является женщина, мать пострадавшего, что и вызывает замешательство отгадывающего.

Б. Второй способ стереотипизации заключается в *создании средствами языка образа женщины и мужчины, типичного для данной культуры*, иными словами, гендерное стереотипизирование посредством *употребления стигматических гендерных моделей (гендерных лейблов)*.

Например: слабый пол, берегиня, хранительница домашнего очага, женская логика, бабские сплетни, женская дружба, девичья память, дамская проза vs добытчик, кормилец, казак, рыцарь, мужской характер.

Примером такого стереотипизирования является название издания «Книга для Вас, женщины: флористика», которое предполагает, что интересоваться или тем более профессионально заниматься цветоводством настоящему мужчине не пристало. Интересно было бы узнать, на каком основании автор лишает мужчин права на самовыражение посредством такого вида занятий.

В. Третий способ стереотипизации связан с традиционным лингвистическим контекстом, в котором, как правило, употребляются слова семантического поля «женщина». Речь идет о таких клишированных выражениях, как: «семья, женщина, ребенок», «женщины, дети, инвалиды и пенсионеры», употребление которых фиксирует в языковом сознании образ женщины как маргинального, ущербного социального индивида, не имеющего

самостоятельного значения вне традиционных для нее сфер существования. Функционирование лексемы «женщина» в подобных ассоциативных рядах способствует тому, что восприятие женщины социумом ограничивается контекстом семьи и материнства, что редуцирует социальные функции женщины, нивелирует ее личностный аспект.

Например:

Уровень развития общества определяется его отношением к наименее защищенным группам населения: женщинам, детям, инвалидам, пенсионерам.

Этот вид стереотипизации особенно четко проявляется в названиях различных государственных учреждений — министерств, ведомств, комиссий.

Например:

Управление по делам женщин, инвалидов, ветеранов войны и труда

Недооценивание, обесценивание

Этот тип гендерной лингвистической дискриминации имеет несколько разновидностей:

А. патерналистское, покровительственное отношение к женщине, подчеркивание ее зависимости, второстепенности:

Например: Рівність жінки і чоловіка забезпечується: **наданням** жінкам **рівних з чоловіками** можливостей у громадсько-політичній і культурній діяльності (Конституція України, ст. 24)

Б. Тривиализация и деперсонализация — относятся как к женщинам, так и к мужчинам и особенно характерны для фольклора, т. н. народной мудрости, которая имеет особенно сильное влияние на сознание человека в плане закрепления гендерных стереотипов.

Например:

Курица — не птица, баба — не человек.

Волос длинный — ум короткий (о женщине)

Жена — не стекло, можно и побить.

Бабий язык — чертово помело.

Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

У мужиков всегда одно на уме.

A woman's tongue wags like a lamb's tail.

A hungry man is an angry man.

Чего стоит одна только реклама, прошедшая не так давно на канале «Интер», в которой молодой мужчина, узнав о том, что стал отцом двух дочерей, теряет сознание от свалившегося на него «неприятного» известия, а голос за кадром с издевкой произносит: «У настоящих мужчин рождаются только сыновья». Трудно сказать, кто в данном случае больше дискриминирован столь вопиющим лингво-визуальным сексизмом — дочери или их отцы.

В. Эротизация, потребительское отношение к женщине, изображение ее как сексуального объекта. Примерами лингвистического обесценивания женщины является, по мнению исследователей¹⁰³, придание гастрономических коннотаций словам, номинирующим лица женского пола.

¹⁰³ Nilsen A. P. Sexism as Shown through the English Vocabulary // Sexism and Language / Ed. Nilsen A. P., Bosmajan H., Gershuny H.L., Stanely J.P. Urbana: Illinois. 1977. P.32; Dundes A. The Growing Hen and the Easter Bunny: Male Chauvinism in American Folklore // Folklore Today: A Festschrift for Richard M. Dorson. / Ed. Degh L., Glassier H., Oinas F. Bloomington. 1976.

Например: Сладкая женщина, аппетитная девочка, конфетка, персик
(рус.)

Баба з перцем (укр.)

Dish, cookie, tart, cheesecake, sugar and spice, cute tomato, honey and sweeties
(англ.)

Подтверждением такого отношения к женщине со стороны общества являются имеющиеся в научной литературе ссылки на тот факт, что количество обозначений распущенной, неразборчивой в интимных отношениях женщины значительно превышает количество аналогичных лексических единиц применительно к мужчинам. Согласно оксфордскому словарю современного английского сленга 1996 г. это соотношение оказалось равным 220 к 22¹⁰⁴.

Другим примером подобного вида лингвистического обесценивания женщины является «непараллельное употребление», т.е. неодинаковое отношение к равноценным качествам мужчин и женщин. Оно может проявляться в двух формах:

- приписывание разных коннотаций семантически эквивалентным единицам в зависимости от гендерной принадлежности референта. При этом женское проявление одного и того же качества, как правило, маркировано негативным отношением, а мужское — нейтральным или даже позитивным;
- отсутствие мужских эквивалентов для негативных женских качеств.

В качестве примера непараллельного употребления Маргарет Доил приводит такое женское качество, как нимфомания — часто употребляемое и маркированное негативной коннотацией. Его мужской эквивалент сатириаз является практически неупотребляемым и коннотативно-нейтральным¹⁰⁵. При этом слово нимфоманка, обозначающее сексуально распущенную женщину, не имеет мужского эквивалента, поскольку слово Сатир воспринимается не как наименование аналогичного негативного мужского качества, а как имя древнегреческого мифологического существа, хотя и характеризовавшегося этим качеством. В исследовании А. Мартынюк также указывается, что лексические единицы семантической зоны «половая невоздержанность», называющие женщин и мужчин, различаются оттенками значений: если первые воспринимаются как серьезные оскорбления, то вторые несут на себе лишь легкий иронический оттенок (Мартынюк, 1986).

Интересное наблюдение делает Й. Юсуф которая отмечает, что в английском разговорном языке слова, обозначающие высокое положение женщины в обществе, — *queen, governess, madam, mistress, lady, dame* — полностью обесценились и, приобретя эротический оттенок, стали ассоциироваться с промискуитетным поведением женщины. Негативное значение приобрели даже такие изначально нейтральные слова, как *old maid* (старуха), *spinster* (пряха) и даже *heroine* (героиня). В первых двух случаях слова несут оттенок пренебрежительного отношения к женщине, неудачливой в семейной жизни, а последнее стало употребляется для обозначения наркотического вещества¹⁰⁶.

Способы преодоления гендерной лингвистической дискриминации

¹⁰⁴ Емірсуїнова Г. Відбиття соціального статусу жінки в англійській мові // Вісник Харківського національного Університету ім. В.Н.Каразіна. Серія "Романо-германська філологія", 1999. С.142-147.

¹⁰⁵ Doyle M. *The A-Z of Non-Sexist Language*. London: Women's Press. 1995.

¹⁰⁶ Yusuf Y.K. *Sexism, English and Yoruba* // Linguistic Online, 2002. №11, 2.

Учитывая сложившуюся в патриархальном обществе языковую традицию игнорирования женской лингвистической личности, гендерный подход к языковому планированию выдвигает в качестве своей основной задачи реформирование и обогащение языковых традиций такими лингвистическими реалиями, которые способны отражать специфически женское видение и восприятие мира.

Методы и способы решения этой глобальной задачи различны в разных языковых культурах. Более того, различные направления внутри женского движения также расходятся в трактовке подходов к гендерному языковому планированию. Предлагаемые инновации варьируют от создания специальных «женоцентричных» грамматических форм, лексем, идиом до конструирования совершенно нового «женского языка».

Так, обобщенно-родовые местоимения предлагается заменять специально созданными гендерно-нейтральными¹⁰⁷. Такие местоимения-заместители называют «эпицинными». В работе Д. Баррона¹⁰⁸ собраны данные о приблизительно 80 формах таких местоимений, которые предлагались разными авторами для очищения английского языка от проявлений сексизма. Например, вместо местоимений HE/SHE предлагается использовать единую форму «E», а вместо форм косвенных падежей — форму «IR»¹⁰⁹. На лексическом уровне предлагаются такие «феминитивы», как английские «femocrat» (вместо democrat), «malestream» (вместо mainstream), «herstory» (вместо history), графические неологизмы «womyn», «wimmin» (вместо woman) или немецкое «Lehrerin», Powerfrau. Английские слова типа «witch» (ведьма), несущие ярко выраженную негативную коннотацию по отношению к референтам женского пола, в рамках такого подхода получают трактовку акронимов, наполненных сугубо положительной семантикой, в данном случае — «Woman In Total Control of Herself» (женщина, полностью контролирующая свою жизнь). Представительницы женского движения социалистической Германии добились, чтобы дискриминационные по отношению к женщине лексические единицы, в частности фразеологизмы, исключались из словарей и справочников и, напротив, создавались такие пословицы и поговорки, которые подчеркивали бы позитивное отношение общества к женщине и ее высокий социальный статус. Сегодня существуют даже искусственно созданные «женские языки», как например, Laadan, автором которого является писательница-фантаст Suzette Haden Elgin¹¹⁰.

Для преодоления гендерно-дискриминационного отношения к женщине в языке предлагается использовать т.н. «корректирующий язык» (corrective language), который предполагает, в частности, такие приемы, как *гендерная нейтрализация* (или *абстракция*) и *гендерная спецификация* (или *феминизация*).

Гендерная нейтрализация имеет своей целью сокращение или даже полное исключение из употребления гендерно-специфических выражений и конструкций. Этот принцип требует, чтобы все морфо-синтаксические и лексические признаки, маркирующие существительные одушевленные, местоимения или другие части речи как фемининные или маскулинные, подвергались гендерной нейтрализации, особенно если они употребляются в обобщенно-родовом значении¹¹¹.

Так, для достижения лингвистического гендерного равенства, в частности, в английском языке, предлагается:

¹⁰⁷ Miller C., Swift K, The Handbook of Non-Sexist Writing. For Writers, Editors and Speakers. London: Women's Press. 1980; Nilsen A. P. Linguistic Sexism as a Social Issue // Sexism and Language / Ed. Nilsen A. P., Bosmajan H., Gershuny H.L., Stanely J.P. Urbana: Illinois. 1977. P.1-26; Key M.R. Male/Female. With a Comprehensive Biography. 2nd Edition. London: Lanham. MD. 1986.

¹⁰⁸ Barron D. The Epicene Pronoun: The Word That Failed // American Speech, №56, 1981. P.83-97

¹⁰⁹ Eade A.J. Words and Politics: To Each Their (?) Own // ETC. A Review of General Semantics. 1979, №36. V.3. P.230-233.

¹¹⁰ Elgin S.H. A First Dictionary and Grammar of Laadan. Madison. 1988. (Revised Edition).

¹¹¹ Pauwels A. Women Changing Language. L.: Longman. 1998. P.109.

- исключить из употребления суффиксы *-ess*, *-ette*, *-(tr)ix*, обозначающие лица женского пола по профессии или статусу в обществе, как, например, в словах: *hostess* (хозяйка), *aviatrix* (летчица), *usherette* (билетерша);
- создать сложные существительные с компонентом *person* вместо *man* (*chairperson*, *tradesperson*).

Гендерная спецификация — это прием, используемый для достижения лингвистического равноправия посредством визуализации в языке «лингвистически невидимого» женского пола на основе систематического и симметричного гендерного маркирования. Он более присущ флективным языкам с грамматически выраженной (облигаторной) категорией рода — русскому, украинскому, французскому, итальянскому. К таким языкам, как английский, в котором категория рода имеет скрытый характер, этот принцип малоприменим и поэтому принимает другую форму. В частности, спецификация гендерных качеств предлагается в форме отдельной номинации женщин и мужчин или подачи альтернативных форм как женского, так и мужского рода в тех случаях, когда для обращения к лицам обоего пола традиционно употребляется форма мужского рода.

Например:

She and he, she/he, s/he

Он и она, он/она, он/а

Він і вона, він/вона,

Police women and men, actors and actresses

Гражданин/гражданка, актеры/актрисы, респондент/ка

Несмотря на все разнообразие подходов, практически везде, где осуществляется гендерное языковое планирование, оно направлено, в первую очередь на достижение лингвистического равенства полов. Целью сторонниц/ков лингвистического гендерного паритета является создание такой языковой системы, которая была бы основана на принципе максимального баланса в репрезентации полов. Сегодня уже очевидно, что построение эгалитарного, демократичного общества требует культивирования эгалитарного, демократичного языка. Обществу необходимо осознать ту истину, что язык, на котором оно говорит о паритетной демократии, имеет самостоятельное значение в формировании его гендерной чувствительности и становлении гендерного сознания, которые в свою очередь, являются основной предпосылкой, главным условием для успешного осуществления политики равных возможностей для мужчин и женщин. Поэтому распространение и внедрение в общественную практику рекомендаций по преодолению языкового сексизма должно сегодня стать одним из приоритетных направлений в формировании гендерного подхода к языковой политике. Это обусловлено под влиянием, в первую очередь, женского движения растущей чувствительностью общества к языковой дискриминации.

Ущемление прав мужчин и женщин в какой-либо сфере жизнедеятельности, в том числе в сфере языкового функционирования, неизбежно ведет к подавлению личности. Осознание этого факта в обществе привело к тому, что в конце прошлого столетия под влиянием идей женского движения во многих странах мира, а также во внутренней политике ряда международных организаций (ООН, ЕС, ЮНЕСКО) было предпринято гендерное языковое реформирование. В частности, в ряде стран были разработаны рекомендации по избеганию гендерно-дискриминационных языковых моделей и замене их антисексистскими альтернативами. Эти лингвистические нормы были закреплены официальными нормативными предписаниями и отражены в специальных руководствах для средств массовой информации.

В США уже в 1973 г. одно из самых крупных издательств McGrawhill опубликовало руководство по несексистскому правописанию для своих сотрудников. Первый официальный документ такого рода появился уже в 1974 г., когда американский Национальный Совет учителей английского языка (NCTE) издал «Руководство по несексистскому использованию языка», в котором был объявлен курс на очищение английского языка от проявлений гендерной дискриминации. Позже стали публиковаться и другие издания: «Справочник по несексистскому правописанию»¹¹², «Несексистский язык от А до Я» 1995 г.¹¹³ и т.д. Сегодня большинство издательств США принимают к печати только те рукописи, которые не содержат андроцентрических языковых штампов. Еще в 80-е гг. здесь было разработано специальное программное обеспечение, которое позволяет с помощью информационных технологий проводить гендерную экспертизу языка государственных документов.

В Германии принят специальный пункт Гражданского Кодекса, который обязывает прессу печатать только корректные с точки зрения языкового равноправия объявления о найме на работу. В 1988 г. в Бундестаге проводились слушания по вопросу гендерно-корректного оформления языка принимаемых законодательных актов. Сейчас при этом государственном органе действует специальная рабочая группа, занимающаяся гендерной экспертизой языка официальных документов.

В Великобритании радиоккомпания BBC издает для своих работников специальные справочники по несексистскому употреблению языка, такие как «Artisan», «Ambulance Worker». Эти справочники содержат перечень гендерно-нейтральных слов и выражений, которые сотрудники BBC обязаны использовать не только непосредственно во время работы в эфире, но и в повседневном употреблении. Британская социологическая ассоциация разработала и приняла для внутреннего пользования специальную политику несексистского употребления языка¹¹⁴.

Подобная традиция существует и в Австралийской Корпорации по радиовещанию, которая в 1984 г. опубликовала специальное руководство, содержащее предписания по гендерно-корректному использованию языка для национальных средств массовой информации.

В Канаде, а позже и во Франции, успешность гендерного реформирования языка была обеспечена тем, что оно осуществлялось в рамках политической кампании по достижению гендерного равенства в вопросах трудоустройства, социального обеспечения и доступа к образованию. Использование несексистского языка рассматривалось при этом как необходимое условие в обеспечении социальной справедливости и равных возможностей для продвижения женщин и мужчин в обществе. В частности, в Канаде эта проблема особенно активно разрабатывается в академической среде и сегодня ею занимаются специально созданные комитеты по вопросам гендерного равенства в сфере образования, во многих университетах разрабатывается антисексистская языковая политика, которая подразумевает, прежде всего, использование гендерно-корректных способов в преподавании и администрировании университетов.

Гендерное лингвистическое реформирование, хотя в разных масштабах и с разной степенью успешности, было осуществлено и во многих других странах мира — в Италии¹¹⁵, Новой Зеландии¹¹⁶, в скандинавских странах¹¹⁷ и т.д.

¹¹² Miller C., Swift K. The Handbook of Non-Sexist Writing. For Writers, Editors and Speakers. London: Women's Press. 1980.

¹¹³ Doyle M. The A-Z of Non-Sexist Language. London: Women's Press. 1995.

¹¹⁴ Mills S. Feminist Stylistics. London & New York: Routledge. 1995. P.87.

¹¹⁵ Sabatini Alma. El sessismo nella Lingua Italiana. Roma: Istituto poligrafico e zecca dello stato, 1993.

¹¹⁶ Pauwels A. Women Changing Language. L.: Longman. 1998.

Вопрос об искоренении сексизма в языке поднимается и международными межправительственными организациями. В рамках ЮНЕСКО он был впервые поставлен в 1987 г. на 24-й Генеральной конференции этой организации, а уже на 25-й конференции 1989 г. была принята резолюция, предписывавшая исключать гендерно-дискриминационные модели из языкового употребления. На последующих 26-й и 28-й конференциях эта резолюция дополнялась и корректировалась новыми поправками. В 1990 г. Совет Европы принял специальный документ, рекомендовавший устранять проявления сексизма в языке¹¹⁸. В нем содержалось признание взаимосвязи между языком и социальными установками в обществе и содержался призыв к средствам массовой информации пользоваться гендерно-нейтральным языком.

В то же время следует признать, что несмотря на все существующие на сегодня достижения в области преодоления гендерной лингвистической дискриминации, остается еще ряд серьезных вопросов, которые необходимо решить для успешного преодоления этой проблемы. В частности, даже в тех странах, которые преуспели в гендерном лингвистическом реформировании, существенным препятствием в осуществлении этого процесса является то, что до сих пор не существует всеобщих защищенных законом правил (вплоть до применения штрафных санкций), которые гарантировали бы реализацию достижений общественного прогресса в данной области и не давали бы возможности ответственным лицам и органам избегать указанных нововведений. Многие исследователи признают, что введение и распространение несексистских языковых моделей само по себе не гарантирует несексистское использование языка в обществе¹¹⁹. В этом смысле нельзя не согласиться с Дж. Маркович¹²⁰, которая считает, что до тех пор, пока новые правила гендерной лингвистической корректности не будут институционализированы, пока они не будут введены в принудительном порядке, реакция со стороны официальных органов будет минимальной. Хотя заметен весьма существенный прогресс в повышении гендерной чувствительности общественного лингвистического сознания, потребуются, очевидно, еще не одно поколение, чтобы предлагаемые изменения прочно вошли в ресурсы языков мира.

Принимая во внимание все вышесказанное, считаю, что сегодня проблема языкового сексизма не может больше оставаться вопросом локального значения, и ее разработка не должна ограничиваться рамками внутренней языковой политики отдельных стран, которые избрали путь гендерного лингвистического реформирования. Это — глобальная проблема, которая требует универсального, комплексного решения, и она должна регулироваться не разрозненными административными актами национального уровня, а международными нормами права.

Во-первых, уже само признание факта существования гендерной лингвистической дискриминации обуславливает потребность в актуализации проблемы нарушения лингвистических прав личности по гендерному признаку. Во-вторых, поскольку становится очевидной связь гендерной лингвистической дискриминации с нарушением социальных и экономических прав человека, встает вопрос о необходимости

¹¹⁷ Hellinger M. Revising the Patriarchal Paradigm. Language Change and Feminist Language Politics // Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse / Ed. Ruth Wodak. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 1989. P.273-288.

¹¹⁸ Recommendation No R (90) 4 of the Committee of Ministers to Member States on the Elimination of Sexism from Language and Explanatory Memorandum. European Commission. 1990.

¹¹⁹ Ehrlich S., King R. Gender-Based Language Reform and the (De)Politicization of the Lexicon // The Sociolinguistics Reader. V.2: Gender and Discourse / Ed. Jenny Cheshire. 1998, London. P.178-194.

¹²⁰ Markowitz J. The Impact of the Sexist-Language Controversy and Regulation on Language in University Documents // Psychology of Women Quarterly. 1984, №8. P.337-347.

идентификации языкового сексизма не просто как нарушении этических или административных норм в отдельных странах, а как о нарушении фундаментальных прав личности и включении гендерного аспекта лингвистических прав в общий перечень прав человека.

Таким образом, в более широком контексте необходимо говорить об актуальности признания гендерных лингвистических прав в качестве самостоятельного аспекта базовых прав человека, который должен получить как национально-специфическое, так и межкультурное решение. При этом предлагаю понимать гендерное лингвистическое право как *право личности на лингвистическую репрезентацию своей гендерной принадлежности*.

Иными словами, речь идет о праве женщин и мужчин иметь равную представленность своего гендера в языке и претендовать на такие лингвистические ресурсы, которые могли бы адекватно и справедливо выражать их гендерные качества. Это право должно быть признано как независимое, самостоятельное, подлежащее судебному опротестованию и гарантируемое каждому индивиду.

Таким образом, предлагаю на международном уровне поставить вопрос о необходимости рассмотрения гендерных лингвистических прав в числе основных прав личности и включении гендерного аспекта лингвистических прав в общий перечень индивидуальных прав человека, что потребует глубокой теоретической разработки данного вопроса, его вербализации через средства массовой информации, вынесения на обсуждение общественностью и лоббирования на уровне принятия решений. В свою очередь, решение этой задачи обуславливает необходимость комплексной трансформации государственной языковой политики и языкового планирования в направлении инкорпорирования гендерного подхода в их формировании с целью ликвидации существующего гендерного лингвистического неравенства в функционировании национальных языков.

На современном постсоветском пространстве и, в частности, в Украине, проблема гендерного равенства в языке еще не стала предметом специального внимания. Обсуждение этого вопроса на страницах научных и популярных изданий имеет скорее спорадический характер и отражает позиции отдельных исследователей и активисток женского движения, нежели общественное мнение в целом. В документах Совета Европы подчеркивается, что «поскольку в языке, как в зеркале, отражается отношение общества к проблеме гендерного равноправия, то уже сам факт признания социумом наличия в его языке сексистских тенденций является важным шагом на пути преодоления гендерной лингвистической дискриминации и продвижения к истинной гендерной демократии»¹²¹.

Думаю, что сегодня пришло время сделать этот важный шаг и в постсоветских странах. Необходимо официально признать наличие сексистских форм, по крайней мере, в украинском и русском языках и предпринять действия для того, чтобы:

- во-первых, донести до сознания широкой общественности идею существования гендерной языковой дискриминации как проявления нарушения основных прав человека;
- во-вторых, начать широкомасштабную кампанию по искоренению сексизма из языковых ресурсов наших славянских культур.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

¹²¹ Equality and Democracy: Utopia or Challenges? // Materials of the European Conference, Strasbourg, 9-11 February, 1995.

- разработать рекомендации по гендерно-корректному употреблению национального языка и отразить их в специальных справочниках, словарях и руководствах для работников средств массовой информации, редакторов, преподавателей школ и вузов и других профессий, связанных с публичным использованием языка;
- разработать и принять нормативные акты, обязывающие редакции принимать к печати только те материалы, которые соответствуют принципам гендерного равноправия в языке;
- лоббировать проведение гендерной экспертизы языка законодательных и нормативных актов, что позволило бы выявлять и устранять случаи гендерной дискриминации языковыми средствами;
- ввести санкции за гендерную некорректность употребления языка в официальной сфере общения;
- провести гендерную экспертизу реестра официально зарегистрированных профессий, всей совокупности специальностей, должностей, научных степеней и званий, знаков отличия и т.д. с тем, чтобы зафиксировать в нем не только мужские, но и женские их варианты.

Необходимость и актуальность гендерного подхода к языковому планированию в новых независимых государствах, вставших на путь демократического развития, подтверждается его результативностью в тех странах, где уже осуществлялись гендерные лингвистические реформы. Исследования, проведенные на материале английского языка в США¹²², Новой Зеландии¹²³, Австралии¹²⁴ и Канаде¹²⁵ и немецкого языка в Западной Германии¹²⁶ продемонстрировали существенные изменения в гендерном общественном сознании и возрастание гендерной чувствительности общества, произошедшие за период после введения гендерных инноваций в языковое законодательство этих стран. В частности, зафиксировано значительное уменьшение количества гендерно-маркированных лексических и грамматических форм в прессе, в первую очередь молодежной. Как отмечает известная британская феминистка Дебора Камерон, многие из тех, кто несколько лет назад даже не задумывался о существовании данной проблемы, сегодня признают существование сексистского и несексистского языков, а гендерно-нейтральные модели все чаще и чаще становятся обычными в языке прессы¹²⁷.

Сразу же хотелось бы предостеречь от возможности неадаптированного использования как на украинском, так и на русском языковом материале тех методов, которые были наработаны в западной практике гендерного языкового реформирования, в частности в англо-, франко- и немецкоязычных странах. Такой подход может полностью нивелировать саму идею гендерных реформ в языковых ресурсах этих двух, хотя и родственных, но все же разных культур. Каждая языковая культура обладает своей уникальной, исторически сложившейся гендерной идентичностью и ее коррекция в сторону демократизации требует

¹²² Cooper R. The Avoidance of Androcentric Generics // International Journal of the Sociology of Language. №50. P.5-20.

¹²³ Meyerhoff M. A Study of Sexist and Non-Sexist Language in Written New Zealand English. Unpublished project paper at the Victoria University in Wellington, NZ, 1984.

¹²⁴ Pauwels A. Feminist Language Planning: Has it Been Worthwhile? // Linguistic Online. 1999, №2. <http://viadrina.eu-frankfurt.de/~wjournal/>

¹²⁵ Ehrlich S., King R. Gender-Based Language Reform and the (De)Politicization of the Lexicon // The Sociolinguistics Reader. V.2: Gender and Discourse / Ed. Jenny Cheshire. 1998, London. P.178-194.

¹²⁶ Fleischhauer U. Sprachpolitik und Sprachwandel: Eine Kontrastive Analyse Deutsch-und Englischsprachiger Stellenanzeigen. Unpublished Staatsexamenarbeit, Universität Hannover, 1983.

¹²⁷ Cameron D. Feminism and Linguistic Theory. London: Macmillan, 1985. P.73.

тончайшего аутентичного методологического инструментария. Важно иметь в виду, что гендерные языковые ситуации могут существенно различаться даже в тех национальных культурах, которые пользуются одним и тем же языком. Следовательно, и стратегии гендерных лингвистических преобразований также должны разрабатываться в строгом соответствии с особенностями лингвистических и социальных реалий конкретной языковой ситуации. Так, Д. Камерон указывает, что рекомендации по несексистскому употреблению английского языка, разработанные американскими исследователями, часто оказываются неприменимыми или бесполезными даже применительно к условиям функционирования того же английского языка в Великобритании¹²⁸.

Следует иметь в виду и то, что лексико-грамматическая организация языка сама по себе диктует возможности для большей или меньшей степени свободы в осуществлении гендерного лингвистического реформирования. В связи с этим Г. Яворская отмечает, что гендерная реформа такого плана, как та, которая имела место в языках со скрытой грамматической категорией рода, в частности, в английском языке США и Великобритании, лишена смысла в языках с обязательной категорией рода (украинском, русском, белорусском, французском, итальянском и т.д.) и совершенно невозможна в языках, не имеющих категории рода, как например, китайский¹²⁹. Гендерная либерализация языковых ресурсов требует нестандартного, самобытного, творческого подхода к достижению поставленной цели, тщательно разработанной национальной концепции и весьма осторожного, взвешенного отношения к опыту зарубежного гендерного лингвистического реформирования.

Думаю, что сегодня задача очищения языка от проявлений сексизма актуальна для всего постсоветского пространства и ее решение должно стать делом самого ближайшего будущего. Для этого потребуются консолидация усилий всего общества — в первую очередь, исследователей разных областей знания — лингвистов, юристов, культурологов, социологов, а также активистов правозащитных организаций, женской общественности, средств массовой информации, представителей издательских кампаний, государственных органов и всех тех, кто заинтересован в демократических преобразованиях в постсоветских странах.

¹²⁸ Cameron D. Lost in Translation: Non-Sexist Language // The Feminist Critique of Language: A Reader. London; New York: Routledge. 1998. P.155-163.

¹²⁹ Яворська Г.М. Прескриптивна лінгвістика як дискурс: мова, культура, влада. К., 2000.

МАТРИАРХАТ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ КОНСТРУКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ УТОПИИ

*Анна Бородина,
Дмитрий Бородин*

«МАТЕРИНСКОЕ ПРАВО» И.Я. БАХОФЕНА И КОНЦЕПТ «МАТРИАРХАТ»

Введение

Человеческое сознание существует, по крайней мере, в двух измерениях: на повседневном и научном уровнях. На повседневном уровне оно редко выходит за рамки решения индивидуальных, зачастую сиюминутных, мелкомасштабных, чисто утилитарных задач; на этом уровне люди оперируют относительно размытыми понятиями. Напротив, на научном уровне человеческое сознание ставит перед собой более сложные задачи, связанные с адекватным восприятием и интерпретацией реальности и последующей адаптацией сообщества к ее условиям. Для решения подобных проблем необходимо выработать относительно строгие категории. Разумеется, разграничение между двумя уровнями весьма условно, они активно взаимодействуют — собственно, само существование второго уровня, опирающегося на сравнительно точные, отрефлексированные, обобщенные и формализованные знания, имеет смысл только в том случае, если он оказывает влияние на повседневное сознание, стараясь приблизить его к себе. Процесс этот всегда длительный и неполный: даже если повседневное сознание человека усваивает какую-то часть из предложенного наукой, всё же сохраняется временной и качественный разрыв между вышеозначенными уровнями. Однако и повседневное сознание активно влияет на формирование сознания научного, этот процесс особенно заметен в социальных и гуманитарных дисциплинах: стереотипы, утвердившиеся на уровне повседневного сознания, находят отражение и в научном сознании. Парадоксальность ситуации заключается в том, что в силу временного разрыва, о котором говорилось выше, повседневное сознание усваивает материал, предложенный наукой, тогда как с точки зрения научного сознания он оказывается опровергнутым либо устаревшим. Именно в этот момент массовое сознание, словно по инерции, “возвращает” усвоенные им знания в виде общеупотребительных понятий, причем проходит определенный промежуток времени, прежде чем научное сознание обнаруживает наличие сомнительного в силу своей эфемерности понятия в категориальном аппарате. Между тем подобное понятие начинает воспроизводиться и принимается уже как данность. Избежать подобной ситуации можно, периодически подвергая критическому осмыслению устоявшуюся понятийную базу.

В настоящей статье предпринята попытка проследить эволюцию одного из самых общепринятых (как на уровне повседневного, так и на уровне научного сознания) понятий — матриархата. Что такое матриархат, казалось бы, общеизвестно. На повседневном уровне наше коллективное сознание твердо усвоило, что в истории человечества был период, известный под этим названием; многие ученые придерживаются такой же точки зрения¹³⁰. В этой связи представляется небесполезным попытаться вырваться из капкана “общеизвестного” и переосмыслить матриархат как научную категорию. Необходимо сделать одно предварительное замечание. Авторы статьи не ставили своей целью

¹³⁰ См, например: Шелковая Н. Женщина в древнем мире // Теория и история феминизма: Курс лекций. Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: Ф-Пресс, 1996. С.263.

анализ исторических источников: речь, стало быть, пойдет не о фактах, обычно рассматриваемых в рамках древнейшего периода человеческой истории. В фокусе анализа — концептуальные построения, использовавшие ту или иную концепцию “матриархата” с тем или иным идеологическим прицелом.

Матриархат прочно вошел в повседневное сознание людей, живущих на постсоветском пространстве. По справедливому замечанию одного из ведущих российских антропологов, “большая часть населения нашей страны (имеется в виду Россия — А.Б., Д.Б.) в существовании “эпохи матриархата” до сих пор, по всей видимости, даже не сомневается”¹³¹. Поводов для возникновения каких-либо сомнений пока достаточно немного, если учесть, что значительная часть школьных и даже некоторые вузовские учебники¹³² продолжают повторять как магическое заклинание мысль о матриархате как универсальной стадии человеческой истории. Образ общественного строя, основанного на господстве женского пола, укоренившийся в сознании нескольких поколений благодаря усилиям советской образовательной системы, поддерживается и воспроизводится и средствами массовой культуры¹³³.

Между тем, существующая на сегодняшний день в социальных и гуманитарных дисциплинах трактовка термина “матриархат” лишена однозначности и универсальности. Прежде всего, смысл данного в антропологии и социологии понятия сузился до обозначения “типа семейных отношений, при которых главой семьи является мать, а происхождение прослеживается по материнской линии”¹³⁴. Предпринимаются попытки переосмыслить идеологическую направленность и методологическую ценность указанной категории¹³⁵. При этом необходимо отметить, что сам термин “матриархат”, если и не выпал окончательно из научного оборота, то оказался в настоящее время предельно маргинализированным. Во многом, такое положение вещей объясняется идеологической перегруженностью самого термина, а также кризисом научных парадигм, в рамках которых он сформировался — эволюционизма и его советской разновидности — марксистско-ленинской методологии (“исторического материализма”).

Необходимо отметить, что само слово “матриархат” изначально было искусственно сконструировано: это симбиоз греческого корня *arche*, обозначающего одновременно “власть” и “начало, исток” и латинской приставки *matri*, означающей “относящийся к

¹³¹ Коротаяев А.В. Дж. П. Мердок и школа кросс-культурных исследований // Мердок Дж. Социальная структура / Пер. с англ. А. Коротаяева. М.: ОГИ, 2003. С.482.

¹³² См., например, выпущенный большим тиражом и достаточно востребованный вузовский учебник по истории России: Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней. 1999. С.9.

¹³³ Самый яркий пример здесь — эпизод из популярного фильма Ю. Чулюкина “Девчата” (Мосфильм, 1961 г.). Героиня Н. Румянцевой (Тоська) говорит, одобряя решительный поступок своей соседки по комнате:

- Правильно ты его, Анфиска, так им и надо! Знаешь, было такое время, вот мы сегодня по истории проходили, *когда женщины мужчинами командовали* (Курсив наш — А.Б., Д.Б.) Очень правильное было время! Я вот только его название забыла!

- Матриархат что ли?

- Ах! Ты тоже знаешь! Вот они где у нас сидели голубчики (сжимая кулак)! Так нет, выпустили их древние женщины, вот они теперь и командуют!

Весьма характерно, что ни одна/ни один из студентов Тверского государственного университета, почти дословно воспроизводивших определение матриархата, предложенное Тоськой не мог вспомнить источник, из которого они узнали об этом (учебник, рассказ учителя или родителей). Фильм, однако, смотрели все опрошенные и все “вспоминали” данный эпизод.

¹³⁴ Аберкромби Н., Хилл Р., Тернер Б. Социологический словарь / Пер. с англ. И.Ясавеева; Под ред. С.А. Ерофеева. М.: “Экономика”, 2000. С.163.

¹³⁵ Бородин А.В., Бородин Д.Ю. Матриархат: опыт рассмотрения исторической утопии в феминистской перспективе. // Женщины. История. Общество / Под общ. ред. В. И. Успенской. Тверь: ТОКЖИ, 2002; Муравьева М.Г. Матриархат // Словарь гендерных терминов / Ред. А.А. Денисова. М.: Информация – XXI век, 2002.

матери, материнству”¹³⁶). Ввел этот термин в 1896 г., в качестве комплиментарного для уже существовавшего понятия “патриархат”, британский антрополог Э.Тайлор. Сам концепт, однако, к тому моменту уже существовал: его возникновением¹³⁷ мы обязаны швейцарцу Иоганну-Якобу Бахофену (1815—1887), чей труд “Материнское право” был опубликован за 35 лет до того¹³⁸.

Базельский правовед, по его собственным словам, первым “вступил как бы на нетронутую целину, ещё ожидающую первого плуга”, поскольку, “до нынешнего времени история древних времён ещё не говорила о материнском праве”¹³⁹. Бахофен учился в лучших европейских университетах в эпоху господства идей романтизма, что, по-видимому, во многом предопределило направление его творческого поиска. Этим направлением стала древность, где, вполне в духе времени, Бахофен отыскивал свой “золотой век” — век “господства” материнского права.

В этой статье нам хотелось бы проанализировать “Материнское право” Бахофена как социально-историческую утопию, оказавшую значительное влияние на развитие социальных дисциплин и общественных движений. Этим обусловлена структура настоящей статьи, которая состоит из двух взаимодополняющих друг друга частей.

Часть первую можно озаглавить “Матриархат Бахофена”. В оригинальной концепции Бахофена, на наш взгляд, прослеживается, по крайней мере, 5 дискурсивных направлений: 1) Матриархат как стадия младенчества народов (человечества); 2) Матриархат как принцип Афродиты; 3) Матриархат как поэзия истории; 4) Матриархат: женщина как оплот общества; 5) Матриархат как зеркальное отражение патриархата.

Появление второй части статьи — “Матриархат после Бахофена” — обусловлено тем, что книга Бахофена вызвала неоднозначную реакцию как среди современников, так и среди последующих поколений читателей: одни считали Бахофена выдающимся ученым, отводя ему место в одном ряду с Ч.Дарвином; другие называли его концепцию досужими измышлениями. В любом случае, влияние работы Бахофена, эксплицитно или имплицитно, присутствует в литературе по широкому кругу вопросов — антропологии, древней истории, философии, этнологии, и проч. В этой связи интересной представляется попытка проследить, как идеи, высказанные Бахофеном, преломились в работах более поздних авторов. Слово “преломились” здесь является, по нашему мнению, ключевым, так как далеко не всегда имело место прямое заимствование идей или их сознательная адаптация / рецепция. В данной статье мы будем придерживаться той точки зрения, что матриархат — это идеологический миф (мифологический конструкт). Наша основная цель состоит в том, чтобы, опираясь на “Материнское право” Бахофена, показать, как много несхожих, а порой и взаимоисключающих выводов можно сделать из “канонического” текста.

Исходя из основных положений работы Бахофена, можно выделить 3 основных варианта дальнейшего развития его идей, существующих в современных социальных исследованиях. Авторы настоящей статьи сознают, что ее построение носит сугубо спекулятивный характер, что книга Бахофена могла породить значительно бóльшие (или

¹³⁶ Sanday P.R. Matriarchy as a Sociocultural Form: An Old Debate in a New Light. A paper presented at the 16th Congress of the Indo-Pacific Prehistory Association, Malaka, Malaysia, 1-7 July, 1998: www.sas.upenn.edu/~psanday

¹³⁷ Здесь необходимо сделать ещё одну оговорку. Сам И.Бахофен использовал понятия “материнское право” и “гинекократия”, полагая, что открытые им феномены основывались на двух принципах, названных им соответственно принципом Афродиты (неконтролируемая сексуальность) и принцип Деметры (материнство и связанный с ним социальный статус женщины). Предложенный Тайлором термин изначально не содержал в себе, как отмечает Пегги Сэндей, идеи о социально-политическом господстве женщин (собственно и у И. Бахофена здесь не все столь однозначно, как будет продемонстрировано ниже), однако вскоре “впитал” оба понятия, использовавшиеся Бахофеном и вытеснил их. Так возникла традиция называть концепт, предложенный Бахофеном, “матриархатом”. См. Sanday P.R. Указ. соч.

¹³⁸ Бахофен И. Материнское право // Классики мирового религиоведения. М., 1996.

¹³⁹ Указ. соч. С.216-217.

значительно меньшие) последствия, однако считают, что даже приблизительный набросок в генеалогии мысли может оказаться полезным для ответа на многие из поставленных выше вопросов. Итак, среди возможных вариантов реакции на идеи Бахофена мы рассматриваем следующие: 1) Матриархат как оправдание патриархата; 2) Матриархат как “гилания”; 3) Матриархат как универсальная стадия исторического развития.

Матриархат Бахофена

1. Матриархат как стадия младенчества народов (человечества)

Сам Бахофен называл открытое им общество обществом господства материнского права и эпохой гинекократии. Для гинекократии, по Бахофену, характерно наличие как правового (отсюда и материнское **право**), так и морального аспектов. Последний зиждется на двух “естественных чувствах”, женской религиозности и материнской любви. Чувство материнской любви “не чуждо ни одной эпохе” и “само по себе сразу рождает понимание”¹⁴⁰. Материнская любовь, в её вечной неизменности и универсальности, есть своего рода ключ к пониманию описываемого Бахофеном явления. Материнская любовь для Бахофена — это тот культурный код, через призму которого следует (вос)принимать эпоху господства материнского права. Любовь к матери суть “таинственная сила, которой в равной степени проникнуто всякое существо из земной твари”¹⁴¹. Через “волшебство материнства” “человечество впервые дорастает до цивилизации”¹⁴², отсюда начинается его рост¹⁴³.

Пожинающие плоды материнской любви народы гинекократических государств невинны как дети: “всякий древний человеческий род”, подчиняющий своё бытие законам матриархата, “предстает перед нами в свете Сатурна — свете невинности”¹⁴⁴, — пишет Бахофен. Непрерывная забота матери ведёт к “вечному несовершеннолетию сына”¹⁴⁵, вырастающего скорее физически, чем духовно, в покое и полноте, которые представляет сельская жизнь, наслаждающегося уходом материнских рук вплоть до зрелого возраста”¹⁴⁶. Древние народы, согласно этой логике, наслаждаются счастьем “материнского господства”. Бахофен подчёркивает “материально-плотскую”, “материнско-теллурическую”¹⁴⁷ природу этого счастья находиться в подчинении (у матери). Однако, гинекократия, по Бахофену, являясь как “свидетельством прогресса и культуры, так и “источником и гарантом её благ”, предстает лишь “необходимым периодом в воспитании человечества”¹⁴⁸. Логичным следствием такого подхода является мысль о патриархатном обществе как об обществе духовно более зрелом, “совершеннолетнем”. Однако такое “совершеннолетие” влечет за собой опасные последствия. Интересную параллель можно отыскать у представителей Франкфуртской школы, также использовавших метафору взросления в отношении человечества.

Выход из “состояния своего несовершеннолетия, в котором человек находится по собственной вине”, был предложен еще Кантом — это Просвещение. А Просвещение,

¹⁴⁰ Там же. С.229.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С.230.

¹⁴³ Там же. С.228.

¹⁴⁴ Там же. С.229.

¹⁴⁵ Там же. С.232.

¹⁴⁶ Примечательно, что Бахофен всякий раз “забывает” о дочерях и сёстрах, поскольку они не столько дети матери, сколько сами представляют собой одно из воплощений (потенциального) материнства и девическую ипостась Великой Богини.

¹⁴⁷ Там же. С.246.

¹⁴⁸ Там же.

считают М.Хоркхаймер и Т.Адорно, сделало своей программой “расколдовывание мира”, в результате чего “просвещённая планета воссияла под знаком триумфирующего зла”¹⁴⁹. По мнению Хоркхаймера и Адорно, диалектика просвещения представлена в мифе об Одиссее¹⁵⁰. Обман и замещение жертвы словом противостоят “истинности” предшествующих отношений, которые неизбежно покоряются новому герою. Хитроумный герой — мужчина — покоряет божеств матриархата, с одной стороны, через приспособление и уподобление силам природы, а, с другой стороны, через обман — “родимое пятно рации”¹⁵¹. Встреча Одиссея с образами матриархального мира в царстве Аида демонстрирует бессилие прежнего общества: “образ матери бессилён, слеп и безгласен, он — фантом, равно как и эпическое повествование в тех его моментах, в которых оно во имя образа отрекается от языка”¹⁵². Итак, образ матери уже не священен, а бессилён, а роль женщины сведена к усладе порока и закабалению¹⁵³. Стадия младенчества — несовершеннолетия — преодолена, но ценой крови, смерти, самоотречения от своих корней и своей идентичности. В этом смысле патриархат в лице тоталитарного общества¹⁵⁴ полностью подчиняет себе матриархат как живую связь с матерью, а значит, и со всем миром через стратегии и диалектику просвещения. Однако подчинение не проходит без последствий. А.Эткинд полагает, что “просвещение вызывало к жизни силы, противоположные ему по качеству и направлению. Буржуазная цивилизация очищала жизнь от страсти и карнавала, освящала собственность и семью, разграничивала частную и публичную жизнь, признавала право на насилие за одним государством и оставляла человека наедине с его жизненным циклом. Она вызывала к жизни встречные движения, отрицавшие собственность, семью и рациональность, полные анти-бюрократического протеста, уверенные в своём праве на насилие, сливавшие частную и публичную жизнь, дававшие новые обещания бессмертия”¹⁵⁵.

2. Матриархат как “принцип Афродиты”

К вышеупомянутым встречным движениям относились и анархисты, проповедующие, среди прочего, “возвращение к матриархату, к мнимому первобытному райскому состоянию”¹⁵⁶. Последнее предполагало свободу от брачных уз моногамии, возвращение к жизни, которая, в силу своей природной правильности, сама творит правильные формы из себя самой”¹⁵⁷. Подобное отношение к самовоспроизводящейся жизни Бахофен сравнивает с болотной растительностью, которая являет собой воплощение принципа Афродиты — матери неупорядоченной и вольной, разрешающей любое (не) детородное проявление сексуальности. Собственно, по Бахофену, период господства принципа Афродиты (гетеризма) предшествует зрелой гинекокрации, основанной на власти Деметры (узаконенной матери-супруги). Сам Бахофен рассматривал стадию гетеризма как хаос, из которого возникает порядок.

В дальнейшем принцип Афродиты как свободной сексуальности вызывал неоднозначные интерпретации. Для Г.Маркузе¹⁵⁸ и В.Райха¹⁵⁹ он был центральным в понимании матриархата, поскольку свободная сексуальность рассматривалась данными авторами

¹⁴⁹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: Философские фрагменты / Пер. с нем. М.Кузнецова. М.; СПб., 1997. С.16.

¹⁵⁰ Указ. Соч. С. 61, 103.

¹⁵¹ Там же. С.83.

¹⁵² Там же. С.98-99.

¹⁵³ Там же. С.104-148.

¹⁵⁴ Как известно, Хоркхаймер и Адорно трактовали тоталитарное общество шире, чем Х. Арендт и другие “тоталитаристы”: речь идет, прежде всего, об усилившейся в эпоху Просвещения тенденции общества диктовать свои условия индивиду.

¹⁵⁵ Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. С.675.

¹⁵⁶ См. Шмидт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С.95–99.

¹⁵⁷ Указ. соч. С.95.

¹⁵⁸ См. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995.

¹⁵⁹ См. Райх В. Психология масс и фашизм. М; СПб., 1997.

как один из способов протеста против тоталитаризма. С диаметрально противоположных позиций подошел к этому вопросу итальянский мыслитель Ю.Эвола: он полагал, что усиление сексуальной власти женщины, “вся эта гинекократия, безмолвное превосходство всего женского” свидетельствует о безусловном упадке цивилизации. В своей книге “Метафизика пола”, вышедшей в 1950 г., Эвола отмечает, что в современной ему цивилизации Запада пропадает интерес к интеллектуальной жизни, высоким чувствам, поскольку все вытесняется стремлением к телесному (прежде всего сексуальному) удовольствию, которое, в первую очередь, олицетворяет женщина¹⁶⁰. Будучи сторонником гармонично комплиментарных отношений между полами (в их основе лежит платоновский миф об андрогине и идея о существовании абсолютной женщины и абсолютного мужчины), Эвола настаивает, что ведущую роль в развитии этих отношений должен играть мужчина как носитель активного начала. Западная же цивилизация, “одурманенная” эротизмом (и, следовательно, властью женщин) и культом секса, больна: “Китай был побежден опиумом, мусульманский мир — гашишем, Запад — женщиной. Видов отравы много. Запад из них избрал любовь”¹⁶¹. Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что принцип Афродиты явился одной из самых приметных составляющих понятия матриархата. В силу своей скандальной притягательности принцип Афродиты (известный также под названием промискуитета) в наши дни фактически подменил собой оригинальную категорию матриархата, подобно тому как часть порой подменяет целое. Проблема власти / господства женщин оказалась оттесненной на второй план проблемой свободной сексуальности.

3. Матриархат как поэзия истории

Кроме всего прочего, матриархату, согласно Бахофену, присуще проявление величия и “древней величавости, совершенно не свойственной эллинистической культуре”¹⁶². Данные качества основываются на “превознесении материнской доброты, материнского имени”, поскольку женщина в первую очередь — это мать. Материнское право — суть “кульминационный момент целой культуры”, предшествующей эллинской и носящей всеобъемлющий характер. Эту культуру Бахофен относит к “серебряному веку человечества”, называя её “поэзией истории”¹⁶³. В ней действуют женщины “безупречной красоты”, целомудренные и высокие духом. Им не уступают мужчины — “рыцари без страха и упрека”, целомудренные и порядочные юноши. Высшая храбрость у мужчин (не у женщин) здесь сочетается “с добровольным признанием женской власти”: “все воинственные народы Э послушны женщине”¹⁶⁴.

Выбор слов свидетельствует о частичном отождествлении Бахофеном романтических идеалов средневекового рыцарства с описываемым им периодом древней истории. Эти искания, несомненно, отдают анахронизмом, но их вполне можно понять: в своем мифе Бахофен пытался найти убежище от засилья рационализма, индивидуализма и жестокости, свойственных современному ему миру. Создавая свою историческую утопию, он, видимо, хотел защититься от ужасов европейских революций 1848—1849 гг., найти отдушину в своём матриархате. Последний же осознаётся как земля обетованная, всепрощающее материнство, рыцарские чувства мужчин и возвышенность женщин, — словом, средоточие всех тех свойств и отношений, которых Бахофену по тем или иным причинам не хватает: как только исчезают “парение духа” и “воля к подвигу”, тут же “обнаруживается начинающееся тление”¹⁶⁵. Гимн матриархату являет собой особый идеологический приём, призванный показать возможный путь существования общества, который не надо выдумывать и изобретать — он уже существовал в прошлом.

¹⁶⁰ Эвола Ю. Метафизика пола / Пер. с франц. В. Русинова. М.: Беловодье, 1996. С.34-35.

¹⁶¹ Там же. С.50.

¹⁶² Бахофен И. Указ. соч. С.220.

¹⁶³ Там же. С.232, 235.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. С.236.

Достаточно лишь его изучить и постараться воспроизвести более приятные человечеству и обществу нормы и отношения.

4. Матриархат: женщина как оплот общества.

Матриархат подразумевает главенство (“принципат”) матери и связанных с этим чувств. Материнство для Бахофена есть “исходный пункт для развития всякой добродетели, для формирования любого благородного проявления жизни”, действуя как “божественный принцип любви, единения и мира”¹⁶⁶. Через заботу о потомстве женщина переходит к заботе обо всех и каждом, направляя “всю изобретательность, которой только располагает её дух”, на “поддержание и улучшение иной жизни”. Отсюда проистекает “всё благо жизни”. Именно на “общности материнского лона”, по мнению Бахофена, “покоится Э принцип всеобщей свободы и равенства”: все люди — братья (и сёстры? — А.Б. Д.Б.) в том смысле, что все они вышли из “порождающего материнства”¹⁶⁷ и живут в “материнской стране”, у всех одна родина-мать¹⁶⁸. Всеобщее братство¹⁶⁹ не допускает раздора и отрицает враждебность, этим и “прославлялись гинекократические государства”. Присущий матриархату культ Богини подразумевает обычаи у разных народов “молить “великую Мать” Э за весь народ в целом”, растворение индивидуальности в “единой массе”¹⁷⁰.

Уже само по себе материнство обладает “религиозной благодатью”. Кроме того, гинекократическое право строится на “религиозных основах”, что для Бахофена имеет первостепенное значение: для него “существует только один могущественный рычаг всякой цивилизации — это религия”¹⁷¹. И в этом смысле власть женщин вполне легитимна, ведь именно женщине, полагает Бахофен, свойственно “глубокое, полное предчувствий постижение божества, которое, сплавляясь с чувством любви, и в самые дикие времена давало женщине, особенно матери¹⁷², исключительно действенную религиозную силу”. Образование и культура народов, полагает Бахофен, построены на способности женщины к воспроизводству и трансмиссии основных ценностей общества, ибо “женский дух устремлён к сверхъестественному, божественному, неподвластному закономерности и чудесному”. Поэтому именно женщины “особенно призваны к тому, чтобы охранять почитание божества”. Бахофен отмечает “волшебную силу женщины, которая разоружает самые дикие страсти” и “разводит борющиеся стороны”¹⁷³.

Эта сила, приведшая к “вырыванию более слабыми (женскими) руками скипетра власти”¹⁷⁴ при матриархате, для многих авторов имела большое значение. А. де Токвиль полагал, что религиозность американского общества — одно из условий демократии в

¹⁶⁶ Там же. С.229.

¹⁶⁷ Там же. С.230.

¹⁶⁸ Интересная параллель напрашивается с лозунгами Французской революции о свободе, равенстве и братстве, которые феминистки соотносят с идеей абстрактной справедливости Аристотеля. По Бахофену, равенство через любовь и эмпатию не менее значимо, чем равенство в абстрактной справедливости. Тем не менее, оба принципа равенства изначально распространялись не столько на женщин, сколько на мужчин.

¹⁶⁹ Вновь отметим, что женщина для Бахофена — это древняя властительница, “мать” и “супруга”, но не “сестра” и не “дочь”. Категории “сёстры”, “сестринство” в тексте Бахофена отсутствуют, что вряд ли можно объяснить одним лишь андроцентризмом языка, на котором писал автор, и языка перевода. Категория “братства” порождена, в том числе, публичной сферой Французской революции 1789 г. и последующей Декларацией прав человека и гражданина, введшей в либеральный дискурс “братство” как идеологему, как норму равноправных отношений между людьми. “Сестринство” же в нефеминистских текстах по-прежнему сводится к обозначению родственных отношений в семье. Таким образом, у Бахофенских женщин нет сестёр и дочерей, но есть дети — будущие зрелые мужчины-братья, вышедшие из одного “общего” материнского лона.

¹⁷⁰ Бахофен И. Указ. соч. С.231.

¹⁷¹ Там же. С.237.

¹⁷² В этом смысле материнство можно считать одним из условий религиозности женщины.

¹⁷³ Бахофен И. Указ. соч. С.238.

¹⁷⁴ Там же. С.237.

Америке — кроется именно в женщине как хранительнице веры, ибо “нередко религия в этой стране не может уберечь мужчину от великого множества соблазнов. Но она (религия) безраздельно властвует над душой женщины, а ведь именно женщина создаёт нравы”¹⁷⁵. Схожая точка зрения господствует и в православной литературе: “вера Христова, столь близкая душе *человеческой*, ещё более сродни душе *женщины*”¹⁷⁶.

Святость, хранящая общество, в этой логике столь же свойственна российским женщинам, сколь и американским у де Токвиля. Позиционирование женщины как оплота христианской веры и земли русской восходит к правлению княгини Ольги: “утренней зарёй Богомудрия равноапостольной княгини Ольги взошла над Святой Русью женская святость, раскинулась дивными радужными цветами служения материнского, молитвенного, милосердного и воссияла полуденным солнцем исполнения величайшей Евангельской заповеди — положить живот свой за други своя”¹⁷⁷. Механизм воспроизводства этой святости, как и при культе Великой Богини, наследственный — от матери к дочери: “духовная книга русской женской святости не завершена и не завершится, пока живы наши матери”¹⁷⁸. Проведённый недавно опрос населения России показал, что 81% традиционных верующих в нашей стране — это женщины¹⁷⁹.

Таким образом, представления о женской набожности, святости и религиозности как составляющих матриархата перешли и в другие эпохи и страны и до сих пор актуальны. Тем не менее, непонятным остаётся тот факт, каким же образом одна и та же религиозность может служить культу принципиально разных богов, и почему религиозность женщины, согласно этому подходу, неизменно в ней присутствующая, не ведёт к возрождению матриархата.

5. Матриархат как зеркальное отражение патриархата

Как пишет Бахофен, “гинекократическое семейное право представляет непривычную противоположность не только нашему нынешнему, но даже и античному сознанию”¹⁸⁰, оно было “совершенно противоположным как по основам, так и по ходу развития”¹⁸¹. Противоположность предполагает симметрию антонима, отражение явления с противоположным знаком, обратную сторону медали. В этом смысле, гинекократическое право обретает себя через противопоставление другой структуре. Какой же? “Патриархатной” модели римского права, “эллинистически-римскому отцовскому принципату”¹⁸², где всё построено на власти домовладыки (*pater familias*), гражданина, отца, собственника-мужчины. В данном случае противоположность предполагает мать семейства, *mater familias*, матрилинейность (наследование по материнской линии) против патрилинейности (наследования по отцу): название детей по имени матерей, а **не** по имени отцов подчёркивает бинарность данной оппозиции: или так, или иначе.

В основе бинарной оппозиции матриархат/патриархат лежит универсальная дихотомия женского и мужского. Бахофен придерживается этой дихотомии в своей работе. В этой логике матриархат и патриархат можно определить как совокупности бинарных символов, исходя из акцентировки той или другой части оппозиции. Преимущество левого (женского, страдательного, пассивного) перед правым (мужской, деятельной, природной потенцией)¹⁸³, ночи перед днём, луны перед солнцем, земли

¹⁷⁵ Цитируется по: Эткинд А. Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России // Знамя. 1999. №6. С.179.

¹⁷⁶ Игуменов И. Православная женщина в современном мире. М.: Благо, 2000. С.20.

¹⁷⁷ Акелина Л. Заступница земли московской // Работница. 1999. №11-12. С.26.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Каарийнен К., Фурман Д. Старые церкви, новые верующие. М., 2000. С.21.

¹⁸⁰ Бахофен И. Указ. соч. С.217.

¹⁸¹ Там же. С.218.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. С.226–227.

перед морем, смерти перед жизнью, умерших перед живущими, печали перед радостями, материально-плотского перед духовно-возвышенным, матери перед отцом связывается с “принципатом материнства”¹⁸⁴.

Представляется, что и матриархат, и патриархат рассматриваются Бахофеном через призму предпочтения одного набора символов другому. При этом подходе власть, её функции и формы остаются неизменными. Власть женщин предполагает выполнение ими тех же функций, что и впоследствии (либо наряду с) мужчинами: “женщины то поодиночке, то объединяясь в коллегии, то обособленно, то вместе с мужчинами выступают судьями, голосуют в народных собраниях, полагают предел враждебным распрям, посредничают при заключении мира и устанавливают его условия, а ради спасения страны проливают свою кровь, а то и самую жизнь свою приносят на жертвенный алтарь”¹⁸⁵. Все вышеперечисленные виды деятельности можно определить как политические, жреческие, военные функции — всё то, что, по более позднему закону полиса (в интерпретации Х. Арендт¹⁸⁶), отведено мужчинам. Дюркгейм, говоря о выполнении женщинами этих функций (и используя выражение “вмешательства женщин в мужские дела”), видит в этом маркер дикости, недоразвитости, нецивилизованности такого общества¹⁸⁷.

Таким образом, власть “наоборот” — по принципу зеркального отражения — предполагает, что изменяются лишь субъекты и распределение власти в обществе, сама же власть неизменна и мыслится в терминах “господства” и “принципата” как при матриархате, так и при патриархате. Но при последнем положение зависимых (женщин) представляется как угнетение и подчинение, тогда как при матриархате положение подчинённых — мужчин описывается Бахофеном через поэтические категории счастья, безмятежности и любви.

Матриархат после Бахофена

Если не считать критики, вызванной самой идеей существования общества, где господствовали женщины, то наиболее острую полемику вызвал вопрос о том, что могло собой представлять такое общество, какими характеристиками оно должно было обладать. Центральное место на долгие годы заняла дискуссия об универсальности матриархата в истории человеческих обществ. Одной из самых трудноразрешимых стала также проблема причин перехода от гипотетического господства женщин к господству мужчин. Существенное место занимал и вопрос о закономерности существования матриархата и неизбежности его смены патриархатным обществом. В зависимости от того, какое разрешение получили вышеозначенные вопросы, можно условно выделить три направления развития концепции матриархата.

1. Матриархат как оправдание патриархата.

Как указывает Бахофен, “лишь с победоносным наступлением системы патриархата полное и ничем не стеснённое процветание материнского права сменяется упадком”¹⁸⁸. Далее он рассуждает о преодолённой и поверженной позднейшим временем культуре¹⁸⁹. Использование военной терминологии весьма характерно для описания отношений между полами. Об **антагонизме** полов и их несовместимости в существующей структуре нуклеарной семьи говорит Э.Дюркгейм¹⁹⁰. Ф.Энгельс в “Происхождении семьи, частной собственности и государства” также прибегает к военной

¹⁸⁴ Там же. С.227-228.

¹⁸⁵ Там же. С.234.

¹⁸⁶ См. Арендт Х. *Vita Activa*. СПб.: Алетейя, 2000.

¹⁸⁷ См. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда: Метод социологии*. М., 1991.

¹⁸⁸ Бахофен И. Указ. соч. С.219.

¹⁸⁹ Там же. С.223.

¹⁹⁰ См. Дюркгейм Э. *Самоубийство*. СПб., 1998.

терминологии, говоря о “ниспровержении материнского права” и установлении “мужского единовластия” как “всемирно-историческом **поражении** (выделено нами — *авт.*) женского пола”, при котором “муж захватил бразды правления в доме, а жена была лишена своего почётного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения”¹⁹¹.

Хотя все перечисленные авторы творили на рубеже XIX и XX вв., военная лексика в описании гендерных отношениях сохранила актуальность и в конце XX столетия. Это особенно заметно в отношении вопроса о причинах смены матриархата патриархатом: согласно некоторым концепциям, патриархат возникает в результате завоеваний¹⁹². Следовательно, концептуализация матриархата как власти женщин, полагают феминистки, чрезвычайно удобна для её использования при оправдании систем, пришедших ему на смену: мужчины **боролись** с женщинами за власть и **получили её** в ходе борьбы. Так, Джоан Бамбергер отмечает, что миф о матриархате оправдывает мужское господство, вызывая образ катастрофической альтернативы — общества, в котором господствуют женщины. Данный миф, широко тиражируя представление о том, что женщины не имели представления о том, как распорядиться властью, когда она находилась в их руках, догматически закрепляет их настоящее (т.е. подчиненное — А.Б., Д.Б.) положение¹⁹³.

В этом смысле, считают радикальные феминистки, идеологема матриархата оправдывает присущее патриархату угнетение женщин как залог системной устойчивости и безопасности мужчин¹⁹⁴. В качестве обобщённого средства и символа борьбы, как правило, выступает фаллос — орудие страха, войны и насилия, присущее мужчине-завоевателю. Об этом, например, пишут С.Браунмиллер и К.Миллетт, приравнивая историю цивилизации к истории насилия над женщинами со стороны мужчин: насилия физического (изнасилование), символического и идеологического (фаллоцентричность общества), а также экономического (использование бесплатного женского труда, приравненного к рабству, основанное на страхе и подчинении)¹⁹⁵.

О фаллоцентричности как структурной составляющей общества, вслед за символическим осмыслением фаллоса Лаканом, утверждавшим, что в культуре общества господствуют фаллические символы, писали многие, включая Г.Рубин и Д.Батлер¹⁹⁶. Гейл Рубин, в частности, отмечает, что “фаллос представляет собой нечто большее, чем признак, который отличает один пол от другого: это — воплощение мужского статуса, к которому стремятся мужчины и которому присущи определённые права, среди них — право на женщину”¹⁹⁷. Фаллос “является символом преемственности в отношении мужского господства”¹⁹⁸. Андреа Дворкин в своих книгах “Порнография” и “Интеркурс” рассматривает гетеросексуальный половой акт как символ насилия, нарушения женской (телесной) целостности и личной неприкосновенности¹⁹⁹. Посредством зачастую

¹⁹¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. пр. М.: Правда, 1966. Т. 3. С.257.

¹⁹² Аберкромби и др. С.163; Айслер Р. Чаша и клинок (Взгляд на историю сквозь призму взаимоотношений мужчины и женщины). М., 1993. Эту же концепцию использовала в своём романе “Тезей” Мари Рено (М.: Республика, 1992), построившая сюжет на противоборстве племён с материнским правом и культом Богини (“береговой народ”, “минойцы”, “пеласги”) и народов, исповедовавших культ небесных богов-мужчин (эллины, ахейцы). Смена культа являлась кульминацией этой борьбы, переключаясь с интерпретацией Бахофеном мифа об Оресте (“Орестеи”).

¹⁹³ Bamberger, J. The Myth of Matriarchy: Why Men Rule in Primitive Society / Women, Culture, and Society, ed. Michelle Z. Rosaldo and Louise Lamphere. Stanford, California: Stanford University Press, 1974. С.279.

¹⁹⁴ См., например: Miles R. The Women's History of the World. London: Harper Collins, 1989; Mitchell J. Women's Estate. London: Harper Collins, 1989.

¹⁹⁵ См. Millett K. Sexual Politics. London: Virago, 1970.

¹⁹⁶ См. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York: Routledge, 1990.

¹⁹⁷ Рубин Г. Обмен женщинами: Заметки о “политической экономии” пола // Хрестоматия феминистских текстов. / Пер. с англ. Под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной). СПб.: Дмитрий Булавин, 2000. С.119.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ См. Dworkin A. Intercourse. London: Virago, 1995.

принудительных гетеросексуальных отношений выстраиваются отношения патриархатные. Постоянное доминирование гетеросексуальных отношений в обществе навело исследователей на вопрос — а существовал ли матриархат?

2. Матриархат как “эланция”

Сегодня подавляющее большинство исследователей отвечает на поставленный выше вопрос отрицательно, отмечая существование социальной системы доминирования мужчины над женщиной уже в древнейший период человеческой истории²⁰⁰. Та же Г.Рубин, к примеру, видит первопричину подчинённого положения женщин в акте их обмена (дара, по М.Моссу). С одной стороны, обмен, как писал еще К. Леви-Стросс, присущ отношениям родства. Но ведь именно род — и женщина-основательница рода во главе его — является, по Ф.Энгельсу²⁰¹, фундаментом матриархата, подразумевающего высокий статус женщин. Однако, по меткому замечанию С. де Бовуар, высокий статус имела не конкретная женщина, а ее абстрактное воплощение²⁰². В итоге, пишет Г.Рубин, “результат дарения женщин является более глубоким, чем результат обмена другими подарками, потому что отношения, установленные таким образом, это не просто отношения взаимного обмена, а отношения родства. Партнёры по обмену становятся родственниками на всю жизнь”²⁰³. В этом смысле система родства есть “использование одного из аспектов природного мира в социальных целях”²⁰⁴, что происходит, как доказывает Г.Рубин, вопреки самости женщин: именно женщины служили предметом сделок, в отличие от мужчин, “просто как женщины”²⁰⁵.

Несомненно, позиция конкретной женщины варьировалась в зависимости от её статуса и могла изменяться в ходе жизни. Но менялась она, как правило, по отношению к другим женщинам. Например, женщины-матери старшего возраста были субъектами матримониальных сделок. Но их дочери — молодые женщины и девушки — были ничем иным, как объектами, или, в лучшем случае, “полуобъектами”, этого обмена. Как отмечает Г.Рубин: “из обмена женщинами не обязательно следует, что женщины овеществляются в современном смысле этого слова, так как предметы в первобытном мире в высшей степени персонифицированы. Но из обмена обязательно следует различие между даром и тем, кто его дарит. Если женщины — дары, то мужчины — партнёры по обмену”²⁰⁶. И далее: “если женщины являются предметом сделки, то мужчины являются теми, кто их отдаёт и получает”, то есть, активными агентами²⁰⁷. В этом смысле Г.Рубин определяет мужчин как, “главным образом, сексуальных субъектов, тех, кто осуществлял обмен”, а женщин — “сексуальными полуобъектами, дарами”²⁰⁸. В этом, согласно Г.Рубин, и заключается суть политической экономии пола.

Отказ от концепции матриархата повлек за собой поиск новых подходов. Оригинальное видение проблемы предложила Р.Айслер в своей книге “Чаша и клинок”²⁰⁹.

²⁰⁰ Здесь не рассматривается длительная традиция отрицания матриархата от Леббока до Малиновского, она вполне может явиться темой для отдельной работы.

²⁰¹ Энгельс Ф. Указ. соч. С.267.

²⁰² “Эв действительности такой золотой век Женщины — не что иное, как миф. Сказать, что женщина была Другим — значит констатировать отсутствие отношений взаимности между полами; Земля, Мать, Богиня, она никогда не была для мужчины равной, её могущество утверждалось за пределами человеческого царства, а значит, и сама она была вне него. Общество всегда было мужским, политическая власть всегда находилась в руках у мужчин”. (Бовуар С. де. Второй пол. СПб., 1997. С.101).

²⁰³ Рубин Г. Указ. соч. С.103.

²⁰⁴ Там же. С.106.

²⁰⁵ Там же. С.105.

²⁰⁶ Там же. С.104.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. С.105.

²⁰⁹ Айслер Р. Чаша и клинок (Взгляд на историю сквозь призму взаимоотношений мужчины и женщины). М., 1993.

Выводы Р.Айслер построены на данных археологических раскопок на Крите, подтвердивших существование и отобразивших своеобразие минойской культуры. Критикуя концепцию матриархата как всего лишь зеркальное отражение патриархата, Р.Айслер утверждает, что, “если мы освободимся от господствующих моделей действительности, становится очевидным, что существует иная логическая альтернатива: возможны общества, в которых отличие необязательно приравнивается к подчиненности и господству”²¹⁰. Р.Айслер полагает, что для минойской культуры, (которую Бахофен относит к культуре матриархата), характерна не столько власть того или другого пола, сколько партнёрство полов. Не стоит говорить о власти и господстве матери как о “движущей силе” матриархата, пишет Р.Айслер. В её интерпретации существовавшая культура была партнёрской, оба пола на равных принимали участие в общественной, политической, личной жизни. Термин “матриархат”, приобретший определённые властные коннотации, неуместен для описания принципов культуры, “женской” в том смысле, что именно с женщиной Р.Айслер связывает доброту, сочувствие, сопереживание, любовь и заботу, воплощаемые на символическом уровне в образе чаши — символа женского (в отличие от клинка — символа фаллоса как орудия страха и насилия). Эти же качества упоминал и И.Бахофен, но это, скорее, было сказано об отношениях матери и ребёнка. У Р.Айслер же идёт речь о взрослых женщинах и мужчинах — партнёрах во всём. Р.Айслер не отрицает, что Критской культуре было присуще неравенство. Однако, по её мнению, это неравенство не носило выраженного гендерного характера: стратификация общества выстраивалась по другим признакам.

Р.Айслер предлагает отказаться от использования концепции матриархата при описании вышеуказанной формы отношений, называя её гиланией – сотрудничеством через партнёрство и должное признание как женских, так и мужских ненасильственных качеств. Гилания символизирует утверждение принципа чаши вместо принципа (фаллического) клинка, единство в партнёрстве и гармонии. Более того, Р.Айслер полагает, что “изначально столбовой дорогой нашей культурной эволюции было партнёрство, но затем, после периода хаоса и почти полного культурного разрыва, произошел глубокий культурный сдвиг” к обществу господства²¹¹. Гилания не стала общепринятым термином и не заменяет собой матриархат. Практически одновременно другая феминистка, Джейн Хоскинс, исходя из сходных соображений, предложила использовать термин “диархат” (diarchy) взамен дискредитировавшего себя “матриархата”²¹². На наш взгляд, данная концепция представляет собой своеобразную альтернативу понимания “женской культуры” — не противостоящей мужской, но Другой, являясь одновременно дополнением к общей калейдоскопичной картине того обозначаемого, обозначающим которого до сего времени оставался матриархат²¹³.

²¹⁰ Айслер Р. Указ. соч. С.xvi.

²¹¹ Там же. С.xvii.

²¹² Hoskins J. *Matriarchy and Diarchy: Indonesian Variations on the Domestication of the Savage Woman / Myths of Matriarchy Reconsidered*. Deborah Gewertz, Ed. 1988. P.34.

²¹³ Весьма любопытно, что практически одновременно сходные попытки предпринимались и в Советском Союзе. Так, например, в 1987 г. в журнале “Новый мир” было опубликовано эссе писателя и социолога Ю. Рюрикова. Автор данной работы призывал отказаться от терминов “патриархат” и “матриархат” как неадекватно описывающих современную ситуацию “раскаленного союза полюсов” в пользу нового, им же и сконструированного, термина — “биархат”, способного охарактеризовать “новый, небывалый уклад главенство обоих полов” (что, впрочем, не мешало ему самому использовать все три данные термины в своей работе). См. Рюриков Ю. По закону Тезея: мужчина и женщина в начале биархата // Новый мир, 1987. №7.

3. Матриархат как универсальная стадия исторического развития.

В рамках социально-гуманитарных дисциплин вопрос о существовании в истории человечества особой стадии — матриархата, вызвал серьезные дебаты. Даже среди тех, кто признавал возможность такого периода человеческой истории, существовали значительные разногласия.

Первым камнем преткновения явился вопрос о природе матриархата — немногие вслед за Бахофеном воспринимали данный период как время социально-политического господства женщин. Гораздо более обоснованным большинству исследователей представлялся “мягкий вариант матриархата”, предложенный Э.Тайлором. Этот вариант характеризовался признанием факта существования матрилинейной системы родства и матрилокального характера поселения, а также ведущей роли женщин в системе религиозных культов; главенствующая социально-политическая роль при этом отводилась либо брату матери, либо другому ближайшему ее родственнику-мужчине. Ярким представителем этого направления в России был М.М. Ковалевский²¹⁴. Однако и направление, рассматривавшее матриархат (хотя, зачастую со многими оговорками) в качестве этапа, на котором власть в обществе принадлежала женщинам, нашло своих сторонников. Тот факт, что среди них оказался Фридрих Энгельс, на долгие годы определил судьбу концепта “матриархат” на просторах “одной шестой части суши”. Другим серьезным вопросом, вызвавшим расхождение специалистов, стал порядок смены одной стадии исторического развития другой. Действительно ли «матриархат» предшествовал «патриархату» или же, как стремились доказать противники «матриархального» периода человеческой истории, «патрилинейный» счет родства являлся более ранней системой связи между поколениями²¹⁵. Бурные дискуссии по этим и другим частным вопросам длились, впрочем, с некоторыми передышками, вплоть до 1930-х гг., когда вследствие недостаточности эмпирических доказательств и по мере угасания эволюционистской парадигмы, они стали терять свою релевантность.

К середине XX в. значительное количество специалистов в европейских странах и Северной Америке отказалось от универсализма, характерного для эволюционистов XIX в.²¹⁶ Своеобразный итог почти столетней дискуссии подвел один из классиков кросс-культурных исследований Джордж Мердок: “В целом этнографические данные не подтверждают эволюционистского утверждения о том, что матрилинейная организация свойственна первобытным народам, патрилинейная — обществам средней ступени развития, а билатеральная — высокоразвитым цивилизациям”²¹⁷. Дискуссии о проблемах матриархата исчезли со страниц ведущих научных изданий, время от времени возобновляясь в среде радикальных интеллектуалов (прежде всего в рамках феминистского движения). Исключение из общего правила долгое время составляла лишь советская историческая наука, базировавшаяся на классической работе Ф.Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. С 30-х гг. XX столетия в советской исторической литературе под «матриархатом» понимался “тот период первобытной истории, который знаменуется равноправным, а в своём дальнейшем развитии и **преобладающим положением женщины** в хозяйстве и обществе, и отражением этих начал в области духовной культуры, в религии, в искусстве”²¹⁸. Этим же термином принято было обозначать и “сам общественный строй, этому периоду присущий, и данный тип культуры в широком смысле”²¹⁹. Матриархат как период

²¹⁴ Ковалевский М.М. Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии. СПб.: Мир, 1914. Т.3. С.26; Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: Гослитиздат, 1939. С.47.

²¹⁵ Мердок Дж. Указ. соч. С.218.

²¹⁶ Geogoudi S. Creating a Myth of Matriarchy // A History of Women in the West / Ed. by P. Schmitt-pantel. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1996. Vol. 1. С.456-458.

²¹⁷ Мердок Дж. Указ. соч. С.222.

²¹⁸ Косвен М. Матриархат: История проблемы. М.; Л.: Соцгиз, 1948. С.3. Выделено нами — А.Б., Д.Б.

²¹⁹ Там же.

общественного развития занимал своё место “вслед за начальным периодом первобытного стада, в виде материнского родового строя”, являясь “ранним периодом развития организованного первобытного общества”²²⁰. Матриархат концептуализировался как всеобщее явление: “Эпоха матриархата составляет универсальную историческую стадию, пройденную всеми народами в их историческом прошлом”²²¹.

Следуя логике диалектического материализма, на смену матриархату шёл патриархат: “с развитием производительных сил, в весьма сложном процессе превращения, матриархат сменяется патриархатом, периодом отцовского родового строя, в котором преобладающая хозяйственная и общественная роль переходит к мужчине”²²². В этом смысле матриархат и патриархат представляют собой “два последовательных этапа первобытной истории”, в этом заключается “всемирно-исторический, общий для всего человечества ход начального общественного развития”²²³. Исследователи предпочитали придерживаться термина “матриархат”, в отличие от “циркулирующего в литературе ряда других терминов, как-то: матернитет, материнское право, матрилинейный счёт, матрилинейная филиация, материнская система и т.д.”²²⁴ Это было связано с тем, что он представлялся “наиболее распространённым” и “наиболее широким, своим общим смыслом наиболее полно выражающим всё сложное и разнообразное содержание данного понятия”²²⁵.

Став составной частью исторического материализма, концепция матриархата прочно закрепилась в общественных дисциплинах. Однако, несмотря на жесткие идеологические тиски и относительную изолированность, советская историческая наука в середине 60-х — начале 70-х гг. фактически отказалась от приведенной выше ортодоксальной трактовки матриархата. В работах специалистов, начиная с этого времени и до начала 90-х годов, уже не встречается упоминаний о господстве женщин в период раннеродовой и позднеродовой общины. Понятие “матриархат” продолжало существовать, но теперь несло в себе принципиально иную смысловую нагрузку. Под матриархатом советские историки (а также те, кто использовал в своей работе исторический материал — философы, этнографы) стали понимать период относительного **равенства** полов. Как отмечал автор популярного вузовского учебника: “Существовавшая в раннепервобытной общине половозрастная организация не создавала в ней отношений неравенства между взрослыми мужчинами и женщинами. Те и другие специализировались в разных, но в равной степени общественно-полезных сферах трудовой деятельности. Поэтому не могло быть отношений господства и подчинения в положении полов”²²⁶.

Заключение

В связи с вышесказанным, вернёмся к вопросу — “а был ли мальчик” (или, вернее, в нашем случае, девочка)? И какой она была? Современные исследователи (историки, антропологи, этнографы), независимо от своих идеологических убеждений, сходятся в том, что универсальной стадии господства женщин в истории не существовало. Феминистское направление, в этом отношении в основном не выпадает из общей картины: выстраивая свою “политэкономия пола”, Г.Рубин не находит в ней место матриархату в понимании И.Бахофена либо Ф.Энгельса. С Г.Рубин солидарны и другие

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же. См. также: Ефименко П. Первобытное общество: очерки по истории палеолитического времени. Л.: Государственное Социально-экономическое издательство, 1938.

²²² Косвен М. Указ. соч. С.6.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Алексеев В., Першиц А. История первобытного общества. М. 1990. С.190. См. также: Семенов Ю. Происхождение брака и семьи. М.: Наука, 1974. С.235; История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины / Под ред. Бромлей Ю.М. 1986. С.212.

исследователи, например, Р.Коннелл, считающий, что анализ гендерных отношений с учётом существования матриархата чрезмерно упрощает и схематизирует историю этих отношений, давая в результате «историю примитивного матриархата, прерванную мужчинами, захватившими власть и установившими патриархальное общество, что, в свою очередь, вызвало феминистскую революцию»²²⁷. Подобная ирония в вопросе о «пресловутой теории свержения доисторического матриархата»²²⁸ сводит на нет любую претензию на её историческую достоверность и подчёркивает идеологический характер данной концепции. В этом ракурсе можно говорить о значимом отсутствии данного явления: его не было, но его выдумали. Оно обретает значение только через те номинации и контексты, которые ему приписываются, а приписываются они, как правило, с определённой целью — оправдания присущего патриархатному обществу угнетения женщин.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что на протяжении своего существования в академическом дискурсе концепт «матриархат» наполнялся различным содержанием, порой видоизменяясь до неузнаваемости в зависимости от идеологических взглядов, политических целей и эстетических вкусов использовавших его исследователей. Отсюда, однако, не следует вывод о том, что отношение к данному концепту диктовалось сугубо субъективной позицией авторов. Феномен советской академической среды, читавшей (по крайней мере — формально) декларируемые методологические каноны, успешная реализация проекта по индоктринации населения, закрепление этой категории в массовом сознании — все это заставляет говорить о значимости социально-политического контекста, формирующего отношение автора к проблеме. Все вышесказанное относится и к авторам настоящей статьи. Мы рассматриваем матриархат как идеологический конструкт и множественность дискурсов, которые изначально восходят к тексту И. Бахофена и его последующим интерпретациям. Пять тематических пластов, условно выделенных нами в работе Бахофена, подобно цветным стёклышкам из детском калейдоскопе, при каждом новом «сотрясении» складываются в новый смысловой узор. Другими словами, каждый автор пользуется концепцией Бахофена как формой, наполняя её своим содержанием. К примеру, осмысляя современные формы индустриального общества, некоторые из вышеупомянутых авторов употребляют предложенную Бахофеном категорию как возможную (утопическую) альтернативу тоталитаризму и присущему «культуриндустрии» социальному порядку. Тем самым каждый автор, называя свою альтернативную схему матриархатом, вкладывает в эту категорию свой особый символический смысл, так что, на наш взгляд, можно говорить о некоем дискурсивном множестве «матриархатов».

Все вышесказанное закономерно подводит нас к вопросу: а есть ли вообще смысл использовать данный концепт в социальных (и, в частности, проводимых с позиций гендерного подхода) исследованиях? Как ни парадоксально может прозвучать наш ответ, такой смысл есть. Во-первых, сама укорененность этого концепта в общественном сознании (по крайней мере в нашей культуре) требует какой-то реакции обществоведов. Во-вторых, при всей эфемерности понятия «матриархат» оно ориентирует исследователя на постановку проблемы «власть и гендерные отношения». В-третьих, социологическое и идеологическое значение данного термина, по мнению ряда авторов, заключается в его использовании «для придания большего веса проводимому феминистами различию между гендером и биологически обусловленными половыми ролями»²²⁹. Кроме того, «понятие матриархата говорит о том, что господство мужчин не является универсальным феноменом»²³⁰, что играет важную роль в концептуальных построениях ряда феминистских течений.

²²⁷ Connell R. *Gender and Power*. Cambridge: Polity Press, 1996. С.278.

²²⁸ Там же. С.90.

²²⁹ Аберкромби Н., Хилл Р., Тернер Б. *Социологический словарь*. С.163.

²³⁰ Там же.

В целом же матриархат явился чрезвычайно удобной категорией для анализа общественных отношений: если бы его не было, его следовало бы выдумать. Рискнем высказать предположение, что «матриархат» будет востребован до тех пор, пока будет существовать гендерное неравенство, в силу того, что он выполняет функцию «иногo» по отношению к существующим отношениям. И обращение к данному концепту как на уровне повседневного, так и на уровне научного сознания будет происходить тем чаще, чем сильнее будет напряжение, испытываемое нынешней системой гендерных отношений.

МАТЕРИНСТВО: ИНТЕГРАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Наталья Пушкарева

МАТЕРИНСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИИ, ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ²³¹

В современных философских, социологических, психоаналитических концепциях материнство — одна из излюбленных и, можно сказать, модных тем. Однако она стала таковой сравнительно недавно, в последнюю четверть века. История смены представлений о том, как и в каком направлении следует изучать такой, казалось бы, исследованный и «естественный» для каждого феномен как материнство, показательна: она отражает не только процесс вытеснения одних научных парадигм другими, но и «востребованность» тех или иных концепций в зависимости от изменений социального и политического контекста.

Период господства биологического детерминизма и эссенциализма. Материнство привлекло внимание исследователей в связи со взрывом интереса к фрейдистским интерпретациям детства и психоаналитическому анализу детских переживаний. Дискуссиями об этом были отмечены 1920-е гг. Психоанализ дал исследователям язык²³², на котором стали общаться многие изучающие семейные отношения, однако сама мать (и, следовательно, материнство) интересовали психоаналитиков лишь постольку, поскольку родившая и воспитывающая ребенка женщина находилась до поры до времени в неразрывной связи с ним. Психоаналитики довоенного времени не ставили задачи проблематизировать две основные стадии в материнстве, кардинально различные именно с психологической точки зрения, а также с точки зрения включенности женщины в социальную жизнь: стадию вынашивания и рождения ребенка и стадию его воспитания, не интересовались особенностями становления личности-матери, развитием ее эмоционального мира²³³. Практически вся психологическая, да и философская литература первой половины нашего столетия основывалась на принципах *биологического детерминизма*, то есть рассматривала пол (половое поведение, психологию пола и т.п.) в качестве производного от биологического строения.

Тем не менее, женщины-психоаналитики 1930-х гг. А.Фрейд и Х.Дойч первыми поставили ряд проблем, имеющих значение для понимания процессов социализации в разные исторические эпохи. Особо стоит выделить Х.Дойч с ее теорией трех стадий развития отношений между дочерью и матерью: «любовь» в раннем детстве — «ненависть» в подростковом и раннеюношеском возрасте — «привязанность» в период взрослой жизни, которая, по мнению Х.Дойч, всегда бывает гиперкомпенсацией чувства ненависти, испытанного ранее²³⁴.

Западная психологическая литература послевоенного времени, а особенно 1960—1970-х гг. была отмечена попытками пересмотреть всю старую эпистемологию (теорию познания) и восполнить ряд пробелов. Не случайно, именно в это время появилась тенденция рассматривать материнство как такой аспект в частной жизни женщины, который не обязательно превалировал, но мог быть равнозначным с другими ее сферами (дружбой, влюбленностью и любовью, переживанием одиночества и т.д.)²³⁵.

²³¹ Статья написана в рамках исследования, выполняемого по грантам РАГНФ № 04-01-00004а и РАГНФ № 04-01-7810 а/Б.

²³² По поводу языка психоаналитиков, исследовавших материнство, ироничная Юлия Кристева замечала в одной из своих статей, названных «Острый вопрос», что они не продвинулись далее определения материнства через такие категории как «недомогание, бессоница, ярость, радость, желание, страдание и счастье». См.: Kristeva J. Stabat Mater // Suleiman S.R. (ed.) The Female Body in Western Culture. Cambridge, 1986. P.112-113.

²³³ Самая резкая критика психоаналитической концепции материнства изложена Моникой Плаза: Plaza M. The Mother/The Same. Hatred of the Mother in Psychoanalysis // Feminist Issues. 1982. Spring. №2. P.75-100; см. также: Ruddick S. Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace. Boston, 1989.

²³⁴ Deutsch H. Psychologie der Frau. Bd. 1. Eschborn, 1944. S.321.

²³⁵ Обзор психологической литературы 1960—1980-х гг. см.: Boulton M.G. On Being Mother: A Study of Women With Pre-School Children. L., 1983. P.3-18.

Весьма существенным поворотом в психологических толкованиях феномена материнства стало изучение периода родов как лиминального (переломного и «травматического») в женской психике, психологические исследования менструирующих женщин как переживающих «ложные роды», а также сопоставительный анализ душевного состояния некормивших женщин, кормящих матерей и женщин, помнящих свои ощущения в период лактации²³⁶. Те же годы были отмечены пристальным вниманием не только к материнско-сыновью (окрашенным, по Фрейду, эдиповым комплексом), но и к материнско-дочерним отношениям, особенно ранним, которые принято относить к так называемым «доэдипальным», предваряющим развитие эдипова комплекса у детей²³⁷. Концептуально новыми в среде психологов были признаны также работы ряда американских социологов (М.М.Джонсон, Л.Р.Форсей, Л.Блам): все они концентрировали внимание на динамике эволюции отношений в «неразрывной паре» мать-и-дитя с точки зрения конструирования образа «сильной матери», влияния этого образа на направление и особенности социализации ребенка, на социальную группу и, в конечном счете, на общество в целом²³⁸.

Общим базисом буквально всех западных психоаналитических концепций (в России негласный запрет на поиск позитивного в трудах З.Фрейда вообще практически исключил теоретические поиски в этом направлении) был биологический детерминизм, который феминистские философы назвали позже эссенциализмом (от англ. *essential* — непреременный, обязательно существующий): все толкователи материнства и проблем пола вообще разделяли тогда представление об имманентности деления всего живого на два пола (как в библейском мифе о Ноевом ковчеге) и имманентности же связанности проблем материнства с проблемами женской (и прежде всего женской!) психики, системы ценностей, повседневной жизни и т.п.²³⁹ Особенно это чувствовалось в работах, написанных мужчинами о женщинах и «женскости» проблемы материнства²⁴⁰.

1960—1970-е годы были отмечены, в частности, сравнительно широким научным обсуждением вопроса об извечности и безусловной присущности женщинам «материнского инстинкта». Среди участников дискуссий были авторы, убежденные, что пресловутый «инстинкт» в той или иной форме реализуется и проявляется и у нерожавших, бездетных и т.п. женщин, оказавшись обращенным на так называемых «иных близких» (не детей)²⁴¹. Иные специалисты основывались на функционалистских и рационалистских посылах («женщина острее чувствует необходимость продолжения рода и защиты потомства», «она искони более ориентирована на ответственность и на одного партнера-отца ребенка, а мужчина — на пребывание "вне дома", на смену партнерш» и т.д.)²⁴². Третьих же, находившихся в поиске некоего «биологического субстрата материнского поведения», заносило в этих исканиях в области, весьма далекие от социальных (скажем, психоаналитик Ю.Кестенберг пыталась доказать высокую степень корреляции между сексуальной удовлетворенностью женщины своим партнером и ее способностью быть хорошей

²³⁶ Newton M., Newton N. Psychologic Aspects of Lactation // Bardwick J.M. (ed.) Readings on the Psychology of Women. New Jersey, 1972. P.277-284; Oakley A. Becoming a Mother. Oxford, 1979 и др. См. подробнее обзор работ по этой теме: Chodorow N. The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender. Berkley-LA., 1978. P.222 (сноски 7-8).

²³⁷ Подробнее о доэдипальном периоде и об отношениях дочери и матери см.: Hirsh M. The Mother/Daughter Plot: Narrative, Psychoanalysis, Feminism. Bloomington, 1989; Rohde-Dachser C. Expedition in den Dunklen Kontinent: Weiblichkeit im Diskurs der Psychoanalyse. B.-Heidelberg — N.Y., 1991.

²³⁸ Johnson M.M. Strong Mothers — Weak Wives. Berkeley-LA, 1988; Forcey L.R. Mothers of Sons: Toward an Understanding of Responsibility. N.Y., 1987; Blum L. Mothers, Babies, Breastfeeding. The Shifting Context of Feminist Theory // Feminist Studies. 1993. V.19 (Spring).

²³⁹ См., например: Benedek T. Psychoanalytic Implications of the Primary Unit, Mother-Child // American Journal of Orthopsychiatry. 1949. V.19. №4. P.642-654; Benedek T. Psycho biological Aspects of Mothering // American Journal of Orthopsychiatry. 1956. V.26. P.272-278; Kestenberg J. On the Development of the Maternal Feelings in Early Childhood: Observation and Reflections // Psychoanalytic Study of the Child. 1956. V.11. P.257-291; Balint A. Love for Mother and Mother Love // Balint M. (ed.) Primary Love and Psycho-Analytic Technique. N.Y., 1965. P.91-108; Birlingham D. Empath Between Infant and Mother // Journal of American Psychoanalytical Association. 1967. V.15. P.764-780; Deutch H. The Psychology of Woman in Relation to the Functions of Reproduction // Fliess R. (ed.) The Psychoanalytic Reader: an Anthology of Essential Papers with Critical Introductions. N.Y., 1969. P.165-179; Hammer S. Daughters and Mothers, Mothers and Daughters. N.Y., 1975 etc.

²⁴⁰ Polatnick M. Why Men Don't Rear Children: A Power Analysis // Berkley Journal of Sociology. 1973. V.18. P.45-86.

²⁴¹ Benedek T. Parenthood as a Developmental Phase: A Contribution for the Libido-Theory // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1959. V.7. №3. P.394; Balint M. Contribution to the Symposium on the Theory of the Parent-Infant Relationship // Balint M. (ed.) Primary Love and Psychoanalytic Technique. L., 1961. P.147 etc. Критику идеи о наличии психологического субстрата в поведении женщины — будущей матери см.: D'Andrade R. Sex Differences and Cultural Institutions // Maccoby E.E. (ed.) The Development of Sex Differences. Stanford, 1966. P.173-204.

²⁴² Newton N. Maternal Emotions: a Study of Women's Feelings, Pregnancy, Childbirth, Breast Feeding, Infant Care and Other Aspects of Their Femininity. New York, 1955.

матерью²⁴³). Были даже попытки доказать, что материнский инстинкт закладывается на «хромосомном уровне», когда в утробе женщины формируется именно девочка — потенциальная мать²⁴⁴.

Разумеется, в биологическом детерминизме (не доведенном, конечно, до абсурда, а в концепции как таковой) можно найти основы многих современных теорий и базирующихся на них путей выхода из тех или иных кризисных ситуаций. Биологические детерминисты — и были, и остаются, как правило, — жесткими традиционалистами. Поэтому именно они стали авторами и горячими сторонниками так называемой «алармистской» (от франц. *alarme* — тревога) концепции семьи, первыми среди социологов заговорили об утрате важнейших ценностей, цементирующих семейные отношения и призвали заняться направленным сохранением всего достойного и значимого в семейных традициях и обычаях предков. Те из традиций, которые связаны с материнством, принадлежали, с их точки зрения, к первому ряду, то есть были приоритетными и самыми значимыми²⁴⁵.

Марксистско-феминистское направление 1970—1980-х гг. Изложенные выше взгляды сторонников психоаналитических и просто психологических концепций не исчерпывали многообразия подходов и толкований материнства в разные исторические периоды. Теоретические подходы М.Вебера, Х.Спенсера и, в особенности, К.Маркса к изложению истории еще были очень и очень популярны, а марксистская парадигма в целом еще не была дискредитирована политическими событиями. Поэтому в западной социологической литературе 1970—1980-х гг. появлялись нередко весьма серьезные по детальности разработки и марксистские по духу интерпретации социально-экономических аспектов материнства.

Поскольку для марксистов одним из важнейших вопросов всегда оставался вопрос о разделении труда, постольку феминистки марксистской ориентации подчеркивали значимость материнской функции именно в этом аспекте, ставшей, по их мнению, одной из основ социального неравенства (Х.Хартмэнд, Э.Фергассон и др.). Любопытно, что именно феминистки-этнологи марксистской ориентации, интересовавшиеся ходом процесса разделения труда, первыми отметили факт особенного участия в «вынянчивании» малышей не столько их биологических матерей, сколько детей, подростков и стариков в семьях и общинах²⁴⁶. Однако эти исследователи ограничились констатацией данного явления и не развили его до критики якобы от века существующего «природного предназначения» женщины. Напротив (и парадоксально), они выводили свои заключения из тезиса о «доисторическом» (существовавшем в первобытных обществах) разделении труда²⁴⁷, при котором мужчины охотились, а женщины занимались детьми.

Не скрывавшие своих марксистских пристрастий, эти исследователи говорили и о другом — прежде всего, о неоплаченном (и следовательно, социально неравном) женском труде в семье, «который редкий из экономистов соглашается считать трудом производительным»²⁴⁸. Именно в семье — вслед за Ф.Энгельсом — они искали истоки социального угнетения, именно семью считали «главным посредником» в создании неравноправного статуса женщины. Таким образом, марксистско-феминистские исследования закрыли то из «белых пятен» в философском толковании и истории материнства, проанализировали такие его стороны, которые постоянно ускользали от внимания, например, психологов-теоретиков иной политической ориентации.

Несмотря на «революционный подтекст», то есть стремление доказать сомневающимся необходимость перемен социального статуса женщины, марксистская концепция материнства была сверх-эссенциалистской: материнство рассматривалось в ней как социально, психологически и биологически предопределенная «природная функция» женщины, без которой невозможно воспроизводство индивидов.

²⁴³ Kestenberg J.S. On the Development of Maternal Feelings in Early Childhood: Observations and Reflections // Psychoanalytic Study of the Child. 1956. V.11. P.289. Ср. аналогичную точку зрения в работе: Newton N. Interrelationships Between Sexual Responsiveness, Birth, and Breast Feeding // Zubin J. (ed.) Contemporary Sexual Behavior. Baltimore, 1973.

²⁴⁴ См., например, одну из подобных концепций биогенетиков: Ehrhardt A. Maternalism in Fetal Hormonal and Related Syndromes // Zubin J. and others. Contemporary Sexual Behaviour: Critical Issues in the 1970's. Baltimore, 1973.

²⁴⁵ См. об алармистской концепции семьи: Здравомыслова О., Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне. По материалам международного социологического исследования. М., 1998. С.4.

²⁴⁶ Подробнее см.: Lankaster J.B. Sex Roles in Primate Societies // Teitelbaum M.S. Sex Differences. N.Y., 1976. P. 47.

²⁴⁷ Этот тезис попал и в работы социологов отнюдь не марксистской ориентации, разделявших, однако, эссенциалистские взгляды: «Sexual division of labor - because it was been essential (выделено мною - Н.П.) - has become build into human physiology...» (Rossi A. A Biosocial Perspective on Parenting // Daedalus. 1977. V.106. №2. P.3).

²⁴⁸ Hartman H. Capitalism, Patriarchy, and Job Segregation by Sex // Signs. 1976. V.1(3). P.2. P.137-169. С марксистской концепцией «неоплаченного труда» как постоянной составляющей труда вообще (в данном случае таким трудом виделся материнский труд) оказались согласны многие феминистки. См.: Oakley A. The Sociology of Housework. Oxford, 1974; Ruddick S. Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace. Boston, 1989; Fergusson A. Blood at the Root: Motherhood, Sexuality and Male Dominance. London, 1989.

Но как воспроизводились стереотипы феминности, что они собой представляли и какое место занимали в них представления о содержании материнства — такие вопросы марксистами и их сторонниками не ставились. «В самом акте материнства женщине навязываются существующие ценности. Рационалисты-марксисты всегда (хотя и тщетно) пытались пренебречь этим драматическим аспектом истории полов», — так резюмировала положение классик феминизма XX в. Симона де Бовуар²⁴⁹.

Структурализм 1960-х гг.: новые представления о материнстве как социальном конструкте и их осмысление феминистками. **Главнейшим достижением западной философии и социологии 1960-х гг., позволившими «оторваться» от биологического детерминизма начала века, были теории социального детерминизма и социального конструирования К.Мангейма, П.Бергера и Т.Лукмана²⁵⁰. Их основной тезис сводится к тому, что окружающий нас мир скорее (и в большей степени) «сконструирован» людьми, нежели предопределен природой. Господствующий в послевоенной американской социологии 1960-х годов структурно-функциональный анализ Т.Парсонса позволил представить общество как жесткую конструкцию, в которой женщина считалась ответственной за экспрессивную функцию, а мужчина — за инструментальную²⁵¹. Легко догадаться, что этот постулат не соответствовал знаниям и опыту женщин. Однако феминистки многое позаимствовали из самой концепции «социального конструирования» и немало преуспели в развитии парсоновских идей.**

Знаменитый тезис Симоны де Бовуар «Женщиной не рождаются, женщиной становятся», высказанный полвека назад, стал символом веры социального конструктивизма в феминистской философии. Статус женщины и кажущееся естественным различие между мужским и женским, заявили «социальные конструктивистки», не имеет биологического происхождения. Он — лишь способ интерпретации биологического, закрепленный писанными и неписанными законами общества²⁵².

К числу разнообразных публикаций, связанных с философскими аспектами феномена материнства и основанных на этих новых «конструктивистских» веяниях, должны быть причислены в первую очередь работы американских социологов и философов. Их место и значимость в общей «эпистемологии материнства» в том, что они были созданы женщинами (и, как правило, матерями!)—учеными. Это значит, что их авторы обладали раздвоенным самосознанием (идентичностью), с возможностью ощутить и осмыслить соответствие или несоответствие их конкретного опыта и абстрактной научной деятельности. Кроме того, как неизменно подчеркивают феминистки, как «знание угнетенного всегда глубже и точнее знания угнетающего», так и исследования материнства, написанные женщинами-матерями априори являются более репрезентативными²⁵³. По мнению одной из американских философов-феминисток, Дж. Флэкс, рациональный ум мужчины не в состоянии понять опыт женщин, связанный с детьми. Он познается, писала она, только «через включение эмоционального опыта — опыта отношений заботы, сострадания», а у большинства мужчин-исследователей «он (якобы! — Н.П.) недостаточен»²⁵⁴.

Едва ли не самое известное из исследований, написанных с позиций социального конструктивизма принадлежит перу Андриенны Рич²⁵⁵. Ее книга «Рожденная женщиной» с подзаголовком «Материнство как опыт и социальный институт» произвела настоящий переворот в научной литературе середины 1970-х гг., поскольку была яркой попыткой свободного соединения философии и выписок из статистических и литера-

²⁴⁹ Beauvoir S. de. The Second Sex. London, 1953. P.84.

²⁵⁰ Русские переводы основополагающих работ западных социологов вышли лишь двадцать пять лет спустя: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Мангейм К. Идеология и утопия. М., 1994.

²⁵¹ Parsons, T. and R.F. Bales. Family, Socialization and Interaction Process. New York: Free Press, 1965.

²⁵² Tuttle, Lisa. Encyclopedia of Feminism. Arrow Books, 1986. P.305.

²⁵³ Hartsock N. The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // Harding S. (ed.). Feminism and Methodology. Ann Arbor, 1987. P.157-181

²⁵⁴ Flax J. Political Philosophy and the Patriarchal Unconscious: A Psychoanalytic Perspective on Epistemology and Metaphysics // Harding S., Hintikka M. (eds.). Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science. Dordrecht, 1983.

²⁵⁵ Rich A. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. N.Y., 1976; Lerner G. Motherhood in Historical Perspective // Journal of Family History. 1978. V.3. P.297-301.

турных источников, личных переживаний, свидетельств «референтных групп», коими выступали подруги и приятельницы автора книги. Целью подобного соединения был разносторонний анализ материнства как социального феномена. Феминистская позиция А.Рич нашла явственное выражение в выводах ее исследования: в отличие от биологических детерминистов, искавших тесные связи между потенциальным материнством и сексуальностью, А.Рич поставила во главу угла детерминизм общественный. Характер материнства, содержательность отношений родительницы и ребенка определялись во все времена, полагала А.Рич, не некой «женской природой» или «женским предназначением», а сложно конструируемыми общественными ожиданиями. Поэтому в книге А.Рич явственно звучал протест против социального подчинения женщины, осуществляемого через законодательное ограничение женского права на аборт²⁵⁶, через монополизм мужских взглядов в научном мире (в том числе в гинекологическом). А.Рич уверенно доказывала, что принцип равных прав еще не означает равенства возможностей и показывала, как «тают» перспективы самореализации женщин в бизнесе, науке, государственной деятельности из-за необходимости нести основное бремя воспитания детей в семье (к ним А.Рич относилась и пропаганду образа неработающей многодетной матери).

Современницей и соотечественницей А.Рич — другой известнейшей феминисткой, Нэнси Чодоров — также был написан ряд трудов по философии и социологии материнства²⁵⁷. В ставшей (за 20 лет!) классической книге Н.Чодоров «Воспроизведение материнства»²⁵⁸ было убедительно доказано, что содержание тех или иных отношений между матерью и ребенком, как и самооценка матерью собственных действий, формируются за счет «внешнего мира» в куда большей степени, чем за счет заложенного биологически или психологически, хотя само материнство, полагала Н.Чодоров, — явление биосоциальное. Если З.Фрейд полагал, что «Анатомия — это судьба», что пол человека — производное от его анатомического строения, то Н.Чодоров и феминистки конца столетия (откликнувшиеся, в известном смысле на достижения медицины в области транссексуализма и на социальную легализацию трансвестизма) отвергли эту «очевидность».

Пол, подчеркивала Н.Чодоров, — это, действительно, биологическая данность, константа, но все, с ним связанное, — это приписанный (аскриптивный) статус. Таким образом, социальные проявления половой принадлежности выступали в ее исследовании как *достигаемые*, конструируемые психологическими, культурными и социальными средствами. Досконально проанализировав современную психоаналитическую, медицинскую и, разумеется, философскую и социологическую литературу, Н.Чодоров отвергла саму мысль о существовании какого-то «материнского инстинкта» и попыталась показать механизмы репродукции привычек и стереотипов сознания, касающихся матерей и материнства, в семье нуклеарного типа. Она вступила в полемику с одной из своих коллег — Джулиэт Митчел (автором книги «Психоанализ и феминизм»)²⁵⁹, доказывая, что материнско-детские отношения социальны от начала и до конца, что в них нет никаких «предсоциальных» элементов, как нет никакой «асимметрии» в базисе отношений мать/дитя и отец/дитя (Дж. Митчел склонялась-таки к тому, что первоначально мать для ребенка является чем-то «досоциальным», отец — с самого начала олицетворяет и репрезентирует общество и культуру). Но «женщины становятся матерями, потому что их воспитывают матери в этом направлении, а мужчины — воспитанные также матерями — чаще всего теряют или сильно уменьшают (редуцируют) свою родительскую функцию, потому что в этом заинтересовано общество», — заключала Н.Чодоров²⁶⁰.

Таким образом, материнство в концепции социальных конструктивистов предстало как биосоциальный феномен, в котором социальная часть, безусловно, сильнее биологической²⁶¹. Благодаря такому подходу в определении понятия «материнство» появилось важное добавление. Если биологические детерминисты и традиционная наука, говоря о материнстве, имели в виду лишь отношения матери и рожденного (или воспитываемого) ею ребенка, то в 1970-е годы под определение «материнских» попали и «идеологически оформленные чувства или моральное отношение женщины к другому человеку или целому миру»²⁶².

Проблемное поле «материнства», таким образом, необычайно расширилось. Не удивительно, что в 1980-е годы (по крайней мере в современной германской феминистской философии) были отмечены

²⁵⁶ Одновременно с книгой А.Рич вышло исследование Л.Гордон, в котором история контроля над рождаемостью тоже — впервые в мировой историографии — была проанализирована с позиции ущемления прав женщины. Можно предположить, что идея эта буквально витала тогда в феминистских кругах. См.: Gordon L. *Woman's Body, Woman's Right*. N.Y., 1976

²⁵⁷ См., например: Chodorow N. *Family Structure and Feminine Personality* // Rosaldo M.Z., Lamphere L. (eds.) *Woman, Culture and Society*. Stanford, 1974; Chodorow N. *The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and Sociology of Gender*. Berkley-LA., 1978.

²⁵⁸ Chodorow N. *Reproducing of Mothering. Pshyoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkley-LA-London, 1978.

²⁵⁹ Mitchel J. *Psychoanalysis and Feminism*. N.Y., 1974.

²⁶⁰ Chodorow N. *Op.cit.* P. 211.

²⁶¹ Rossi A. *A Biosocial Perspective on Parenting* // *Daedalus*. 1977. V.106. №2. P.1-31.

²⁶² Одно из ранних определений такого рода см.: Wahrig G. *Mutterlichkeit* // *Deutsches Woerterbuch*. Guterloh-B., 1972. Развернутую полемику по поводу расширительного толкования термина «материнство» см.: Kliewer A. *Geistesfrucht und Liebesfrucht*. Bamberg, 1993. S.3-4.

своеобразным «ренессансом» бахофеновских теорий столетней давности (о матриархате и скрытых формах власти женщин)²⁶³.

Материнство и гендерная концепция. Новый подход к оценке материнства и вообще в отношении к полу означал приверженность Н.Чодоров и ее коллег концепции социального конструктивизма, которая — как мы видим — дополнила и развила гипотезы социальных детерминистов. С каждой новой публикацией «социальные конструктивисты» все более решительно доказывали, что всегда и везде мир вокруг индивида «конструировался» не природой, а людьми, которые и моделировали соответствующие своей эпохе, религии и культуре отношения, в том числе и половые, и материнские. Конечным продуктом размышлений социальных конструктивисток стала созданная ими новая теория социо-половых отношений. Ее именуют гендерной, поскольку ее базовым является введенное Р.Столлером в начале 1960-х гг. понятие *гендера* (Р.Столлер разумел под ним «пол в социальном контексте»)²⁶⁴. Ныне термин «гендер» понимается, как известно, расширительно — как система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка²⁶⁵. Едва ли не ведущая роль в становлении гендерной концепции принадлежала американской феминистке Гейл Рубин²⁶⁶, чьи исследования по «политической экономике пола» стали теоретической опорой для целого поколения социологов, философов, психологов и историков²⁶⁷.

Уже в своих ранних работах Г.Рубин подчеркивала, что гендерная система — это не только «социальный и сексуальный аспект отношений между партнерами», но и «особость отношений брачных партнеров/супругов к детям», это «концепции материнства, детства и, так сказать, результат их бытования, социальный продукт» со всеми его уверенностями и предубеждениями²⁶⁸.

Сторонники гендерной концепции исключили толкование материнства как биологического феномена, поставили знак вопроса рядом с определением «биосоциальный» и призвали всех своих сторонников доказать на конкретных фактах, что материнство — как, между прочим, и отцовство — феномен *только и безусловно социальный* (в этом смысле все гендеристки — социальные конструктивистки, но, разумеется, не всякий социальный конструктивист является гендеристом). По словам Юлии Кристевой — выдающегося и признанного современного философа, корифея современного западного феминизма — материнство — это как раз и есть то «начало (threshold), в котором наиболее явственно столкновение Природы и Культуры, столкновение, переходящее в конфронтацию»²⁶⁹. Это «столкновение» проявило себя, по мнению феминистских историков, довольно рано. Например, Д.Райли полагала, что начало этого процесса совпало с «превращением биологических особей женского пола в женщин» в социальном смысле этого слова, то есть — в осознающих свою гендерную идентичность, что произошло, по ее мнению, не ранее конца XVII столетия²⁷⁰.

²⁶³ Distler S. Muetter, Amazonen und Dreifaeltige Goettinnen. Eine Psychologische Analyse des Feministischen Matriarchatmythos. Wien, 1989. Феминистские увлечения Бахофеном резко критиковались мужчинами-философами: Wesel U. Der Mythos vom Matriarchat. Uber Bachofens Matteredrecht und die Stellung von Frauen in Fruehen Gesellschaften. Frankfurt, 1980; Zinser H. Der Mythos vom Mutterrecht. Frankfurt-Berlin-Wien, 1981.

²⁶⁴ Подробнее о том, почему и как феминистки воспользовались этим психоаналитическим термином см.: Haraway D. Geschlecht, Gender, Genre. Sexualpolitik Eines Wortes // Hauser K.(ed.) Viele Orte. Uberall? Feminismus in Bewegung. Festschrift fur F.Haug. Berlin-Hamburg, 1987. S.22-42.

²⁶⁵ Уэст К. и Циммерман Д. Создание гендера // Труды СПбФ ИС РАН. Гендерные Тетради. Вып. первый, СПб., 1997. С.97-99.

²⁶⁶ Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex // Reiter R. (ed.) Toward an Anthropology of Women. N.Y., 1975. P.157-210. Подробнее о теории социального конструирования гендера см.: Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. статей под ред. Е.А.Здравомысловой и А.А.Темкиной. СПб., 1996. С.5-13; Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. №6. С.8-24.

²⁶⁷ См., например: Riley D. «Am I That Name?» Feminism and the Category of Women in History. Minneapolis, 1994.

²⁶⁸ Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex // Reiter R. (ed.) Toward an Anthropology of Women. N.Y., 1975. P.165-166.

²⁶⁹ Kristeva J. The Maternal Body // Freibeuter. 1979. №2. S.79-84 (перепечатано: 1981. NF.5-6. P.159-164). Стоит, однако, учитывать, что позиция Кристевой — жестко феминистская. По ее мнению, любая женщина *всегда* находится в явной или латентной оппозиции обществу как неизменно «маргинальная личность» (ибо всякое современное общество андро- и фаллоцентрично). См.: Kristeva J. Produktivität der Frau // Alternative. 1976. V.108/109. S.166-173.

²⁷⁰ См., например: Riley D. «Am I That Name?» P.18-44. Специальному исследованию концепций материнства была посвящена сравнительно ранняя работа этой исследовательницы, показавшей — в известном смысле в марксистском духе — повседневность и материнство в среде работающих женщин: Riley D. War in the Nursery: Theories of the Child and Mother. L., 1983.

Исследование материнства, как и любое феминистское исследование, подчеркивали сторонницы данного направления, должно быть *гендерно чувствительным*. Под этим они разумели, что процесс исследования должен быть рефлексивным, и изучению должны подвергаться не только предметы исследования, но и его (авторов) представления и предпочтения, то есть те «линзы», через которые он/она смотрят на мир, на объект своей научной работы, ведь культурные установки и верования сильно влияют на ее результаты. Следовательно, задача «историка материнства» — с точки зрения гендеристок — это реконструкция множества историй, которые рассказывают или рассказывали женщины о своем материнском опыте и соотносении его со своим²⁷¹ (тут не совсем ясно, как избежать превращения исследования в «картотеку» описаний персональных опытов и практик? — Н.П.).

Вклад феминистских исследователей в изучение темы материнства несомненен. Именно они провозгласили «гендерно-чувствительную» рефлексивную практику обязательной составляющей любого исследования²⁷². В этом их теоретическая ценность, в том числе и при анализе родительства. Можно, однако, выделить и практический аспект. Именно гендеристки (а до них — ученые феминистской ориентации) первыми обратили внимание на угасание желания проявлять материнские чувства, если женщина не получила соответствующей «установки» в детстве; именно феминистки — стремясь к пресловутому «равенству возможностей» — стали призывать «воспитывать отцовство» так же, как из века в век «воспитывается материнство» (когда девочку с юных лет готовят быть матерью и говорят, что она *должна* стать ею)²⁷³. Поскольку этот призыв двадцатилетней давности был услышан в ряде западных стран, успешность новой семейной политики дает сейчас о себе знать в Германии, Голландии, США, где проявляется тенденция к «новому отцовству», где именно отцы (не меньше, чем матери) гуляют с детьми, кормят их и занимаются с ними. Социальный конструктивизм принят теоретиками, разрабатывающими проблемы гомосексуальности. В гомосексуальных семьях, где взяты на воспитание или имеются дети одного из партнеров, может и не быть жесткого определения, *кто* должен заниматься детьми. Это делают оба «супруга», подтверждая самой практикой, что материнство — не базовый инстинкт, а социально-конструируемая переменная.

Новые психоаналитические концепции и социальные теории деконструкции материнства как социального феномена. ***Практически одновременно с появлением гендерной теории, в европейской психологии возникло особое направление, объединившее тех, кто проявлял особый интерес к ранним стадиям материнско-детского общения (до достижения ребенком возраста одного года и даже в пренатальном периоде)²⁷⁴, а также пытался увязать проблему «материнского *itago*», возникшего в этом раннем детстве, с особенностями психологического склада человека в зрелом возрасте. В известном смысле, они развивали концепцию Ж.Пиаже об определяющем значении опыта маленького человека, чья ранняя фаза образного мышления не отделяет фантазию и реальность, мысль и действие, воображаемый *itago* матери и мать как таковую²⁷⁵.***

Среди наиболее важных концепций стоит упомянуть теорию М.Кляйн, продолжившей размышления Х.Дойч о трех стадиях отношений «мать/дитя» и сосредоточившейся на идее бесконечности борьбы «добра» и «зла», «положительного» и «отрицательного» в образе матери на протяжении всей жизни человека, даже когда он вырастает и становится способным «к действительно объектным отношениям, строящимся на сопереживании и взаимности»²⁷⁶.

В ином свете предстали отношения матери и ребенка и, следовательно, идея материнства в работах французского психоаналитика Ж.Шасге-Смиржель. Если М.Кляйн расщепляла образ матери на «добро» и «зло», на «ведьму» и «фею», на могущую накормить и защитить и олицетворяющую право на

²⁷¹ Stanley L., Wise S. *Breaking Out*. London, 1983. P.145-158. Для ищущих истину главная проблема этой позиции — относительность всех выводов (релятивизм). Если согласиться с тем, что исследователь должен быть «осмыслителем» своих собственных позиций, то остается не ясным, как же определять силу и значимость рефлексии.

²⁷² Harding S. Introduction. *Is there a Feminist Method?* // Harding S. (ed.). *Feminism and Methodology*. Milton Keynes, 1987. P.1-14

²⁷³ Bernard J. *The Future of Motherhood*. N.Y., 1974.

²⁷⁴ Идеи, созвучные размышлениям западных психологов, попали — несмотря на все препятствия и в работы отечественных исследователей. См., например: Корницкая С.В. Влияние содержания общения со взрослыми на отношение к нему ребенка. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1975; Мазитова Г.Х. Развитие дифференциальных отношений с окружающими взрослыми у младенцев. Дисс... канд. психол. наук. М., 1977 и др.

²⁷⁵ Piage J. *La formation du symbole chez l'enfant*.

²⁷⁶ Klein M. *Das Seelenleben des kleinen Kindes und andere Beiträge zur Psychoanalyse*. Reineck, 1972. S.144-173

лишение еды и защиты, то французская исследовательница педалировала идею именно всесильности матери по сравнению с ребенком, то есть сосредоточилась на этой травмирующей психику человека материнской функции²⁷⁷. Согласно Ж.Шасге-Смиржель, любой ребенок переживал хоть раз в детстве ощущение бессилия перед матерью, и эта травма, оставив в душе «нарциссическую рану» (термин Б.Грунберга²⁷⁸), настолько глубока, что вся последующая жизнь (и мужчины, и женщины) — это лишь стремление избежать зависимости, фрустрации и бессилия, пережитых в детстве. Немецкий философ Д.Диннерштейн, оттолкнувшись от данной гипотезы Ж.Шасге-Смиржель, выстроила целое исследование о механизмах воспроизводства патриархатной власти²⁷⁹: с ее точки зрения, постоянное бегство от власти матери, от переживаний, испытанных в детстве, ведут к бессознательному предпочтению «господства отца», так как большинство или даже все (независимо от пола) предпочитают его образ угрожающему *imago* «всевластной матери». Именно поэтому и часть женщин, движимых страхом перед женской конкуренцией, как полагала Д.Диннерштейн, всегда будет предпочитать старый, патриархатный порядок эвентуальному новому, построенному в согласии с феминистскими требованиями²⁸⁰.

Продолжив размышления своих коллег и задавшись целью определить их значимость не только для психологии и психоанализа, но и для социальных наук в целом, соотечественница Д.Диннерштейн — К.Роде-Дахсер попыталась доказать, что социальная ситуация, при которой наблюдается рост числа семей, в которых воспитанием ребенка занимаются лишь матери, может породить накопление и рост агрессивности по отношению к женщинам, так как подобные идеи способны «активизировать (у отдельных индивидов и в обществе в целом) представление о матери, которая господствует во всех областях»²⁸¹. И хотя происходит подобное помимо воли женщины-матери, общество реагирует на существование самостоятельных и успешных матерей-одиночек иногда — «страхом» (М.Л.Мёллер), а иногда — «даже яростью» (З.Тёммель)²⁸².

Размышляя над особенностями современного общества, в котором остается все меньше областей, позволяющих пережить чувство сопричастности и общности, и западные, и восточные ученые (например, японский исследователь Ч.Дои) пытаются увязать эти процессы с обесцениванием значимости и даже с отсутствием порой самого факта единства матери с ребенком во время грудного вскармливания. Тем самым оживляя эссенциалистские и биодетерминистские концепции, Ч.Дои, М.Е.Игл и ряд сочувствующих им психоаналитиков пытаются через идеализацию раннего слияния ребенка с матерью прописать рецепт спасения современного общества от индивидуализма, отчужденности, дистанцированности и формальности отношений²⁸³.

Материнство в постмодернистских и постструктуралистских концепциях. До поры до времени все эти психологические и психоаналитические концепции развивались как бы в «параллельном режиме» с развитием социологических, философских и исторических теорий. Водоразделом оказалось начало 1980-х гг., когда интерес специалистов по женской истории обратился к теориям и концепциям сопредельных гуманитарных наук. В эти годы гипотеза о «двух отделенных социальных сферах» (и, следовательно, о раздельном и как бы параллельном существовании «мужской» и «женской» истории) буквально разбилась о вышеописанную гендерную концепцию²⁸⁴.

Катализатором процесса взаимопроникновения и взаимообогащения социальных и психологических теорий стали постструктуралистские и постмодернистские концепции²⁸⁵. Благодаря постмодернистским и

²⁷⁷ Chasseguet-Smirgel J. Psychoanalyse der Weiblichen Sexualität. Frankfurt am Main, 1974; Ibidem. Zwei Bäume im Garten: Zur Psychischen Bedeutung der Vater- und Mutterbilder. München-Wien, 1989. S.1-26.

²⁷⁸ Б.Грунбергер — французский психоаналитик, который развил теорию Ж.Шасге-Смиржель до признания большей силы и влияния «отрицательного» над «положительным» в образе матери. См.: Grunberger B. Narziss und Anubis. Die Doppelte Ur-Imago // Grunberger G. Narziss und Anubis. Die Psychoanalyse Jenseits der Triebtheorie. Bd. 2. München-Wien, 1988. S.72-91.

²⁷⁹ Dinnerstein D. Das Arrangement der Geschlechter. Stuttgart, 1979

²⁸⁰ Подробнее об этом см.: Hagemann-White C. Frauenbewegung und Psychoanalyse. Basel-Frankfurt am Main, 1986. S.68-69.

²⁸¹ Rohde-Dachser C. Das Mutterbild in der Psychoanalyse // Schuchard M. (ed.) Mutterbilder — Ansichtssache. Beiträge aus Sozialwissenschaftlicher, Psychoanalytischer, Literaturwissenschaftlicher und Medizinischer Perspektive. Heidelberg, 1997. S.49-65.

²⁸² Möller M.L. Die Liebe ist das Kind der Freiheit. Reinbeck, 1986; Tömmel S.E. Oedipus oder Prometheus — soziopschoanalytische Ueberlegungen zur «vaterlosen Gesellschaft» // Luzifer-Amor. 1988. №1. S.88-122.

²⁸³ Eagle M.E. Neuere Entwicklungen in der Psychoanalyse: Eine Kritische Würdigung. München-Wien, 1988. О концепции Ч.Дои см.: Rohde-Dachser C. Zurück zu den Mutter? Psychoanalyse in der Auseinandersetzung mit Weiblichkeit und Macht // Forum für Psychoanalyse. 1989. №5. S.19-34.

²⁸⁴ О переходе от парадигмы «separate spheres» к гендерной парадигме подробнее см.: Пушкарева Н.Л. «Говорящий пол» (еще раз о гендерной методологии в исторических науках) // Гендерлэнд. 1998. №3 (7). С.42-45.

²⁸⁵ Постмодернизм и постструктурализм 1980-х гг. был как бы 3-ей «волной», третьим поколением философских концепций. Первая «волна» — это романтизм начала XIX в. (он был «постмодернизмом» по отношению к модернизму того времени — классицизму, который — в свою очередь — был модерном в

постструктуралистским размышлениям над «женской историей» как над «другой историей»²⁸⁶, причем не альтернативной, не противопоставляющей себя мужской, а именно «одной из иных», «одной из историй», неожиданно выяснилось, что практически любая из современных концепций гуманитарного знания релевантна (то есть уместна, подходяща) «женской теме». Феминистки безоговорочно приняли постмодернизм, потому что он отрицал всякий «центризм», любое соподчинение — а для феминисток отрицание «мужского господства» («фаллоцентризма») было и остается первой, основополагающей идеей, можно сказать, — краеугольным камнем.

Однако модернистские и неофрейдистские, психологические и структуралистские концепции были основаны — так или иначе — на рационализме, то есть способствовали (как, во всяком случае полагали многие авторы) решению наболевших проблем сегодняшнего дня. Эстетика же постмодернизма и постструктурализма была воздвигнута на отказе от чистого рационализма и функционализма. «Синтез традиционных искусств» (концепций, гипотез, парадигм) был достигнут не ради *решения*, а ради *описания и объяснения* (причем не претендующего на окончательность и единственность) того или иного социального феномена²⁸⁷. Материнство как нельзя лучше подходило для этих опытов.

Ведущие французские постмодернисты и постструктуралисты — Ж.Дерида, Ж.Ф.Лиотар, Ж.Делез, вооружив историков и вообще всех гуманитариев (психологов, социологов, педагогов) методом движения от текста к контексту, от анализа нарратива — к интертекстуальности, *диалогу* с текстом, заставили искать и видеть не «вертикаль ценностей» человека любой эпохи, не их «лестницу», не иерархию — а их «горизонталь»²⁸⁸. Так появился термин — «горизонтальная культура», которая содержит, «обслуживает» и обсуждает все, относящееся к человеку, решительно отрицая какие-либо запретные темы (сексизм, сексуальные домогательства, боль, насилие, самоубийства, смерть).

Как повлияло появление этих новых идей и концепций на исследование материнства философами и психологами? Вышеупомянутые Ж.Дерида, Ж.Ф.Лиотар, Ж.Делез заставили своих коллег по-новому заинтересоваться, во-первых, субъективностью, саморефлексиями индивида (а феминисты немедленно расширили эту задачу анализом саморефлексий индивида, родившего себе подобного). Во-вторых, они остро поставили проблему представления (репрезентации) и тождественности (идентичности) личности (и феминистки откликнулись волной работ, отвечающих на вопрос «я ли это?», «кто я?», в которых заметное место уделялось именно материнской идентичности)²⁸⁹. В-третьих, следствием постмодернистских влияний на исторические науки является и возобновленный интерес к диаде частного (приватного) и общественного (публичного): но если в 1970-е годы «частная сфера» изучалась прежде всего как «женская», а соответственно «публичная» — как «мужская», то теперь это противопоставление снято и обе сферы рассматриваются в рамках (фреймах) интеракционистского взаимодействия²⁹⁰. В-четвертых, не без влияния постмодернизма произошел и лингвистический поворот, резко выросло внимание к анализу содержания понятий и категорий, появилась удобная дефиниция «практик речевого поведения» или *дискурсов*²⁹¹ (и исследователи материнства 1990-х гг. немедленно заговорили о различиях дискурсивных полей материнства доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной эпох, об особенностях так называемого *женского письма* — «écriture féminine»²⁹²). И последнее, пятое. Благодаря деконструктивистскому методу, введенному когда-то лидером этнометодологического направления Г.Гарфинкелем и взятому на вооружение феминистками К.Уэст и Д. Циммерман²⁹³, в изучении материнства поставлена задача изучения того, как происходит *приписывание*, категоризация,

отношении романтизма и сентиментализма); вторая волна — модернизм начала XX в. (как ответ на реализм), третья — постмодернизм конца XX в. (как ответ на тоталитарное искусство и философию, контркультуру 1960-х гг. и на структуралистское увлечение схемами и конструкциями). См.: Андреева И.С., Федорова Л.В. Постмодернизм: за и против // На путях постмодернизма. М., 1995. С.4-5.

²⁸⁶ Hey B. Women's History und Poststrukturalismus. Zum Wandel der Frauen- und Geschlechtergeschichte in den USA. Pfannenweiler, 1995. S.17-2.

²⁸⁷ Как на место *структурализма* пришел *постструктурализм*, так на место *реализма* в философских концепциях пришел *релятивизм* (зачастую являющийся вакуум не только веры, но и уверенности). При всех негативных его сторонах, релятивизм утвердил во всей западной философии приемлемость *культуры многообразия*. (Гулыга А.В. Что такое постсовременность? // Вопросы философии. 1988. №12. С.153-159). Условно говоря, в отличие от Лютера, утверждавшего в XVI в. «Я здесь стою и не могу иначе», постмодернист бы заявил: «Я здесь стою и могу, как угодно».

²⁸⁸ «Горизонтальную культуру» Ж.Ф.Лиотар сравнил с супермаркетом, где одновременно можно купить и Библию, и презервативы. См.: Лиотар Ж.Ф. Заметка о смыслах "пост" // Иностранная литература. 1994. №1. С.56-59

²⁸⁹ Riley D. "Am I That Name?" P.18-44.

²⁹⁰ Pomata G. Partikulargeschichte und Universalgeschichte. Bemerkungen zu einigen Handbuechern der Frauengeschichte // L'Homme. Zeitschrift fuer feministische geschichtswissenschaft. 2 Jg. 1991. Hf. 1. S.5-44.

²⁹¹ Среди ранних работ, упоминавших о различиях материнского дискурса разных эпох, см.: Martin B. Weiblichkeit als Kulturelle Konstruktion // Das Argument. 1983. V.138. S.210-216.

²⁹² Irigaray L. Spiegel des Anderen Geschlechts. Frankfurt am Main, 1979. S.211-224.

²⁹³ Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. New Jersey, 1967; Уэст К. и Циммерман Д. Создание гендера // Труды СПбФ Института социологии РАН. Гендерные Тетради. Вып. 1. СПб., 1997.

распределение семейных и родительских ролей по признаку пола (причем историки подходят к этой задаче с учетом эволюции общественного сознания и культур), размышляя, каким образом в семье и семейном воспитании воссоздается «мужское» и «женское» как неравное.

Зачем историкам философско-социологические и психологические концепции?

Интерес к истории материнства рожден появлением на рубеже 1970—1980-х гг. новой научной дисциплины — исторической феминологии. Новые подходы к философскому и социо-психологическому анализу материнства, которые демонстрируют феминистки в эпоху постструктурализма и постмодерна позволяют историкам-феминологам ставить и многие другие важные вопросы, «выходящие» далеко за пределы темы и являющиеся серьезным шагом на пути изучения проблем общественных умонастроений. Достаточно указать, например, на анализ на пути изучения проблем общественной «второй» или «искусственной реальности», поставленных — касательно материнства — германской деконструктивисткой К.Браун. Речь идет о существовании и моделировании идеологически приемлемого образа матери («искусственной матери» — «kuenstliche Mutter»), который базируется на информации о некой «усредненной», «абстрактной» матери, а последняя — в свою очередь — не что иное как обобщение опыта конкретных отдельных матерей, их повседневных практик²⁹⁴.

Другой пример — рассмотрение феномена материнства как «антагониста», как «противопонятия» феномена женской эмансипации. Тенденция к этому обнаружилась едва ли не в середине XIX века, когда радикализму женщин, боровшихся за свое равноправие, противопоставлялся образ «доброй матери». В современную эпоху требуется, как показывают работы Т.Воббе, многоуровневый анализ этих условных «антагонизмов»²⁹⁵, «встраивание» образа матери в новую женскую идентичность начала нового тысячелетия, рассмотрение материнства не только как социального феномена, но и как идеологемы, которую время от времени «подправляли» те, «кому это было выгодно».

Однако в целом, подводя итоги, нельзя не признать, что общей чертой психологических, философских и социологических концепций, связанных с пониманием материнства, материнской любви и заботы и выдвинутых на Западе в 1950—1990-х гг., было и остается довольно поверхностное отношение к исторической предыстории интересующего нас сюжета. Некоторые исследователи предпочитают честно отмежеваться от идеи рассмотрения материнства с позиций историзма и социально-исторического (этнического, конфессионального) детерминизма, полагая, что это не входит в их задачи²⁹⁶. Подобная «цеховая ограниченность» заставляла историков и этнографов работать все эти годы в некоем «параллельном режиме», собирая главным образом мозаику фактов и редко, робко соотнося их с новомодными концептами. Все, таким образом, работали, «как было принято», и редко выходили за пределы заданной системы. Современная интеграция гуманитарного знания ломает сложившиеся стереотипы. Она заставляет признать, что многие из эпистемологических построений философов, социологов и психологов, касающиеся материнства, весьма интересны историку при интерпретации информации, получаемой им при чтении свидетельств минувших эпох.

²⁹⁴ Braun Ch. Nicht ich — ich Nicht. Logik, Luege, Libido. Frankfurt-am-Main, 1985.

²⁹⁵ Wobbe T. Gleichheit und Differenz. Politische Strategien von Frauenrechtlinien um die Jahrhundertwende. Frankfurt-am-Main - N.Y., 1989.

²⁹⁶ Например, Н.Чодоров в заключении к книге честно призналась, что ее исследования часто именуют «неисторичными», поскольку «социально-половая система является постоянно изменчивым образованием». Но она умышленно оставила исследование этих изменений на долю тех, кто продолжит начатое ею (Chodorov N. Op. cit.P.215).

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ «ИСТОРИИ МАТЕРИНСТВА» КАК ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ²⁹⁷

Изучение материнства как социально-культурного феномена со своими чертами и особенностями у разных народов имеет в западной науке свою историю. Практически все ученые в разных европейских странах, так или иначе обращавшиеся к истории семьи, церковного и семейного права, касались и проблем истории родительства, а следовательно — и материнства²⁹⁸. Однако до появления новых подходов к изучению исторической психологии и социальной истории, которые справедливо ассоциируются у современных специалистов с французской школой Анналов²⁹⁹, тема «история материнства» не признавалась как самостоятельная и самоценная мировым научным сообществом. Она входила как составляющая в этнологические и психологические, медицинские и, отчасти, правовые исследования, но никто не говорил о ней как о междисциплинарной и необычайно актуальной.

Первые шаги к изменению подобного положения сделали публикации по истории детства, ибо именно они позволили по-иному посмотреть и на историю родительства — поставить новые вопросы, направленные на выявление неких общих культурно-исторических моделей материнства в Европе, соответствовавших определенным временным эпохам.

В классическом труде французского историка, одного из основателей школы Анналов Филиппа Арьеса, который подвергся справедливой критике со стороны медиэвистов всех стран — прежде всего за весьма спорный вывод автора об отсутствии в средневековье «представления о детстве и его ценности для человека» — было уделено не слишком много внимания вопросу о специфических функциях и значении отца и матери в жизни ребенка в доиндустриальную эпоху. В известном смысле подобный факт вытекал из самой концепции автора о первых фазах истории детства: раннесредневековой, когда детей «не замечали» и «часто бросали» и позднесредневековой, когда, по его словам, отношение к детям было отмечено «амбивалентностью», допущением ребенка к жизни взрослых, но непризнанием за ним каких-либо собственных прав.

Концепция Ф.Арьеса вызвала бурю споров на страницах книг и журналов, но были и ученые, в целом согласившиеся с французским исследователем (например, в Англии и США, соответственно, Л.Стоун и Л.Де Маус)³⁰⁰. Любопытно, однако, что и они, и их критики (назовем хотя бы Э.Шортера)³⁰¹ сходились во мнении о том, что «возникновение» материнской любви в начале Нового времени стало своеобразным «мотором», «источником движения» в изменениях семейной жизни и повседневности детей (например, Л.Поллок полагала, что «до XVII в. не существовало концепции детства и материнства»)³⁰². При этом каждый из исследователей видел в «возникновении материнской любви», разумеется, лишь один, хотя и важнейший, фактор. В качестве других, сопутствующих, перечислялись «распространение систематического светского, школьного обучения» (Ф.Арьес), «распространение психологических и медицинских знаний», «развитие буржуазного общества» (Э.Шортер), «усложнение эмоционального мира людей, появление неопределимого духа доброжелательности» (в том числе родителей, ставших способными лучше понимать своих детей и удовлетворять их потребности, как считали Л. Де Маус и, особенно, Э.Шортер).

Напротив, психолог Джером Каган видел обратную связь. Возникновение нового отношения к ребенку, в частности, материнской любви, считал он, было результатом изменения модели семейной жизни и роли ребенка в обществе: с увеличением продолжительности жизни в детях стали в большей мере видеть дополнительные рабочие руки в семье, кормильцев и содержателей в старости³⁰³, а отсюда возникли и новые эмоции по отношению к ним.

Публикации Ф.Арьеса, Л.Де Мауса, Э.Шортера, Дж.Каган открыли тему «истории детства». Их последователи из разных стран откликнулись на нее лавиной публикаций, восстанавливая «мир

²⁹⁷ Статья написана в рамках исследования, выполняемого по грантам РАГНФ № 04-01-00004а и РАГНФ № 04-01-7810 а/Б.

²⁹⁸ Ploss H.H. Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Anthropologische Studien. Stuttgart, 1876; Schreiber G. Mutter und Kind in der Kultur der Kirche. Freiburg, 1918; Bösch H. Kinderleben in der Deutschen Vergangenheit. Vena, 1924.

²⁹⁹ Berg van den J.H. Über die Wandlungen der Menschen. Grundlinien einer Historischen Psychologie. Göttingen, 1960.

³⁰⁰ Ariès Ph. L'Enfant et la vie Familiale sous l'Ancien Regime. Paris, 1960; De Mause L. (ed.) The History of Childhood. N.Y., 1974; Ibid. The Evolution of Childhood // History of Childhood Quarterly. Spring, 1974. V.1. P.505-507; Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500—1800. London, 1977.

³⁰¹ Benton J.F., Shorter E. Comments to the Programme "The History of Childhood" // History of Childhood Quarterly. Spring, 1974. V.1. P.593-596; Shorter E. Die Geburt der Modernen Familie. Reinbeck, 1977; Ibid. Der Wandel der Mutter-Kind-Beziehungen zu Beginn der Moderne // Geschichte und Gesellschaft. 1975. Hf. 2/3.

³⁰² Pollock L.A. Forgotten Children. Parent-child Relations from 1500 to 1900. 1983. P.262.

³⁰³ Kagan J., Freeman M. Relation of Childhood Intelligence, Maternal Behaviours and Social Class to Behaviour During Adolescence // Child Development. 1963. V.36. P.899-911; Kagan J. Elternliebe ist Keine Lebensversicherung // Psychologie Heute. 1978. Hf.12. S.40.

ребенка» во времена давно ушедшие, анализируя понимание в те времена младенчества и подросткового возраста. Немало работ оказалось связанными с проблемой восприятия детства и, в связи с ним, материнства в средневековье. Главным выводом медиевистов был вывод о том, что отсутствие в средневековье современной концепции материнства (причем в его западноевропейском варианте) еще не означает, что концепции не существовало вовсе. И задачей ученых стало выявление того, как менялись взгляды на материнство и материнскую любовь в разные исторические эпохи, у разных народов (показательно, что даже в самых обобщающих трудах, каким, например, явилась в начале 1980-х гг. «Социальная история детства», Восточной Европе и, тем более, России не нашлось места: не было подготовленных специалистов)³⁰⁴.

В ходе исследований, предпринятых в том числе и медиевистами разных стран, весьма значимым оказался ряд наблюдений о детско-родительских отношениях и их содержании в доиндустриальную эпоху. Несомненный интерес представила, например, работа немецкого литературоведа Д.Рихтера, проанализировавшего сказки разных европейских народов (в том числе собрания Ш.Перро и братьев Гримм) именно с точки зрения отражения в них отношений родителей и детей, их этапов, их динамики³⁰⁵. Рядом других немецких исследователей было доказано, что до начала Нового времени четкого разделения игр на «детские» и «взрослые» не было: все играли вместе. С развитием же общества, подчеркивала, например, Д.Ельшенбройх, функция игры в воспитании была отдана на откуп одним матерям (да и то, если речь шла о малышах). «Разрыв», отчуждение между ребенком и взрослым (выраженный в том числе в отсутствии совместных игр) рос одновременно с модернизацией общества³⁰⁶.

Другой темой «специалистов по детству» стало исследование родительства, в том числе и истории родительской (и, следовательно, материнской) любви³⁰⁷. И здесь немаловажным оказалось наблюдение ряда исследователей школы и школьного обучения в раннее Новое время, которые настойчиво отрицали жестокость родителей и матерей прежде всего, приводили факты обратного свойства — стремление родительниц защитить своих ребят, подвергавшихся (при обучении мастерами, учителями в школах) физическому воздействию³⁰⁸.

Весьма перспективным направлением в изучении детства и связанного с ним сюжета о материнско-детских отношениях оказалось издание отрывков из первоисточников, подобранных по теме «Дети и их родители за три столетия» (ответственным редактором выступила американка Л.Поллок)³⁰⁹, поскольку оно позволяло «выйти» на интересующую феминистов тему представлений детей об их родителях. Наконец, специалисты по «истории детства», рассматривавшие его не только как социо-исторический и социо-культурный, но и социо-конфессиональный конструкт, вплотную подошли и к изучению в этом аспекте родительства, в том числе, следовательно, и материнства (особенно удачной в этом аспекте следует признать исследование Ч.Дж.Соммервилля, завершающей главой которого стало исследование родительских чувств сквозь призму пуританского индивидуализма XVII в.)³¹⁰.

Но лишь с конца 70-х годов изучение отцовства, материнства и динамики их изменений в истории стало институционализироваться как самостоятельное исследовательское направление³¹¹.

Не приходится удивляться, что в андроцентричных обществах и научных сообществах, коими всегда были и по сей день являются большинство научных учреждений и университетов Европы и США, пристальное внимание ученых оказалось обращено в первую очередь именно к отцовству, а не материнству. В отцовстве видели исключительно социальный феномен, менявший свое обличье в раз-

³⁰⁴ Martin J., Nitschke A. Zur Socialgeschichte der Kindheit. München, 1986.

³⁰⁵ Richter D. Das Fremde Kind. Zur Entstehung der Kindheitsbilder des Bürgerlichen Zeitalters. Frankfurt am Main, 1987.

³⁰⁶ См., например: Elschenbroich D. Kinder Werden Nicht Geboren. Studien zur Entstehung der Kindheit. 1977.

³⁰⁷ Л.Поллок спорила по этому поводу с Л.Демосом, доказывая умение матерей сопереживать переживаниям их детей. См.: Pollock L.A. Op.cit. P. 263.

³⁰⁸ См., например: Srauss G. Luther's House of Learning. Indoctrination of the Young in the German Reformation. Baltimore and London, 1978 (о новом отношении к ребенку в Германии в эпоху Реформации); см. также богато иллюстрированное исследование, в котором истории «средневекового детства» (то есть периоду до 1800 года) посвящена начальная глава: Weber-Kellermann I. Die Kindheit. Kleidung und Wohnen, Arbeit und Spiel. Eine Kulturgeschichte. 1979. Марксистский подход с упором на социально-экономические аспекты истории детства (детская занятость, детский труд, законодательство о статусе детей-работников) был представлен в книге восточногерманского историка: Kuczynski J. Studien zur Geschichte der Lage der des Arbeitenden Kindes in Deutschland von 1700 bis zur Gegenwart. Berlin, 1968.

³⁰⁹ Pollock L. Parents and Childs Over Three Centuries. Hannover & L., 1987.

³¹⁰ Sommerville C.J. The Discovery of Childhood in Puritan England. London, 1996.

³¹¹ Hunt D. Parents and Children in History. The Psychology of Family Life in Early Modern France. N.Y., 1970; Flandrin J.-L. Familles, Parenté, Maison, Sexualité dans L'ancienne France (XVIe-XIXe siècle. P., 1975. Tellenbach H. von (Hsbg.). Das Vaterbild in Mythos und Geschichte. Stuttgart, 1976. Cp.: Optz C. Frauenalltag im Mittelalter. Biographien des 13. und 14. Jhs. Weinheim und Basel, 1985. S.210; анализ содержания понятия «родительской власти» (которое читалось как «отцовской власти») в классическом праве (Августин, св. Павел, Тертулиан и заимствования из их сочинений в средневековой дидактике) см.: Metz R. La Femme et l'enfant dans le Droit Canonique Medieval. Paris, 1985.

ные исторические эпохи. В сборнике трудов, изданном в 1976 г. в Штуттгарте под руководством профессора Х. фон Телленбаха («Образ отца и отцовства в мифах и в истории») подчеркивалось, что оно всегда было «созидающим принципом» и источником авторитета. Целью авторов сборника было исследование представлений об отцовстве в произведениях античных авторов, в Новом Завете; они не ставили целью сопоставление взглядов на отцовство и материнство, поскольку считали материнство скорее «социобиологическим» феноменом, по сравнению с полностью «социальным» отцовством.

Несколько позже историки, обращавшиеся к истории отцовства, всячески подчеркивали, что «отцовская любовь» была — по сравнению с материнской — чем-то «вне нормы» и даже в работах женщин-историков (например, К.Опитц) описывалась главным образом в категориях мужских фрустраций при описании смерти или иных форм потери детей³¹². Примечательно, что все последующее двадцатипятилетие изучение истории отцовства шло все время в полемике с изучением истории материнства, в условиях борьбы с воображаемыми «мельницами»: то есть в постоянном утверждении права этой темы «на свою историю» (хотя ни одна феминистка никогда с этим не спорила)³¹³.

В очень значительной степени интерес к «истории материнства» возникнул как следствие усиления культурно-антропологического направления в медиэвистике, прежде всего при попытках нового освещения истории семьи и вопросов исторической демографии. Правда, в работах культурантропологов нового (к 80-м гг. — уже второго) поколения школы Анналов женщины появлялись все же чаще как «жены», «вдовы», а применительно к XVIII столетию — как «подруги» и «единомышленницы». Ж.-Л.Фландран во Франции, Л.Стоун в Англии, Р.Трамбэч в США разрабатывали историю семейных отношений во Франции, Бельгии, Англии и других странах Европы в средние века³¹⁴, но женщины как матери появлялись в этих книгах прежде всего в контексте упоминаний об обстоятельствах повседневности того времени, зачатия и рождения детей, их грудного вскармливания. То есть интерес к «истории материнства» изначально не был схож с интересом к «истории отцовства». В материнстве видели «естественную» и даже «биологическую» предопределенность женщины как матери. В известной степени такой подход диктовался источниками: исследователи как бы шли вслед за проповедниками, теологами, дидактиками, литераторами средневековья, для которых именно это распределение акцентов было очевидным³¹⁵.

Такой же очевидностью казалось и «хронометрирование» детско-родительских (и в частности, детско-материнских) отношений, разделение «истории детства» (и, следовательно, истории родительства) на две эпохи: «до» XVIII в. и эпохи Просвещения и «после» (были исследователи отрицавшие это утверждение, но они оказались в меньшинстве)³¹⁶. То, что «после» эры Просвещения воспитание детей и отношение к ним матерей стало иным, не оспаривалось почти никем, ни в одной стране³¹⁷. Самым последовательным защитником этой идеи был и остается Э.Шортер³¹⁸, но его безапелляционность и резкость постоянно оспариваются: написаны десятки статей, в которых доказывается, что и до пресловутого XVIII века отношение матерей к своим детям могло быть и нежным, и сочувствующим. При этом практически все современные зарубежные ученые готовы согласиться с тем, что четкое определение материнских и отцовских ролей в нынешнем понимании этого слова — явление, сопровождавшееся с середины XVIII в. рождение «индивидуализированной и интимизированной семьи буржуазного типа, действительно нуклеарной (в силу своей замкнутости и отделенности)»³¹⁹.

Широкий круг источников личного происхождения (писем, автобиографий, мемуаров - то есть так называемых эго-документов) позволил специалистам по истории Нового времени поставить вопросы, раскрывающие индивидуальную психологию представителей разных социальных слоев. Усиление биографического направления и метода в системе исторических наук дало еще один толчок исс-

³¹² Tellenbach H. von (Hsgb.). Das Vaterbild in Mythos und Geschichte. Stuttgart, 1976. Ср.: Optz C. Frauenalltag im Mittelalter. Biographien des 13. und 14. Jhs. Weinheim und Basel, 1985. S.210.

³¹³ Kniebühler Yv. Les peres aussi ont une histoire. Paris, 1987; Bovensiepen G. Väter — Fragen nach der Identität // Analytische Psychologie. 1987. V.18. S.49-58; Dupuis J. Au nom du père. Une histoire de la paternité. Le Rocher, 1987; Lenzen D. Vaterschaft. Vom Patriarchat zur Alimentation. Hamburg, 1991.

³¹⁴ Flandrin J.-L. Families in Former Times: Kinship, Household and Sexuality. Cambridge, 1976; Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500—1800. London, 1977; Trumbach R. The Rise of Egalitarian Family. N.Y., 1978.

³¹⁵ См. например: Teneti A. Famille burgeoise et idéologie au bas moyen age // Duby G., Le Goff J. (eds.) Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Rom, 1977. 431-440); Piaggi de G. La sposa perfetta. Educazione e condizione della donna nella famiglia francese del rinascimento e della controriforma. Padova, 1979 (Capitolo V. La funzione materna).

³¹⁶ Pollok L. Op. cit. P. 271.

³¹⁷ Gottschlach W. Vatermutterkind. Deutsches Familienleben Zwischen Kulturromantik und Sozialer Revolution. Berlin, 1979.

³¹⁸ Shorter E. Die Grosse Unwältzung in den Mutter-Kind-Beziehungen vom 18. bis zum 20. Jh. // Martin J., Nitschke A. (Hrgb.) Zur Socialgeschichte der Kindheit. München, 1986. S.503-525.

³¹⁹ Mitterauer M. Vom Patriarchat zum Partnerschaft. Zum Strukturwandel der Familie. München, 1990; Optiz C. Mutterschaft und Vaterschaft im 14. und 15. Jahrhundert // Frauengeschichte — Geschlechtergeschichte. Hsgb. von Hausen K., Wunder H. N.Y., 1992. S.137-153)

ледованиям материнства. По сути дела, это была переориентация исследований с позитивистского собирания фактов о детстве и родительстве на изучение истории взаимодействия детей и родителей, то есть того, что думали родители о своем детстве и своих детях, как они стремились учесть ошибки и достижения личного опыта в воспитании детей. Подобный подход включал и анализ детских оценок родителей и прежде всего (поскольку это было лучше представлено в источниках) матерей. Ответом на призыв углублять и развивать биографическое направление в социальных науках стали публикации источников личного происхождения, написанных женщинами; среди них попадались даже такие редкие, как, например, воспоминания датской акушерки конца XVII — начала XVIII столетия³²⁰.

В благосклонно встреченных научной критикой работах немецкой исследовательницы Ирэны Хардах-Пинке, проанализировавшей десятки автобиографий 1700—1900 гг. с точки зрения их информативности по «истории детства», утверждалась любимая идея исследовательницы о постоянном «балансировании» отношений между матерью и ребенком (в рассматриваемое ею время) «между страхом/устрашением и любовью»³²¹. В сборнике документов, собранных и изданных ею, специальная глава была посвящена образам родителей в жизнеописаниях выросших детей и, следовательно, оценкам самими детьми проявляемой по отношению к ним заботы и ласки, наказаний и их жестокости, любви, уважения и т.д. Образ матери в автобиографической литературе XVIII в. выступал чаще всего как образ «посредницы» между детьми и главой семьи³²². Еще ближе к рассматриваемой нами теме оказалась работа соотечественницы И.Хардах-Пинке А.Кливер, в задачу которой вошел анализ более чем 60 «женских» (и, что особенно ценно, «материнских!») текстов, позволивших автору рассмотреть, как влияли на реальное материнское поведение и «идеальное», литературное самовыражение авторов этих текстов повседневные речевые практики — «повседневный профанный, политический и философский дискурсы»³²³ на рубеже XIX—XX вв.

Медиевисты же скорее ориентировались на исследование конкретных, традиционных и, так сказать, «материально-ощутимых» аспектов средневекового родительства. Такими темами были, прежде всего, темы, связанные с историей медицины. Одной из весьма разработанных оказался поэтому вопрос об исполнении родительницами в раннее средневековье функций домашних врачей³²⁴. Непосредственно связанными с «материнской» темой были и иные аспекты истории медицины (родовспоможение и помощь при трудных родах)³²⁵ и, в особенности, микрopedиатрии (ответственность женщин за выживаемость детей и забота матерей о младенцах, особенности грудного вскармливания и диеты кормящих матерей и нанятых кормилиц)³²⁶. Стоит отметить необычайно информативную «Хронологию событий в истории деторождения», составленную в конце 80-х гг. Дж.Левитт и явившуюся приложением к ее книге «Деторождение в Америке 1750—1950»³²⁷: автор проследил всю историю медицины с точки зрения значимых успехов в делах рождения детей начиная с 1500 г. и до середины XX века (первое успешное кесарево сечение, после которого выжили и мать, и ребенок; первый перевод того или иного медицинского трактата; первые опыты прослушивания плода в утробе матери и т.п.).

Довольно популярными в конце 1970-х — начале 1980-х гг. сделались и проблемы исторической демографии, связанные с материнством: плодовитость и стерильность женщин, частота интергенетических интервалов, детность семей, выживаемость детей, продолжительность фертильного возраста³²⁸. Несколько особняком — в силу необычности постановки вопроса — стояла в историографии рубежа 70—80-х гг. работа В.Филдс о рационе питания детей матерями (после грудного вскармливания) в

³²⁰ Marland H. (ed. and trans.) "Mother and Child Were Saved". The Memoirs of C. Schrader (1693—1740). Amsterdam, 1987.

³²¹ Hardach-Pinke I. Zwischen Angst und Liebe. Die Mutter-Kind-Beziehung seit dem 18. Jh. // Martin J., Nitschke A. (eds.) Zur Sozialgeschichte der Kindheit. München, 1986. S. 525-590.

³²² Hardach-Pinke I. Kinderalltag. Aspekte von Kontinuität und Wandel der Kindheit in Autobiographischer Zeugnissen. 1700-1900. 1981. Спустя несколько лет в Мюнхене была защищена диссертация (а затем опубликована отдельной монографией) на схожую тему: Meschendorfer A. Bürgerliche Kindheit im Deutschland des 18. Jhs anhand autobiographischer Zeugnisse. Farnfurt am Main-Bern-N.Y.-P., 1991; Kliever A. Geistesfrucht und Liebesfrucht. Bamberg, 1993.

³²³ McLaughlin M. Überlebende und Stellvertreter — Kinder und Eltern Zwischen dem 9. und 13. Jh. // De Mause L. (ed.) Hört ihr die Kinder Weinen — eine Psychogenetische Geschichte der Kindheit. Frankfurt am Main, 1977. S. 147-262.

³²⁴ Hartmann F. Hausfater und Hausmutter als Hausarzt in den Frühen Neuzeit // Staat und Gesellschaft in Mittelalter und Früher Neuzeit. Gedenkschrift fuer J. Leushner. Göttingen, 1983. S. 145-175; Baader G. Frauenheilkunde und Geburtshilfe im Frühmittelalter // Frauen in der Geschichte. V. VII. (Geschichtsdidaktik. Bd. 39) Düsseldorf. 1986.

³²⁵ Gelis J. L'arbre et le fruit. La naissance dans l'Occident moderne XVIe—XIXe siècle. P., 1984.

³²⁶ Optz C. Op. cit. S. 188-211 (Kapitel VII. "Die Pflicht der Frauen: Mutterschaft"); Sussman G.D. Selling Mother's Milk. The Wet-nursing Business in France 1715—1914. Urbana-Chicago-London, 1982

³²⁷ Leavitt J.W. Brought to Bed. Childbearing in America 1750—1950. Oxford, 1986.

³²⁸ Основные проблемы были поставлены в основополагающей монографии французских демографов из Высшей школы социальных исследований: Guillaume P., Pousseau J.-P. D'émographie historique. P., 1970. Ср.: Imhof A.E. Einführung in die Historische Demographie. München, 1977.

XVIII-XIX в.³²⁹. В известной степени этой теме касались и те, кто изучал так называемые структуры повседневности — быт, особенности жизненного уклада у разных народов, в разные исторические эпохи³³⁰. Но, конечно, и демографы, и историки повседневности (речь идет именно о них, а не об этнографах) касались темы материнства, как правило, походя.

Весьма заметным направлением в изучении средневекового материнства было исследование правовых аспектов темы, ведь — по словам виднейшего французского исследователя социальной истории Ж.Делумо, — материнство и отцовство раннего средневековья вообще были «представлены главным образом в виде юридических институций»³³¹. Примечательно, что, например, в германской историографии эти сюжеты оказались проработанными весьма досконально и применительно к разным историческим эпохам: одни из ученых — вслед за К.Марксом — анализировали правовые аспекты материнства с позиций противопоставления «частной» и «публичной» сфер, другие — вслед за В.Вульф — с позиций их неразрывной связи, отражения и отображения³³², эксплуатации той или иной идеологически приемлемой идеи в правовой сфере. Феминистки Германии и США, анализируя современную ситуацию, заставили обсудить вопрос о необходимости «позитивной дискриминации женщины-матери» (то есть ее особых правах, которые не может иметь мужчина), поставив общую проблему как проблему «права матери — права человека»³³³. Не удивительно, что наиболее фундаментальные работы по этим вопросам были написаны специалистами по истории Новейшего времени³³⁴, поскольку к началу XX в. правовое сознание людей в европейских странах достигло признания необходимости подобного «законодательного регулирования вопросов репродукции».

Огромным шагом вперед в изучении «истории материнства» было и выделение в 70-е гг. особого направления в гуманитарных науках, получившего наименование «women's studies»³³⁵. Как известно, оно объединило интересы экономистов и юристов, психологов и социологов, педагогов и литературоведов. Сторонницы этого направления в истории поставили целью «восстановить историческую справедливость» и «сделать видимыми» не только именитых и высокопоставленных героев, но и героинь прошлого³³⁶, причем не путем некоего дополнения, добавления «женского фермента» в уже написанную историю, а путем написания «другой истории» — именно женской и, можно сказать, «гиноцентричной»³³⁷.

Осуществление этой задачи оказалось более легким для модернистов (то есть специалистов по истории Европы после 1500 г., а особенно в XIX в.³³⁸), в задачу которых вошло изучение ранних форм политической борьбы женщин за равноправие и вообще за свои права. От этой темы родилась тема становления и осознания женщинами своей половой идентичности, к середине 80-х годов завоевавшая внимание читательской аудитории Франции, Германии, Англии и других стран. В частности, в германской науке именно в конце 80-х — начале 90-х гг. утвердилось мнение, что «понятие материнства является сравнительно новым» и его формирование непосредственно связано с оформлением идеологии бюргерства, то есть относится к XVII в.³³⁹. Еще более распространенной была и оставалась точка зрения, согласно которой материнская идентичность стала осознаваться женщинами одновременно с осознанием (и как часть) идентичности женской (и этот процесс связывался со второй половиной XVIII в.)³⁴⁰.

Разумеется, раскрыть тему осознания и приятия какой-либо идеологемы (в данном случае — «хорошего материнства») было невозможно без упоминавшихся уже выше эгодокументов (таким образом, в немецкой историографии появилось, например, исследование, воссоздававшее женскую, в том

³²⁹ Field V. Neonatal Feeding Practices and Infant Mortality during the Eighteenth Century // Journal of Biosocial Science. V.13. P.313-324.

³³⁰ Hagemann K. Eine Frauensache. Alltagsleben und Geburtenpolitik 1919—1933. Pfaffenweiler, 1991.

³³¹ Delumeau J. Histoire des pères et de la paternité. P., 1990. P.27.

³³² Lewis J. The Politics of Motherhood. Child and Maternal Welfare in England 1900-1939. L., 1982.

³³³ Koonz C. Mothers in the Fatherland. Women, the Family and Nazi Politics. L., 1987.

³³⁴ O'Brien M. The Politics of Reproduction. Boston, 1981; Lewis J. Feminism and Motherhood. Lecture and Discussion, held 31.03.1983 in Brown University (USA). Ann Arbor, 1983.

³³⁵ Подробнее об этом направлении и рождении самостоятельной «женской истории» см.: Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.

³³⁶ Bridenthal R., Koonz C. (eds.) Becoming Visible: Women in European History. Boston, 1977; Bock G. Historische Frauenforschung: Fragestellungen und Perspektiven // Hausen K. (hsgb.) Frauen suchen ihre Geschichte. München, 1983. S.22-24.

³³⁷ Напомним, что для этой «другой истории» был даже найден свой термин: вместо общеупотребительного «history», которое читалось как «his story» (то есть ЕГО история, история мужчины) было предложено ввести слово «herstory» (то есть ЕЕ история, история женщины): Davin A. Redressing the Balance or Transforming the Art? The British Experience// Rewriting Women's History. Ed. by S.J.Kleinberg. Berg, 1988.

³³⁸ См., например: Allen A.T. Feminism and Motherhood in Germany, 1800—1914. New Brunswick, 1991; Hufton O. The Prospect Before Her. A History of Women in Western Europe. V.1. 1500—1800. Glasgow, 1995. P.172-216 (Chapter V. Motherhood).

³³⁹ Kliewer A. Op.cit. S.14.

³⁴⁰ Steinbrugge L. Vom Aufstieg und Fall der Gelehrten Frau // Lendemains. 1982. V.7. №25/26. P.157-167

числе материнскую идентичность на основе комплексного анализа женских писем)³⁴¹. Далее на очереди оказались педагогические книги середины XVIII — середины XIX века, ориентировавшие матерей на «правильное» воспитание³⁴², а также анализ дидактических стереотипов в школьных учебниках, в семейном и внесемейном воспитании, в литературной фикции³⁴³. В конечном счете, исследователи пришли к неизбежному выводу о том, что не только в давно ушедшие времена, но и в прошлом веке, и в настоящее время материнство формирует одно из важнейших «пространств» духовного и социального мира женщины ("Frauenraum") и, следовательно, без изучения этого феномена «проблема соотношения разных половых идентичностей не может быть не только понята, но даже поставлена»³⁴⁴.

При этом некоторые из исследователей — прежде всего Е.Бадинтер — становились невольными продолжателями Ф.Арьеса: настаивая на социальной предопределенности материнских отношений (и споря таким образом с теми, кто считал лишь отцовство действительно социальным институтом), они начинали видеть в материнстве «изобретение» капитализма, причем «изобретение» для богатых, тогда как «бедные», по их мнению, продолжали «страдать от отсутствия положительных эмоциональных связей»³⁴⁵. Оценивая всю многовековую историю материнства до середины XVIII в. как период «материнского безразличия», Е.Бадинтер во французском издании своего исследования, опубликованного под «говорящим» названием «Любовь в дополнение»³⁴⁶ — относилась к свидетельствам («знакам») этого безразличия спокойное отношение к смертям малышей, распространённость подбрасывания «лишних» детей, отказ их прокармливать, «избирательность» в отношении к детям (любовь к одним и намеренное унижение других) — то есть, в сущности, повторяла аргументы Ф.Арьеса. Примечательно, что и в отношении «переломной эпохи», XVI века Е.Бадинтер была категорична, настаивая на отсутствии в эпоху раннего освобождения (эмансипации) женской личности каких-либо положительных сдвигов в отношениях матерей и детей. Даже говоря о XVIII в., считала автор, следует не столько искать редкие примеры эмоционального взаимопонимания в семьях, имеющих детей, сколько распространённость отдачи их на воспитание или перекладывание всех забот о нем на плечи гувернанток.

Одновременно ряд германских историков, изучавших материнство XIX в., считал его настолько устоявшимся и статичным социальным институтом (приведем в пример Ив.Шютце)³⁴⁷, что видел в «материнской любви [до середины XX в. — Н.П.] скорее вмененную в обязанность женщине форму ее дисциплинирования» (которая лишь после второй мировой войны испытала якобы «сильную психологизацию и рационализацию»). Большинство же специалистов по средневековью и раннему Новому времени не сомневалось в том, что у каждой эпохи, у каждого времени было свое понимание материнского феномена в целом и материнской любви в частности.

Попытку разобраться в том, каковы были механизмы развития отношений детей и родителей в доиндустриальную, «допросветительскую» эпоху сделали исследователи истории ментальностей. Большинство из них легко сошлось на том, что материнская любовь в эпоху средневековья ассоциировалась с заботой (о больных, бедных) и сводилась к умению так социализировать свое дитя, чтобы оно было достаточно образовано и «подготовлено, например, к монастырской карьере», где умение проявлять заботу, подобную материнской, могло стать формой самореализации человека. Споря с Ф.Арьесом, исследователи настаивали, что материнская любовь в доиндустриальный период безусловно существовала, однако описание форм ее выражения заставляло увидеть в ней скорее биологический инстинкт, нежели социально и культурно обусловленное явление. В этом смысле достойным исключением из правила оказалась работа Ф.Хейер по истории «женственности» в позднее средневековье. Задачей автора было изучение смены представлений об «идеальной матери» под

³⁴¹ Walter E. Schrieb oft, von Mägde Arbeit müde... Düsseldorf, 1985.

³⁴² См., например: Marre B. Bücher für Mütter als pädagogische Literaturgattung und ihre Aussagen ueber Erziehung (1762—1851). В., 1986. Особое внимание автор уделил идее эстетического воспитания немецкого ребенка в привилегированном сословии XVIII в., обучению его (матерями) музыке, пению, рисованию, внимательному рассматриванию книжек с картинками, умению слушать сказки. В книге была также рассмотрена пришедшая из Франции в Германию идея "воспитания природой" (в том числе физического, а также воспитания путем предоставления самостоятельности и равноправия, воспитания любовью). Схожая работа была выполнена и в США двумя американскими историками Е. Эйренрейч и Д.Инглиш ("Для ее же блага. 150 лет наставлений матерям"): Ehrenreich E., English D. For Her Owm Good. 150 Years of the Experts Advice to Women. N.Y., 1979.

³⁴³ См., например: Simmel M. Erziehung zur Weibe. Mädchenbildung im 19. Jh. Frankfurt am Main - New York, 1980. Особо отметим книгу К.Дайхаус о воспитании девочек в викторианской Англии, поскольку ей удалось проследить переход от идеи "зависимости" и "подчинения" к идее "автономности" в женском воспитании, равно как влияние этого перехода на представления о «хорошем материнстве». См.: Dyhouse C. Girls Growing Up in Late Victorian and Edwardian England. L., 1981.

³⁴⁴ Wunder H. Geschlechtsidentitäten: Frauen und Männer im späten Mittelalter und frühen Neuzeit // Hausen K., Wunder H. (eds.) Frauengeschichte — Geschlechtergeschichte. N.Y., 1992. S.131-137.

³⁴⁵ Badinter E. The Myth of Motherhood. The Historical View of the Maternal Instinct. L., 1981.

³⁴⁶ Badinter E. L'amour en plus. Histoire de l'amour maternel (XVIIe-XXe s.). Paris, 1980.

³⁴⁷ Schütze Iv. Die gute Mutter. Zur Geschichte des Normativen Musters "Muterliebe". Bielefeld, 1986.

влиянием Реформации, возникновение стойкого убеждения в том, что воспитание детей — говоря словами Мартина Лютера — это «первейшая женская профессия»³⁴⁸.

Исследователи Нового времени (модернисты) ставили, между тем, все новые вопросы, в частности, исследовали источники появления особой идеологемы «матернализма»³⁴⁹ (особой ценности материнства, признание которого следует воспитывать во имя оздоровления и воспроизводства расы, класса, социальной группы — явление середины-конца XIX в. в Европе, предшествовавшее спорам об евгенике)³⁵⁰, стремились определить своеобразие и составляющие различных проявлений «духовного материнства», то есть найти аналоги материнских отношений в политике и государственной системе, изучить первые формы женских объединений и союзов, направленных на «защиту материнства» (например, в Германии это были «Bunds für Mutterschutz» второй половины XIX в., ставшие частью женского движения³⁵¹).

Таким образом, перед исследователями оказалась поставлена задача изучения материнства с историко-психологической точки зрения — с точки зрения особенностей его восприятия разными социальными слоями, на разных временных отрезках прошлого и настоящего³⁵². Так называемый лингвистический поворот, которым было отмечено развитие ряда гуманитарных наук середины 80-х гг. (резкое усиление внимания к терминологии и способам выражения чувств, эмоций, событий), немало способствовал углубленному анализу материнского дискурса в разные исторические эпохи, у разных народов³⁵³ размышлениям о содержании понятий более, нежели сбору массы фактов. Феминизм, социально-психологическое направление в истории и социальный конструктивизм сошлись в определении основного аспекта в материнстве ушедших эпох как «аспекта служения» (супругу, обществу)³⁵⁴. Вслед за первыми исследованиями «сенситивной истории», написанными французами, появились свои «истории чувств» в других странах, в том числе и анализирующие особенности женского мировосприятия. Отметим среди них особо «Культуру чувствительности» Дж.Бэркера-Бенфильда.

Свое слово должны были сказать и медиевисты, и вообще исследователи доиндустриального периода — эпохи, когда дом был важнейшим жизненным пространством человека, а «материнство в отличие от отцовства придавало женщине социальную значимость и ценность». В известном смысле именно значимость женщины как матери, ее способность стать ею были, по мнению ряда американских феминисток, одной из причин стремительного развития феминистских, сексистских формулировок в системе писанного и обычного права³⁵⁵.

Медиевистки с четко выраженными феминистскими взглядами легко увязали историю средневекового материнства с историей сексуальности, поскольку такое толкование само собой

³⁴⁸ Höher F. Hexe, Maria und Hausmutter - Zur Geschichte der Weiblichkeit im Spätmittelalter // Frauen in der Geschichte. V.III (Geschichtsdidaktik. Bd. 13). Düsseldorf, 1983.S.50.

³⁴⁹ Davin A. Imperialism and Motherhood // History Workshop. 1978. № 5. P.13-27; Weeks J. Sex, Politics and Society. The Regulation of Sexuality Since 1800. London and New York, 1981. P.126-138.

³⁵⁰ Особенно ярко это представлено в германской историографии, поскольку именно в Германии в середине прошлого века воспитание материнских чувств было признано главной задачей в воспитании девочек. См.: Clemens B. Der Staat als Familie oder Menschenrechte haben kein Geschlecht // Die Ungeschriebene Geschichte. B., 1984. S. 53-61; ibid. Bürgerin im Staat oder Mutter in der Gemeinde // Beiträge für Feministische Theorie und Praxis. 1985. V.13. S.49-57; Dammer S. Mutterlichkeit und Frauendienstpflicht (Deutschland 1890—1918). Weinheim, 1988.

³⁵¹ Nowacki B. Der Bund für Mutterschutz. 1905—1933. Husum, 1983. См. также статью, анализирующую концепцию "злоупотребления женской силой" (значительную часть которой как раз составляли права женщины на ребенка): Goodman K.R. Mutterschaft und Berufstätigkeit: das Konzept der Missbrauchten Frauenkraft // Frauen in der Geschichte. V. VI. Düsseldorf, 1985. S.14-34. Ср.: Hamelmann G. Helene Stöcker, der "Bund für Mutterschutz" und "Die Neue Generation". Haag, 1992.

³⁵² Kornadt H.-J. Frühe Mutter-Kind Beziehungen im Kulturvergleich // Trommsdorff G. (ed.) Socialisation im Kulturvergleich. Stuttgart, 1989

³⁵³ О лингвистическом повороте и его влиянии на "женскую историю" см.: Hey B. Women's History und Poststrukturalismus. Zum Wandel der Frauen- und Geschlechtergeschichte in den USA. Pfannenweiler, 1995. S.37.

³⁵⁴ Развернутое толкование термина "service aspect of motherhood" см.: Kitzinger Sh. Women as Mothers: How They See Themselves in Different Cultures. N.Y., 1980. P. 25

³⁵⁵ Отсутствие связи между «множественностью оргазмов, которые может переживать женщина» и ее репродуктивными возможностями (в отличие от мужской физиологии, в которой сексуальная активность прямо пропорциональна репродуктивной активности) заставляла средневековых проповедников строить свою дидактику на осуждении женской сексуальности и оправдывать последнюю лишь частым рождением детей, о воспитании которых в ранних текстах ничего не говорилось. Еще одной причиной все более детальной разработки концепции материнства и осуждения сексуальной активности женщины в эпоху средневековья было биологически заданное преимущество женщин в оценке принадлежности детей: родившая всегда знала свое дитя, а мужчина не мог быть уверен, что ребенок именно его. См. об этом подробнее: Anderson B.S., Zinsser J.P. A History of Their Own. Women in Europe from Prehistory to the Present. N.Y., 1988. P.12 and ff.

напрашивалось при чтении средневековых пенитенциалиев (сборников наказаний за прегрешения)³⁵⁶. Они же — в новейшей литературе конца 90-х гг. доказывают, что мужчины-авторы законов и составители хроник в период раннего средневековья старательно «замазывали» значимость материнства и вскармливания ребенка, поскольку сами не могли выполнять подобные функции³⁵⁷, а потому невысоко оценивали их значимость. Некоторые из исследовательниц материнства доиндустриальной эпохи специально подчеркивали, что лишь через материнство и все, с ним связанное, женщины того времени теряли статус «жертв» и могли (через самореализацию) ощутить собственную «свободу» и «значимость»³⁵⁸.

В то же время, исследователи средневековой культуры и религиозной антропологии выявили, что понятие «правильного супружества» (в частности, представление о «хорошей» и «плохой» жене) и понятие «материнства» (в том числе представления о «плохой» и «хорошей» матери)³⁵⁹ развивались одновременно и, можно сказать «шли рука об руку». Гипотеза медиевистов сводилась к тому, что осознание ценности материнской любви и материнского воспитания сопровождало весь процесс переоценки ценностей в концепции семьи и женщины в христианстве. Для раннего средневековья, полагали они, была характерна высокая оценка девственности и бездетности, аскетизма во всем, включая брачные отношения. Позже же священники и проповедники оказались вынуждены признать «тупииковость» этого пути воспитания прихожан. Попытки канонизации бездетных пар, считали, например, германские исследовательницы «истории женщин», не встречали понимания среди прихожан и, наоборот, особой любовью пользовались праздники и связанные с ними святые, чья жизнь была отмечена родительской любовью и привязанностью. Таким образом, заинтересованность общества в своем численном увеличении, помноженная на усилия проповедников, слегка «подправивших» свою первоначальную концепцию, стала причиной изменения восприятия материнства³⁶⁰.

Анализ средневековой агиографии привел ряд исследователей к выводу, что с определенного времени (в так называемое «высокое средневековье») забота о детях стала постоянно присутствовать в тексте проповедей и получила вид сформулированных тезисов о материнском «долге» и «обязанностях» женщин-матерей. Особое почитание святых, чья жизнь была похожа на жизнь обычных людей, стремительное распространение культа Мадонны и ее матери — святой Анны, зафиксированные в это время, изменили отношение к материнству и в рамках христианской концепции³⁶¹. Восхваление и «чувствование» матерей и материнства превратилось в «генеральную концепцию» католических проповедников в Европе (если отбросить региональные вариации) к концу XIII — началу XIV в., (как на это указал А.Блэмайерс)³⁶², имевшую обратной стороной маргинализацию и депривацию тех, кто матерями быть не мог.

Медиевистики, избравшие сферой своей аналитической деятельности позднее средневековье, показали, что именно в текстах этого периода появились образы многодетных матерей, что именно в моде «высокого средневековья» — как то отразила и иконопись стали типичными платья, позволявшие свободно вынашивать дитя во время беременности³⁶³. Одновременно в текстах пенитенциалиев, обращала внимание коллег, например, К.Опитц, появились запрещения использовать какие-либо противозачаточные средства, пытаться регулировать число деторождений (что отсутствовало в ранних текстах).

Весьма примечательной стороной истории средневекового материнства, как отмечала израильская исследовательница С.Шахар, была его слабая представленность в памятниках городской литературы: в

³⁵⁶ См., например: Thompson S.M. On Women. N.Y., 1986; Alfing S., Schedensack Ch. Frauenalltag im Frühneuzeitlichen Muenster. Bielefeld, 1994. S.82-98 (Kap. 3.2. Sexualität und Mutterschaft).

³⁵⁷ См., например: Blamires A. The Case for Women in Medieval Culture. Oxford, 1997. P.95; ibidem. "Caput of femina..." // Taylor A., Townsend D. (eds.) Gender in the Tongue of the Fathers. N.Y., 1998.

³⁵⁸ Теория о том, что во всех обществах и во все времена женщина находится в положении «жертвы» принадлежит одной из ведущих западных феминисток К.Миллет (Millet K. Sexus und Herrschaft. Die Tyrannei des Mannes in Unserer Gesellschaft. München, 1971). О роли материнства как «освободителя» от этого статуса см.: Showalter E. A Literature of Their Own. Hrincton, 1977; Kliewer A. Geistesfrucht und Liebesfrucht. Bamberg, 1993. S.5.

³⁵⁹ Впервые проблема соотношения образов «хорошей матери» и «плохой» (которая бросает детей, морит голодом, отказывается от их воспитания поставлена в работе: Klapisch-Zuber Ch. La maison et le nom: strategies et rituels dans l'Italie de la Renaissance. Paris, 1990.

³⁶⁰ Pollock L.A. Forgotten children. Parent-child Relations from 1500 to 1900. 1983; Pollock L. A Lasting Relationship. Parents and Children over Three Centuries. 1987.

³⁶¹ Gössmann E. Mariologische Entwicklung im Mittelalter: Frauenfreundliche und Frauenfeindliche Aspekte // Goessmann E., Bauer D.R. (eds.) Maria — für alle Frauen oder über allen Frauen? Freiburg, 1989. S.63-85; Opitz C. "Nicht zu seinen Häupten": Ehelichen Rollendefinitionen und Konflikte und Hierarchie der Geschlechter im 12. und 13. Jh // Evatöchter und Bräute Christi/Weibliche Lebenszusammenhang und Frauenkultur im Mittelalter/ Weinheim, 1990. S 30-53.

³⁶² Blamires A. The Case for Women in Medieval Culture. Oxford, 1997. P.70.

³⁶³ Piaggi de G. La sposa perferetta. Educazione e condizione delladonna nella famiglia francese del rinascimento e della controriforma. Padova, 1979. (Capitolo V. La funzione materna. P.151-172).

ней присутствовала целая палитра образов «брачных партнерш», «добрых» и «злых» жен и крайне редко встречались матери³⁶⁴.

Еще одной характерной чертой средневековой концепции материнства (базирувавшейся, вне сомнения, на общехристианской концепции семьи) было, как это было выделено рядом европейских исследователей, «допущение» матери лишь к маленькому ребенку, «младенцу». Начиная с 5 лет ребенок, а тем более подросток, должен был, согласно выводам исследователей, воспитываться уже отцом³⁶⁵. Учет социальной стратификации при анализе материнства привел к выводу о том, что на «призыв» церковнослужителей уделять больше внимания детям отреагировали в те далекие времена далеко не все, а в большей мере привилегированные слои, где материнские обязанности были едва ли не главными для женщин. Напротив, в среде непривилегированной материнство и связанные с ним переживания якобы имели второстепенную (если не сказать больше) роль³⁶⁶.

Размышления исследовательниц-«модернисток» (то есть изучавших раннее Новое время в Европе, XVI—XVII вв.) во многом развивали гипотезы медиевисток. С их точки зрения, концепция материнства в Новое время, формировалась не столько церковными постулатами, сколько (и в большей степени!) светской нарративной литературой, в том числе дидактического свойства, да и образованные матери — как подчеркивала, скажем, английский литературовед К.Мур — воспитывали в это время уже не только силой собственного примера, но и примером литературным. К.Мур в Англии, а Е.Даунцерот в Германии (за пятнадцать лет до публикации К.Мур) проанализировали педагогические книги допросветительской эпохи, показав, как на их основе формировались и воспроизводились стереотипы восприятия женщины в первую очередь как будущей или состоявшейся матери³⁶⁷. К тем же выводам — но на основе изучения повседневности разных европейских народов в раннее Новое время, их обычаев и верований, в том числе связанных с обстоятельствами зачатия, развития ребенка в утробе матери и т.п. — пришел английский исследователь О.Хаутон³⁶⁸, решительно отвергнувший, кстати сказать, гипотезы Ф.Арьеса и его последователей об «открытии» детства (и, следовательно, материнства как одного из проявлений «столетия аффектированного индивидуализма», то есть XVIII в.).

Исследователи и, особенно, исследовательницы феномена материнства, работавшие в последнее десятилетие XX века, заставили актуально звучать ряд таких его сторон, которые, казалось бы, были известны прежней историографии, но не были научно артикулированы. Например, исследовательницы различных форм социально-политической активности женщин и женского движения конца XIX — начала XX в. обратили внимание на использование феминистками прошлого столетия идеи «духовного материнства» как элемента «посестринства» между единомышленницами³⁶⁹.

К новым проблемам, поставленным в исторической литературе 90-х гг., можно отнести и выделение второго важного рубежа (после конца XVIII — начала XIX вв.) в европейской истории материнства. По мнению многих, им стали 20-е гг., когда термин «материнство» стал обычным в «европейском публичном дискурсе», когда во всех странах о нем заговорили разом учителя, социальные работники, врачи-гигиенисты, когда «материнство перестало быть лишь природным атрибутом женщины, но превратилось в социальную проблему»³⁷⁰.

Само понятие материнства избавилось в исследованиях последних лет от навязываемой веками дихотомии — отнесения всех женщин, имеющих детей, к категориям либо «плохой», либо «хорошей» матери, и эти категории, «модели» и образцы оказались проанализированными, применительно к разным эпохам и культурам (здесь особая роль принадлежит английской исследовательнице Э.Росс)³⁷¹. Для модернистов весьма полезными оказались в этом смысле исследования концепта «нравственной матери», предложенного англоязычному обществу в викторианскую эпоху: согласно ему, «настоящая»,

³⁶⁴ Shahar S. Die Frau im Mittelalter. Athenäum, 1981. S.102

³⁶⁵ Anderson B.S., Zinsser J.P. Op.cit. P.109.

³⁶⁶ Opitz C. Frauenalltag im Mittelalter, S.145.

³⁶⁷ Moore C.N. The Maiden's Mirror. Reading Material for German Girls in the 16th and 17th Centuries. Oxford, 1987; Daunzenroth E. Kleine Geschichte der Maedchenbildung. Ratingen, 1971. Любопытно, что одна голландская исследовательница истории детства, анализируя подобную литературу, пришла к выводу об «открытии» материнской любви в Голландии именно в XVII в. См.: Deursen A.Th. van. Plain Lives in a Golden Age. Popular Culture, Religion, and Society in Seventeenth Century Holland. Cambridge, 1991. P.96-115.

³⁶⁸ Hufton O. Op. cit. P.182-202.

³⁶⁹ Dinghaus A.Mütterlichkeit als Beruf? Henriette Schrader-Breyman (1827—1899) // Dindhaus A. (ed.) Frauenwelten. Biographisch-historische Skizzen. Hildesheim-Zurich-N.Y., 1993. S.179-193.

³⁷⁰ Chodorow N., Contratto S. The Fantasy of the Perfect Mother // Thorne B., Yalom M. (eds.) Rethinking the Family. N.Y., 1982. P.70-71; Ladd-Taylor M. Federal Help for Mothers. The Rise and Fall of Towner Act in 1920s // Helly D., Reverby S.M. (eds.) Gendered Domains. Rethinking Public and Private in Women's History. Ithaca and London, 1992. P.217-227.

³⁷¹ Обзор литературы см.: Lewis J. The Politics of Motherhood. L., 1982; Ross E. Good and Bad Mothers // Helly D., Reverby S.M. (eds.) Gendered Domains, P.199-217; Lewis J. Love and Toil. Motherhood in Outcast London 1870—1918. New York-Oxford, 1993.

«нравственная» мать должна была сознательно отказываться от работы вне семьи и от участия в социальной жизни во имя детей³⁷².

Историки, изучавшие незлитные слои общества (бедноту, рабочих), внесли свою лепту в изучение представлений о материнской любви и ответственности в этих социальных стратах. Эти исследователи (Е.Рилей, Е.Росс, К.Кэннинг)³⁷³ использовали уже совсем иной круг источников (прессу, отчеты фабричных и мединспекторов т.п.) — ведь среди бедных было много неграмотных, и представительницам этих социальных слоев не хватало ни времени, ни сил описывать свою жизнь для потомков. Не удивительно, что практически все исследователи, взявшиеся за подобные темы, были специалистами по современной истории. Спасительную роль для них сыграло стремительное развитие в последние годы так называемой «устной истории», которая позволила восполнить недостатки истории «записанной»: исследователи, использовавшие историко-этнологические методы работы (включенного наблюдения, непосредственного участия) добились убедительных результатов, реконструируя повседневность женщин из рабочей среды полвека и более тому назад³⁷⁴.

Наконец, особой темой в рамках общей проблемы стала история материнства в иммигрантской среде, его особенности и трудности, не понятные подчас постоянным жителям страны³⁷⁵, проблемы обеспечения прав матерей в экстремальных условиях (войны, послевоенной разрухи)³⁷⁶. Весьма остро звучала в работах 80-90-х гг. и тема повседневности матерей в послевоенном западноевропейском обществе, прямо выходящая на вопрос о «неоматернализме» (людские потери заставляли большинство стран пропагандировать образы многодетных, счастливых матерей), и неудивительно, что спустя полвека появилась необходимость проанализировать влияние этого идеологического концепта на жизнь «простого» человека³⁷⁷.

Подводя некоторые итоги обзора зарубежных публикаций по теме «истории материнства», стоит, вероятно, подчеркнуть, что здесь рассмотрена лишь незначительная часть из огромного моря литературы по данной теме. Причем в первую очередь — монографические исследования. Статьи по интересующей нас проблематике, опубликованные в таких журналах как «Гендер и история», «Журнал истории семьи», «Журнал междисциплинарной истории», не говоря уже о всемирно известных французских «Анналах» и немецком «История и общество», исчисляются десятками, если не сотнями.

Куда меньше работ — по истории русского материнства. Поэтому есть смысл перечислить и несколько подробнее остановиться на тех публикациях, авторы которых — историки-руссисты — так или иначе касались интересующей нас темы.

* * *

Те немногие статьи и книги, авторы которых обращались так или иначе касались темы «истории материнства» в России, удобнее всего разделить на исследования по трем основным периодам русской истории: допетровскому (X—XVII вв.), прединдустриальному и индустриальному (XVIII — началу XX в.) и новейшему (советскому и «постсоветскому»).

Едва ли не единственная книга, где тема материнства оказалась «сквозной» и прошла как бы через все перечисленные эпохи, была книга Дж. Хаббс — сочинение, довольно претенциозное с точки зрения как выбора, так и интерпретации источников (что неоднократно отмечалось в рецензиях на эту книгу)³⁷⁸. Исследование этого американского автора настойчиво педалировало бердяевскую идею о «вечно бабьем» в русском характере, и с этой точки зрения (сверх-антифеминистской!) подходило к характеристике тех или иных сторон типичных для России элементов семейных отношений, в том числе, например, «особой крепости» материнско-сыновьей любви.

Другие работы зарубежных специалистов, напротив, отличались скрупулезностью проработки мелких и мельчайших деталей избранных ими тем, высоким профессионализмом.

Так, говоря о работах европейских и американских медиевистов, трудно обойти вниманием аналитические исследования американского историка, работающего с русскими епитимийными книгами, главного редактора журнала «Русское обозрение» Евы Левиной³⁷⁹. Главной темой этой

³⁷² Сам термин "moral mother" пришел из женских журналов XVIII в., но прижился век спустя. См.: Chodorow N. *Reproducing of Mothering*. Berkley-LA-L., 1995. P.5.

³⁷³ Riley D. *War in the Nursery: Theories of the Child and Mother*. L., 1983; Ross E. *Love and Toil: Motherhood in Outcast London. 1870-1918*. New York-Oxford, 1993; Canning K. *Languages of Labor and Gender. Female Factory Work in Germany, 1850—1914*. Itaca and L., 1997.

³⁷⁴ Roberts E. *A Woman's Place: an Oral History of Working Class Women, 1890—1940*. Oxford, 1984; Lewis J. *The Politics of Motherhood: Child and Maternal Welfare in England, 1900—1939*. L., 1980.

³⁷⁵ Marks L.V. *Model Mothers. Jewish Mothers and Maternity Provision in East London, 1870—1939*. Oxford, 1994.

³⁷⁶ Lewis J. *The Politics of Motherhood. Child and Maternal Welfare in England 1900-1939*. Montreal, 1980.

³⁷⁷ Weeks J. *Op. cit.* P.236-240.

³⁷⁸ Hubbs J. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington (In), 1988

³⁷⁹ Levin E. *Infanticide in Pre-Petrine Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. V.34. №2 (1986). P. 215-224; *ibidem*. *Sex and Society in the World of Orthodox Slavs. 900—1700*. Ithaca (N.Y.), 1989; *ibidem*. *Childbirth*

исследовательницы в течение долгого времени была история сексуальности в странах православной конфессии, поэтому «материнской темы» она касалась именно в аспекте анализа старославянских церковных текстов, в которых материнство рассматривалась как главная антитеза сексуальной аффектации женщин. Примерно те же аспекты средневекового материнства ставила и ее коллега и соотечественница И.Тирэ, изучающая — вот уже не первый год — особенности быта и духовной жизни московских цариц³⁸⁰. Весьма косвенно проблем материнства касались также те, кто ставил задачей изучение статуса ребенка в Древней Руси (М.Шефтель, А.Плаканс)³⁸¹.

Несколько больше исследований написано — как это характерно для всемирной историографии в целом - по истории материнства и, шире, родительства XIX в. Наиболее активно изучаемыми здесь были проблемы, связанные с историей медицины и родовспоможения³⁸², а также с историей беспризорных, нежеланных, подкидышаемых детей³⁸³. Самые фундаментальные работы по последнему вопросу — и, кстати сказать, обобщившие наибольший материал собственно по материнству (хотя лишь по одному из его сторон) — были написаны Д.Рэнселом, чья монография «Матери нищеты» явилась своего рода «открытием темы» материнства для русистики³⁸⁴. Иной социальный полюс — взаимоотношения матерей и детей в привилегированных сословиях XVIII—XIX вв. — нашел отражение в статьях и книге Дж.Товров о дворянских семьях раннеиндустриальной России³⁸⁵.

Основными источниками этой американской исследовательницы были мемуары и дневники дворянок екатерининской, павловской и александровской эпох, а также литературные произведения. Тема изменившегося содержания материнского воспитания - по вышеперечисленным источникам — в 80-90-е годы стала одной из излюбленных тем зарубежных славистов, как литературоведов, так и историков³⁸⁶.

Наконец, предреволюционный период в истории русского материнства, оказавшийся наименее исследованным в работах зарубежных специалистов, представлен в настоящее время единичными статьями А.Линденмейр и Б.Мэдисона о защите прав матерей-работниц и значимости в этом смысле закона 1912 г. о страховании рабочих³⁸⁷.

Напротив, советский период всегда привлекал внимание зарубежных историков, социологов и литературоведов. Достаточно напомнить, что еще до войны и в первые послевоенные годы выходили статьи и монографии, авторы которых пытались понять и оценить уникальность «большевистского эксперимента», в том числе в области семейного быта³⁸⁸. В этом плане отродно отметить исследование Э.Вуд «Баба и товарищ», вышедшую совсем недавно³⁸⁹. Хотя книга в целом посвящена, скорее, политической истории, есть в ней и раздел о повседневной жизни послереволюционных лет и гендерных трансформациях конца 1910-х — начала 1920-х гг. Исследовательнице удалось без иронии отнестись к

in Pre-Petrine Russia: Cannon Law and Popular Traditions // *Russia's Women: Accomodation, Resistance, Transformation*. Ed. by B.E.Clements, B.A.Engel, C.D.Worobec. Berkley-Los Angeles-Oxford, 1991. P.44-59.

³⁸⁰ Thyret I.R. "Blessed is the Tsaritsa's Womb: The Myth of Miraculous Birth and Royal Motherhood in Muscovite Russia" // *Russian Review*. V.53 (4). 1994. P.479-496.

³⁸¹ Szeftel M. Le Statut juridique de l'enfant en Russie avant Pierre le Grand // *Recueils de la Societe Jean Bodin*. Paris, 1976. Bd. 36. P.635-656, esp. 638, 654-655; Plakans A. Parentless Children in the Soul Revisions: A Study of Methodology and Social Fact // *Family in Imperial Russia*. Urbana, 1978. P.77-102.

³⁸² Frieden N.M. Child Care: Medical Reform in a Traditionalist Culture // Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia*. Urbana, 1978. P.236-259; Ramer S.C. Childbirth and Culture: Midwifery in the Nineteenth-Century Countryside // Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana, 1978. P.218-235.

³⁸³ Ransel D. Abandonment and Fosterage of Unwanted Children: The Women of the Foundling System // Ransel D., ed. *Family in Imperial Russia*. Urbana, 1978. P.189-217; Idem. Infant-care Cultures in the Russian Empire // *Russia's Women: Accomodation, Resistance, Transformation*. Ed. by B.E.Clements, B.A.Engel, C.D.Worobec. Berkley-Los Angeles-Oxford, 1991.

³⁸⁴ Ransel D.L. *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton, 1988.

³⁸⁵ Tovrov J. Mother-Child Relationships among the Russian Nobility // Ransel D. (ed.) *The Family in Imperial Russia*. Urbana (II), 1978. P.15-43; Idem. *The Russian Noble Family: Structure and Change*. N.Y. - London, 1987.

³⁸⁶ Nash C.S. Educating New Mothers: Women and the Enlightenment in Russia // *History of Education Quarterly*. V.21. №3. 1981. P.301-316; Andrew J. Mothers and Daughters in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century // *Slavonic and East European Review*. V.73 (1). Jan. 1995. P.37-60; Kelly C. Educating Tatiana: Manners, Motherhood and Moral Education (vospitanie) 1760—1840 // *Papers, presented to the Conference "Gender and Perceptions of Sexual Difference in Russian Culture and History"*. Birmingham, July 5, 1996 (unpublished).

³⁸⁷ Madison B. Russia's Illegitimate Children before and after the Revolution // *Slavic Review*. 1963. V.22. №1. P.82-95; Lindenmeyr A. Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // *Journal of Women's History*. 1993. V.5 (2). P.114-125.

³⁸⁸ Field A.W. *Protection of Women and Children in Soviet Russia*. New York, 1932; Matthews T. *Russian Child and Russian Wife*. London, 1949. P.103-115.

³⁸⁹ Wood E.A. *The Baba and the Comrade*. Bloomington and Indianapolis, 1998.

правовым документам времен Гражданской войны, скрупулезно проанализировать работы видных деятелей большевистской партии, обращавшихся к теме материнства и считавших этот женский долг «несопоставимым» с долгом революционным, «права личности» с вопросом «государственной целесообразности».

Чаще всего материнство (точнее, вопрос об изменении отношения к нему) интересовало зарубежных авторов именно как часть проблемы «освобождения женщины», пресловутого «решения женского вопроса в СССР». Особое внимание в этом смысле привлекал печально известный закон 1936 г., запретивший аборт³⁹⁰, и вообще советское законодательство сталинского времени, «используемость», применимость его статей к повседневной жизни советских людей довоенной и непосредственно послевоенной поры³⁹¹. Немалую роль сыграло в таких исследованиях привлечение материалов «устной истории»: именно с конца 1980-х гг., а особенно в 1990-е гг. зарубежные социологи и историки получили возможность собирать «полевой материал», устные интервью советских женщин и строить на основе таких источников исследования нового типа³⁹².

В известной степени данью моде на психоаналитические исследования детства стал ряд публикаций, посвященных «истории детства» в России XX в., авторы которых обращались и к некоторым аспектам материнско-детских отношений. Общей чертой таких исследований был их очевидный позитивизм, отсутствие попыток соединить собранные исторические факты с новейшими концепциями³⁹³.

Преодоление этого недостатка — черта последнего десятилетия³⁹⁴. Кроме того, снятие запретов с ранее обсуждавшихся устно, но редко изучаемых научно тем, вывело на авансцену исследователей, занявшихся сравнительным изучением быта людей в тоталитарных государствах. «Развернутая» в гендерном аспекте, эта тема прозвучала, например, в статьях, авторы которых сравнили статус женщины-матери в сталинистской России и фашистской Германии³⁹⁵.

Таким образом, анализ зарубежной историографии материнства — как российского, так и европейского — не оставляет сомнения в том, что тема эта многогранна, междисциплинарна и представляет интерес для ученых самых разных гуманитарных специальностей. Впрочем, не только для них.

³⁹⁰ Evans J. The Communist Party of the Soviet Union and the Woman's Question: The Case of 1936 Decree "In Defence of Mother and Child" // *Journal of Contemporary History*. 1981. V.16. P.757-775.

³⁹¹ Whaters E. From the Old Family to the New: Work, Marriage and Motherhood in Urban Soviet Russia, 1917—1931. PhD. Diss. University of Birmingham, 1985.

³⁹² Ispa J.M. Soviet Immigrant Mother's Perceptions Regarding the First Childbearing Year: the 1950s and the 1970s // *Slavic Review*. 1988. V. 47 (2). P.291-306.

³⁹³ Упомянем здесь одну из наиболее ранних работ (Fen E. *A Russian Childhood*. London, 1961) и одну из последних (Harwin J. *Children of the Russian State, 1917—1995*. Aldershot, 1996).

³⁹⁴ Condee N. The Second Fantasy Mother, or All Baths Are Women's Baths // Goscilo H., Holmgren B. (eds.). *Russia. Women. Culture*. Bloomington (Indiana), 1996. P.3-30; Rotkirch A., Temkina A. The Fractured Working Mother and Other New Gender Contracts in Contemporary Russia // *Acta Sociologica*. 1996. №2.

³⁹⁵ См., например: Maier R. Die Hausfrau als Kulturtreger im Sozialismus. Zur Geschichte der Ehefrauen-Bewegung in den 30er Jahren // Gorzka G. (Hrsg.): *Kultur im Stalinismus*. Bremen 1994. S.39-45.

МАТЬ, РАБОТНИЦА, КЛИЕНТКА? СОЦИАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСТВО ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ

В России, как и на Западе, форма и роль семьи как социальной и экономической единицы изменялась в течение всего XX века, а особенно во второй его половине. С распадом СССР в период перехода к рыночным отношениям, трансформации продолжались и усиливались в связи с экономическими трудностями и ухудшением условий повседневной жизни многих людей. В данной статье речь пойдет об одном из наиболее значимых проявлений этих изменений семейной структуры, а именно — о возрастании числа монородительских семей. В задачи статьи входит анализ положения семей одиноких матерей в провинциальной России, оценка влияния государственной социальной политики на одиноких родителей и детей. В результате демографических изменений брачного и репродуктивного поведения одинокое родительство становится все более распространенной формой российской семьи. Существующая система социальной политики и, в частности, новые программы адресной помощи способствуют формированию среди граждан государства устойчивых групп — клиентов системы социального обеспечения. В статье анализируются практики социального обслуживания одиноких матерей в областном центре и малом городе на материале интервью с женщинами — клиентами и социальными работниками³⁹⁶.

Теоретический контекст. Название статьи отсылает к пониманию гражданства как статуса, который обеспечивает доступ к определенным правам, в том числе политическим и социально-экономическим. Такие права обладают универсальным характером, и ответственность за их соблюдение лежит на государстве. Согласно концепции Т.Маршалла³⁹⁷, оказавшей большое влияние на теоретическое обоснование и практическое воплощение социальной политики, гражданство включает ряд элементов: членство в национальном сообществе, что означает наделение легальным правом иметь паспорт, а также — в сущностном смысле — возможность полного участия в этом сообществе; владение вытекающими из этого правами и обязанностями; равенство статуса всех граждан. Это своего рода идеал, который может рассматриваться как показатель прогресса, особенно для маргинальных групп и новых социальных движений³⁹⁸.

Маршалл выводит за пределы юридического и политического статуса либеральное понимание гражданства, включая в его содержание и целую совокупность социальных прав: от «права на минимальный уровень экономического благосостояния и социального обеспечения до права пользования накопленным общественным богатством и права на достойное существование в соответствии с жизненными стандартами общества»³⁹⁹. В связи с этим он вводит понятие социального гражданства. Именно этот аспект гражданства представляет собой основной фокус социальной политики. Дж.Буссмейкер, анализируя с феминистской точки зрения понятие гражданства, также выявляет в нем

³⁹⁶ В 2001—2003 гг. собрано 28 интервью с одинокими матерями в г. Саратове и малых городах Саратовской области (Балашов и Красноармейск). В сборе интервью принимали участие С.Усманова, М.Лескина, Е.Цыглакова и авторы статьи.

³⁹⁷ Marshall T. *Citizenship and Social Class*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1950.

³⁹⁸ Cohen J.L. *Changing Paradigms of Citizenship and the Exclusiveness of the Demos* // *Intern. Sociology*. L., 1999. Vol.14. №3. P.245-268

³⁹⁹ Цит. по: Буссмейкер Дж. *Гражданство, типология государства всеобщего благоденствия и материальное обеспечение семьи: истоки и опыт осуществления политики равенства полов* // *Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы*. М.: Идея-Пресс, 2000. С.254.

именно социальную составляющую⁴⁰⁰. Распространяя концепцию гражданства на систему отношений между семьей, рынком и государством, Дж.Буссмейкер утверждает, что институт гражданства должен подразумевать права (и обязанности) как в экономической и политической сферах, так и в частной (семейной) сфере, в том числе — обязанности по уходу за членами семьи⁴⁰¹. В связи с этим исследователи, придерживающиеся феминистской теоретической традиции, подчеркивают, что составляющей частью социального гражданства являются обслуживающий труд и забота о близких, по важности сопоставимые с ответственностью оплачиваемой работы⁴⁰². Семьи одиноких матерей — это именно та часть населения, которая наиболее сильно испытывает на себе определения социального гражданства, принятые государственной политикой.

Определение понятий. В лексиконе российских государственных чиновников, социальных работников, журналистов, учителей прочно прижилось словосочетание «неполная семья», которое отражает представления о нуклеарной семейной единице (мать-отец-ребенок/дети) как о «полной», нормальной, завершенной композиции семейной структуры. «Неполнота» в данном контексте связана с отклонением от нормы, ущербностью и низким социальным статусом. Альтернативным понятием, не влекущим смысл стигматизации, выступает термин «монородительская семья». Чтобы отличить семьи одиноких отцов от семей одиноких матерей, иногда применяется выражение «материнская семья». При этом к юридическому смыслу понятия «одинокая мать» добавляются более широкие толкования монородительских семей или домохозяйств с одинокими родителями.

В узком, юридическом смысле термин «одинокая мать» относится к тем женщинам, которые не состоят в законном браке и имеют «внебрачных» детей. Статус одинокой матери определяет отсутствие у ребенка отца, по данным основаниям одинокая мать получает государственное пособие. Для взыскания алиментов с предполагаемого отца ребенка необходимо установить факт его отцовства в соответствии со ст. 48, ст. 49 Семейного кодекса РФ, что может быть сделано по совместному заявлению отца или матери, или по заявлению отца в органах ЗАГС или по решению суда. Считается, что алименты являются альтернативой государственному вспомоществованию, и в случае установления отцовства статус одинокой матери утрачивается. В более широком смысле речь идет о категории матерей, воспитывающих детей в семьях без отца, в том числе разведенных и вдовых. Таким образом, «под весьма распространенным термином «неполная семья» понимают семью родителя, который вследствие различных причин один воспитывает и несет ответственность за живущего на его иждивении ребенка/детей. В настоящее время спектр неполных семей пополняется, помимо названных выше, семьями фактически раздельно проживающих супругов за счет практики усыновления ребенка одинокой женщиной, а также установлением опеки или попечительства в случае сиротства»⁴⁰³.

Исследования и практика адресной социальной защиты наиболее уязвимых групп населения, на наш взгляд, должны учитывать не только юридический статус одиноких матерей, но и ресурсы и стратегии выживания вдов, замужних, разведенных или незарегистрированных в браке женщин. Поэтому мы придерживаемся той точки зрения, которая рассматривает одиноких, или соло-матерей, в широком контексте, относя к ним женщин, воспитывающих детей без супруга. При этом важно различать определения семьи и домохозяйства одинокого родителя.

⁴⁰⁰ Там же. С.253-275.

⁴⁰¹ Там же. С.255.

⁴⁰² Walby S. Is Citizenship Gendered? // Sociology. Oxford. 1994. Vol.28. №2. P.379-395.

⁴⁰³ Лунякова Л.Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // Социологические исследования. 2001. №8. С.86-87.

Признаком домохозяйства чаще всего является наличие общего бюджета входящих в него индивида или группа людей⁴⁰⁴. Члены домохозяйства не обязательно связаны между собой родственными узами (хотя вероятнее всего это родственники). Центральное же отличие семьи заключается в том, что она чаще всего определяется только в терминах нуклеарной единицы, включающей родителей и детей независимо от жизненного уклада домохозяйства, в которое может входить семья. В узком смысле монородительская семья — это домохозяйство, включающее только одного взрослого, вместе с которым проживают дети. В более широком смысле — это домохозяйство, где проживают дети до 18 лет с одним одиноким родителем (отцом или матерью) — не обязательно биологическим — и, возможно, с кем-либо еще.

Различие между монородительским домохозяйством и монородительской семьей в большинстве исследований остается незамеченным. Между тем отсутствующая информация о других членах домохозяйства с одиноким родителем может быть решающей для понимания стратегий семейной организации, которые направлены на смягчение социальных и экономических трудностей. Так, именно в российском контексте единица домохозяйства может означать нечто совсем иное, отличное от семейной единицы, с присущими ей важными социальными и экономическими особенностями⁴⁰⁵. Продолжая проживать в одном доме с мужьями даже после развода, переезжая к своим родителям или родителям супруга после развода, разделяя домохозяйство с другими неродными взрослыми, — одинокие матери наращивают доступные социальные и экономические ресурсы, столь необходимые им самим и их детям. При этом композиция домохозяйства определяется не столько «коллективистскими традициями», как считают некоторые авторы⁴⁰⁶, а скорее жизненными стратегиями людей, направленными на аккумуляцию экономических и других ресурсов, разделение ответственности за уход за детьми, чтобы тем самым высвободить время одинокого родителя для учебы или оплачиваемой работы⁴⁰⁷. Кроме того, коммунальные жизненные устройства исторически стали нормой в России в виду дефицита жилья, остающегося очень высоким и по сей день⁴⁰⁸. В контексте резких экономических и социальных изменений организация жизненного уклада домохозяйства становится решающим фактором благополучия «материнских» семей.

Масштабы явления. В монородительской семье забота о детях и защита их интересов осуществляется либо одним из родителей, либо родственником или иным лицом, проживающим с этими детьми. Такие семьи вовсе не являются новым и уникальным феноменом для России. Число женщин, вынужденных растить детей в одиночку, увеличивается во всем мире. При этом демографические паттерны, связанные ростом семей одиноких матерей, сравнимы в России и других западных странах. Источником их возникновения считаются разводы, вдовство (смерть одного из родителей), внебрачная рождаемость. В настоящее время число монородительских семей пополняется еще и вследствие не оформленного юридически раздельного проживания супругов, усыновления ребенка одиноким родителем, опекой или попечительством в случае смерти родителей, а также в случаях, когда родители бросают детей, лишаются родительских прав.

⁴⁰⁴ Motivans A. and Klugman J. Single Parents and Child Welfare in the New Russia // Klugman J. and Motivans A. (eds) Single Parents and Child Welfare in the New Russia. UNICEF. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and New York: Palgrave, 2001. P.4.

⁴⁰⁵ Popkin B., Harris K.M., Lokshin M. Single Mothers in Russia: Household Strategies for Coping with Poverty. World Bank Working Papers Series. Poverty. Income Distribution, Safety Nets, Micro-credit. 2000. №2300. <http://econ.worldbank.org/docs/1054.pdf>.

⁴⁰⁶ Motivans A. and Klugman J. Op.cit. P.8, 11.

⁴⁰⁷ Popkin B., Harris K. M., Lokshin M. Op. cit.

⁴⁰⁸ Morton H. W. Housing Quality and Housing Classes in the Soviet Union // Horst Herlemann (ed.) Quality of Life in the Soviet Union. A Westview Special Study. Boulder, CO: Westview Press, 1987. P.95-115.

Статистика свидетельствует, что за 10 лет с 1989 по 1999 число монородительских семей в России выросло с 4,6 млн. до 5,3 млн.⁴⁰⁹, из них 98% составляют семьи, состоящие из матери и одного ребенка⁴¹⁰. Формированию монородительских семей в значительной мере способствует также наблюдаемый в последние десятилетия непропорциональный рост смертности мужчин в трудоспособном возрасте от неестественных причин (отравления, производственные травмы, военные действия). В конце 1990-х гг. лишь 56% мужчин трудоспособного возраста доживали до 60 лет⁴¹¹.

Монородительские семьи представляют собой неоднородную группу населения, все они отличаются между собой по брачному статусу, композиции домохозяйств, по числу детей, образованию и статусу занятости родителей, типу населенного пункта и целому ряду других показателей. Семьи одиноких многодетных матерей находятся на грани выживания; это касается и семей, в которых растут дети с отклонениями в развитии, а тем более дети-инвалиды⁴¹².

Дискурсивное поле. Феномен одинокого родительства на Западе, получив широкое освещение как в академической литературе, так и популярных СМИ, вызвал большой политический интерес. В России эта проблема пока не привлекла столь широкого внимания. Однако в последние годы исследователи и политические деятели все чаще обращают внимание на специфику положения неполных (монородительских) семей в российском обществе⁴¹³.

Дискурсивное поле исследований и политических дебатов о монородительских семьях располагается вдоль осей «благополучие» и «воспитание детей». Исследования экономического положения монородительских семей привлекают внимание к бедственному состоянию этой части населения. По свидетельству И.Калабихиной, преобладающее большинство неполных семей имеют характеристики «бедных» и «зависимых от пособий»⁴¹⁴. «Бедными» считаются семьи, в которых доход на одного члена ниже стоимости потребительской корзины. «Зависимыми от пособий» являются семьи, где социальные пособия составляют более 25% от семейного бюджета. Для характеристики ухудшающегося положения женщин, в особенности одиноких матерей, в публикациях экономистов и социологов используется понятие «феминизация бедности»⁴¹⁵. Авторы прибегают и к более сильным определениям, чтобы показать сложные условия переходного периода: именно женщины, по образному выражению З.А.Хоткиной, становятся «заложницами системы социальной защиты, а нередко и ее жертвами»⁴¹⁶. Если раньше одинокие матери и их дети были относительно защищены от бедности государственной денежной поддержкой, субсидированным уходом за детьми и полной гарантией занятости, то в результате экономических реформ женщины стали более уязвимыми. Экономический статус домохозяйств одиноких матерей оказался

⁴⁰⁹ Антонова О.И. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. Материалы Российского статистического общества. М.: Наука, 1999. С.10.

⁴¹⁰ Климантова Г.А. Семья в процессе трансформации российского общества // Общество и экономика. 1999. №10. С.45.

⁴¹¹ Вопросы статистики. 1997. №2.

⁴¹² См.: Киблицкая М.В. Исповеди одиноких матерей. М.: «Гелиос АРВ», 2000. С.52.

⁴¹³ См.: Гурко Т.А. Программа социальной работы с неполными семьями. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1992; Лунякова Л.Г. Указ.соч.; Барашкова А.С. Генезис неполных семей Республики Саха (Якутия) // Социологические исследования. 1998. №12. С.72-78; Иванова Е.И., Михеева А.Р. Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. №6, 1999. С.72-76.

⁴¹⁴ Калабихина И. Теоретические направления гендерного анализа домохозяйства и некоторые вопросы социальной политики // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – «Русская панорама», 2002. С.96-97.

⁴¹⁵ Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. С.36-63; Ustinova M. One-Parent Families in the USSR: Ethnoregional Specificity // Bjornberg U. (Ed.) One-parent Families. Amsterdam SISWO Publication. 1992. №364. P.7-11.

⁴¹⁶ Хоткина З. А. Указ. соч. С.82.

одним из наиболее низких по отношению к другим домохозяйствам в России⁴¹⁷. В 1996 г. почти 40% семей одиноких матерей находились ниже уровня бедности в России, и этот показатель продолжает расти⁴¹⁸.

Ряд публикаций вносит вклад в конструирование обобщенного образа материнских семей как дефектных, патологических, представляющих источник социальных проблем: «Среди проблем неполных семей особенно острой предстает проблема ее функционирования как института воспитания и социализации детей»; в неполной семье воспитание деформируется в связи с отсутствием одного родителя⁴¹⁹. Популярная переводная литература⁴²⁰, а также отечественные ученые фиксируют снижение познавательных установок у детей после развода, низкую успеваемость и слабую выраженность стремления к достижениям. Авторы показывают, что дети в неполных семьях страдают от издержек воспитания и низкого уровня благосостояния, причем вина за низкий образовательный уровень или преступность возложена на одиноких родителей⁴²¹. Однако структура семьи одинокого родителя вовсе не является сама по себе фактором риска для социального развития ребенка. Исследования указывают на то, что этот тип семьи часто рассматриваются как «груз» для бюджета социального обеспечения государств, ввиду чего одинокие матери испытывают стресс стигматизации⁴²².

Предметное поле исследований гражданских полномочий монородительских семей представлено трудами, выявляющими многообразие жизненных стратегий одиноких матерей. М.Е.Баскакова подробно проанализировала проблемы реализации прав женщин в сфере занятости⁴²³. М.М.Малышева рассмотрела институт права на родительство, которое больше, чем какое-либо другое, обладает гендерной спецификой⁴²⁴. М.И.Либоракина изучила нарушения трудовых и социальных прав женщин в переходный период⁴²⁵. Л.Г.Луныкова исследовала практику несвоевременных выплат пособий, бездействия и даже самоуправства местных структур относительно социальных прав одиноких матерей⁴²⁶. М.Киблицкая на примере четырех российских городов показала, как ущемляются права одиноких матерей в экономической и социальной сферах⁴²⁷.

Российская социологическая литература рассматривает социальный смысл материнства, многообразие причин появления монородительских семей и их вариативные жизненные стратегии. Для исследователей ясно, что «мотивация решения женщин воспитывать ребенка в «неполной» семье может отличаться на различных стадиях жизненного цикла, а благополучие детей также определяться множеством

⁴¹⁷ Popkin B., Harris K. M., Lokshin M. Op.cit.

⁴¹⁸ Луныкова Л.Г. Указ. соч. С.95.

⁴¹⁹ Дементьева И.Ф. Указ. соч. С.108, 109.

⁴²⁰ Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000.

⁴²¹ Филиппова Г. Ребенок для родителей и родители для ребенка: Оба родителя нужны ребенку в любом возрасте // Семья и школа. 2001. №7/8. С.7-9; Елизаров А.Н. Ценностные ориентации неблагополучных семей// Социологические исследования. 1995. №7. С.93-99.

⁴²² Bjornberg U. Introduction // Bjornberg U. (Ed.) One-parent Families. P.1.

⁴²³ Баскакова М.Е. Проблемы и права работников с семейными обязанностями // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. Т.1. М.: МЦГИ, 1998.

⁴²⁴ Малышева М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001. С.325-326.

⁴²⁵ Либоракина М.И. Женщины и приватизация. М.: Фонд «Институт экономики города», 1999.

⁴²⁶ Луныкова Л. Г. "Материнские семьи": соблюдение прав и гарантий (на примере г. Рыбинска) // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). М.: МЦГИ, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. Т.1., 1998. С.259-284.

⁴²⁷ Киблицкая М. Исповеди одиноких матерей. М.: Эслан, 1999.

факторов»⁴²⁸. Однако демографические данные о быстрых темпах роста в России популяции одиноких родителей нередко подаются в драматизированной тональности, что усиливает социальную озабоченность. Важно отметить, что она проявляется не только по поводу экономических трудностей семей, возглавляемых женщинами, но и ввиду идеологических сожалений о разрушении традиционной нуклеарной семьи как социального института⁴²⁹.

Академические тексты о «неполных семьях», подчеркивая «асоциальные» характеристики воспитания, в значительной степени перегружены тенденциозными рассуждениями о многочисленных рисках, которые поджидают детей и все общество из-за увеличения числа одиноких родителей. Такие тексты стигматизируют одиноких родителей, представляя их виновниками социальных проблем, в то время как подлинные истоки одинокого родительства и вопросы о взаимовлиянии этого феномена и государственной политики остаются вне поля зрения отечественных исследователей.

Монородительские семьи как объект и продукт государственной политики. Сравнительный анализ убеждает, что семейная политика разных стран весьма разнообразна: одни, как, например, Франция, законодательно формулируют семейную политику, другие (Германия, Швеция), не провозглашая официально, активно ее проводят, третьи (Финляндия, Дания) поддерживают все типы семей. Для понимания положения одиноких матерей полезна концептуализация государственной политики в терминах слабой и сильной моделей кормильца⁴³⁰. Как полагают Дж.Льюис и И.Остнер, исторически сложившиеся представления о семье, кормильцем которой является мужчина, в разных странах трансформировались различным образом и в различной степени. О приверженности традиционным представлениям о семье в той или иной стране можно судить по следующим показателям: во-первых, отношение к женщине в системах налогообложения и социального обеспечения (в частности, кто является объектом налогообложения и социального обеспечения — индивид или семья); во-вторых, уровень обеспеченности социальными благами, и особенно — услугами детских дошкольных учреждений; в-третьих, особенности занятости замужних женщин⁴³¹.

Перечисленные показатели касаются специфических моделей семьи с мужчиной-кормильцем, характерных для различных стран. Значительно различается в этих странах и положение одиноких матерей, что отражает вариации в уровне благосостояния⁴³². Так, в странах с исторически укорененной «сильной» моделью семьи с мужчиной-кормильцем, например, Великобритании, Ирландии, преобладает неполная занятость женщин, фиксируется неразвитость системы государственных детских дошкольных учреждений и правовой защиты женщин-матерей. «Переходным» является такой вариант государства

⁴²⁸ Гурко Т.А. Вариативность представление в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. №11. С.96.

⁴²⁹ Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996; См. об этом: Ярская-Смирнова Е.Р. Проблематизация семьи в социологии // Рубеж. 1998. №12. С.71-87 Антонов А., Медков В. Социология семьи. М., 1996.

⁴³⁰ См.: Мезенцева Е.Б. Социальная справедливость, государство благосостояния и гендер // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. С.199-200.

⁴³¹ Lewis J. and Ostner I. Gender and the Evolution of European Social Policies, ZeS-Arbeitspapier №4/94. Centre for Social Policy Research, University of Bremen, 1994. Цит. по: Буссмейкер Дж. Гражданство, типология государства всеобщего благоденствия и материальное обеспечение семьи: истоки и опыт осуществления политики равенства полов. С.263.

⁴³² Hobson B. Solo Mothers, Social Policy Regimes and the Logics of Gender // D.Sainsbury (ed.) Gendering Welfare States. London: Sage, 1994. P.175.

всеобщего благосостояния, где ключевым гендерным контрактом является семья с мужчиной-кормильцем. В таком государстве, примером которого выступает Франция, больше женщин заняты в режиме полного рабочего дня, имеется большой набор социальных гарантий для женщин⁴³³. Наконец, к третьему типу государств (классифицируемых с позиций гендерного подхода) относятся страны, где распространена «слабая» модель семьи с мужчиной-кормильцем. Для этих стран характерны высокая доля женщин, занятых в режиме полного рабочего времени, индивидуальная система налогообложения и социального обеспечения, развитая сеть государственных детских дошкольных учреждений и возможность беспрепятственного получения родительского отпуска. В таких обществах преобладает модель семьи с двумя кормильцами⁴³⁴, а положение семей с детьми не зависит от количества родителей. Примером такого государства является Швеция — мировой лидер по благосостоянию семей, в частности «материнских»⁴³⁵.

Рассмотрим ключевое измерение «модели кормильца» — доступность услуг по уходу за детьми и возможности занятости для женщин — в российских условиях⁴³⁶. Именно на создание таких возможностей направлялись усилия государства на заре социалистического строительства. Правовое регулирование брачно-семейных отношений было подчинено интересам государства и зачастую осуществлялось вопреки реальным потребностям семьи и ее членов. Подобная политика послужила одной из основных причин так называемой алиментной эпидемии, связанной, с одной стороны, с колоссальным ростом разводов, с другой, — с возрастанием популярности кратковременных сожительства и, как следствие, увеличением доли внебрачной рождаемости⁴³⁷. Под воздействием новых норм морали и права у определенной части населения, в основном молодежи, сформировалось резко отрицательное отношение к браку, выразившееся в росте добровольного безбрачия, ориентации в фактических браках на кратковременное сожительство⁴³⁸. Это привело к умножению числа женщин, воспитывающих своих детей без супруга или партнера. На закате сталинистской индустриализации ориентиры семейной политики подверглись некоторой трансформации, наряду с усилением патриархатного контроля поощрялось равное участие мужчин и женщин в производстве, расширились возможности общественного ухода за детьми, что способствовало распространению слабой модели кормильца.

Рост неполных семей особенно проявился в результате репрессий и войн, в особенности, Второй мировой. На увеличение числа монородительских семей советское правительство отреагировало предоставлением специальных пособий для одиноких матерей; им также были предоставлены некоторые преимущества на рабочем месте. Признание особо трудных условий существования семей одиноких матерей впервые зафиксировано в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. о прямой материальной помощи многодетным и одиноким матерям. И хотя женщинам было сложно доказывать отцовство и, следовательно, заставить отцов поддерживать своих детей, монородительские домохозяйства были под защитой коллективистской системы социального обеспечения, характерной для плановой экономики: основные товары и

⁴³³ Буссмейкер Дж. Указ. соч.

⁴³⁴ Lewis J. Gender and the Development of Welfare Regimes // Journal of European Social Policy. 1992. Vol.2. №3; Lewis J. and Ostner I. Gender and the Evolution of European Social Policies; Цит. по: Буссмейкер Дж. Гражданство, типология государства всеобщего благоденствия и материальное обеспечение семьи: истоки и опыт осуществления политики равенства полов. С.264-265.

⁴³⁵ Лунякова Л. Г. "Материнские семьи": соблюдение прав и гарантий (на примере г. Рыбинска) // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). С.259-284.

⁴³⁶ См.: Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Цыглакова Е.А. Одинокие матери: клиенты или граждане // Гендерная экспертиза социальной политики и социального обслуживания на региональном уровне. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2003. С.184-210

⁴³⁷ Семья — недоступная роскошь // Родина. 2000. №3. С.55.

⁴³⁸ Мацковский М.С. Социология семьи. М.: Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1989. С.43.

услуги были дешевыми, а возможности занятости — относительно широкими. Поскольку в поздний советский период проблема бедности приобрела официальное признание, государственная поддержка семей обуславливалась преимущественно тем, что семья содержала детей и что домохозяйство было бедным, и в меньшей степени — отсутствием второго родителя⁴³⁹. И все же поддержка монородительского домохозяйства как такового по-прежнему была недостаточной.

В семейном законодательстве 1965 г. процедура разводов была упрощена. Матери разрешили вписывать любое мужское имя в метрику новорожденного, но законом не признавалось равенство незарегистрированных и зарегистрированных браков⁴⁴⁰. Для российской семьи 1960—1980-х гг. уже были характерны высокий уровень разводов, внебрачная рождаемость и ухудшение условий социализации детей. В соответствии с данными переписи 1970 г., Россия была страной с наиболее высоким числом монородительских семей. Сильная модель кормильца была давно утрачена, и государство стремилось создать условия для распространения слабой модели семьи, когда ее благополучие не зависит от числа супругов, а женщина может вести автономное домохозяйство. К середине 80-х гг. в СССР выплачивалось 14 видов семейных пособий. На выплаты 5 из них (по беременности и родам, на рождение ребенка, по уходу за ребенком до достижения им одного года, многодетным и одиноким матерям) выделялось 80% средств на семейные пособия⁴⁴¹.

Факторы послевоенного резкого увеличения количества монородительских семей в России и на Западе во многом схожи в том, что касается рынка труда, социальных норм и социальной политики. Однако уникальные характеристики Советской России сыграли специфическую роль в развитии семейной структуры, в тенденциях ее формирования и распада. В целом ряде аспектов советский подход поощрял экономическое равенство и независимость женщин теми способами, которые включаются в так называемую модель слабого кормильца, иными словами, где все взрослые, кто не учится на дневном отделении, должны быть заняты на оплачиваемой работе⁴⁴². Советскую модель слабого кормильца следует дополнить такой аналитической метафорой, как «контракт работающей матери». Этот гендерный контракт подразумевает обязательность «общественно полезного» труда советских женщин и выполнения ими миссии матери «как женского природного предназначения» и гражданского долга⁴⁴³.

Женская занятость (как доля когорты в трудоспособном возрасте) составляла 92% в 1970—80-е гг., причем у женщин по сравнению с мужчинами уровень образования был значительно выше, а жалование почти на треть меньше⁴⁴⁴. Высоким показателям женской занятости способствовало расширение инфраструктуры, в частности, заводских и ведомственных детских учреждений и поликлиник, относительно щедрого вспомоществования для декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком. Важной привилегией одиноких матерей было запрещение трудовым законодательством увольнять их с производства до достижения ребенком 14 лет. Кроме того, для одиноких матерей существовали квоты на рабочие места и при распределении жилой площади. С учетом материального положения профсоюзные организации в советское время нередко предлагали льготные путевки в пионерлагеря и санатории.

Материальные потребности семей с низким доходом начали признаваться государством с 1974 г., когда были введены целевые денежные выплаты для малообеспеченных семей. В 1980-х гг. озабоченность государства положением детей в монородительских семьях проявилась в принятии скромных мер по их поддержке, включая небольшие денежные выплаты и предоставление одиноким матерям места в

⁴³⁹ Klugman J. and McAuley A. Social Policy for Single-Parent Families: Russia in Transition. P.148

⁴⁴⁰ Королев Ю.А. Брак и развод: Современные тенденции. М.: Просвещение, 1978. С.28

⁴⁴¹ О положении семей в СССР 1984—1986. М.: Госкомстат России, 1988. С.17.

⁴⁴² Lewis J. Gender and the Development of Welfare Regimes.

⁴⁴³ Здравомыслова Е., Темкина А. Гендерная система // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация — XXI век, 2002.

⁴⁴⁴ Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. С.82-83.

детском саду вне очереди. Материальная помощь, которую получали одинокие матери, слабо способствовала улучшению качества их жизни.

Важная особенность советской социальной политики состояла в ее прочной экономической связи с так называемыми градообразующими предприятиями крупных индустриальных центров. С конца 1980-х гг. многие из этих предприятий подвергались реструктуризации и банкротству, что лишало людей работы и средств к существованию. В ходе муниципализации социальных сервисов, принадлежавших ранее «градообразующим» производствам, эти объекты переходили в ведение местной администрации. Экономический кризис и дефицит ресурсов во многих случаях привели к обеднению социальной инфраструктуры, перепрофилированию и сокращению числа оказываемых услуг. Снижение роли государства и предприятий в социальной защите и предоставлении услуг означало, что расходы и ответственность все более перекладывались на домохозяйства и сети родственной поддержки. Все это сыграло решающую роль в снижении уровня жизни большинства монородительских семей.

В начале 1990 гг. на фоне недостаточного финансирования государственной социальной политики существенно падает уровень реальных зарплат и, соответственно, способность домохозяйств и индивидов самостоятельно покрыть свои расходы⁴⁴⁵. Экономическая реформа повлияла на снижение государственных трансфертов, уменьшение числа субсидируемых государством детских дошкольных учреждений и ухудшила возможности женщин на рынке труда. Ослабление и без того незначительной государственной поддержки привело к эрозии семейной стабильности и оставила одиноких матерей лицом к лицу с увеличивающимся риском бедности, повысило роль занятости и заработка женщин как фактора благосостояния детей в монородительских домохозяйствах.

В переходный период развитие рынка труда было неблагоприятным для женщин, хотя некоторые россиянки и получили новые возможности⁴⁴⁶. Уровень занятости упал на 12% среди женщин в возрасте 15-59 лет и на 17% среди женщин в возрасте 15-29 лет. Приватизация оказала неравномерное влияние на женщин и мужчин, степень перемещения женщин из бюджетного сектора в частный оказалась намного ниже, чем у мужчин⁴⁴⁷. Женская занятость по-прежнему сконцентрирована в общественном секторе, на низкооплачиваемых должностях государственных учреждений⁴⁴⁸. Гендерная сегрегация рынка труда и рабочей силы объясняет значимые различия в зарплате женщин по сравнению с мужчинами⁴⁴⁹.

На протяжении переходного периода снизилось предоставление услуг по уходу за детьми: дошкольные учреждения охватывают теперь лишь 1 из 5 детей в возрасте до трех лет и чуть более 3 из 5 в возрастной группе от 3 до 6 лет. Сократилось обслуживание детей школьного возраста («продленный день» в школе, летние пионерские лагеря и внеучебная деятельность). Это связано как с уменьшением числа детских учреждений (с 1989 по 1997 гг. закрыты 27 тыс. детских садов⁴⁵⁰), так и с падением спроса в силу высоких цен, что создало значительные трудности для родителей с низким доходом. Тенденции переходного периода упрочили модель сильного

⁴⁴⁵ Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности в России // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. С.36-45.

⁴⁴⁶ Women in Transition. Regional Monitoring Report. №6. Florence: UNICEF International Child Development Centre, UNICEF, 1999.

⁴⁴⁷ Либоракина М. Женщины и приватизация: российский опыт // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. редактор и составитель Е.Б.Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН-МЦГИ-«Русская панорама», 2002. С.250-258.

⁴⁴⁸ Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998. С.91-93.

⁴⁴⁹ Мезенцева Е.Б. Профессиональная сегрегация по признаку пола // Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001; Ржаницына Л.С. Макроэкономические проблемы занятости // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. С.26-29.

⁴⁵⁰ Motivans A. and Klugman J. Op.cit. P.16

кормильца и представление, что мужчины являются основными добытчиками для семьи, а женщины — зависимыми женами⁴⁵¹.

Анализ потребностей одиноких матерей и предоставленных им социальных прав гражданства обнажает противоречивые тенденции переходного периода в формировании модели кормильца. Существуют три главных фактора, которые влияют на реализацию полноценного социального гражданства одиноких матерей. К этим факторам относятся: во-первых, низкая способность одиноких женщин с детьми зарабатывать; во-вторых, неадекватный уровень поддержки со стороны как зарегистрированных, так и незарегистрированных отцов; и в-третьих, низкий уровень государственной поддержки и выплат (трансфертов) для семей одиноких матерей⁴⁵².

Снижение зарплат и растущая безработица в сочетании с ограниченной и снижающейся общественной поддержкой детей, на первый взгляд, должно было привести к усилению зависимости женщин от мужчин и задержать рост числа материнских семей. Но все большее число женщин идут на развод и внебрачное рождение детей. Именно это обстоятельство удивляет некоторых зарубежных авторов⁴⁵³. С нашей точки зрения, экономическая зависимость, скорее, привязывает женщин к их родителям и другим родственникам, чем к супругу, особенно в случае рождения ребенка вне брака, смерти или ухода супруга/партнера из семьи. В силу снижения государственной поддержки одинокие матери, сталкиваясь с более высоким риском бедности, все с большей вероятностью предпочитают объединяться с другими взрослыми или родственниками. Сегодня налицо факт роста не только монородительских, но и расширенных семей, поскольку многие одинокие родители вынуждены переселяться к своим родителям или другим родственникам, в основном из-за экономических ограничений.

Помощь родственников важна для семей одиноких матерей, и эта помощь, включая разделение домашних обязанностей и уход за ребенком, более эффективна и продуктивна, когда одинокий родитель живет в расширенной семье. Исследования зафиксировали, что семьи, возглавляемые матерями, живущими отдельно от родственников, характеризуются более высоким уровнем бедности, по сравнению с одинокими матерями, проживающими в расширенных домохозяйствах⁴⁵⁴. Совместное проживание одинокой матери с другими родственниками имеет целый ряд преимуществ, однако, ведет к потере автономности, приватности.

В ряде случаев женщины берут на себя роль единственного кормильца в семье — как в отсутствие супруга, так и в ситуации, когда он теряет работу⁴⁵⁵. Важное наблюдение сделано в российско-британском проекте «Бедность и социальная эксклюзия в России»: домохозяйствам, возглавляемым женщиной (и особенно матерью-одиночкой, вынужденной быть единственным кормильцем в семье), реже помогали родственники и друзья, чем нуклеарным семьям с детьми, где мужчина испытывал временные трудности с работой, а семью кормила женщина⁴⁵⁶. И в этом случае зависимость женщины от мужчины не имеет экономического смысла.

Система социальной защиты, стремясь снизить негативное влияние рыночных преобразований на уязвимые группы населения, стала оперативно реагировать на обостряющиеся социально-экономические проблемы. Для современной социальной политики российского правительства характерны изменение структуры детских пособий,

⁴⁵¹ Ibid. P.15

⁴⁵² Popkin B., Harris K. M., Lokshin M. Op.cit.

⁴⁵³ Motivans A. and Klugman J. Op.cit. P.18.

⁴⁵⁴ Иванова Е.И., Михеева А.Р. Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. №6, 1999. С.72-76.

⁴⁵⁵ Тартаковская И.Н. Гендерные аспекты стратегии безработных // Социологические исследования. №11, 2000. С.73-82; Козина И.М. Что определяет статус «кормильца» семьи? // Социологические исследования. 2000. №11. С.83-89.

⁴⁵⁶ Давыдова Н.М. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания // Общественные науки и современность. 2000. №4. С.55-56.

повышение размеров выплат, введение адресности и специальной помощи детям одиноких родителей. Поскольку количество населения, нуждающегося в социальной защите, постоянно растет, то, при сохранении основных социальных обязательств и принципов социальной поддержки советского периода, на федеральном, региональном и местном уровнях дополнительно появились новые виды социальных пособий и льгот⁴⁵⁷. Результатом такого развития системы социальной защиты стало чрезвычайное многообразие различных форм и видов социальной поддержки.

Федеральный закон №81 от 19 мая 1995 г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» предусматривает: пособие по беременности и родам; единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинское учреждение в ранние сроки беременности; единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком по достижении им возраста полутора лет; ежемесячное пособие на ребенка. Размер последнего увеличивается на 100% на детей одиноких матерей и с 01.01.2001 г. составляет 140 рублей. Вместе с тем нынешняя ситуация далека от оптимальной. Размеры адресной социальной помощи и охват ею населения не адекватны масштабам бедности в России⁴⁵⁸. Государство не выполняет социальные обязательства перед населением. «Наиболее развитая ранее часть социальной помощи — пособие на детей — сегодня по своему уровню составляет 5% от прожиточного минимума и отличается систематическими неплатежами»⁴⁵⁹. Этим усиливается наметившийся в поздний советский период разрыв между декларируемой и реальной ситуацией в сфере социальных гарантий одиноким матерям.

Конструирование статуса клиента в системе адресной помощи одиноким матерям. Каждый гражданин, реализуя условия социального гражданства как особого контракта между государством и индивидом, имеет право на целый ряд гарантий своего статуса, в том числе, на льготы, пособия, пенсии, доступные и качественные услуги. Тем самым в разные периоды жизни и в особых обстоятельствах индивид становится клиентом, или пользователем, системы здравоохранения, социальной защиты, занятости, образования. Вместе с тем, как упоминалось выше, статус гражданства не сводим лишь к набору социальных прав, а гражданин не ограничен в своей жизни лишь ролью клиента.

С нашей точки зрения, злоупотребление отношениями клиентства как со стороны социальных служб и занятых там работников, так и со стороны потребителей социальных услуг сужает жизненные шансы субъектов и приводит их к порочному кругу зависимости от системы «собеса». Эта зависимость, как мы покажем, формируется в условиях слабости гражданского общества и недостаточно эффективной работы специалистов, учреждений, всей системы социальной защиты. В результате этого дефицит ресурсов для противостояния жизненным трудностям не восполняется, и потребитель услуг превращается в «клиента» со стигмой «проблемности», беспомощности и бесполезности. О том, что стигма не только воспроизводится во внешнем контексте, но и действует на внутренний мир субъекта, хорошо известно еще из работ И. Гофмана⁴⁶⁰. Он, применяя драматургический подход, исследовал отношения между сотрудниками учреждений и их клиентами и показал, что наблюдаемая конформность клиентов является ничем иным, как приемом, аналогичным сценической игре, поскольку система требует от бедных заранее оговоренных доказательств их бедности.

В России, как и в ряде других стран, социально уязвимые группы населения представляют собой особую символическую категорию — клиентов системы социальной защиты. Очевидно, что человек становится клиентом не сама по себе, а только

⁴⁵⁷ Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности в России // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. С.46.

⁴⁵⁸ Там же. С.50.

⁴⁵⁹ Римашевская Н.М. Гендерные аспекты социально-экономического развития России // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. С.15.

⁴⁶⁰ Goffman E. Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity. London, New York, etc. Touchstone. 1986 [1963].

посредством классификационных процедур, совершаемых в социальной службе, причем *«не в тот момент, когда он зашел в дверь, а в тот момент, когда сверив все его данные, убеждаешься, что он попадает под критерии клиента; тогда он становится клиентом»* (Специалист социальной работы, г.Саратов). Отношения людей с социальными службами, центрами занятости, биржей труда строятся под влиянием идеологии конкретного государства, оформляющей специфические определения и самоопределения людей как клиентов с вытекающими отсюда последствиями как для индивидуальных биографий, так и в структурном масштабе.

Как показала М.Киблицкая, многие одинокие матери на рынке труда сталкиваются с дискриминацией и нарушением прав, унижением и откровенной грубостью при общении с социальными органами. Они встречаются с неприкрытой неприязнью или полным безразличием официальных бюрократизированных органов, которые в какой-то мере могут повлиять на их судьбу на уровне предприятия или организации, где они работают⁴⁶¹. Л.Г.Луныкова в г.Рыбинске выявила ряд случаев подобного обращения. По ее свидетельству, администрация города не ратует за семьи, стоящие на учете в Управлении социального обеспечения, а многие «материнские» семьи причисляет к маргинальным. Бытует мнение, что люди не хотят работать и специально не регистрируют браки, чтобы, рожая детей, получать стабильные ежемесячные выплаты, которые иногда превышают размер реальной заработной платы⁴⁶². С нашей точки зрения, подобное мнение отражает установку на стигматизацию бедных и отверженных. Вместо того чтобы повышать эффективность социального обслуживания и создавать комплексные программы реабилитации лиц, испытывающих зависимость от алкоголя и других психоактивных веществ, создавать условия для их социальной адаптации, государственные служащие привычно обвиняют женщин и их семьи.

В современной России женщины являются основными потребителями социальных услуг; многие учреждения социальной защиты именуется «управлениями по делам семьи, женщин и детей». Среди клиентов центров социального обслуживания преобладают пожилые женщины, сюда же приходят за пособиями и натуральной помощью матери-одиночки и многодетные матери; женщины вместе со своими детьми-инвалидами посещают реабилитационные центры и их программы; в кризисных центрах и отделениях экстренной помощи — вновь женщины. Именно они оказались сегодня в эпицентре реформаторской деятельности отечественных политиков и экономистов. Речь идет о трансформации системы социального обеспечения, связанной с переходом на адресную помощь.

До недавнего времени распределение пособий строилось почти исключительно на характеристиках реципиентов. Как указывают С.Н.Смирнов и И.В.Колосницын, именно принадлежность к той или иной категории населения позволяла гражданам получать социальные пособия (в частности, одинокие матери, одиноко проживающие пенсионеры и другие)⁴⁶³. Неэффективность такой системы в современной России зависит, в частности, от следующих обстоятельств: в числе получающих социальную помощь доля лиц, не относящихся к числу бедных по критерию текущих доходов, выше, чем доля получателей среди бедных; размеры выплачиваемых пособий бедным и «небедным» практически не различаются; доля социальных пособий относительно общего объема расходов бедных семей ничтожна и не превышает 2%; почти 90% всех бедных семей не получает никакой социальной помощи. Поскольку существовавшая система выплат по ряду параметров оказалась малоэффективной, акцент в решении проблемы социальной помощи был перенесен на обеспечение адресности. Адресность включает, прежде всего, отмену категориальных льгот и субсидий, перевод их в форму денежных выплат, доплат к

⁴⁶¹ Киблицкая М. Исповеди одиноких матерей.

⁴⁶² Луныкова Л. Г. "Материнские семьи": соблюдение прав и гарантий (на примере г. Рыбинска) // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). Т.1. С.259-284.

⁴⁶³ Смирнов С.Н., Колосницын И.В. Социальные обязательства государства: сокращение или реструктуризация? // Мир России. 2000. №1.

жалованью. В качестве критерия адресности предлагается использовать социальный состав домохозяйства, его материальные и денежные активы, доходность и уровень душевых доходов потенциальных реципиентов социального пособия⁴⁶⁴.

На практике сегодня бедные вновь классифицируются на достойных и недостойных, но уже не буквой закона, а посредством фейс-контроля. Система адресности придает большее, чем это было раньше, значение роли социальных работников, проверяющих степень «нуждаемости» и достоверность заявлений клиентов. Процедуры и технологии деятельности по определению «нуждаемости» недостаточно прописаны, также как и юридический статус таких процедур. Весь этот процесс без всякого обсуждения передан на откуп исполнителям, которые руководствуются бытовыми определениями, стереотипами и корпоративными неформальными нормами. Следует помнить и о присущих советским организациям неформальных практиках, когда доступ к ресурсам определяют скорее личные знакомства, чем формальные регуляции. Наше исследование выявило подобные практики в сфере социальной защиты, когда личные знакомства играют решающую роль в распределении довольно скромных ресурсов натуральной или денежной помощи.

Система адресной помощи, хотя и призвана повысить эффективность социального обеспечения, пока что негативно сказывается на наиболее незащищенных слоях населения, в первую очередь, женщинах. Женщинам с маленькими детьми приходится собирать массу справок, чтобы реализовать свое социальное гражданство — доказать гарантированное государством право на получение пособия, мизерная сумма которого при регулярных задержках выплат совершенно не меняет их положения.

Негативные аспекты взаимодействия с системой социального обеспечения и ее представителями связаны с неэффективной бюрократией, которая регламентирует оказание социальных услуг. Их получение для женщин, у которых мы брали интервью в малом городе Саратовской области, ассоциируется с борьбой, преодолением, даже в тех случаях, когда система помощи, казалось бы, должна работать гладко, по определенным правилам. Для многих взаимодействие с социальными службами означает получение гуманитарной помощи — продуктов, одежды. В значительной степени помощь эта такого рода, что ее нужно брать, не ропща, — это старые вещи, не всегда подходящие по размеру. Впрочем, для многих клиентов социальных служб гуманитарная помощь оказывается спасительной в условиях, когда не достает финансовых ресурсов.

Получение натуральной помощи вещами и продуктами в социальных сервисах в ряде случаев имеет вид борьбы за доступ к ограниченным ресурсам. В том случае, когда подобная помощь не приходит, не оправдавшиеся надежды расценивают как крушение планов, особенно если вину возлагают на работников социальных служб, не предоставивших необходимую информацию. Подобная ситуация позволяет обнажить новые ракурсы проблемы отношений клиентов и социальных работников, среди которых преобладают женщины⁴⁶⁵. Следует иметь в виду, что служащие социальных сервисов подчас находятся в тех же условиях нужды, низких доходов, что и сами клиенты. Заработная плата работников социальной сферы составляет сегодня менее 60% прожиточного минимума и «фактически превратилась в социальное пособие, что способствовало появлению наряду с традиционными «бедными» (инвалиды, пенсионеры, многодетные и неполные семьи) еще одной категории бедных (характерной в основном для России) — «работающие бедные» т.е. работники, у которых заработная плата не обеспечивает величины прожиточного минимума»⁴⁶⁶. Маргинализация работников социальных служб, безусловно, отражается на эффективности их работы, и определение «нуждаемости» клиентов может происходить «на глазок», на взгляд сотрудника службы, подчас находящегося в весьма бедственных жизненных обстоятельствах.

⁴⁶⁴ Смирнов С.Н., Колосницын И.В. Указ. соч.

⁴⁶⁵ См. об этом: Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. «Не мужское это дело...» Гендерный анализ занятости в социальной сфере. 2002. №6. С.74-82.

⁴⁶⁶ Чекорина Н. Женщины и социальная политика в условиях рыночного реформирования // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. С.172.

Как указано в проекте концепции адресной помощи населению Саратовской области, «нуждаемость семьи и одиноко проживающего гражданина в получении адресной социальной помощи определяется органами социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания в соответствии с Федеральным законом “О государственной социальной помощи”»⁴⁶⁷. Органы социальной защиты вправе выборочно проверять правильность предоставленной заявителями информации любыми способами, не противоречащими законодательству Российской Федерации, и лишать претендентов права на статус при обнаружении обмана⁴⁶⁸. В связи с этим работа по принципам «адресности» придала амбивалентность профессиональной идентичности социальных работников: «А вот меня задевает эта адресная помощь» (Специалист социальной работы, г. Красноармейск). С одной стороны, социальные работники были согласны с введением адресной помощи, поскольку получили больше полномочий контролирующего свойства. Вместе с тем принимать решение о том, кто достоин, а кто не достоин пособия, оказалось не так просто.

Отметим, что такой индикатор «нуждаемости», как попадание женщины в категорию «матери-одиночки», себя не оправдывает, поскольку к установлению юридического статуса теперь добавляется проверка фактического наличия у женщины партнера. Женщины, которых подвергают проверкам, постоянно вынуждены доказывать, что они «одинокие». Напомним, что в соответствии с законодательством вдовы и разведенные женщины не подходят под категорию матерей-одиночек, поэтому им нужно представлять доказательства своей малообеспеченности, или «нуждаемости»⁴⁶⁹ — этот термин является новым эвфемизмом, введенным в дополнение к понятию «малообеспеченности» для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что не каждый достоин получать помощь от государства.

Для некоторых соло-матерей предоставление дешевой гуманитарной помощи представляется еще одним инструментом депривации и социальной несправедливости, выражающейся в неравенстве доступа к каким-либо ресурсам клиентов разного статуса — многодетных и одиноких матерей. Неравенство статусов клиентов, небесспорные и непрозрачные критерии разделения на тех, кто более или менее достоин помощи, порождает внутренние конфликты и чувство отверженности у таких людей.

В нашем исследовании подтвердились выводы М.Киблицкой о низкой информированности одиноких матерей. Одно из доминирующих чувств наших информантов — неосведомленность. Это касается широкого круга вопросов — от незнания своих прав до отсутствия знаний об услугах Центра помощи, каких-то отдельных бенефиций и ресурсов. Большую роль в оформлении таких отношений играет унаследованная от советского союза неопределенность в отношениях между государством и индивидом. Эта неопределенность заключается в неуверенности людей в том, что их права можно защищать и отстаивать рациональными правовыми способами.

Подобная ситуация в наибольшей степени характерна для малых городов и сельской местности, где формальные ресурсы поддержки весьма ограничены, а неформальные зачастую утеряны или слабо активизированы. И хотя доля домохозяйств одиноких родителей в сельской местности ниже, чем в городской, им присущи самые высокие уровни бедности. В сельской местности одинокие родители, большинство из которых составляют материнские семьи, могут не иметь такого же доступа к расширенной семье и другим формам совместного проживания, какими располагают горожане. Со всей очевидностью встает вопрос активизации и формирования естественных и искусственных сетей поддержки, тем

⁴⁶⁷ Концепция развития системы адресной социальной помощи населению Саратовской области. Саратов, 2002. Проект.

⁴⁶⁸ Смирнов С. Н., Колосницын И. В. Указ.соч.

⁴⁶⁹ Концепция развития системы адресной социальной помощи населению Саратовской области.

самым становится актуальным развитие таких форм социальной работы, как работа с сообществом и экосистемная модель.

У большинства наших собеседниц отсутствуют алгоритмы взаимодействия с государственными и негосударственными институтами, которые могут обеспечить устойчивое разрешение возникших проблем. Речь идет не только о низкой осведомленности женщин. Сама доступность таких ресурсов, как разнообразные государственные сервисы и негосударственные фонды, женские организации, действующие в целом ряде крупных городов, — в провинции оказывается под большим вопросом. Некоторые наши собеседницы из малых городов вообще не позиционируют себя в поле социальной поддержки, однако для них роль клиента неприемлема не потому, что они автономны от системы социальной защиты, а потому, что эта система практически не распространяет на них свое воздействие.

Способность женщин быть независимыми экономическими субъектами отражает степень реализации их социального гражданства. Показательным является то, что среди одиноких матерей работающих значительно больше, чем среди замужних женщин с детьми. По данным на конец 1996 г. в состав рабочей силы входил 81% одиноких матерей, живущих с детьми, по сравнению с 71% матерей в нуклеарных семьях⁴⁷⁰. Тем не менее, помощь в поисках работы держится только на личных связях. В иных случаях формальный порядок не всегда соблюдается: женщинам отказывают в работе только потому, что они имеют детей. Многие из этих женщин сталкиваются с дискриминацией и нарушением прав на рынке труда, неприкрытой неприязнью или полным безразличием тех официальных органов, которые в какой-то мере могут повлиять на их судьбу. Именно в таких ситуациях могла бы проявить себя проактивная стратегия учреждений социальной защиты, специалистов социальной работы, которые призваны создавать условия для полной реализации социальных прав одиноких родителей.

По данным опросов, одинокие родители, проживающие в больших городах России, с более высокой вероятностью, нежели на селе, проживают совместно с другими родственниками. Крупные городские зоны (Москва, Санкт-Петербург) испытывают дефицит жилья, что затрудняет ситуацию одинокого родителя, желающего жить самостоятельно. Кроме того, здесь жилье дороже и выше показатели занятости женщин в силу больших возможностей трудоустройства, что повышает необходимость совместного проживания с другими членами домохозяйства, чтобы иметь возможность работать⁴⁷¹.

Те же, кто находит возможности зарабатывать и содержать ребенка в детском дошкольном учреждении, выражают тревогу по поводу возможной потери работы ввиду частых пропусков в связи с уходом за болеющими детьми. Для одиноких матерей проблема совмещения работы с воспитанием детей — одна из наиболее острых. Исследователи отмечают⁴⁷², что трудовые биографии женщин соответствуют циклам воспитания детей — потеря работы, уход из вуза у многих совпадают с рождением ребенка, а дальнейшие трудоустройства, переходы с одной работы на другую — с взрослением, поступлением ребенка в детский сад, школу, вуз. У матерей-одиночек, многие из которых лишены поддержки в домохозяйстве, такие циклы влияют на биографию особенно сильно.

Одиноким матери возможность поддерживать относительную автономию дают старшие дети, которые нередко принимают на себя груз домашних забот, а поступив

⁴⁷⁰ Popkin B., Harris K. M., Lokshin M. Op.cit.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. С.51-52.

на работу, могут внести вклад в бюджет домохозяйства. Данные шведских социологов также свидетельствуют, что монородительские семьи практикуют эгалитарные отношения в силу большей взаимозависимости между взрослым и ребенком в повседневной работе в домохозяйстве⁴⁷³.

Наибольший компонент дохода домохозяйства одиноких матерей составляет заработная плата; эта доля на 10% выше, чем в целом для населения. Кроме того, доля правительственных и частных трансфертов в семейный бюджет значительно выше для домохозяйств с одинокой матерью, чем для среднего российского домохозяйства. При этом в домохозяйствах, где одинокая мать живет со своими родителями и детьми, доля дохода от пенсий выше, чем доля дохода от зарплаты. В то же время, для домохозяйств, где проживают лишь одинокий родитель с детьми, доля дохода от пособий почти в 7 раз ниже, чем доля дохода от зарплаты⁴⁷⁴.

Женщинам приходится искать дополнительный заработок, но, во-первых, такой заработок отнюдь не всегда большой и стабильный, во-вторых, его не так просто найти (учитывая, что женщина много времени проводит на основной работе), в-третьих, женщине приходится меньше времени уделять детям. В более выгодном положении находятся одинокие матери, проживающие с родственниками или рядом с ними. Опрошенные не получают алиментов, которые, впрочем, составляют весьма незначительную сумму. По данным опросов домохозяйств, несмотря на высокий уровень разводов, алименты составляют лишь небольшую часть совокупного дохода домохозяйств. Их доля не превышает 5% в каждом раунде исследований RLMS, проводимых в России; она намного меньше, чем вклад отца, и меньше, чем деньги, которые приносит в бюджет домохозяйства второй работающий член нуклеарной семьи⁴⁷⁵. По существующему законодательству после развода отец должен выплачивать на одного ребенка четвертую часть заработной платы, на двоих — треть, а если он нигде не работает, алименты составляют 900 рублей в месяц на одного ребенка. Однако получить их даже с помощью судебных приставов практически невозможно: существует целый ряд вариантов уклонения от уплаты алиментов. В 2002 г. опрос в одном из округов Москвы выявил, что лишь каждая восьмая женщина, которой полагались алименты, получала эти выплаты.

И. Калабихина поднимает справедливый вопрос о том, что система выплаты алиментов как модель отношений между отцом и ребенком морально устарела. Происходит это потому, что «инерция распределения семейных ролей, характерная для советского времени, когда, несмотря на высокую занятость, женщины практически полностью несли ответственность за воспитание детей, и сегодня продолжает формировать отношения отцов и детей»⁴⁷⁶. Безучастность второго родителя (как правило, отца) в воспитании детей является продуктом гендерной системы советского периода, сформировавшей низкую готовность женщин принимать поддержку от бывшего мужа и низкую готовность мужчин оказывать подобную поддержку.

⁴⁷³ Bjornberg U. (Ed.) One-parent Families.

⁴⁷⁴ Popkin B., Harris K.M., Lokshin M. Op.cit.

⁴⁷⁵ Ibid.

⁴⁷⁶ Калабихина И. Теоретические направления гендерного анализа домохозяйств и некоторые вопросы социальной политики. С.102.

Женщины связывают улучшение своего положения с взрослением ребенка. Они рассчитывают на собственные силы в большей степени, чем на помощь государства. Позиция государства характеризуется противоречием: декларируется активная политика занятости, делается акцент на ответственности родителей за благополучие своих детей, но одновременно ассигнования на детей одиноких матерей остаются низкими. Тем самым фактически игнорируются особые потребности монородительских семей. Косвенным образом воспроизводится установка, что альтернативное родительство, отличающееся по своей структурной композиции от нуклеарной семьи, является неверным и наказуемым.

Заключение. Исследования проливают свет на роль государственной политики в формировании паттерна семейной структуры и возможностей достойного уровня жизни. Рассматривая в качестве содержания социального гражданства номенклатуру социальных гарантий, предоставляемых государством семье в связи с рождением и воспитанием детей, можно было бы прийти к выводу о близости советской модели семьи к скандинавской слабой модели кормильца, если бы не объем предоставляемой социальной поддержки. Государство, стремясь к реализации гендерного контракта работающей матери, так и не смогло компенсировать отсутствие в монородительской семье второго члена, приносящего доход.

Данные показывают, что феномен материнских семей и социальная политика оказывают друг на друга взаимное влияние. При этом реализация соло-матерями их прав как граждан социального государства зависит от степени дружелюбности государства по отношению к женщинам, что включает развитие широкой сети общественных услуг по уходу за детьми и возможности найти оплачиваемую работу. Кроме того, для женщин важно иметь выбор между собственным обслуживающим трудом в домохозяйстве и общественными услугами.

На протяжении переходного периода отмечается рост числа детей в монородительских домохозяйствах по причине нестабильности браков, внебрачных рождений и высокого уровня смертности среди молодых взрослых. Снижение ценности детских пособий и алиментной поддержки, сокращение возможностей трудоустройства и реальных заработных плат оказывают негативный эффект на семейный доход одиноких родителей. Это повышает вероятность того, что семья одиноких родителей будет проживать в расширенном домохозяйстве, и такой паттерн совместного проживания среди семей одиноких родителей будет расти в будущем. С одной стороны, такая модель выгодна государству, поскольку позволяет экономить средства, перекладывая задачи финансовой и немонетарной поддержки на плечи родственников в расширенной семье. С другой, — существует много одиноких родителей, не имеющих родственной поддержки. Именно они характеризуются наибольшей уязвимостью перед лицом бедности.

Растущий уровень бедности среди одиноких родителей вкупе с дополнительными индикаторами снижения качества жизни их самих и их детей убеждает в необходимости немедленного решения проблемы на политическом уровне, в том числе путем повышения детских пособий одиноким родителям, расширения бесплатных услуг в сфере дошкольного, школьного и дополнительного образования, досуга и спорта. Предусматривая неизбежное давление на бюджет, необходимо снизить уровень поддержки для детей с двумя родителями или оптимизировать адресный подход, чтобы исключить небедных из социальной помощи. Вместе с тем адресная система социальной защиты не решит всех проблем одиноких родителей. Необходимо повысить шансы соло-матерей в сфере занятости, подготовки и переподготовки, реализовать гарантии нон-дискриминации в принятии решений работодателями относительно найма и карьеры.

Наше исследование показало, что роль социального обслуживания в конструировании статуса клиентов и граждан у одиноких матерей является неоднозначной. В одних ситуациях социальные работники добиваются позитивных изменений в жизни соло-матерей, способствуя тем самым реализации статуса полноценного социального гражданства. В других же ситуациях, которые, к сожалению, часто встречаются в практике социальной работы, особенно в провинции, где ресурсов у социальной службы явно недостаточно, — идентичность женщин урезается до статуса клиентов. В таких случаях сотрудники социальных служб ставят диагноз «нуждаемости» и требуют доказательств «малообеспеченности», ограничиваясь впоследствии снабжением клиентов дешевой натуральной помощью. Тем самым по сути дела воспроизводятся практики социального исключения.

Определение потребностей монородительских семей лишь в материальных терминах является недостаточным. Речь должна идти об общественном отношении к данному феномену, о признании структурных причин монородительства и бедности, а также о гуманистической практике социального обслуживания, нон-дискриминационных принципах профессиональной социальной работы. Обществу и государству в целом, а также социальным работникам, учителям и воспитателям пора понять, что одинокое родительство вовсе не представляет собой социальную патологию и не свидетельствует о кризисе института семьи.

В социальном обслуживании необходимо применять проактивный, гуманистический и нон-дискриминационный подход. Нельзя стигматизировать одиноких матерей только как клиентов или носителей исключительно семейных ролей и функций сквозь призму житейского и «женского» опыта. В таких случаях социальная работа, следуя сложившимся стереотипам, правилам объяснения и поведения, укрепляет несправедливое социальное устройство современного общества. Дело в том, что проблемы клиента могут быть следствием твердых убеждений о традиционных гендерных ролях. Очень многие социальные проблемы женщин являются следствием принятого до сих пор традиционного определения семьи, подразумевающего неравноправие и угнетение женщин. Многие модели социальной работы принимают такое определение, чем лишь усугубляют положение женщин. Так, в социальных службах подчас сводят сложные социальные проблемы одиноких матерей к индивидуальным психологическим особенностям, имеют тенденцию «обвинять жертву», возлагая на женщин ответственность за те проблемы, которые на самом деле имеют социальное происхождение, и тем самым отвлекают внимание от социальных условий.

«ПРЕКРАСНАЯ ДАМА» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ТРУБАДУРОВ, ТРУВЕРОВ И МИННЕЗИНГЕРОВ

Эпоху западно-европейского Средневековья характеризует одновременное сосуществование двух явлений: расцвет негативного восприятия женщины католической традицией, с одной стороны, и возведение ее на пьедестал в куртуазной культуре, с другой. Материал для анализа последней содержится в куртуазной литературе — поэзии трубадуров, труверов и миннезингеров, средневековых романах и повестях. На русском языке средневековая лирика представлена в сборниках «Песни трубадуров»⁴⁷⁷, «Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов»⁴⁷⁸, «Прекрасная Дама»⁴⁷⁹, «Французская средневековая лирика»⁴⁸⁰ и др. Полные издания стихов отдельных крупнейших поэтов XII — XIII вв. в русском переводе представлены только известным трубадуром второй половины XII в. Бертраном де Вентадорном⁴⁸¹ и миннезингером конца XII — начала XIII вв. Вальтером фон дер Фогельвейде⁴⁸².

Особый интерес для исследователя представляют старопровансальский анонимный роман начала XIII в. «Фламенка»⁴⁸³, романы известного поэта XII в. Кретьена де Труа «Роман о Тристане и Изольде»⁴⁸⁴, «Ивэйн, или Рыцарь со львом»⁴⁸⁵, «Окассен и Николетта»⁴⁸⁶, различные переложения легенды о Тристане и Изольде⁴⁸⁷, а также труды известных миннезингеров начала XIII в. Вольфрама фон Эшенбаха («Парцифаль») и Гартмана фон Ауэ («Бедный Генрих») ⁴⁸⁸. В сборнике «Жизнеописания трубадуров»⁴⁸⁹ помимо сочинений известных поэтов опубликован трактат Андрея, капеллана французского короля Филиппа II, «О любви», написанный около 1184—1186 гг. Трактат содержит кодекс куртуазного поведения и уникальные сведения о светской игре в «суды любви», выносивших решения по спорным казусам куртуазной эротики. Последние получили широкое распространение при шампанском дворе в последней трети XII в. В сборнике приведен также образец письмовника итальянского философа и оратора Бонкомпаньо Болонского (1170—ок.1240), являющийся интересным примером средневековой любовной переписки, а также — отрывки из «Предписаний любви» флорентийского энциклопедиста Франческо да Барберино (1264—1348).

Материал куртуазной поэзии, и литературы в целом, является полноценной базой для рассмотрения «идеального» образа средневековой женщины и модели куртуазной любви. Однако необходимо учитывать, что создавалась эта литература в основном мужчинами, и поэтому отражала именно их представления о женщине и любви. Куртуазные поэты, с одной стороны, отражали идеалы определенной части общества, с другой — они и сами создавали общественное мнение, культивировали представления об идеальной женщине. Женское же видение любви и женская психология лишь частично получили

⁴⁷⁷ Песни трубадуров. М., 1979; Песни трубадуров. М., 1984.

⁴⁷⁸ Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов // БВЛ. Т.23. М., 1975.

⁴⁷⁹ Прекрасная Дама. Из средневековой лирики. М., 1984.

⁴⁸⁰ Французская средневековая лирика. М., 1990.

⁴⁸¹ Вентадорн Б. де. Песни. М., 1979.

⁴⁸² Фогельвейде В. Стихотворения. М., 1986.

⁴⁸³ Фламенка. М., 1984.

⁴⁸⁴ Труа Кретьен де. Роман о Тристане и Изольде // Средневековый роман и повесть. М., 1974.

⁴⁸⁵ Труа Кретьен де. Ивэйн, или Рыцарь со львом // Там же.

⁴⁸⁶ Кретьен де Труа. Окассен и Николетта // Там же.

⁴⁸⁷ Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976; Бедье Ж. де. Роман о Тристане и Изольде. М., 1985.

⁴⁸⁸ Средневековый роман и повесть // БВЛ. Т.22. М., 1974.

⁴⁸⁹ Жизнеописания трубадуров. М., 1993.

свое выражение в так называемых «песнях полотна», и, в большей степени, в романах Кретьена де Труа «Эрек и Энида» и «Клижес», о чем будет сказано ниже.

Неотъемлемой частью феодальной куртуазной культуры являлся возникший около XII в. культ Прекрасной Дамы. Посмотрим, что его наполняло.

Одним из важнейших качеств Прекрасной Дамы была ее куртуазность.

Практически во всех жизнеописаниях трубадуров, когда речь заходит о возлюбленных дамах, например Раймона Джордана (ок. 1178—1195 гг.), Гаусельма Файдита (ок. 1172—1203 гг.), Юка де Сент Сирка (ок. 1211—1253 гг.)⁴⁹⁰, говорится, что они были «куртуазны» и уточняется: «сведуци в законах вежества». Пейре Овернский отзывается о своей возлюбленной так: «В ней с весельем совмещена /Сладость куртуазных затей... /Властелинов она славней; /Слуги ее — вежество и красота»⁴⁹¹. Подчеркивается благородство этой дамы — ее происхождение и душа, ибо одно не могло существовать без другого. Так, в жизнеописании трубадура Бернарта Вентадорнского (ок. 1147—1170 гг.) упоминается о «даме юной и благородной и умевшей ценить доблесть, честь и изящество»⁴⁹². Дона Аламанда д'Эстан, предмет обожания другого трубадура, Гираута де Борнеля (ок. 1162—1169 гг.), была всеми чтима «за ум, благородство и красоту»⁴⁹³. А среди достоинств дамы Раймона де Миравалья (ок. 1191—1229 гг.), помимо вышеперечисленных называются ее умение вести куртуазную беседу⁴⁹⁴ и любовь к чести и славе⁴⁹⁵.

Более подробно рассказывается о куртуазности Марии Вентадорнской (ум. в 1222 г.), известной старопровансальской поэтессы: «Вы уже слыхали о мадонне Марии Вентадорнской, как о наиславнейшей из дам, когда-либо живших в Лимузине, много творившей добра и бежавшей всякого зла. Во всех деяниях она руководствовалась законами вежества, и никакое безумие не подбивало ее на необдуманные поступки»⁴⁹⁶.

Трубадур Арнаут де Марейль (ок. 1195 г.) говорит еще об одном качестве своей Прекрасной Дамы: «Искренна в слове и деле...»⁴⁹⁷, «Искренностью приема /В плен я навеки взят...», а также ее «... сердце кротко и нежно, / Прекрасная Дама, чьи / Речи — диво из див, / Манеры, каких досель / Я не встречал; свет глаз; / Раздумье не напоказ»⁴⁹⁸.

Душевной красотой своей возлюбленной восхищается Бертран де Борн: «Вы сердцем справедливы, высоки, /Чисты, любезны, искренни, мягки...»⁴⁹⁹ /Юная, чуждая поз и личин, /Герб королевский в роду.../Нет ни в словах, ни в манерах обмана: /В речи ее нахожу /Тонкость бесед каталонского плана, /Стиль — как у дам из Фанжу»⁵⁰⁰. Его идеал также хранит «куртуазных черт запас»: сладкие речи, «чтоб не знать позора даже в ходе разговора»; щедрость — «дел ее основа»; в ней слиты «блеск поступков с блеском фраз»⁵⁰¹. Об умении своей Дамы вести куртуазную беседу говорит и Гаусельм Файдит: «... встречи сулят /Родить слуху приятный, /Поток полноводный /Слов и музыки, с родной /Той, что утолит /Жажду; чьей речью сыт /Станет мой ум голодный»⁵⁰². Арнаут Даниэль уверен в устоях своей Дамы: ему льстит добрая слава о ней, и чем сложнее будет добиться ее благосклонности, тем слаще станет победа⁵⁰³. Идеальная женщина в глазах

⁴⁹⁰ См.: Жизнеописания трубадуров. С.97, 107, 132, 232; Прекрасная Дама. С.34.

⁴⁹¹ Прекрасная Дама. С.53.

⁴⁹² Жизнеописания трубадуров. С.31.

⁴⁹³ Там же. С.20.

⁴⁹⁴ Там же. С.178.

⁴⁹⁵ Там же. С.180.

⁴⁹⁶ Там же. С.119. Об этом же говорит и Гильем де Сент-Ледьер, характеризуя свою Даму: «Поступает она по закону изысканной чести, / Навсегда ее сердце закрыто для злобы и мести» (Там же. С.143).

⁴⁹⁷ Прекрасная Дама. С.103.

⁴⁹⁸ Там же. С.26, 28-29.

⁴⁹⁹ Там же. С.59.

⁵⁰⁰ Там же. С.64.

⁵⁰¹ Там же. С.92-93.

⁵⁰² Там же. С.107.

⁵⁰³ Жизнеописания трубадуров. С.46. Он говорит об этом так: Ее устои / Тверды и мил каприз, / Вплоть до Савойи / Она — ценнейший приз.

поэтов была средоточием всех совершенств: «Шлю за приветом привет / (Перо омочив в слезах) / Той, пред которой весь свет / И вся красота — лишь прах»⁵⁰⁴. К тому же она окутана покровом тайны: «Нам не дано ее понять: / Ее умом не охватить, / Ее в мечтах не воротить, / Ее желаньем не обнять, / И чтобы ей хвалу воздать / И года может не хватить»⁵⁰⁵.

В романе известного трувера второй половины XII в. Кретьена де Труа «Ивэйн, или Рыцарь со Львом» девушка благодарит Ивэйна за то, что он поддержал ее при дворе, когда она еще не знала всех правил куртуазного поведения: была чересчур скромна, не понимала всех тонкостей придворной жизни, «рта при дворе раскрыть не смела» и стыдилась своих манер⁵⁰⁶. Девушка должна была быть благоразумной и красивой, но при этом не быть высокомерной⁵⁰⁷. В романе миннезингера Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» рыцаря встречает прекраснейшая дама: «Та, что и царственна была, / И, вместе, женственно мила / Сплелись в ее обличье / И нежность и величье...»⁵⁰⁸.

В лирике миннезингеров первенствующую роль в характеристике женщины также играют ее душевные качества: «Красотки ой как часто злы! / Мила не та, кто хороша, / Но те красивы, кто милы, / И красоты куда важней душа: / Пусть женщина добра, чиста / А красота — пустое дело, пустое дело красота!»⁵⁰⁹. Вальтер фон дер Фогельвейде говорит дамам: чтобы заслужить славу и почет, им необходимо соединить в себе красоту с добротой, быть с достойным учтивой, «ни на кого с высока не смотреть», и лишь одного безраздельно любить⁵¹⁰. Гартман фон Ауэ превыше всего ставит верность своей возлюбленной: «Если женщина верна, / И сомнений в этом нет, / Мне нужна она одна»⁵¹¹. Генрих фон Морунген ценит свою любимую также за ее благонравие, гордость, чистоту и веселость⁵¹². Наличие такого качества, как веселый нрав, нетипично для Раннего и начала Зрелого Средневековья и, возможно, было навеяно проповедями Франциска Ассизского о необходимости ощущения радости бытия и явилось как бы антитезой запрету наслаждения жизнью со стороны католической церкви. Бонкомпаньо Болонский (ок. 1170—1240 гг.) в своем любовном письмовнике опровергает еще один стереотип католической церкви — об отсутствии у женщин ума, равного мужскому: «Но понеже прежде иссякнет славословящий, нежели безмерность красоты Вашей, то обращаю я перо свое к величию Вашего разума, каковому не могут в досталь удивиться»⁵¹³. Андрей Капеллан (конец XII в.) отдает предпочтение добронравию как женщин, так и мужчин: «Стало быть, как о мужском поле мы изъяснились, так и о женском полагаем, что не столько красоты подобает в нем искать, сколько добронравия... Добронравие обретает любовь в добронравии: не отвергнет ученый любовник или ученая любовница того, кто видом некрасив, но обилует добрыми нравами. А кто добронравен и разумен, тот не столь легко собьется со стези любви и не причинит солубовнику огорчения»⁵¹⁴. Как нам кажется, в данном случае под «ученостью» подразумевается не образованность (или, по крайней мере, не только она), а следование куртуазным законам и их знание.

Наиболее полно куртуазные черты воплощены в образе Фламенки из одноименного романа: «Столь ласкова она, любезна, / Столь сладостна и столь прелестна / И удержать умеет тех / Дарением благих утех, / Кто обратит к ней слух и взор...

⁵⁰⁴ Жизнеописания трубадуров. С.25.

⁵⁰⁵ Прекрасная Дама. С.21.

⁵⁰⁶ Труа Кретьен де. Ивэйн, или Рыцарь со львом // Средневековый роман и повесть. С.52.

⁵⁰⁷ Там же. С.47.

⁵⁰⁸ Эшенбах Вольфрам фон. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. С.446-447.

⁵⁰⁹ Прекрасная Дама. С.289.

⁵¹⁰ Там же. С.292.

⁵¹¹ Там же. С.284.

⁵¹² Там же. С.245.

⁵¹³ Бонкомпаньо. Колесо Венерино // Жизнеописания трубадуров. С.403.

⁵¹⁴ Капеллан Андрей. О любви // Там же. С.386-387.

/Но каждый получал сполна, /Однако никогда — сверх меры...»⁵¹⁵. В романе говорится также о таком нетрадиционном для Средневековья требовании к женщине, как образованность: «Удел презренный уготован /Тем знатным, кто необразован, /Взять даму: более она /Достойна, коль просвещена»⁵¹⁶. Образованность позволяла женщине подняться на более высокую ступень, открывала перед ней широкие горизонты и означала, что, пусть в идеале, мужчина принимал женщину равной себе по уму. Хотя реально требования скорее были умеренными: женщина должна была быть просвещена лишь настолько, чтобы уметь поддержать беседу с мужчиной, и мужчине с ней было интересно общаться. Но даже это являлось прогрессивным шагом и способствовало росту самосознания женщин.

В понятие куртуазности входило и такое качество, как «юность». В средние века это слово имело многогранное значение: с одной стороны — это «молодость души», способность к самосовершенствованию, что являлось неотъемлемым атрибутом куртуазности, с другой — фактический возраст. По исследованиям многих ученых (в частности, Ю.Л. Бессмертного⁵¹⁷), в XII—XIII вв. каноническое право допускало браки с 12 лет для лиц женского пола, с 14 — для лиц мужского пола. В среднем же брак заключался мужчинами в возрасте 15-21 год, женщинами — от 15 лет. Так, в «Романе о Тристане и Изольде» Кретьена де Труа Изольде в тот момент, когда она встретила Тристана и вскоре вышла замуж за короля Марка, было 14 лет (Тристану было не больше 16 лет, в 12 он уже был хорошим бойцом, а в 15 — его посвятили в рыцари)⁵¹⁸. Таким образом, идеал юности был не только метафорой, но мог отражать реальное состояние вещей. В «Жизнеописаниях трубадуров» есть упоминания о юности жены Джауфре де Тоннэ, возлюбленной трубадура Ричарта де Бербезиля⁵¹⁹, доны Эрменгарды де Кастрас, дамы сердца Раймона де Миравалья⁵²⁰, жены Р. Амьела де Пенн, любимой Раймона Джордана⁵²¹, жены виконта Вентадорнского, герцогини Нормандской (возлюбленной Бернарта Вентадорнского)⁵²², а также в стихотворении Колена Мюзе⁵²³. Так, в романе Вольфрама фон дер Эшенбаха «Парцифаль» одна из героинь, Обилот, влюбилась в рыцаря Гавана, но ей было всего 10 лет, и поэтому Гаван вначале смущен, не принимает ее любовь, ведь «Еще Вам нет /Пятнадцати заветных лет. /И хотя я от любви немею, /Пять лет я права не имею /Ни вам служить, ни вас любить...»⁵²⁴. Но все же позднее он решается внять голосу любви. И, самое примечательное, что родители Обилот воспринимают это совершенно спокойно. Это свидетельствует о традиционности подобных отношений и о реальности ранних, по современным меркам, браков. Таким образом, под куртуазностью дамы понималась целая совокупность черт и качеств приятных для мужчин: ум, просвещенность, умение вести светскую беседу (чтобы с ней не было скучно), в ходе которой каждый в отдельности, но не чрезмерно, чувствовал себя в центре внимания; умение воздавать почести достойным. Ценились также нежность, кротость, доброта, доброжелательность, веселость, радушие, искренность, щедрость, благородство, добронравие, умение держать слово, соответствие слов и поступков. На особом месте стояла юность Дамы. Средневековому поэту больше по нраву была женщина гордая, с чувством собственного достоинства, хотя и не высокомерная без жеманства и кокетства, естественная в поведении. Данное требование сближает куртуазного рыцаря с человеком эпохи Ренессанса, который начал осознавать себя

⁵¹⁵ Фламенка. С.224-225. Также интересны строки: Во взоре столько нежной ласки, / Столь веселы и сладки речи... (Там же. С.21); Высоких доблестей господство, / Ум, красота и благородство, / Манеры ваши, куртуазность /Слов и приемов сообразность... (Там же. С.90).

⁵¹⁶ Там же. С.151.

⁵¹⁷ Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.

⁵¹⁸ Труа Кретьен де. Роман о Тристане и Изольде // Средневековый роман и повесть. С.165.

⁵¹⁹ Жизнеописания трубадуров. С.95.

⁵²⁰ Там же. С.178.

⁵²¹ Там же. С.97.

⁵²² Там же. С.20.

⁵²³ Прекрасная Дама. С.189.

⁵²⁴ Эшенбах Вольфрам фон. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. С.435.

личностью, и возросла ценность индивидуальности. Одновременно высокое положение Дамы возвышало женщину в собственных глазах и мнении окружающих. Идеальная женщина не должна была быть безрассудной, ей надлежало поступать в соответствии с голосом разума, а не чувств, и строго следовать установленным куртуазным обществом правилам. Это подтверждает высказывания большинства медиэвистов о жесткой включенности средневекового человека в какую-либо общность и регламентированности всей его жизни.

Идеальная женщина должна была отличаться не только внутренней, но и внешней красотой. У нее прекрасен весь облик, как у Фламенки: «Лица ее столь свежи краски, /Во взоре столько нежной ласки, /Всех затмевает и бледнит /Всечасный блеск ее ланит, /Горящих весело и живо»⁵²⁵, «И кожа у нее была /Нежна, ухожена, бела...»⁵²⁶. У нее стройный и тонкий стан, как у возлюбленных Гильем де Сент-Ледьера⁵²⁷, Арнаута де Марейля⁵²⁸, Бернарта де Вентодорна⁵²⁹, Бертрана де Борна⁵³⁰: «Пусть еще мне будет дан /Мьель-де-бен прелестный стан, /Обнажить хотят который /Руки более, чем взоры...»⁵³¹.

У Прекрасной Дамы обычно светлые волосы (золотистые или, в крайнем случае, рыжие): «Власы ее лучей светлей...»⁵³². Парцифаль мечтает о златовласой Лиасе⁵³³, возлюбленная Арнаута де Марейля также «рыжеволоса, пригожа»⁵³⁴. Ивэйн также влюблен в золотоволосую красавицу⁵³⁵, Гильен де Даржьес в восхищении от волос своей возлюбленной: «Ее власы, хмелея, /За злато примет взор»⁵³⁶. Гильем, возлюбленный Фламенки, в первую очередь обращает внимание на красоту ее волос: «Горели волосы светло, /Поскольку в этот миг взошло /Любезно солнце и по даме /Скользнуло беглыми лучам»⁵³⁷. В большинстве случаев у Прекрасной Дамы голубые или зеленые глаза. Ги де Куси пленил взгляд подобных глаз: «Взор голубых очей, что вдаль летел, — /Меня пленили — сдаться не успел»⁵³⁸. Адам де ла Аль тоже влюблен в синеглазую красавицу⁵³⁹. Другого неизвестного поэта прельщает зелень глаз его дамы⁵⁴⁰. У жены Тристана, Изольды Белорукой, «глаза черны и веселы»⁵⁴¹, однако, хотя он и женат на ней, но истинную любовь он испытывает к другой Изольде — Белокурой, которая и является эталоном прекрасной дамы. Любопытно отметить, что и в наше время большинство мужчин привлекают в первую очередь блондинки. Чем объяснить подобный феномен не вполне ясно, но, возможно, справедливо предположение, что генотип большинства европейских наций включает в свою характеристику светлые волосы и светлые глаза. Кроме того, можно допустить действие архетипа «свет — тьма», и потому золотистые волосы были издавна у многих европейских народов символом возвышенности и чистоты, даже — божественности, а темные — греховности и присутствия темных сил.

Идеальная женщина должна была сохранять «благородную бледность» и в то же время — иметь здоровый румянец на щеках. Дама Бертрана де Борна имела «свежий,

⁵²⁵ Фламенка. С.21.

⁵²⁶ Там же. С.80.

⁵²⁷ Жизнеописания трубадуров. С.143.

⁵²⁸ Там же. С.28-29.

⁵²⁹ Прекрасная Дама. С.47.

⁵³⁰ Жизнеописания трубадуров. С.64-54.

⁵³¹ Прекрасная Дама. С.93.

⁵³² Французская средневековая лирика. М., 1990. С.15.

⁵³³ Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. С.346-347.

⁵³⁴ Прекрасная Дама. С.103.

⁵³⁵ Кретьен де Труа. Ивэйн, или Рыцарь со львом // Средневековый роман и повесть. С.63.

⁵³⁶ Прекрасная Дама. С.169.

⁵³⁷ Фламенка. С.80.

⁵³⁸ Песни трубадуров М., 1984. С.217.

⁵³⁹ Прекрасная Дама. С.193.

⁵⁴⁰ Французская средневековая лирика. С.114-115.

⁵⁴¹ Кретьен де Труа. Ивэйн, или Рыцарь со львом // Средневековый роман и повесть. С.205.

яркий цвет ланит», нежный взгляд, белые «атласные» руки⁵⁴². Изольда тоже была очень красива, «ее шея нежна и бела..., брови круты и тонки», «лицо нежно и ясно»⁵⁴³. В восхищение приводит поэтов белизна и красота, тонкость шеи, рук, упругость груди, нежность ланит: «Расса, высшего в ней чекана /Все: свежа, молода, румяна, /Белокожа, уста — как рана, /Руки круглы, грудь без изъяна, /Как у кролика выгиб стана»⁵⁴⁴. Ивэйн любит красоту и нежностью ланит и персий своей возлюбленной, кожа которой прозрачнее хрусталя⁵⁴⁵. Вольфрам фон Эшенбах с нежностью описывает спящую герцогиню: «Пылают знойные ланиты, /Уста ее полуоткрыты... /Сползло соболье покрывало /И перси чуть приоткрывало»⁵⁴⁶. Неизвестные поэты тоже очень романтично представляют своих возлюбленных, которые «белее всех лилей»⁵⁴⁷, влекут к себе совершенной красотой, все в них прекрасно и даже: «Длинна, бела, дородна шея /Костей нет тоньше, черт нежнее...»⁵⁴⁸. У Николетты были светлые кудри, живые, веселые глаза, тонкое лицо, прямой красивый нос, «алые губки, подобные вишне или розе в летнюю пору... Упругие маленькие груди приподнимали ее одежду, как два волошских орешка. Стан был строен, и обнять его можно было двумя ладонями, маргаритки, кланявшиеся ее стопам, когда она проходила мимо, казались темными по сравнению с ее ногами — так она была белоснежна»⁵⁴⁹.

Особое место в описании Дамы занимает восхваление ее зубов: «Зубы — подобие маленьких льдин /Блещут в смеющемся рту...»⁵⁵⁰, «Зубки дивной белизны /Как из жемчужин созданы»⁵⁵¹. Подобные описания встречаются у Генриха фон Морунгена⁵⁵², и в романе Кретьена де Труа «Окассен и Николетта»⁵⁵³. Но особый трепет у поэтов вызывает вид нежных алых губ возлюбленной, которые влекут к себе и сулят незабываемое наслаждение. Гимн устам любимой поет Крафт фон Тоггенбург: «Рощицы, лужайки и стрижи, /Солнце мая в синеве атласной /Меркнут рядом с розой госпожи, /Рядом с розой губ моей Прекрасной... /Цветущий ароматный рот, /Бокал с росой, напиток слаще нету. /Пребывал в блаженстве только тот, /Кто сумел сорвать удачно розу эту...»⁵⁵⁴. Губы возлюбленной часто сравниваются с алой розой (Адам де ла Аль⁵⁵⁵, Колен Мюзе⁵⁵⁶). И в целом можно прийти к такому заключению: влюбленного рыцаря — поэта приводила в восхищение каждая милая «мелочь» во внешности своей возлюбленной, каждая черточка имела свой смысл, была предвестником будущих усад, ибо женщина казалась загадочным, удивительным и прекрасным существом, она вся — запретный плод и потому соткана из совершенств и особенно притягательна: «Клянусь, особый аппетит /Пухлые губы ее вызывали, /Что мяли, пылали, зазывали...»⁵⁵⁷.

Бонкомпаньо показывает вариант очень романтического письма, которое позволит завоевать благосклонность дамы. Этот образец можно считать как бы обобщающим описание облика Прекрасной Дамы: «Кудри Ваши, подобно золоту витому, над ушами прекраснейшего цвета дивно повисали. Лоб Ваш был возвышен, а брови как два свода, перлами сияющие, и очи блистали, словно звезды пресветлые, а от блеска их и прочие члены лучами исходили. Ноздри прямые, губы полны и алы представали пред зубами,

⁵⁴² Прекрасная Дама. С.92-93.

⁵⁴³ Кретьен де Труа. Роман о Тристане и Изольде // Средневековый роман и повесть. С.205.

⁵⁴⁴ Жизнеописания трубадуров. С.54.

⁵⁴⁵ Кретьен де Труа. Ивэйн, или Рыцарь со львом // Средневековый роман и повесть. С.63.

⁵⁴⁶ Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. С.323.

⁵⁴⁷ Французская средневековая лирика. С.114-115.

⁵⁴⁸ Там же. С.122. Подобные упоминания также есть у Гесса фон Рейнаха и у Готье де Даржьеса // Прекрасная Дама. С.327, 169.

⁵⁴⁹ Кретьен де Труа. Окассен и Николетта // Средневековый роман и повесть. С.239.

⁵⁵⁰ Жизнеописания трубадуров. С.64.

⁵⁵¹ Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. С.323.

⁵⁵² Прекрасная Дама. С.245.

⁵⁵³ Кретьен де Труа. Окассен и Николетта // Средневековый роман и повесть. С.239.

⁵⁵⁴ Прекрасная Дама. С.324.

⁵⁵⁵ Там же. С.193.

⁵⁵⁶ Там же. С.189.

⁵⁵⁷ Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. С.447-448.

слоновой кости подобными, а шея округлая и горло чистейшее прямизною усугубляли красоту свою... Грудь над станом возвышалась как райский вертоград, в нем еж было два плода, словно купы роз, сладчайший аромат распространяющие. Плечи утверждались, как золотое предвершие, а предплечья от них исходили, как ветви кедровые, самую природою произращенные; руки длинные, пальцы тонкие, суставы тонкие и ногти, словно кристалл блистающий, довершением были красоты Вашего облика»⁵⁵⁸.

Воссоздание внешнего облика идеальной женщины было бы неполным без описания одежды и прически. Прежде всего необходимо отметить сходство в одежде мужчин и женщин: женская одежда отличалась лишь длиной и декором. Уже в X — XIII вв. начинает появляться одежда облегающих форм. Чтобы подчеркнуть фигуру, появляется узкий короткий жилет, который поддерживал грудь и играл большую декоративную роль: его отделывали по краям галуном, вышивкой⁵⁵⁹. Пояс, украшенный металлическими пластинками, располагался на бедрах, его концы свисали спереди до низа. Женщины, как и мужчины, носили блио, только длиной до пола. Блио напоминает современное платье с заниженной линией талии. Верхняя часть прилегала по линии плеч, груди, талии, у бедер блио расширялось. Нижняя часть состояла из двух сшитых полукружий (прообраз современного волана). Рукава блио были узкими, боковые овальные разрезы шнуровались лентами для облегания груди и талии. Верхней одеждой служил плащ-мантя на меховой (горностае, бобер) или тканевой подкладке. Покрывала, распространенные в одежде ранних веков как головные уборы, исчезают. Женщины начинают ходить с распущенными волосами или косами, перевитыми парчовыми лентами, обручи, венки с повязкой под подбородком (как было показано ранее, поэты имели возможность любоваться прекрасными локонами своих возлюбленных). В романе «Ивэйн, или Рыцарь со львом» Кретьена де Труа так описывается праздничный наряд: «Одета дама, как царица, /Нарядов не сыскать пышней. /Сегодня мантия на ней, /Мех драгоценный горностае, /Венец, рубинами блистая, /Красуется на белом лбу»⁵⁶⁰.

К XIII в. на смену блио пришел котт (более приближен к современному платью), поверх которого носилось сюрко⁵⁶¹. Под котт надевали рубашку, которую зачастую украшали вышивкой, она была видна из под ворота котт. Чтобы оттенить белизну лица, рубашку окрашивали слабым настоем шафрана, получался кремовый оттенок. Между рубашкой и котт в холодное зимнее время женщины надевали узкую безрукавку на меху. На груди и на боках котт делали разрезы, которые соединяли шнуровкой, сквозь нее виднелась рубашка. В XII в. во Франции котт часто делали прямого покроя с поясом несколько выше талии. Ширина котт увеличивалась внизу вставками, начинающимися выше талии. Котт мог иметь несколько пар рукавов различных цветов, эти рукава соединялись шнуровкой с проймами или их прикрепляли булавками. Зачастую дамы дарили один из этих рукавов своим избранникам как символ симпатии и талисман на память. Для изготовления одежды использовали дорогостоящие, сочных цветов ткани: «Бархат из Тралалита, /Из Табронита кружева /Достали ради торжества! /Кавказским золотом прекрасным, /С отливом дивным, темно-красным, /Редчайшая парча /Горит, как пламень горяча... /Когда портные платье сшили, /Князь с княгиней решили /Не пришивать один рукав, /Чтоб рыцарю его отдав, /Снабдить героя талисманом...»⁵⁶². Сюрко было обычно прямого покроя, сшитое по бокам, с глубокими проймами, имело иную длину рукавов, но могло быть и без рукавов. Колен Мюзе так описывает наряд своей любимой: «Золотом парча искрится /От искусной мастерицы, /Плащ поверх сюрко струится, /Ноги в пляс зовет пуститься. / Чепец златой на ней надет, /С блеском золота лучится /Сапфиров и рубинов свет... /Испещрен златым узором /Поясок на ней шелковый, /Стан дарит, сияя, взорам /Отблеск синий и пунцовый»⁵⁶³. Таким образом, в феодальной среде

⁵⁵⁸ Бонкомпаньо. Колесо Венерино // Жизнеописания трубадуров. С.403.

⁵⁵⁹ Каминская Н.М. История костюма. М., 1986. С.37.

⁵⁶⁰ Кретьен де Труа. Ивэйн, или Рыцарь со львом // Средневековый роман и повесть. С.83.

⁵⁶¹ Мерцалова М.Н. Костюмы разных времен и народов. Т.1. М., 1993. С.192.

⁵⁶² Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. С.437.

⁵⁶³ Прекрасная Дама. С.189-190.

отчетливо проявлялось внимание к одежде, желание выглядеть красиво, была заметна тенденция выражать настроение или влиять на него при помощи костюма, ткани, красок. Одежда была яркая, из разнообразных тканей, не скрывала достоинств фигуры.

В целом можно сказать, что в представлении средневековых рыцарей-поэтов идеальная куртуазная женщина сочетала в себе внутреннюю и физическую красоту. У нее нежная, белая кожа, здоровый румянец, тонкие брови, светлые волосы, алые губы и белоснежные зубы, тонкие черты лица. Она обладает стройной фигурой и красиво, со вкусом одета. Во многом подобные каноны красоты сохранились и в наши дни, лишь «благородная бледность» сменилась здоровым загаром. Однако посмотрим на вышеизложенное под другим углом зрения: со страниц средневековых романов предстает ухоженная и изнеженная красавица, с белыми нежными руками (а, следовательно, не занимающаяся физической работой), умеющая вести куртуазные беседы с мужчинами, достаточно образованная для того, чтобы поддерживать разговор, то есть женщина, совершенно отстраненная от реальной жизни, созданная только для того, чтобы дарить мужчине наслаждение (физическое или духовное), жизнь которой состоит из сплошных светских раутов и любовных игр. Женщина помещается средневековыми поэтами на пьедестал любви, остальное же и самое главное, по их мнению, — власть, войны, управление экономической жизнью — она должна предоставить мужчинам.

Помимо этого, можно отметить следующее: плотские желания занимают значительное место в куртуазной литературе. Это можно считать свидетельством того, происходило смещение ценностей «с небес на землю»: телесное уже не представлялось столь греховным, как утверждала католическая церковь. Подобное мироощущение взрывало всю концепцию христианского аскетизма, да и вообще ослабляло религиозное мировоззрение. Мир менялся... Служение Даме и любовь к ней становились смыслом жизни. Без этого земное существование становилось бессмысленным. Недаром в куртуазной поэзии очень сильны мотивы стремления к смерти. От ответа Дамы могло зависеть, будет ли жить поэт. Ведь даже песня без любви мертва: «Умру, умру, ей постылый /Увы и ах! /Как жить отвергнутым милой, /В таких скорбях? Даже песня мертва без любви: /Коль хочешь, чтобы песнь была жива, /Любовь, усладам нежным дай права, /Иначе не найду для песни слова, /Все знают — без награды песнь мертва»⁵⁶⁴. Подобные высказывания встречаются и Арнаута Даниеля, и Блонделя де Неля, и Адама де ла Аля, Шардона де Круазилия, Генриха фон Морунгена, Серкамона⁵⁶⁵. Как считают некоторые исследователи, такие настроения отражают инстинкт тоски по смерти. Ибо жизнь на грани жизни и смерти приобретает особую привлекательность. Как говорит американский историк Д. Аккерман, «выпущенные на волю страдания и муки, желание умереть или ослепнуть от взгляда возлюбленной — подобные импульсы играли на руку смерти, придавая ей соблазнительность»⁵⁶⁶. Возможно, это действительно так, но несомненно: в центре куртуазной поэзии стояла разделенная любовь, хотя и ограниченная некоторыми правилами. Заметим, что потребности во взаимном чувстве реализовывались за рамками церковного брака.

Изученные источники вновь утвердили нас в правоте суждений о многомерности социальной действительности. Так, в средние века зачастую мирно сосуществовали два достаточно противоречивых культурно-исторических типа отношений: церковный и куртуазный. Конечно, куртуазный стиль отношений поначалу существовал как тенденция, действовавшая преимущественно в «мире воображения». Тем не менее, куртуазная культура, оставаясь во многом лишь салонной игрой, с правилами, признанными мужчинами в силу того, что в реальной действительности их диктату ничто не угрожало, играла немаловажную роль. Культ Дамы вливался в процесс высвобождения личности и

⁵⁶⁴ Песни труверов. С.248.

⁵⁶⁵ Жизнеописания трубадуров. С.473; Прекрасная Дама. С.152, 192, 249, 32; Песни труверов. С.236.

⁵⁶⁶ Аккерман Д. Любовь в истории. М., 1995. С.59.

роста самосознания индивида, смыкался с переосмыслением ценностных ориентаций, способствовавших одухотворению земных (а не только загробных) радостей. В целом же, культ Дамы воспитывал чувства, заставлял женщину дорожить честью, сдерживал чувственность, требовал от мужчины уважения к ее личности. Еще резче изменялся при соблюдении куртуазного ритуала кодекс мужского поведения. Вместо примитивного завоевания женщины мужчине предписывалось самоотверженное выполнение ее желаний, умение быть «вежественным», забота о развлечении Дамы и — что особенно важно — душевное самосовершенствование. В результате всего этого вызревали новые представления об идеальном облике мужчины и женщины и их взаимоотношениях. Половая страсть не сводилась к телесной. Половое влечение наполнялось более сложным психологическим содержанием, его обязательным моментом становилось признание душевных достоинств партнеров. Каждый из них побуждался к самосовершенствованию ради другого. Возникло то, что мы привыкли называть любовью в собственном смысле этого слова.

**КРИСТИНА ПИЗАНСКАЯ И ЕЕ
«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕНЩИН»**

Кристина Пизанская (1364—1430) относится к числу немногих женщин — «дочерей образованных отцов», писавших от лица женщин и в защиту прав женщин в средние века, была поэтом, писательницей и историком при дворе короля Франции Карла VI. Ее считают «первой профессиональной писательницей Франции, первой женщиной, которая зарабатывала на жизнь своим профессиональным — писательским — трудом»⁵⁶⁷.

Кристина Пизанская родилась в 1365 г. в Венеции, но вместе с отцом семья переехала в Париж: ее отец Томмазо де Бенвенуто да Пизано⁵⁶⁸ был приглашен ко двору короля Франции Карла V и получил должность королевского астролога⁵⁶⁹, советника и врача. Семья поселилась в Лувре, в возрасте пяти лет девочка была представлена королю, который обещал позаботиться о ее хорошем образовании и месте при дворе, подобно другим «demoiselle» благородных семейств. Из книг самой Кристины — поэтических и написанных в прозе⁵⁷⁰ — известно, что прежде всего благодаря отцу, который не разделял общественного мнения, что женщины от образования становятся хуже, она получила хорошее образование. Под его руководством девочка в 14 лет познакомилась с произведениями классических авторов Рима, писала стихи по-французски. Мать Кристины была против такого воспитания, считая учение совершенно ненужным занятием для будущей жены и матери⁵⁷¹. Любовь к учению сохранилась на протяжении всей ее жизни, о чем Кристина позже упоминала почти во всех своих книгах⁵⁷². Когда Кристине исполнилось 15 лет, отец организовал ее брак со знатным придворным, нотариусом и ученым. Большинство женщин того времени не выходили замуж до достижения 20-летнего возраста, замужество Кристины в таком раннем возрасте свидетельствовало о ее высоком социальном положении. Ее муж Этьен де Гастэль — дворянин из Пикардии — был просвещенным человеком для своего времени, умным и добрым. По случаю свадьбы король подарил ему должность королевского секретаря. Брак был очень счастливым. Позже Кристина описывала в своих сочинениях мужа не только как мудрого, учтвого и образованного мужчину, но — что было очень важно для нее — и как верного, любящего, внимательного, который в течение их брака не препятствовал ее научным занятиям и чтению, поощрял ее литературные занятия. У них росли два сына и дочь. В 1389 г. Этьен, сопровождая нового короля Карла VI в Бовэ, неожиданно умирает (ему было 34 года). В 25 лет Кристина осталась вдовой с тремя детьми, матерью и маленькими братьями на руках. Кристина писала: «Моим счастливым дням пришел конец». Она стала мечтать о смерти, хотела покончить с собой, но вдруг Фортуна явилась и обратила ее в мужчину. «И я стала мужчиной» ... Когда Кристина идентифицирует себя с мужчиной, она имеет в виду, что судебные тяжбы и борьба за наследство вынуждали демонстрировать настойчивость, упорство, самостоятельность. Она обнаружила в себе силы и способность заботиться о себе, своей семье и состоянии; в общественном сознании того времени такое поведение воспринималось как «мужское». В одном из своих сочинений она упрекает себя за то, что мало училась, пока живы были

⁵⁶⁷ Butler P. Woman. Vol.V. 1910. Ch. XI. P.346.

⁵⁶⁸ **Отец Кристины в юности был студентом Болонского университета. В северной части Италии, где зародились идеи гуманизма, прошла часть его жизни.**

⁵⁶⁹ Без астрологических прогнозов благородные люди в XIV в. ничего не предпринимали.

⁵⁷⁰ См. список ее работ: Warner M. Introduction // Pizan C. de. The Book of the City of Ladies. New York. 1982. P.XXII-XXIV.

⁵⁷¹ Об этом пишет сама Кристина в одной из глав своей книги о городе женском: Pizan C. de. Op.cit. P.153.

⁵⁷² Bell S. G. Christine de Pizan (1364—1430): Humanism and the Problem of a Studious Woman // Feminist Studies 3 (Spring-Summer 1976). P.175. В духе идей Бруни, Эразма и других мужчин-гуманистов той эпохи она писала, что знание и образование должны привести к добродетели и Богу.

муж и отец, жалуется и на то, что обязанности замужней дамы (жены и матери) также не позволяли учиться⁵⁷³.

Вопреки обычаю, который обязывал знатных дам срочно найти нового мужа, она предпочла содержать свою семью с помощью писательского труда. Конечно, она подвергалась нападкам, насмешкам, ибо «пересекла границу между частной и общественной жизнью, которая была очень четкой для женщин нарождающегося среднего класса и дворянского сословия»⁵⁷⁴. Кристина нашла себе покровителя в лице брата короля графа Бургундского. Она переписывала книги, делала к ним иллюстрации, занималась нотариальной работой, а также создавала себе репутацию как писательница. Спросом пользовались ее поэмы в честь королевских и знатных особ (за поднесенные сочинения принято было платить). Став профессиональной писательницей, она стала получать заказы, в том числе заказ написать биографию короля Карла V.

То, что она написала, поражает количеством и разнообразием жанров: среди ее сочинений — лирическая поэзия⁵⁷⁵, парафразы латинских авторов (очень авторитетных в средние века трудов Сенеки, Плутарха, Валерия Максимуса), морализаторские наставления, литературная критика, инструкции для рыцарей и инструкции для дам, ведущих хозяйство (как управлять поместьем). Она написала серию трактатов по важным общественным проблемам того времени: о вреде раскола в церкви и междоусобных раздоров во Франции, о реформах в армии, о гражданской войне, об образовании принцев, о политической экономии (*Le Livre de Police*)⁵⁷⁶. Кристина познакомила французское общество с сочинениями Данте, Петрарки, Бокаччо. И все это до изобретения печатного станка. Она также занималась популяризацией философских, астрономических и медицинских знаний, историческими исследованиями. К мнению Кристины прислушивались, она пользовалась огромным авторитетом в обществе, многие ее сочинения копировались для аристократии (особенно написанные в честь королевских особ), тем более что в моду вошли домашние библиотеки, для которых специально собирались книги.

К 1400 г. финансовые дела писательницы и ученого Кристины де Пизан были в порядке, братья выросли и возвратились в Италию. Ее дочь стала монахиней в одном из самых престижных монастырей, куда можно было попасть только по рекомендации королевского двора, а оставшийся в живых сын стал жить в семье графа в Англии⁵⁷⁷. Сама Кристина получила приглашение жить при дворе в Англии, но отказалась от этой чести. Кристина покинула Париж и провела 11 лет в монастыре, где уже была ее дочь. У нее появилось больше времени для литературного творчества, чтения по истории, философии, мифологии, писаний отцов церкви. Она считала себя счастливой, так бог наделил ее даром «любви к учению».

Две основных темы явно доминировали в литературном творчестве Кристины де Пизан: пылкий патриотизм к ее приемной родине — Франции и защита женщин (вера в то, что женщины не ниже мужчин просто потому, что они женщины). Незадолго до смерти Кристина де Пизан узнала о Жанне Д'Арк и опубликовала поэму в ее честь — в честь

⁵⁷³ Pizan C. de. *Christine's Vision*. New York. 1993. P.118.

⁵⁷⁴ Kelly J. *Early Feminist Theory and the Querelle des Femmes // Women, History, and Theory*. The Univ. of Chicago Press. 1986. P.70.

⁵⁷⁵ О лирической поэзии Кристины Пизанской упоминает Й.Хёйзинга в книге "Осень средневековья": «С той же непринужденностью, как и прочие ее современники, она писала стихи, очень мало различавшиеся по форме и содержанию, ровные и несколько одноцветные, сдержанные и спокойные, с налетом легкой душевной грусти. Это чисто литературные стихи, вполне куртуазные по тону и по идее... Там же, где у Кристины мягкая куртуазность сочетается с напевностью народной мелодии, возникают порою вещи, исполненные чистоты и свежести» (Хёйзинга Й. *Осень средневековья*. М., 1988. С.333).

⁵⁷⁶ Op. cit. P.354.

⁵⁷⁷ См.: Bell S. G. *Christine de Pizan (1364—1430): Humanism and the Problem of a Studious Woman // Feminist Studies* 3 (Spring-Summer 1976). P.183. В некоторых исследованиях о К. де Пизан упоминаются два ее сына, которые, став взрослыми, вернулись в Италию «в поисках лучших условий для их мирных талантов» (Butler P. Op. cit. P.358).

«девушки, прославившей наш пол!»⁵⁷⁸. Вынужденная зарабатывать на жизнь своим трудом и конкурировать с мужчинами, Кристина не забывала, что она женщина. Кристина уникальна тем, что адресовала свои произведения женщинам и писала о несправедливом отношении мужчин к женщинам как социальной группе. Фактически Кристина де Пизан была одной из первых феминисток (до)современной эпохи, ибо ее произведения, ее идеи об отношениях полов внесли большой вклад в развитие феминистского сознания людей последующего времени.

Как отмечали соредакторы антологии французского феминизма Э. Маркс и И. де Куртиврон, «феминизм обязан своему существованию универсальному женоненавистничеству, женофобии и андроцентризму»⁵⁷⁹. Эпохе Средневековья присущи споры о том, является женщина совершенством или злом, а также о статусе женщин по отношению к статусу мужчин. Уже до Кристины Пизанской существовало несколько жанров литературы о любви, браке и женщинах. Традиция женских романов была скорее «проженская», однако существовали еще и церковная и светская буржуазная традиции, которые однозначно развивались в русле женоненавистничества.

К 1400 г. национальная светская литература Англии и Франции, провозглашавшая «рыцарские» традиции, уступила место фавлю и стихам, в которых резко критиковалась аристократия, духовенство, женщины, любовь и институт брака. Огромную роль в складывании антифеминистского дискурса эпохи Средневековья сыграли многочисленные в то время женоненавистнические трактаты с обвинениями женщин в природных дефектах, из-за которых они находятся ниже по развитию человеческих качеств по сравнению с мужчинами, а следовательно, должны занимать подчиненное по отношению к ним положение в обществе.

Спор разгорелся вокруг написанного Гийомом де Лорри в 1237 и продолженного Жаном де Мёном в 1275 г. популярного «Романа о розе», переведенного на многие европейские языки. В «Романе о розе» собрано огромное количество направленных против женщин высказываний античных и современных авторов-мужчин. Самые жаркие дебаты развернулись вокруг написанной Ж. де Мёном более поздней второй части романа, в которой женщины высмеивались за легкомыслие, хитрость, тщеславность и т.д. Это произведение — одновременно пример средневековой мизогинии и зарождения «спора о женщинах» (*querelle des femmes*), который в течение нескольких веков состоял из текстов, написанных отцами церкви, юристами, либо защищавшими, либо осуждавшими природу женщин и любовь.

Несколько лет спустя в спор осмелилась вступить Кристина Пизанская. По этому поводу Й.Хёйзинга пишет: «Эта отважная защитница прав женщин и женской чести обращается к богу любви с поэтическим посланием, заключающим жалобу женщин на обман и обиды со стороны мужчин. Она с негодованием отвергла учение "Романе о розе". Кое-кто встал на ее сторону, однако творение Жана де Мёна всегда имело множество страстных почитателей и защитников. Разгорелась литературная борьба...»⁵⁸⁰.

В 1399 и в 1402 г. Кристина Пизанская в ответ на мизогинистские тексты современных ей авторов издает ряд критических поэм, направленных против женоненавистничества. Она считала, что, несмотря на общепринятые формы выражения любви к женщине, вся эротическая культура остается сферой эгоизма мужчин. В «Романе о розе» де Мёна постоянно повторяются обидные высказывания по поводу брака и женских слабостей. Кристина считает, что это не просто слова, но злая атака, указывающая на патологию самих авторов, на попытку защитить мужское себялюбие⁵⁸¹. В

⁵⁷⁸ Цит по: *Butler P. Op. cit. P. 358.* Поэма о Жанне Д'Арк — последнее известное произведение, написанное после одиннадцати лет молчания. См.: *Pizan C. de. The Book of the City of Ladies. P.xxiv.*

⁵⁷⁹ *Marks E., de Courtivron I. New French Feminism. An Anthology. New York, 1996. P.4.*

⁵⁸⁰ *Хёйзинга Й. Осень средневековья. М., 1988. С.125.*

⁵⁸¹ См.: *Rubin M. The Language of Late-medieval Feminism // T.Akeerman & S.Stuurman (ed.). Perspective on Feminist Political Thought in European History: From the Middle Ages to the Present. London & New York, 1998. P.43.*

одной из первых своих поэм — «*Epistle to the god of love*» (*Epistre au Dieu d'Amours*) — она использует литературный прием «жалобы женщин» различных социальных сословий богу Купидону на клеветников-мужчин, особенно на Овидия и де Мёна⁵⁸². В ответ на упреки со стороны авторов-мужчин она отвечает, что «не женщинами писаны были все эти книги»⁵⁸³.

Полемическая переписка с некоторыми из известных тогда мужчин-гуманистов создала Кристине Пизанской репутацию защитницы женского пола и положила начало литературным дебатам об общественном положении женщин, известным под общим названием «спор о женщинах» (*querelle des femmes*)⁵⁸⁴. Спор о женщинах, начавшийся в XIV в., не был инициирован Кристиной, но она, возможно, была первой женщиной, которая решилась публично ответить на нападки мизогинистов.

В этом споре феминисты и антифеминисты того времени черпали свои аргументы из примеров (*exempla*) прошлого. Антифеминистские авторы составляли списки женщин с отрицательными характеристиками, феминистские авторы стремились обратить внимание читателей на героических женщин, их исторические достижения. Знаменитый гуманист эпохи Ренессанса Джованни Боккаччо составил жизнеописания 104 женщин эпохи античности — это был первый список известных женщин. Возможно, его книга «О знаменитых женщинах» была первым произведением итальянского гуманизма, посвященным проблеме улучшения состояния женского ума⁵⁸⁵. Кристина Пизанская знала список Боккаччо и использовала в своем творчестве, часто интерпретируя известные сюжеты мифов и легенд в пользу женщин.

Вдохновляющим манифестом в защиту женщин стала написанная Кристиной Пизанской в 1405 г. «Книга о граде женском». По мнению историка Герды Лернер, это был «первый вклад в создание истории женщин».

В этой работе Кристина использует литературный прием *visionary*. Хорошо зная литературу, она обращает внимание на то, как негативно представлены женщины в книгах авторов-мужчин. Ее книга начинается с размышлений, почему огромное количество пишущих мужчин как будто повторяют друг друга, рассуждая о женщинах. Кристина думает обо всех известных ей женщинах и понимает, что большинство из них очень достойные люди. Но разве возможно, что так много авторов ошибаются? «Боюсь, что нет», — решает она и погружается в «болото отчаяния». Вот тут перед ней предстают три женщины-музы: «Разумность», «Праведность» и «Справедливость» (*Reason, Righteousness, Justice*) являются перед ней и объясняют, что не недостатки женщин привели к нападкам на них, а злонамеренность мужчин, их зависть и жадность. Призраки рассказали ей, что женщины, как и мужчины, могут быть и злыми, и добродетельными. Кристина спрашивает, правда ли, что женщины не способны к учению, что их удел — это только рожать детей и шить, как утверждают мужчины. Конечно, нет, отвечает Разумность; если бы родители посылали дочерей учиться в школе, женщины развивали бы свои таланты и интеллектуальные способности; история знает знаменитых ученых-женщин⁵⁸⁶. Тогда почему эти женщины не опровергли весь этот мужской вздор? Праведность отвечает ей, что как раз эту задачу и должна выполнить Кристина. Они объяснили ей, что она должна не просто написать книгу, она должна «построить город» — убежище для женщин, в котором будут жить только знаменитые и достойные почитания женщины⁵⁸⁷. Этот город защитит хороших женщин всех времен и станет им домом. У мужчин есть свои города, у Бога есть свой град, как поведал св. Августин. Теперь очередь женщин. Таким образом, книга о том, как с помощью трех божественных руководительниц Кристина строит город для женщин. Она задумала написать универсальную историю женщин и их достижений, поэтому включила в нее женщин

⁵⁸² См.: Warner M. Introduction // Pizan C. de. Op.cit. P.xxii.

⁵⁸³ Op.cit. P.xxxii.

⁵⁸⁴ Lerner G. The Creation of Feminist Consciousness. Oxford Univ. Press, 1993. P.144-145.

⁵⁸⁵ Boccaccio J. Concerning Famous Women. New Brunswick, 1963.

⁵⁸⁶ Pizan C. de. The Book of City of Ladies. P.63.

⁵⁸⁷ Ibid. P.11.

античности, христианской эры и своих современниц. В отличие от известного ей списка знаменитых женщин Боккаччо (его целью было показать, что в истории античности были знаменитые женщины, достойные подражания), она подходит к отбору имен с женоцентричной точки зрения. Она не только исключает из списка Боккаччо всех вредных и злых женщин, но и интерпретирует истории о женщинах с плохой исторической репутацией таким образом, что представляет их в положительном свете (например, рассказы о Медее и Сапронии)⁵⁸⁸.

Книга делится на три части, каждая из трех муз по очереди помогают Кристине. В первой части Кристина «закладывает фундамент» и одновременно слушает рассказ об активных в прошлом женщинах, которые возглавляли армии и правили государствами. Во второй части она строит дом для послушных женщин, которые охраняли свое целомудрие, прославили своих родителей, любили своих мужей и следовали своим обязанностям жен; они жили в праведности. Кристина не порочит институт брака⁵⁸⁹, не корит замужних женщин за то, что они не сохранили девственность. Зато пишет о таких современных для нас проблемах, как насилие в браке. Некоторые аргументы Кристины звучат абсолютно необычно для ее времени и явно вытекают из ее «феминизма»: например, она утверждает, что женщины вовсе не испытывают удовольствия от избиений и изнасилований и что в интересах мужчин верить в этот бред⁵⁹⁰. В третьей части книги Кристина заканчивает строительство башен и крыш и слушает истории о женщинах, которые пожертвовали своей жизнью за веру. Кристина пытается ответить на каждое общеизвестное предубеждение против женщин. Так, мужчины обвиняют женщин в неспособности управлять государством, Кристина опровергает это, приводя длинный список примеров (*exempla*) мудрых и успешных правительниц. Она отвечает на обвинение в интеллектуальной несостоятельности женщин длинным списком женщин, прославивших себя в науке, поэзии, философии. Она легко смешивает исторические имена с аллегорическими и мифологическими персонами. Когда город был «построен» (а книга подошла к концу), Царица Небесная стала первой его жительницей и поселилась в нем в сопровождении большого числа женщин-святых.

Разумность уверяет Кристину, что этот город никогда не разрушится и будет защитой женщинам против нападков мужчин. В конце Кристина, обращаясь к женщинам, говорит, что она посвящает его «женщинам прошлого, настоящего и будущего», что этот город — их убежище от врагов их пола, но одновременно она призывает женщин не загордиться: чем благороднее женщины, тем они мягче и добрее должны быть. Кристина проявляет заботу не только о знатных женщинах: «все женщины — высокородные, буржуазного сословия или низших классов — должны быть хорошо информированы во всех делах и защищать свою честь и достоинство от врагов»⁵⁹¹.

Подвергая критике культурные традиции гендерных отношений и «строая» женщинам убежище, где они могли бы укрыться от врагов и обидчиков, К. Пизанская создает идеологию, объединившую женщин в последующих столетиях⁵⁹². Историк Герда Лернер, комментируя вклад Кристины Пизанской в поиски женской истории, отмечает, что она не только «предприняла попытку дать отпор мизогинистским писаниям с помощью исторических свидетельств, но настаивала на том, что патриархальные обобщения и предписания (*dicta*) должны быть переоценены и проверены с точки зрения женского опыта, прошлого и настоящего; что женщины должны обращаться за защитой к другим

⁵⁸⁸ *Ibid.* P.189-90; 86.

⁵⁸⁹ "Doulce chose est que mariage, ["Супружество таит улады,
Je le puis bien par moy prouver..." От них вкусила я сама..."]

Цит. по: *Й.Хёйзинга*. Указ соч. С.148.

⁵⁹⁰ *Ibid.* P.161.

⁵⁹¹ *Ibid.* P.254-256.

⁵⁹² *Anderson B.S., & Zinsser J.A.* History of Their Own. Women in Europe from Prehistory to the Present. Vol.II. Harper Perennial, 1988. P.343.

женщинам и что коллективное прошлое женщин может быть источником силы для них в их борьбе за справедливость»⁵⁹³.

Продолжением «Книги о граде женском» стала опубликованная в том же 1405 г. «Книга о трех добродетелях, или Сокровища города женщин»⁵⁹⁴. Кристина представляет в ней подробную классификацию ролей женщин в современном ей обществе. Вновь появляются ее музы-помощницы при «строительстве» Города женщин, три добродетельные дамы: «Разумность», «Праведность» и «Справедливость». На этот раз они помогают Кристине, «уставшей от строительства Города женщин, слабой, неуверенной, нуждающейся в поддержке». Но главной вдохновительницей на этот раз Кристина выбирает Даму Благоразумие.

Книга представляет реальное положение и обязанности женщин разных сословий. В первой части объясняется социальное предназначение королей, принцесс и высокородных дам; во второй — придворных благородных дам; третья часть книги адресована женщинам буржуазного сословия и простолюдинкам (крестьянкам, торговкам). Социальная стратификация женщин в книге Кристины очень основательна. Кристина не только разъясняет всем их социальные роли, но дает советы для выживания женщинам каждой из выделенных ею групп, включая также группы замужних и незамужних женщин, вдов.

Мне представляется необычайно важным, что Кристина издает эти две очень разные книги почти одновременно — в одном и том же году. «Град женщин» — это утопия, в которой женщины живут без мужчин, в мире уважения и самоуважения, сами управляют своей жизнью. Такой город, словами Кристины, является «убежищем для женщин, защитой им от врагов»⁵⁹⁵. Реальность же такова, что приходится жить вне подобного Города, и жизнь для женщин полна опасностей. В книге-продолжении Кристина дает практические советы женщинам, как можно выжить в условиях постоянных опасностей для жизни женщин в *реальном обществе*, когда жить нужно не просто вместе с мужчинами, но в условиях их господства, доминирования мужских ценностей и представлений о женской добродетели. Кристина предлагает решение: чтобы позволить себе выжить, чтобы найти безопасное для себя место в мире правящих мужчин и добиться успеха, женщины должны заняться *самообразованием*.

Это специфическое самообразование. Цель его — как можно лучше узнать «правила игры» мужского общества, чтобы избегать его соблазнов, ловушек (в виде любовников, сплетен, безденежья и т.п.); чтобы научиться притворяться и тем самым обеспечить себе безопасность (безопасность «слабой»⁵⁹⁶ женщины), а также достойное существование и репутацию добродетельной женщины.

Кристина обстоятельно объясняет, кому что угрожает и рекомендует женщинам то, что до нее рекомендовали морализаторы-мужчины: целомудрие, добродетель, сдержанность.

Главное в рекомендациях Кристины: сдержанность — от манеры одеваться до управления финансами. Она хочет, чтобы женщины научились ценным методам избавления от бесчестья. Например, она рекомендует женщинам не заводить любовников, дружить только с близкими семье мужчинами, потому что нельзя доверять мужчинам: «Мужчины ерничают, насмешничают за нашими спинами, какими бы вежливыми они не были рядом с женщинами»⁵⁹⁷.

Женщинам, которые не любят своих мужей, она советует скрывать это, потому что открытая демонстрация нелюбви к мужу уменьшает его роль в глазах общества и таким образом ухудшается ее собственное положение⁵⁹⁸. Женщинам всех сословий она

⁵⁹³ Lerner G. The Creation of Feminist Consciousness. Oxford Univ. Press, 1993. P.261.

⁵⁹⁴ Pizan C. de Le Tresor de la Cite des Dames. 1985. Книга не переведена на русский язык.

⁵⁹⁵ Pizan C. de. The Book of the City of Ladies. P. 254.

⁵⁹⁶ По-моему, не случайно в самом начале книги при появлении трех муз Кристина притворяется «уставшей, нуждающейся в поддержке» и т.п.

⁵⁹⁷ Pizan C. de. Le Tresor de la Cite des Dames. P.115-116.

⁵⁹⁸ Part III. Ch.1, f.100.

советует быть осведомленными в финансах и управлении хозяйством. Она предостерегает вдов от повторного брака, особенно если женщина немолода, и предлагает полагаться на свой здравый смысл в ведении дел (Кристина ссылается на свой опыт управления делами после смерти любимого мужа)⁵⁹⁹. Принцессам Кристина рекомендует притворяться глупенькими, делать вид, что они не знают о той лжи, которую несут им мужчины. По мнению Кристины, притворство — залог безопасности женщины любого социального ранга, вполне пригодный механизм, чтобы лучше узнать правила игры в мужском обществе, а следовательно, — выжить в нем, найти себе убежище, постепенно отвоевывая территорию для собственных интересов. Кристина советует использовать также силу внешности и силу языка, которыми надо научиться манипулировать в собственных целях. Книга практических советов обращена к женщинам, которые должны понимать свою незащищенность в патриархальном обществе и, значит, быть «благоразумными».

При чтении «Книг о трех добродетелях» создается впечатление, что Кристина Пизанская предвосхитила идеи Н. Маккиавелли. Притворство во имя безопасности и достижения интересов женщин — в книге Кристины; притворство и лицемерие во имя власти государя — в книге знаменитого политического философа. Книга Кристины Пизанской оставляет двойственное впечатление: настолько серьезны ее предостережения женщинам и так практичны советы о том, как сохранять репутацию добродетельной женщины, что появляется соблазн воспринимать книгу как отказ Кристины от профеминистских идей «Книги о городе женском» и желание угодить мужчинам. Я воспринимаю рекомендации, советы, предостережения Кристины как книгу-игру, в центре которой все тот же мизогинизм в качестве нормы общественной жизни, и Кристина мастерски демонстрирует его *реальность*, которой нечего противопоставить.

Кристина Пизанская хорошо осознавала уникальность своего положения женщины, делающей «мужскую работу»: несмотря на интерес к ее творчеству со стороны общества, она чувствовала свою изоляцию и, несомненно, понимала, что это — следствие неправильного, с точки зрения нравов XV в., образа жизни «ученой женщины». Вплоть до начала XX в. образованная женщина воспринималась и мужчинами, и женщинами, по меньшей мере, как «странная» и «неестественная».

По мнению многих исследователей истории феминизма, с вовлечения Кристины, а затем и других женщин в полемику с авторами мизогинистских сочинений начинается ранний этап в движении женщин за эмансипацию⁶⁰⁰. Главной чертой этого этапа, который я обозначаю как «реактивный (в противоположность «креативному» феминизму середины и конца XX столетия), было то, что этот «феминизм» всегда был реакцией (ответом) на очередной выплеск женоненавистничества, защитой и оправданием женщин («теоретической реабилитацией» женского пола»⁶⁰¹). Другая важная черта — вовлеченность в литературный и теоретический спор самих женщин: современные историки обнаружили немало текстов в защиту женщин, опубликованных в XVI—XVIII вв.

⁵⁹⁹ *Ibid.* Part II, ch.9, f. 87.

⁶⁰⁰ Kelly J. Early Feminist Theory and the Querelle des Femmes // *Women, History, and Theory*. The Univ. of Chicago Press. 1986. P.65-100; Lerner G. The Creation of Feminist Consciousness. Oxford Univ. Press, 1993. P.192-212; 220-246; Green K. The Woman of Reason: Feminism, Humanism and Political Thought. London, 1995. P.27-44; Eisenstein, H. Contemporary Feminist Thought. L., 1984. P.XV. О раннем феминизме см. подробнее: Jordan C. Renaissance Feminism: Literary Texts and Political Models. Cornell Univ. Press, 1990; Fergusson M. (ed.). First Feminists: British Women Writers, 1578—1789. Bloomington, 1975; Келли Дж. Ранние феминистки и «спор о женщинах» // Женщины. История. Общество. Сб. науч.тр. Тверь, 2002. С.23-41; Успенская В. Феминизм до феминизма: идеи в защиту прав женщин в истории европейской социальной мысли // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций. М. 2001.

⁶⁰¹ Lougee C. Le Paradise des femmes: Women, Salons, and Social Stratification in Seventeenth-Century France. Princeton Univ. Press, 1976. P.11.

авторами-женщинами, не принимавшими маскулинные культурные ценности⁶⁰². Они размышляли о мире по-своему, и неравенство полов в нем было одной из фундаментальных черт этого мира. Подобно современным феминисткам они рассматривали вопросы, посвященные роли женщин и мужчин, труда, нравов, пытались объяснить отношения полов. Наиболее важным аргументом ранних феминисток в споре о женщинах со времен Кристины Пизанской будет и надолго останется убежденность в эмансипаторной силе образования. В начале XV в. Кристина Пизанская сформулировала одно из основных требований феминизма, актуальное и для последующих веков: женщины должны быть допущены к серьезному образованию. Образование виделось, как путь к свободе женщин. Сами участницы «споров» были не только «дочерьми образованных отцов», но вполне образованными женщинами своего времени, оценившими значение образованности и учения для жизни. Они с энтузиазмом писали о своем обучении, которое помогало им в жизни, и защищали право других женщин получать образование⁶⁰³.

В 2005 г. исполнится 600 лет со времени издания «Книги о граде женском», которая стала одной из первых (если не первой) книг, написанных женщиной в защиту своего пола. Феминистское сообщество имеет возможность отметить это событие, нарушившее женское молчание в литературе.

⁶⁰² См., например: *Astell M.* (1694). *A Serious Proposals to the Ladies*. Reprinted: Source Book Press, New York., 1970; *Chudleigh M.* *The Ladies Defence*. 1701; *Schurmann A. Van.* *The Learned Maid: Or Whether a Maid May be a Scholar*. 1641/1659; *Sophia, a Person of Quality* (1739). *A Woman not Inferior to Man*. Reprinted: London, 1975; *Hays M.* (1794). *An Appeal to the Men of Great Britain in Behalf of Women*. Reprinted: New York, 1974. *Moore H.* *Structures on the Modern System of Female Education*. New York. 1799. См. также: *Maclean I.* *Woman Triumphant: Feminism in French Literature 1610—1652*. Oxford, 1977; *Spender D.* *Women of Ideas, and What Men have Done to Them*. Pandora, 1982. P.51.

⁶⁰³ О необходимости и радости образования для женщин писала также французская поэтесса середины XVI в. из Лиона Луиза Лабэ (1535—1565). Правда, она не стремилась бросить вызов традиционным гендерным стереотипам и видела смысл образования для женщин в лучшем исполнении ролей жен и матерей.

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТИТУЦИИ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДСКОМ ОБЩЕСТВЕ ГЕРМАНИИ: ЛЕГИТИМАЦИЯ МУЖСКОГО ЖЕЛАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МАРГИНАЛИЗАЦИЯ

Одним из признаков позднесредневекового городского общества является обособление меньшинств большинством и маргинализация отдельных групп. Маргинальный статус приобретали жители, практиковавшие постыдные, ограниченные в правоспособности профессии, которым было отказано в признании в качестве цеха или не обладавшие благородным статусом. К ним относилось и занятие проституцией.

Понятие чести являлось фундаментом средневековой морали. Жизнь человека была связана не только с личной, но и с групповой честью той корпорации, к которой он принадлежал. И если честное имя и происхождение мужчины могли быть опорочены его недобросовестной деятельностью, то оценка женщины концентрировалась чаще всего на ее половой чести. Поэтому в силу своей уязвимости ее честь должна была заботливо охраняться и защищаться от всяких посягательств и угроз.

В рамках господствовавшего канона ценностей область сексуальности и телесных желаний хотя и не отрицалась, но все же рассматривалась как греховная, если существовала вне строго установленных норм. Средневековая религиозная этика проводила четкое различие между разрешенной и запрещенной сексуальностью. Разрешенными были сексуальные контакты исключительно в браке, смыслом которого было продолжение рода. Все другие формы половой активности либо были частично терпимы, либо принципиально запрещались. Проституция, наряду с конкубинатом, содомией и добрачными половыми связями, представляла одну из форм внебрачных половых контактов, и заниматься ею согласно средневековым представлениям разрешалось только женщинам при определенных условиях. Проститутки представляли собой живые свидетельства нарушения норм: продажная любовь противоречила библейским заповедям. Мужская проституция по церковным канонам рассматривалась как смертный грех и караемое смертью преступление. Однако в реальной жизни к ней не всегда относились столь сурово.

Средневековое определение проституции ориентировалось на два основных ее признака: получение вознаграждения и частую смену партнеров. Но при этом средневековые теологи считали получение вознаграждения вторичным критерием. Социальная зависимость женщины вследствие ее включения в господствовавшие патриархатные структуры оправдывала притязания на материальную компенсацию за риски и угрозы здоровью (например, беременность), которым она подвергалась при половом контакте. Так, например, в Аугсбурге было принято, чтобы соблазненные и забеременевшие девушки могли сами устанавливать определенную денежную сумму не только в качестве вноса на содержание ребенка, но также как компенсацию за потерю женской чести. Существовал также обычай «утреннего дара», который передавался невесте утром после брачной ночи в качестве компенсации за потерю девственности. Тем не менее, вознаграждение проституток не было связано с потерей чести или девственности, а символизировало связь между сексуальным господством мужчины и деньгами⁶⁰⁴.

⁶⁰⁴ Roper L. Discipline and Respectability: Prostitution and the Reformation in Augsburg // History Workshop. №19. 1985. P.19.

Таким образом, решающим критерием проституции считалась быстрая смена партнеров. Женщина не считалась проституткой, если она вступала в половой контакт за плату с малым количеством мужчин. Это отличало содержанок, живущих в конкубинате, от проституток, хотя граница между ними была подвижной. Это следует из описания жизни «Содержанок ландскнехтов» — последние (содержанки) иногда подрабатывали в качестве проституток⁶⁰⁵. Наличие у «свободных женщин» половых контактов со многими мужчинами не только соответствовало ожиданиям общества, но также предъявлялось к ним в качестве узаконенного требования. Публичные женщины, которые в этом отношении вели себя не соответственно своей роли (т.е. не находились в любое время в распоряжении всех мужчин), осуждались. Например, под угрозой наказания городской совет Нюрнберга запретил обитательницам женского дома, которые осмеливались не выполнять это требование, поступать так впредь. Свое толерантное отношение к древнейшей профессии нюрнбергские отцы города высказали во введении к Уставу женского дома⁶⁰⁶.

В общественной оценке проституции можно выделить как светский, так и церковно-теологический аспект. «Что можно было бы назвать вреднее, чем проститутки, сводники и другие представители этого испорченного сброда? Но удали проституток из человеческого общества, и ты приведешь все в хаос из-за сексуальных страстей. Поставь их на место замужних женщин, и ты обесчестишь все злом и позором»⁶⁰⁷. Эта оценка проституции, которую в начале V в. сформулировал Августин, и в XIII в. воспринял Фома Аквинский⁶⁰⁸, характеризует отношение к ней официальной церкви, что отразилось и на общественных нормах. Внутри церкви, безусловно, были группировки, которые не разделяли эту прагматическую позицию: одни склонялись к прямому проклятию, а другие — к благосклонной терпимости. В некоторых городах Германии всевозможным ограничениям подвергалось участие проституток в церковной жизни. Им, если разрешалось участвовать в богослужении, то отдельно от благочестивых женщин: это декларировалось, например, соответствующими предписаниями 1463 г. в Лейпциге и 1471 г. в Страсбурге. Часто также запрещалось производить их захоронения в освященной земле⁶⁰⁹. Уже у самого Августина заложена противоречивая позиция по отношению к проституции, характерная для всего Средневековья: с одной стороны, деградация социального статуса проституток, и как следствие, — их дискриминация и маргинализация; с другой стороны, допущение проституции и включение публичных женщин в общественный порядок, чтобы таким путем воспрепятствовать другому, очевидно, еще большему вреду. В силу двойственной ситуации, когда средневековое общество было фиксировано на супружеской моногамии и девственности, а для мужчины нередко реальной становилась только поздняя женитьба (многие же вообще не имели возможности создать семью), возникала необходимость в регулировании сексуальных потребностей. В противном случае опасались роста неконтролируемых насильственных действий.

Таким образом, отношение светского общества к проституции также было в высшей степени противоречивым. Понимание ее необходимости требовало допущения проституции, однако аморальность этого ремесла и убеждение в порочности самой его сущности приводило во многих городах Германии к маргинализации проституток.

⁶⁰⁵ Irsigler F. Bettler, Dirnen und Henker im Spätmittelalterlichen und Fruehneuzeitlichen Koeln. Zur Analyse sozialer Randgruppen // Geschichte in Koeln, №7, 1980. S.32-40.

⁶⁰⁶ Nuernberger Polizeiordnungen aus dem XIII. bis XV. Jahrhundert. Hg. v. J. Baader. Stuttgart, 1861 (Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart, 63). ND Amsterdam, 1966. S.117, 121.

⁶⁰⁷ Augustinus Aurelius. De Ordine 2, 12 // Corpus Christianorum, SL XXIX: Aurelii Augustini Opera. Pars II, 2) Thurnhout, 1970. S.114.

⁶⁰⁸ Thomas von Aquin. Secunda secundae summae theologiae. Quaestio 10. Art.11 // Thomas von Aquin. Opera omnia, iussu impensaue Leonis XIII P.M. Bd. 8. Rom, 1895. S.98.

⁶⁰⁹ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter // Archiv fuer Kulturgeschichte, 5, Heft 1. 1907. S.474; Strassburger Zunft- und Polizei-Verordnungen des 14 und 15. Jahrhunderts. Hg. v. J.K.Brucker. Strassburg, 1889. S.460. Irsigler F., Lasotta F. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker, Randgruppen und Aussenseiter in Koeln 1300—1600. Koeln, 1984. S.187.

Наказания, связанные с поражением прав и чести у проституток, проводились максимально непристойным, но очень символическим образом. В некоторых городах публичная женщина, особенно если она занималась своим ремеслом без официальной санкции властей, подвергалась грубым и унижительным процедурам (стояние у позорного столба, принудительная доставка на телеге палача к городскому борделю), телесным наказаниям в виде выжигания щек и волос, отрезания носа, вплоть до изгнания и смертной казни⁶¹⁰.

Кроме дискриминирующей практики наказаний, публичные женщины были ограничены в правоспособности. До конца средневековья они не могли приобрести права городского гражданства. Только с середины XV в. в некоторых городах это положение нарушалось. Многие цехи не принимали в свои ряды тех ремесленников, которые имели любовницу в женском доме. Заключение брака с публичной женщиной в городской торгово-ремесленной среде считалось позорным, и ремесленник в этом случае мог лишиться чести. Устав гамбургских кузнецов 1375 г. запрещал цеховым братьям жениться на «пользующихся дурной славой» женщинах, а подмастерьям булочников и сапожников в Лейпциге не позволялось допускать проституток на их общие встречи⁶¹¹. Дети «свободных женщин» обладали меньшими неимущественными правами. Согласно каноническому праву они не могли выступать в качестве истцов в суде. А тот, кто обругает «добропорядочную» женщину шлюхой, нередко, как это, например, установливалось Франкфуртским статутом 1297 г., подвергался наказаниям⁶¹².

С другой стороны, имеются достаточно многочисленные подтверждения того, что «свободные женщины» обладали известной правовой защитой. Так, уже «Саксонское зеркало» XIII в. содержало статью, которая грозила за изнасилование странствующей продажной женщины смертной казнью⁶¹³. В других случаях публичные женщины пользовались определенным уважением горожан. Когда в 1489 г. во Франкфурте был устроен праздник в честь императора Максимилиана, для развлечения высоких гостей молодые подмастерья танцевали с проститутками, а во время ежегодной трапезы членов городского Совета обитательницы местного женского дома доставляли букеты цветов, и за это угощались⁶¹⁴. Участие проституток в трапезах городских советов известно также в Цюрихе и Вюрцбурге. В некоторых регионах, как например, в Вюртенберге, существовал обычай, чтобы публичные женщины подносили на свадьбу цветы и желали счастья брачной паре. За это они либо угощались, либо вознаграждались деньгами. Цветы являлись средством завлечения и одновременно опознавательным знаком. Если девушка преподносила мужчине цветок, это считалось символом эротического приглашения. Это нашло свое отражение и в практике приема знатных гостей. В некоторых городах, как, например, в Вене, было принято, чтобы проститутки участвовали в официальных приемах высоких гостей и подносили букеты или венки с цветами⁶¹⁵. Таким образом, возрождались античная символика, связанная с цветами, например, сравнение открывающейся любви женщины с открывающимся свету цветком.

Подобное отношение к публичным женщинам нельзя объяснить только их заслугами на поприще утешения мужского сообщества. Здесь заметны также реликты

⁶¹⁰ Hirschfeld M. Geschlechtskunde auf Grund Dreisigjaehriger Forschung und Erfahrung/ 5 Bd. Bd.3: Einblicke und Ausblicke. Stuttgart, 1930. S.340; Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum // Frau und Spaetmittelalterlicher Alltag. Internationaler Kongress. Krems an der Donau, 2. bis 5. Oktober, 1984. Wien, 1986 (Veroeffentlichungen des Instituts fuer Mittelalterliche Realienkunde Oesterreichs 9). S.570.

⁶¹¹ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.469.

⁶¹² Kriegk G.L. Deutsches Buerkertum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. 2 Bde, Bd.2. Frankfurt/M., 1871. S.277.

⁶¹³ Das Landrecht des Sachsenspiegels. Kap.3, Art.46. §1. S.122. (Саксонское зеркало. Ч.1. Земельное право. Книга третья. Ст.46, §1 // Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования. Москва, 1985. С.98.)

⁶¹⁴ Kriegk G.L. Deutsches Buerkertum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.327; Блох И. История проституции. Ростов на/Д, 1991. С.274-275.

⁶¹⁵ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. М., 1996. С.512; Kriegk G.L. Deutsches Buerkertum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.326; Блох И. История проституции. С.274-275.

языческого табуированного мышления. Проститутки символизировали человеческую сексуальность, обладая благочестивой или зловеще роковой силой, приближали ее к божественному или сверхестественному. В качестве носительницы табу проститутка могла быть источником как счастья, так и несчастья, приносить вред и беду. Именно табуированным мышлением можно объяснить распространенное в Средневековье представление, что встреча с девственницей должна была принести несчастье, а с проституткой — счастье⁶¹⁶. В существовавшем обычае «изгнания смерти», совершавшемся в канун Великого поста в Лейпциге, публичная женщина олицетворяла принцип радости жизни и счастья. Обитательницы женского дома привязывали соломенную куклу к длинному шесту и, шествуя процессией через город и распевая песни, выносили ее к воротам, где бросали в воду, чтобы таким символическим образом устранить опасность чумы в следующем году⁶¹⁷.

Однако в Средневековье был также весьма распространен страх перед проституткой как носительницей табу. В некоторых городах законы запрещали проституткам, как и евреям, прикасаться к выставленным на продажу предметам, прежде всего продуктам питания. В верхненемецких городах существовал запрет на прикосновение к публичной женщине, что сближало ее по характеру социальной маргинализации с палачом. Зачастую хоронили этих женщин на живодерне. По народным поверьям публичная женщина своим «злым взглядом» могла причинить вред новорожденным младенцам, а старые проститутки, занятие которых утратило свою доходность, занимались любовной ворожбой и гаданиями⁶¹⁸. Тесная связь со сверхестественным, которая, как считалось, присуща проституткам, объясняет, почему им приписывалось как позитивное, так и негативное влияние.

В Средневековье различали странствующих и оседлых проституток. Начало бордельной проституции относится в Германии к XIII—XIV вв. С развитием урбанизации в период высокого и позднего Средневековья «свободные женщины» сконцентрировались прежде всего в городах. Только в них постоянно существовал высокий спрос на проституток, который сделал доходной их объединение в бордели⁶¹⁹. Организация женских домов, являвшихся собственностью городов либо становившихся ленным владением духовной или светской знати, представляла собой попытку контролировать проституцию путем ее легализации и регламентации, а также с помощью топографического обособления публичных женщин. Почти каждый относительно крупный город в период позднего Средневековья имел как минимум один женский дом, располагавшийся рядом с жильем других маргинальных групп⁶²⁰. Так внутри позднесредневековых городов Германии возникали «плохие районы» (чаще всего в предместьях, у городской стены или вблизи городского кладбища). Подобная социальная топография являлась индикатором маргинализации. Как правило, бордели запрещалось устраивать в непосредственном соседстве с церквями и монастырями. Например, организованный в середине XV в. на рынке в Лейпциге женский дом был перенесен в городское предместье по настоянию поселившихся неподалеку доминиканцев⁶²¹.

Вопросы собственности и формы управления борделями регулировались различным образом. Собственником подобных заведений мог быть городской совет (как

⁶¹⁶ Karle B. Art. Hure // HDA, Bd.4. Berlin/Leipzig, 1931/1932. S.511.

⁶¹⁷ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.480.

⁶¹⁸ Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd.2. Unveraend. Nachdruck d.4. Aufl. v.1876. Darmstadt, 1844/1965. S.941; Karle B. Art. Hure. S.510; Dufour P. Geschichte der Prostitution, Fortgefuehrt und bis zur Neuzeit. Ergaenzt v. F. Helbing. Aus Franzoesischen v. A. Stiller und B. Schweigger, Bd.3: Christliche Aera, Byzanz, Frankreich I, 2. Aufl. Berlin o.J., Bd.4: Frankreich II, 2. Aufl., Berlin O.J. S.190.

⁶¹⁹ Schuster P. Das Frauenhaus. Staedtische Bordelle in Deutschland 1350 bis 1600. Paderborn/Muenchen/Wien/Zuerich, 1992. S.26.

⁶²⁰ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.41; Strassburger Zunft- und Polizei-Verordnungen des 14 und 15. Jahrhunderts. S.459.

⁶²¹ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.471.

это было, например, в Кельне, Аугсбурге, Лейпциге⁶²²) или частный владелец под контролем городских властей. Чаще всего таковыми являлись представители влиятельных семей города, а также светской и духовной знати, которые выдвигали свои притязания на управление женскими домами на основании ленных прав. Бордели сдавались в аренду за еженедельную или ежегодную плату хозяину или хозяйке, которыми могли быть тюремные надзиратели, живодееры, палачи либо даже почтенные горожане и горожанки. Из этих доходов нередко выплачивалось жалование городским должностным лицам⁶²³. Общий надзор и управление женскими домами, как правило, осуществлялись разными лицами. Так, в Лейпциге палач осуществлял общий надзор, а ведение хозяйства вменялось в обязанность специальной женщине, которая сама была проституткой⁶²⁴. Осуществление надзора за публичными женщинами представителями постыдных профессий, чаще всего палачами, может рассматриваться как пример вторичной стигматизации легальной городской проституции. Задачей хозяев и хозяек женских домов было обеспечение порядка и покоя, что облегчалось также издаваемыми городскими советами предписаниями, которые объявляли городской бордель умиротворенным местом и наказывали высокими штрафами совершаемые там акты насилия⁶²⁵. В 1451 г. совет города Лейпцига постановил, что всякий, кто в ратуше, в городском кабаке или в «свободном доме» затеет спор, должен уплатить 600 мер⁶²⁶. Штраф был так высок, что приговоренный к нему вряд ли мог его оплатить и поэтому был вынужден покинуть город. Городские власти заботились о регулировании жизни проституток в женском доме, обитательницам которого предоставлялись известные права. Если уж публичные женщины жили в «состоянии греха» с одобрения властей, то им, как минимум, должны были предоставляться возможности для сносного существования и возвращения к нормальной жизни, «честному бытию». Часто в уставах борделей подробно регулировались вид и способ питания, длительность рабочего времени и размер заработка, чтобы предотвратить эксплуатацию проституток хозяином или хозяйкой борделя и одновременно воспрепятствовать самостоятельности женщин. Забота о здоровье проституток исчерпывалась, очевидно, их освобождением от работы на период беременности, болезней, а также менструаций⁶²⁷.

Многочисленные предписания городских советов запрещали также продажу и заклад женщин в городских борделях согласно положению о том, что «человек создан холостым и свободным, и поэтому не может принуждаться к греховной жизни». Попытка приспособить официальную проституцию к христианской картине мира стоила городским властям определенного напряжения и требовала уступок. Как правило, соблюдались требования закрывать женские дома в церковные праздники, а также в их канун⁶²⁸. Но не существовало единого взгляда на предмет того, насколько свят должен быть день, чтобы представить достаточный повод для закрытия борделя.

Во многих городах действовало правило принимать в бордели только незамужних и пришлых женщин⁶²⁹. Очевидно, преследовалась цель обеспечить необходимую

⁶²² Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.184; Buff A. Verbrechen und Verbrecher in Augsburg in der Zweiten Haelfte des 14.Jahrhundert // Z. des Historischen Vereins fuer Schwaben und Neuburg. 4, 1878. S.185.

⁶²³ Schuster P. Das Frauenhaus. Staedtische Bordelle in Deutschland (1350—1500). S.99; Kriegk G.L. Deutsches Buergertum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.321.

⁶²⁴ Kriegk G.L. Deutsches Buergertum im Mittelalter. S.306; Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.470.

⁶²⁵ Kriegk G.L. Deutsches Buergertum im Mittelalter. S.313; Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. S.202; Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum. S.568.

⁶²⁶ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.478.

⁶²⁷ Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-Sueddeutschen Raum. S.564; Блох И. История проституции. С. 302-304.

⁶²⁸ Nuernberger Polizeiordnungen aus dem XIII. bis XV. S.117, Anm.1; S.473.

⁶²⁹ Nuernberger Polizeiordnungen aus dem XIII. bis XV. S.119; Scherr J. Weib, Dame, Dirne. Kultur- und Sittengeschichte der Deutschen Frau. Durchgesehen u. hg. v. M.Bauer. 2.Aufl. Dresden, 1928. S.143; Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. Berlin, 1907. S.200.

эмоциональную дистанцию в отношении проституток, что было бы затруднено, если бы происхождение и личные обстоятельства жизни женщин были известны. Горожанки, становившиеся проститутками, преимущественно принадлежали к низшим слоям городского плебейства. Многие деревенские девушки, приходившие в город в поисках лучших условий жизни, из-за недостаточных возможностей устроиться на работу или в результате неопытности попадали в сферу проституции. Особенно это было характерно для женщин и девушек, которые бежали в город в результате ошибочного сексуального поведения: супружеской измены, добрачной беременности или изнасилования⁶³⁰. Бедность была наиболее частой причиной, по которой женщины становились на путь проституции. Нередко к проституции принуждали: сутенеры ездили по стране и пытались фальшивыми обещаниями склонить неопытных девушек к работе в городе⁶³¹. Предписания, запрещающие заклад и продажу женщин, свидетельствуют о том, что не единичны были случаи, когда в городской женский дом девушки и женщины «продавались» задолжавшими родителями или мужьями⁶³².

Посещение женского дома было запрещено женатым мужчинам, духовным лицам, а также «неверующим», то есть евреям, туркам и маврам, и нарушение этого предписания, как правило, сурово наказывалось⁶³³. Доступ в бордель был официально разрешен только неженатым мужчинам — жившим в принудительном celibate подмастерьям, слугам и студентам, а также кандидатам в мужья, обреченным на длительный холостяцкий период⁶³⁴.

Наряду с легальной, контролируемой властями городской проституцией существовали различные формы свободной, «нелегальной» проституции. В некоторых районах к ней относились терпимо, но чаще всего с ней боролись, чтобы «свободные» проститутки, поселяясь в «почтенных» жилых кварталах, не наносили своим поведением вред почтенным людям, их детям и прислуге. Как и обитательницы женских домов, свободные проститутки во многих регионах подлежали налогообложению, и попытки уклониться от этой обязанности, как правило, наказывались городским советом высылкой из города⁶³⁵. С XIV в. в городах усилился контроль за уличной проституцией, которая должна была локализовываться в отведенных для нее кварталах. Но, несмотря на это, женщины пытались уклоняться от контроля властей и осуществлять свою деятельность по всему городу⁶³⁶. Излюбленным местом сбора проституток были городские колодцы. Это было по сути проявлением древнего символизма текущей воды, ассоциировавшейся со сферой страстей, эротики и секса. И сами женские дома часто возникали на берегу реки перед городскими воротами или у колодцев. Само французское слово *pute*, итальянское *puttana* происходят от латинского *puteus*, что значит колодец.

⁶³⁰ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.205; Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. S.215; Flandrin J.-L. Spaete Heirat und Saxualleben, aus dem Franzoesischen v. I.Diener // M.Bloch, F.Braudel, L.Febvre u.a. Schrift und Materie der Geschichte. Vorschlaege zur systematischen Aneignung historischer Prozesse. Hg.v.C.Honegger. Frankfurt/M., 1977. S.272-310.

⁶³¹ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.209; Schubert E. Gauner, Dirnen und Gelichter in den Deutschen Staedten des Mittelalters. S.121; Rossiaud J. Prostitution, Sexualitaet und Gesellschaft in den Franzoesischen Staedte des 15. Jahrhunderts. S.101.

⁶³² Nuernberger Polizeiordnungen aus dem XIII. bis XV. Jahrhundert. S.117.

⁶³³ Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. S.200; Hirschfeld M. Geschlechtskunde auf Grund Dreissigjaehriger Forschung und Erfahrung. S.340; Kriegk G.L. Deutsches Buergetum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.274, 316, 381; Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.190; Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. С.406-408.

⁶³⁴ Schubert E. Gauner, Dirnen und Gelichter in den deutschen Staedten des Mittelalters // Mentalitaet und Alltag im Spaetmittelalter. Hg. v. C. Meckseper und E.Schraut. Goettingen, 1985. S.117; Mueller S. Die Sittenaufsicht des hannoverschen Rates ueber Laien in Spaetmittelalter und frueher Neuzeit// Hannoversche Geschichtsblaetter. N.F., 37, 1983. S.11; Borelli S., Stark W. Die Prostitution als Psychologisches Problem. Berlin/Goettingen/Heidelberg, 1957. S.18.

⁶³⁵ Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum. S.570; Regensburgische Chronik. Bd.3. 1821. Anm. 702. S.377; Блох И. История проституции. С.301-302.

⁶³⁶ Strassburger Zunft- und Polizei- Verordnungen des 14. und 15. Jahrhunderts. S.459, 463.

Практически в любом крупном городе имелись частные бордели, которые принадлежали «почтенным» горожанам или горожанкам, где вместе с пришлыми также работали местные женщины. Последние заботились об анонимности своей деятельности, чтобы иметь возможность вернуться к благопристойному существованию⁶³⁷. В некоторых городах свободные проститутки находили поддержку у хозяев постоянных дворов и трактирщиков, которые из меркантильного интереса «опекали» публичных женщин⁶³⁸. Кроме того, в крупных торговых и портовых городах всегда было немало купцов, которые создавали клиентуру для свободных проституток. Свободная проституция составляла серьезную конкуренцию для легальной бордельной. Для борьбы с ней обитательницы женских домов создавали объединения, подобные цеховым организациям, обращались с жалобами к городским советам с целью запрещения деятельности «нелегалок».

Еще одним известным местом деятельности «падших женщин» были городские бани. Банщицы, оказывая посетителям услуги в виде обливания водой, массажа и приготовления постели для отдыха, были готовы и для выполнения любовных пожеланий клиентов. Многие бани в XV в. имели наряду с общими купальнями интимные маленькие ванные помещения и комнаты для отдыха⁶³⁹.

Церковь и общество предлагали избравшим «неправедный путь» женщинам в качестве возможности ресоциализации вступление в брак или уход в специальный монастырь. Во многих городах состоятельные горожане или клирики учреждали монастыри и конвенты Магдалины в качестве домов покаяния, куда принимались отрекшиеся под присягой от прежнего поведения⁶⁴⁰. Возврат к прошлому образу жизни сурово наказывался: в Вене за это женщин даже бросали в Дунай⁶⁴¹. Все же не всегда изменение убеждений было условием для приема в покаянный дом. Очевидно, подобные заведения могли использоваться также для содержания пожилых проституток.

Согласно каноническому праву замужество проститутки считалось благочестивым делом. В Нюрнберге в таких случаях предоставлялось право городского гражданства, а в Халле был учрежден даже фонд, из средств которого оказывалась материальная поддержка при заключении подобных браков⁶⁴². Однако, как уже отмечалось, некоторые социальные группы, прежде всего цехи, уклонялись от поддержки брачного способа ресоциализации публичных женщин. Например, устав ремесленников в Вене от 1429 г. запрещал мастерам и подмастерьям жениться на «свободных дочерях»⁶⁴³.

Церковные и общественные установки приводили к изоляции публичных женщин и способствовали возникновению маргинальной культуры, носительницей которой были легальные проститутки, так как женщины, действовавшие нелегально, заботились о максимальной анонимности и внешне стремились демонстрировать соблюдение «благочестивого существования». Они формировали собственные обычаи и отмечали собственные праздники. Широко было распространено почитание св. Марии Магдалины в качестве патронессы-покровительницы, дни памяти которой торжественно отмечались⁶⁴⁴. В среде проституток формировалось общегрупповое поведение, даже корпоративная солидарность. Этим объяснялось тяготение «официальной» проституции к цеховым формам организации. Однако высокая мобильность не только странствующих, но и бордельных проституток, многие из которых останавливались в городе только на 1-2 года,

⁶³⁷ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.250.

⁶³⁸ Dufour P. Geschichte der Prostitution, Fortgefuehrt und bis zur Neuzeit. S.193.

⁶³⁹ Rossiaud J. Prostitution, Sexualitaet und Gesellschaft in den Franzoesischen Staedte des 15. Jahrhunderts // Die Masken des Begehrens und die Metamorphosen der Sinnlichkeit. Zur Geschichte der Sexualitaet im Abendland. Hg. v. Ph. Ariés, A.Bégin. Aus dem Franzoesischen v. M.Bischof. Frankfurt/M., 1984. S.97; Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. С.456-458.

⁶⁴⁰ Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. S.180, 221.

⁶⁴¹ Bauer M. Die Deutsche Frau in der Vergangenheit. S.212.

⁶⁴² Schubert E. Gauner, Dirnen und Gelichter in den Deutschen Staedten des Mittelalters. S.121.

⁶⁴³ Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum. S.567.

⁶⁴⁴ Блох И. История проституции. С.306, 317.

а затем добровольно или вынужденно его покидали, создавала одно из существенных препятствий для развития корпоративности проституток⁶⁴⁵.

Существуют два вида нонконформистского поведения: «позитивное» и «негативное» нарушение социальных норм. Нарушение общественной нормы может приниматься и даже позитивно оцениваться большинством в том случае, если оно служит цели достижения идеала, принимаемого обществом. Классическим примером общественных «внесоциалов» в позитивном смысле являются «святые» средневекового общества. Негативное нарушение норм социума приводит осуществляющих это «нарушение» к маргинализации, то есть к деградации статуса. Внешне это могло выражаться в официальных предписаниях иметь отличительные знаки на одежде или носить определенную одежду. Уже в XI и XII вв. публичные женщины должны были отличаться от «почтенных» горожанок соответствующим внешним видом. Это — один из признаков маргинальности средневековых проституток. Например, им было предписано носить узкое, доходящее до бедер платье с короткими рукавами, а также плотно облегающее, открытое впереди нижнее платье, которое позволяло видеть облаченные в чулки ноги вплоть до бедер⁶⁴⁶.

В позднее Средневековье проститутки чаще обязаны были носить не особую одежду, а различные отличительные знаки (желтые банты на туфлях, зеленые полосы на накидке, цветные ленты на воротнике, плащ определенного цвета и т.п.). Как правило, им предписывались в одежде желтый, зеленый и красный тона, которые ассоциировались с определенной символикой: желтый считался цветом дьявола и его приверженцев, зеленый — символом жизни, красный — эротическим символом. Часто проститутки проявляли находчивость и изобретательность, скрывая свой статус. Они, например, не только в плохую, но и в хорошую погоду носили традиционные для всех женщин большие дождевые платки, скрывавшие специфические элементы одежды⁶⁴⁷. При этом следует делать различие между маргинализацией проституток с помощью определенных элементов одежды и распространенными в позднесредневековых городах предписаниями для горожан, запрещавших ношение одежды из дорогих тканей, мехов и украшений. Так, например, городской совет в Лейпциге запретил в 1463 г. незнатным горожанкам носить шелковую подкладку плащей, золотые и серебряные украшения, а также коралловые четки⁶⁴⁸. Такие запреты дискриминировали не только проституток, но также в целом женщин, принадлежавших к средним и низшим слоям общества, если они хотели носить одежду, которая, по мнению отцов города, не соответствовала их социальному статусу. Подобные факты отражают общую тенденцию в позднесредневековых городах Германии, направленную на отграничение городских низов от городской верхушки⁶⁴⁹. Существовали также примеры иного рода. Городские власти в Цюрихе пытались ограничить стремление «почтенных» женщин к роскоши тем, что разрешали и даже рекомендовали проституткам ношение одежды из дорогих тканей и украшений⁶⁵⁰.

Таким образом, отношение позднесредневекового городского общества в Германии к проституции вряд ли может трактоваться однозначно, так как оно варьируется не только по времени, регионально и от города к городу, но даже по отношению к отдельным проституткам. Странствующие женщины уже на основании своего мобильного образа жизни находились вне общества и подвергались, как правило, большей дискриминации,

⁶⁴⁵ Rath B. Prostitution und Spaetmittelalterliche Gesellschaft im Oesterreichisch-sueddeutschen Raum. S.566; Buff A. Verbrechen und Verbrecher in Augsburg in der Zweiten Haelfte des 14. Jahrhundert. S.181, 200.

⁶⁴⁶ Koehler B. Allgemeine Trachtenkunde. Bd.3. Teilbd.2: Das Mittelalter. Leipzig o.J. S.12; Bruhn W., Rossiad J. Dame Venus: Prostitution in Mittelalter. Muenchen, 1989. S.82.

⁶⁴⁷ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. С.423-426; Блох И. История проституции. С.313-315.

⁶⁴⁸ Wustmann G. Frauenhaeuser und Freie Frauen in Leipzig im Mittelalter. S.474.

⁶⁴⁹ Strassburger Zunft- und Polizei-Verordnungen des 14 und 15. Jahrhunderts. S.459.

⁶⁵⁰ Scheible J. Das Kloster. Weltlich und Geistlich. Meist aus der Aeltern Deutschen Volks-, Wunder-, Curiositaeten-, und Vorzugsweise Komischen Literatur. 12 Bd. Bd. 6. Stuttgart, 1847. S.482.

чем обитательницы городского женского дома или куртизанки крупного города. Но, с другой стороны, они имели гораздо больше возможностей уклоняться от регламентации властей, а значит и от официальной дискриминации, чем проститутки в городском борделе.

Со второй половины XV в. в германском обществе усиливаются предреформационные взгляды. С этого времени наметился принципиальный поворот к ужесточению отношения к проституции. На территории Германской империи участились акты насилия первоначально против нелегальных проституток, а с конца XV столетия — и против обитательниц городских женских домов⁶⁵¹. Это проявилось, например, в ликвидации обычаев и церемоний, в которых проститутки участвовали как представительницы города. Так, в 1524 г. в Вене был упразднен принятый накануне праздника Иоанна Крестителя танец ремесленных подмастерьев с проститутками. В 1529 г. совет Франкфурта запретил публичным женщинам вручать букеты цветов на ежегодной трапезе. В Нюрнберге в 1546 г. городской совет запретил проституткам участвовать в свадьбах горожан⁶⁵². Усилившаяся маргинализация публичных женщин на рубеже XV—XVI вв. была комплексным процессом, в котором участвовали не только городские советы, но в гораздо большей мере бюргерство и поддерживавший реформационные взгляды клир⁶⁵³.

На совершившийся поворот в общественном сознании в отношении проституции большое влияние оказала Реформация: отныне считалось заблуждением представление о возможности регулировать и направлять сексуальные потребности путем контролируемой городской бордельной проституции, что вело к упразднению городских женских домов. Кроме того, сифилис, быстрое распространение которого в Европе с началом эпохи великих географических открытий ставилось в вину проституткам, принес городским борделям плохую репутацию. Взгляды городских советов в отношении публичных женщин эволюционировали от «более либеральных» в сторону жесткой «коммунальной морали». Усилились стигматизация и маргинализация проституток и развернулась борьба с любой формой проституции. Новая тенденция опиралась на идею Аристотеля об ответственности человека за примерную жизнь.

Причины усилившейся маргинализации проституток со второй половины XV в. дискутируются в наше время, прежде всего, в перспективе цивилизационного подхода. В его рамках «бесстыдное» обращение с сексуальностью и проституцией в позднее Средневековье видится как проявление неразвитого институционального контроля эмоций, который значительно совершенствуется в результате развития центрально-государственных контролирующих органов в Новое время и приводит к функциональной зависимости «всех от всех», к сексуальной табуизации и стыдливости⁶⁵⁴. Однако обращает на себя внимание тот факт, что рамки стыдливости не во всех обществах и не во все времена одинаково высоки. В этой связи возникает вопрос о том, может ли отношение к «продажной сексуальности», описываться в рамках циклической модели смены неприятия и толерантности. Так, например, за неприятием проституции в раннее и высокое Средневековье следовала ее относительная интеграция в общество в XIV—XV вв. Эта интеграция была обусловлена двумя обстоятельствами — как церковным учением, корни которого вели к Августину Блаженному, а затем и к Фоме Аквинскому, так и политикой городских властей, видевших главный смысл деятельности проституток в обеспечении внутригородского мира погашением агрессивности молодых неженатых мужчин.

⁶⁵¹ Schuster P. Das Frauenhaus. Staedtiche Bordelle in Deutschland (1350—1500). S.178.

⁶⁵² Scheible J. Das Kloster. Weltlich und Geistlich. Meist aus der Aeltern Deutschen Volks-, Wunder-, Curiositaeten-, und Vorzugsweise Komischen Literatur. S.510; Kriegk G.L. Deutsches Buerkertum im Mittelalter. Nach Urkundlichen Forschungen. S.327.

⁶⁵³ Schuster B. Die Freien Frauen. Dirnen und Frauenhaeser im 15 und 16. Jahrhundert. Frankfurt/Main/NewYork, 1995. S.418.

⁶⁵⁴ Elias N. Ueber den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und Psychogenetische Untersuchungen. Bd.1: Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. Unveraend. Nachdruck der 2. Aufl. von 1969. Frankfurt/M. 1981. S.186.

ЖЕНЩИНЫ В ИДЕОЛОГИЯХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Анатолий Дулов

БРАК, СЕМЬЯ, МАТЕРИНСТВО В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ БССР 1920-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.

Государственная семейная политика. Политика Советской власти, направленная на регулирование сферы семейных отношений, в 20—30-х гг. XX в., на наш взгляд, прошла два этапа, особенности которых были тесно связаны с общими тенденциями развития советского общества. Первый этап (1917—середина 1930-х гг.) можно определить как время выработки основных направлений брачно-семейной и демографической политики и борьбы с наследием права, традиций и норм, существовавших в Российской империи. Второй этап, начавшийся в середине 1930-х гг. и охвативший послевоенные десятилетия, характеризуется деятельностью по всемерному укреплению семьи как ячейки социалистического общества и стремлением повысить рождаемость. Целью данной статьи является анализ сущности государственной политики в брачно-семейной сфере на протяжении первого из обозначенных этапов.

Политика, проводившаяся на белорусских землях, не была самостоятельной, а определялась центральными органами власти в Петрограде, позднее — в Москве.

В первой половине 1920-х гг. часть белорусских губерний непосредственно входила в состав РСФСР. На самой территории БССР в этот период действовали нормы российского брачно-семейного права. В дальнейшем на территорию республики распространялось действие законодательных актов, принимавшихся как органами власти СССР, так и Советской Беларуси (последние выдерживались в русле общесоюзной политики).

Уже в декабре 1917 г. были изданы декреты о гражданском браке и о расторжении браков. Положения декретов закреплялись и развивались в «Кодексе законов ВЦИК об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» (сентябрь 1918 г.). Названные документы устанавливали — как единственно законный — гражданский брак, оформленный в органах ЗАГСа. Церковный брак терял юридическую силу и отныне считался частным делом граждан. Муж и жена уравнивались в правах: жена могла сохранять свою фамилию, иметь отдельное от мужа местожительство, распоряжаться своими доходами. Максимально упрощалась процедура развода, поводом для которого могло служить «как обоюдное согласие супругов, так и желание одного из них развестись». Таким образом, первые шаги советского законодательства были направлены на секуляризацию брачно-семейной сферы и на расширение прав женщины в семье. Можно согласиться с российскими исследовательницами Н.Л. Пушкаревой и О.Е. Казьминой, которые считают, что данные законодательные мероприятия «могут быть классифицированы скорее как правовые действия буржуазно-демократического характера, поскольку они уничтожили лишь некоторые элементы феодально-патриархальных взглядов на брачные союзы и лишь частично обеспечили некоторую свободу частной жизни»⁶⁵⁵. Само партийно-советское руководство воспринимало данное законодательство как переходное к действительно советскому праву.

Введенная регистрация браков получила признание сначала в городах. Например, по данным белорусского этнографа А.М. Комарова, в г. Могилеве за период с 11 ноября по 31 декабря 1919 г. в ЗАГСе было зарегистрировано 53 брака, а с 1 января по 11 сентября 1920 г. — 349 браков. Всего по республике за 1920 г. было зарегистрировано 25000 браков и 6000 разводов⁶⁵⁶. На селе в основном сохранялся церковный брак. В борьбе против влияния церкви в приватной сфере Народный комиссариат внутренних дел вместе с

⁶⁵⁵ Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Российская система законов о браке в XX веке и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. №4. С.69.

⁶⁵⁶ Комаров А.М. Новые явления в общественном и семейном быту трудящихся Советской Белоруссии (1917—1929 гг.): Историко-этнографический очерк. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Мн., 1969. С.6.

Народным комиссариатом юстиции ССРБ прибегли даже к законодательным мерам, издав в августе 1922 г. циркуляр, запрещавший представителям религиозных культов совершать обряды крещения и брака без их предварительной регистрации в отделах записей актов гражданского состояния (ЗАГС)⁶⁵⁷. СНК отменил этот циркуляр, как нарушающий нормы декрета об отделении церкви от государства. В сельской местности во второй половине 1920-х гг. церковный брак часто совмещался с регистрацией. Гражданский брак там начал получать признание к концу 1920-х гг., о чем свидетельствуют данные исследования, проведенного А.В. Савельевым в Витебском округе. Оно охватило 1627 хозяйств с населением 8867 человек во всех сельсоветах. Из 124 браков, заключенных в обследованных хозяйствах в 1928—1929 г., только 25% после регистрации в ЗАГСе были закреплены церемонией венчания⁶⁵⁸.

В 1923 г. в РСФСР начинается разработка нового Кодекса законов о браке, семье и опеке. Считалось, что нормы нового кодекса должны, с одной стороны, приблизить брачно-семейные отношения к социалистическому идеалу, с другой — приспособить законодательство к реалиям жизни. В 1926 г. после дискуссий на уровне партийно-государственного руководства и в среде юристов-профессионалов, а также обсуждений на собраниях в городах и селах проект приобрел силу закона. На протяжении 1925—1926 гг. белорусские юристы на основе российского законодательства подготовили проект брачно-семейного кодекса. III сессия ЦИК БССР VII созыва в целом одобрила проект, но решила вынести его, как ранее в РСФСР, на обсуждение общественности⁶⁵⁹. Это сделали для того, чтобы в новом кодексе «былі прыняты пад увагу ўсе водгукі і пажаданні з месц»⁶⁶⁰. Вероятно, обсуждение было необходимо также для пропаганды норм советского семейного права среди рабочих и, особенно, крестьянства, которое в значительной степени продолжало руководствоваться традициями. Интересно, что в некоторых местностях БССР дискутировались положения и российского кодекса⁶⁶¹.

Первоначально белорусский проект отличался большей консервативностью. В частности, он признавал правовые последствия для мужа и жены только в случае регистрации брака в ЗАГСе. Показательно, что данный пункт, который был заимствован из кодекса 1918 г., входил в противоречие с постановлением ЦИК БССР «Аб парадку разгляду спраў па скасаванні шлюбаў і па выдачы ўтрыманняў незабяспечанаму супругу і дзецям»⁶⁶², принятым 29 мая 1925 г. Статья 7 названного постановления подчеркивала, что «правам на палучэнне ўтрымання карыстаюцца таксама і асобы фактычна быўшыя ў шлюбе хоць бы і незапісаным»⁶⁶³, а это являлось правовым признанием фактического брака. Дискуссии развернулись именно вокруг проблемы признания фактического брака. Последний имел значительное распространение среди населения БССР: несмотря на лишение церковного брака юридической силы, он не потерял своей привлекательности для сельского населения, и венчание оставалось обязательным, в то время как регистрация брака в ЗАГСе приживалась медленно.

По поводу признания брака без регистрации на делегатских собраниях работниц и крестьянок звучали противоположные мнения, хотя суждения высказывавшихся женщин в большинстве случаев совпадало с мнением докладчика. Например, работницы и жены рабочих г. Рогачева в декабре 1925 г. были уверены в необходимости юридического оформления фактических брачных отношений, так как в случае развода это гарантировало обеспечение прав оставленной жены и ребенка. Признание же фактического брака «дрэнна адбудзецца на становішчы жанчыны» и «укрэпіць царкоўны брак»⁶⁶⁴. Собрание вынесло резолюцию, которая поддерживала установленный после революции порядок. При обсуждении вопроса о браке и семье на общих собраниях работниц и крестьянок в Слуцком районе выяснилось, что часть женщин и большинство мужчин «не прызнаюць ніякія рэгістрацыі, а толькі прызнаюць пару людзей, якія сыходзяцца паміж сабой дзеля палавой, сямейнай жыцці»⁶⁶⁵. В то же время участники собрания требовали усовершенствовать защиту прав женщины в случае развода. Общее собрание женщин-служащих и жен служащих ЦИК, СНК, ЭКОСО и Госплана БССР от 27 ноября 1926 г. постановило считать более правильным принцип необязательной регистрации брака. При этом, по мнению собравшихся, в смысле имущественных и других прав такой брак должен приравниваться к зарегистрированному⁶⁶⁶. Таким образом, несмотря на разное отношение к фактическому браку, участники дискуссий сходились в одном: права матери и ребенка должны быть максимально защищены.

Новый кодекс законов о браке, семье и опеке был утвержден IV сессией ЦИК БССР VII созыва 27 января 1927 г. и с 1 марта вступил в действие. Кодекс 1927 г. вносил в законодательство ряд принципиальных моментов, направленных на защиту прав женщин. Он признавал правомочность

⁶⁵⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ССРБ. 1922. №12. Ст.158.

⁶⁵⁸ Савельеў А.В. Культурнасьць сучаснае вёскі // Комуністычнае выхаваньне. 1930. №5. С.76.

⁶⁵⁹ Комаров А.М. Новые явления в общественном и семейном быту трудящихся Советской Белоруссии (1917—1929 гг.): Историко-этнографический очерк. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Мн., 1969. С.9.

⁶⁶⁰ Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. 1926. Add.l. №31. Арт.122.

⁶⁶¹ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф.4-п. Оп.9. Д.46. Л.331.

⁶⁶² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. 1925. Отд. I. №28. Ст.274.

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ НАРБ. Ф.4-п. Оп.9. Д.56. Л.1.

⁶⁶⁵ Там же. Д.46. Л.331.

⁶⁶⁶ Там же. Д.92 Л.16.

фактического брака. Мужчины и женщины, которые находились в таковом, имели те же самые права и обязанности, что и в зарегистрированном браке. Для суда доказательством существования брака считались: совместное проживание и совместное ведение хозяйства; проявление семейных отношений перед третьими лицами, в документах и переписке; при определенных обстоятельствах — взаимная материальная поддержка и совместное воспитание детей⁶⁶⁷. Кодексом устанавливался принцип общей собственности на совместно нажитое в браке имущество. При этом работа в домашнем хозяйстве и воспитание детей приравнивались к труду в общественном производстве. Еще более упрощалась процедура развода. Расторжение браков через суд отменялось и отныне осуществлялось через ЗАГС. Присутствие сторон при этом было необязательным. При разводе семейное имущество делилось поровну. К тому же не имеющий средств нетрудоспособный супруг на протяжении года получал право на содержание от другого супруга, если последний был в состоянии оказывать помощь, и если нетрудоспособность была последствием брака. Право на девятимесячное содержание получали также трудоспособный муж или жена в случае безработицы⁶⁶⁸. Запись отцовства производилась по письменному заявлению женщины, которое мужчина мог оспорить в течение года. Даже если семейных отношений не было, отец должен был участвовать в расходах, связанных с беременностью и уходом за ребенком, а также оказывать материальную помощь женщине в период беременности и на протяжении одного года после родов⁶⁶⁹. На содержание ребенка взимались алименты. При взимании алиментов с члена крестьянского двора закреплялся принцип, в соответствии с которым они вычитались из личных средств конкретного человека, а если таких средств было недостаточно, ребенок имел право на содержание за счет той части имущества хозяйства, которая принадлежала данному члену⁶⁷⁰.

Кодекс о браке, семье и опеке 1927 г. завершал, в основных чертах, формирование брачно-семейного права Советской Беларуси межвоенного периода. По сравнению с кодексом 1918 г., он закреплял более прогрессивные и демократические нормы, в частности, правовое признание фактического брака, упрощение процедуры развода; женщины получили равные права в сфере брачно-семейных отношений. В первой половине 1930-х гг. вытеснение церковного брака сопровождалось закрытием культовых зданий и репрессиями в отношении священнослужителей. На 20 декабря 1936 г. в БССР была закрыта 1371 православная церковь, а действовавших осталось только 74⁶⁷¹.

Система охраны материнства и детства. Идея о создании государственной системы охраны материнства, младенчества и общественного воспитания стала реализовываться вскоре после революции. В 1918 г. при Наркомате государственного призрения РСФСР был создан соответствующий отдел «для разработки вопросов и проведения неотложных мероприятий по охране и обеспечению материнства, как социальной функции женщины, и по охране младенчества, как прямой обязанности государства»⁶⁷². В БССР создание государственной системы охраны материнства и младенчества началось в 1920 г., после освобождения территории от польской оккупации⁶⁷³. Эта система имела одинаковый вид во всех советских республиках. Она включала женские и детские консультации, которые осуществляли наблюдение за женщинами в период беременности и оказывали им помощь в уходе за младенцами. Следующую ступень составляли учреждения общественного воспитания. В городах обычно создавались постоянные ясли и детские сады при предприятиях, а в сельской местности в летнее время — сезонные полевые ясли и детские площадки. Городские женщины в соответствии с декретом «О страховании на случай болезни» 1917 г. получили право освобождения от работы на 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка. Однако многие предпочитали им не пользоваться и работали до самых родов, так как за период отпуска теряли премиальные⁶⁷⁴, а из-за безработицы и жесткой конкуренции второй половины 1920-х гг. боялись потерять работу⁶⁷⁵.

В период нэпа средства, выделявшиеся на социальную сферу, были ограничены, что сдерживало распространение учреждений общественного воспитания и охраны материнства и детства. В 1924 г. на территории укрупненной БССР насчитывалось 15 консультаций, из них 9 с молочными кухнями; 7 яслей в городах и 14 сезонных полевых яслей⁶⁷⁶. Если работницы быстро оценили пользу от подобных учреждений, то в деревнях их организация нередко встречалась с противодействием. Более того, в сельской местности в большинстве случаев беременная женщина продолжала выполнять тяжелые работы до самых родов. В 1920-е гг. роды в сельской местности обычно происходили дома, нередко были случаи родов прямо в поле. Так, из 288 случаев родов, зафиксированных в исследованных А.В. Савельевым хозяйствах, 93,1%

⁶⁶⁷ Сбор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. 1927. Addz.I. №7. Арт.26.

⁶⁶⁸ Там же.

⁶⁶⁹ Там же.

⁶⁷⁰ Там же.

⁶⁷¹ Канфесіі на Беларусі (канец XVIII — XX ст.) / Пад рэд. У.І. Навіцкага. Мн., 1998. С.73.

⁶⁷² Цит. по: Бильшай В. Решение женского вопроса в СССР. М., 1956. С.95.

⁶⁷³ Граеўская М. Дасягненні па ахове мацярынства і младазства ў Савецкай Беларусі за 10 год // Беларуская мэдычная думка. 1929. №1. С.102.

⁶⁷⁴ Государственный архив общественных объединений Могилевской области. Ф.6622. Оп.1. Д.86. Л.180.

⁶⁷⁵ НАРБ. Ф.4-п. Оп.9. Д.86. Л.42.

⁶⁷⁶ НАРБ. Ф.4-п. Оп.9. Д.6. Л.5, 11.

произошли в собственной хате и только 6,9% в лечебницах⁶⁷⁷. В 61,2% случаев роды произошли с помощью повивальных бабок, а около четверти — вообще без всякой помощи. Причем последнее было характерно, главным образом, для бедняцких и полубедняцких хозяйств: из 41 случая родов в них только в одном присутствовала акушерка⁶⁷⁸. Обычно уже в первые сутки, обвязав живот рушником, женщина начинала работать по дому, а на второй–третий день выходила в поле⁶⁷⁹. После родов, согласно церковным установлениям, женщина считалась нечистой. На 40-й день она направлялась в церковь с ребенком, и после прочтения над ней разрешительной молитвы «введения в храм» женщина могла возобновить половую жизнь.

Многие крестьянки считали, что «деревенским детям не нужны игрушки и книги, а нужно, чтобы они умели работать», «если давать детей в ясли и сады, то они выйдут оттуда лентяями и белоручками и не будет кому работать». Некоторые советские работники противодействовали подобным настроениям отнюдь не убеждением. Военком Добромыслянской волости Витебского уезда, например, разъезжал по деревням с угрозами расстрелять тех, кто не отдаст детей в ясли⁶⁸⁰.

С конца 1920-х гг., в условиях индустриализации, возникает значительная потребность в рабочей силе. В связи с этим правительство обращает серьезное внимание на развитие системы детских яслей и садов с целью вовлечения женщин в общественное производство. Уже в первом пятилетнем плане, принятом XII съездом КП(б)Б, содержалось положение, согласно которому до конца пятилетки все дети работниц в городах должны быть обеспечены консультациями; планировалось также повышение количества детских садов в окружных городах и промышленных центрах на 75%, а полевых яслей в сельской местности — на 144%⁶⁸¹. На этом направлении были достигнуты определенные успехи. В частности, число детских консультаций увеличилось в городах с 55 в 1929 г. до 91 в 1937 гг., а количество посещений их более чем удвоилось; в сельской местности количество консультаций за тот же период выросло с 20 до 32⁶⁸². Ускоренными темпами росло число яслей, появились постоянные ясли в сельской местности (см. таблицы 1, 2).

Таблица 1

Ясельная сеть в городах БССР

Годы	Количество яслей	Количество коек в них
1926	19	620
1929	30	1338
1931	46	2034
1933	101	5966
1934	128	6872
1935	182	8698
1936	240	10357
1937	248	10865

Источник: Вовшина А.М., Сироткина Л.Г. Ясли и детские консультации в БССР // Медицинский журнал БССР. 1938. №3. С.42–46.

Таблица 2

Ясельная сеть в сельской местности БССР

Годы	Количество сезонных яслей	Коек в них	Количество постоянных яслей	Коек в них
1926	118	---	---	---
1929	425	12750	---	---
1931	997	26450	35	1094
1933	2498	67518	222	5415
1934	4393	112794	331	8904

⁶⁷⁷ Савельлеу А.В. Культурнасьць сучаснае вёскі // Комуністычнае выхаваньне. 1930. №6. С.32.

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ Там же. С.49, 51; Лагун Я.М. Санітарна-бытавое апісаньне вёскі Азяраны Тураўскага раёну, Мазырской акругі // Беларуская мэдычная думка. 1929. №5-8. С.109.

⁶⁸⁰ Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). Ф.10050-п. Оп.1. Д.183. Л.15.

⁶⁸¹ КПБ в резолюциях и решениях. Т.2. С.117.

⁶⁸² Вовшина А.М., Сироткина Л.Г. Ясли и детские консультации в БССР // Медицинский журнал БССР. 1938. №3. С.49–50.

1935	4854	132157	1070	29808
1936	5586	149015	1350	36827
1937	6152	149052	1329	36753

Источник: Вовшина А.М., Сироткина Л.Г. Ясли и детские консультации в БССР // Медицинский журнал БССР. 1938. №3. С.42–46.

Такому росту способствовало принятие и реализация в первой половине 1930-х гг. органами власти республики ряда законодательных актов, направленных на развитие государственной системы охраны материнства и детства. В частности, постановлениями ЦИК и СНК БССР «Аб узмацненні абслугоўвання дзяцей работніц прамысловых прадпрыемстваў яслямі і дашкольнымі ўстановамі» (май 1930 г.) и «Аб абавязковых узносах прадпрыемстваў на ўтрыманне дзіцячых ясляў і дзіцячых садоў» (апрель 1934 г.) определялись категории промышленных предприятий, которые должны были выделять средства на содержание яслей и дошкольных учреждений, и доля, которую они обязывались отчислять⁶⁸³. Кроме того, источниками финансирования детских учреждений являлись средства, выделявшиеся из республиканского и местных бюджетов, а также по линии социального страхования. Государство стремилось опереться и на инициативу граждан, которым в 1932 г. было предложено создавать кооперативные товарищества дошкольного воспитания⁶⁸⁴. С 1934 г. вводилась льготная система оплаты яслей и детских садов для рабочих и служащих с низким заработком⁶⁸⁵. В 1935 г. были реализованы мероприятия по усилению финансирования и унификации системы дошкольных учреждений. Все предприятия, учреждения и стройки должны были делать отчисления из фондов улучшения быта рабочих и служащих, а также из оставлявшихся в распоряжении предприятий 50% сверхплановых доходов⁶⁸⁶. Детские сады городских предприятий, учреждений (кроме садов при жилищных кооперативах) и совхозов передавались в ведение Народного комиссариата просвещения БССР⁶⁸⁷.

Так к середине 1930-х гг. в основных чертах было завершено формирование государственной системы охраны материнства и младенчества, которая в будущем проявит свою эффективность.

Демографический менталитет и модели поведения. Демографические стереотипы и модели поведения людей, складывавшиеся на протяжении предыдущих столетий, отличались относительной устойчивостью. Носителями их были крестьяне или рабочие, также в значительной своей части выходцы из крестьянской среды. Изменения в семейно-брачной сфере в 1920—1930-х гг. отличались постепенностью и носили достаточно поверхностный характер.

Брак по-прежнему представлялся необходимым, обязательным для мужчин и женщин как в среде крестьян, так и в городской среде. Об этом свидетельствуют статистические данные по зарегистрированным в первой половине 1920-х гг. бракам. После окончания Первой мировой и Гражданской войн уровень брачности значительно превысил довоенный: в 1923 г. на 1000 населения приходилось 12,6 браков против 7,4 в 1911—1913 гг. Особенно значительное повышение уровня брачности было отмечено в городах. Если в сельской местности в 1923 г. брачность составляла 12,2 на 1000 населения, то в городах она равнялась 15,8, а в Минске — 17,8. В последующие годы наметилась тенденция к постепенному уменьшению числа заключаемых браков (в 1925 г. коэффициент брачности составлял 10,3) и сглаживанию разницы между городом и селом⁶⁸⁸, что, видимо, свидетельствует о распространении в сельской местности практики регистрации брака в ЗАГСе. Снижение коэффициента брачности отчасти может быть связано с распространенностью фактических, незарегистрированных, браков, которые Кодекс 1927 г. признавал равноценными зарегистрированным.

Даже для образованной части молодежи несомненной оставалась важность и необходимость брака. Анкетирование студентов БГУ, проведенное в 1927 г. и охватившее 1424 человека, выявило, что идеалом взаимоотношений полов в представлении студентов оставался брачный союз: большинство однозначно выступало за официальный брак (33,8% опрошенных мужчин и 36,5% женщин) либо за устойчивое свободное сожительство (29,1% студентов и 40,4% студенток). Меньшая часть респондентов поддержала кратковременное сожительство и случайные встречи. Среди них преобладали мужчины. Примерно одинаковое количество

⁶⁸³ Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. 1930. №22. Паст.150; Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. 1934. №15. Паст.72.

⁶⁸⁴ Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. 1932. №25. Паст.104.

⁶⁸⁵ Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. 1934. №26. Паст.124.

⁶⁸⁶ Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. 1935. №32. Паст.172.

⁶⁸⁷ Там же. Паст.174.

⁶⁸⁸ Киркевич М. Естественное движение населения в БССР за 1924 г. // Бюллетень ЦСУ. Мн., 1926. Вып.1. С.22.

студентов и студенток высказались за воздержание — 9,1 и 10% соответственно (см. таблицу 3).

Таблица 3

Идеал взаимоотношений полов по результатам анкетирования студентов БГУ

Форма полового поведения	Мужчины		Женщины	
	%	количество	%	количество
Брак	33,8	321	36,5	168
Свободное сожителство	29,1	277	40,4	186
Кратковременное сожителство	8,5	81	2,4	11
Случайные встречи	6,8	65	1,1	5
Воздержание	9,1	87	10	48

Источник: Панкевич П. Які-ж наш беларускі студэнт? // Асьвета. 1928. №4. С.36.

Таким образом, большая часть студентов оставалась сторонниками брака. Парадоксальным кажется более значительная поддержка женской частью опрошенных фактического брака в противовес зарегистрированному. Вероятно, образованные женщины стремились сохранить большую свободу в браке и облегчить расставание с мужем в случае неудачного супружества. Что касается воздержания, то некоторые собирались его придерживаться на протяжении учебы в вузе, а некоторые — всю жизнь. Как объяснил свой выбор один из студентов, легкомысленное отношение к половой жизни «зневажае чалавека і ўдубальт забівае жанчыну. Адбірае ў яе часць энергіі, якая магла быць вызначана для грамадскай дзейнасці. Я лічу ідэалам палавога жыцця доўгатэрміновае вольнае каханне. Эканоміка ў сучасны момант гэтага не дазваляе. Трэба ўстрымлівацца»⁶⁸⁹.

Произошли определенные изменения в возрастном составе брачующихся. В довоенное время довольно значительное число мужчин — 15,4% — вступало в брак в возрасте до 20 лет. В 1924 г. было отмечено сокращение этой группы до 6,3%. За ее счет значительно увеличилась возрастная группа от 21 до 24 лет (с 34,3 до 42,0%). Подобные изменения произошли и в составе невест. До 1914 г. абсолютное большинство девушек выходило замуж к 25 годам (88,1%). К 1924 г. значительных изменений в распределении невест по возрастам не произошло. Средний возраст женихов по БССР в 1924 г. составил 27,2 года, средний возраст невест — 23,6 года, повысившись в сравнении с довоенным временем. При этом по БССР традиционно преобладали браки, в которых жених был старше невесты — 55,5% — или брачующиеся были ровесниками — 32,6%, хотя достаточно значительным был процент браков, где невеста была старше жениха — 10,8%⁶⁹⁰. По-прежнему приоритет был за первыми браками, т.е. такими, где жених и невеста впервые вступали в брак (80,5%). Однако в 1924 г. увеличилась группа браков, в которой одна из сторон уже побывала в браке, но развелась (7% по БССР, 11% в Минске), при том что до войны таких браков зафиксировано не было⁶⁹¹. Несколько возрос также процент браков холостых с вдовами.

В первой половине 1920-х гг. наблюдался рост рождаемости. Так, на 1000 населения в 1923 г. родилось 37,4 (здесь коэффициент несколько ниже довоенного), в 1924 г. — 39,8, а в 1925 г. — 42,3 детей⁶⁹². При этом отмечалось значительное увеличение рождаемости в сельской местности при одновременном падении в городах⁶⁹³. С 1926 г. наметилось постепенное уменьшение рождаемости по республике в целом: с 41,3 до 35,1% в 1931 г.⁶⁹⁴ Нам не удалось выявить данных по рождаемости за последующие годы. Очевидно, однако, что падение рождаемости продолжилось под воздействием ряда факторов (коллективизация, урбанизация, репрессии и т.д.). Возможно, определенное увеличение рождаемости в БССР произошло в 1937—1938 гг. под воздействием запрета аборт. Однако уже в 1940 г. был зафиксирован уровень рождаемости гораздо более низкий, чем в предыдущие десятилетия — 26,8 детей на 1000 населения⁶⁹⁵. Таким образом, очевидно, что хотя материнство в официальном дискурсе и в сознании самих женщин сохраняло свою ценность и для многих являлось смыслом жизни, население БССР

⁶⁸⁹ Цит. по: Панкевич П. Які-ж наш беларускі студэнт? // Асьвета. 1928. №4. С.37.

⁶⁹⁰ Киркевич М. Естественное движение населения за 1924 г. С.24.

⁶⁹¹ Там же. С.25.

⁶⁹² Раков А.А. Население БССР. Мн., 1969. С.50.

⁶⁹³ Киркевич М. Естественное движение населения в БССР за 1924 г. С.4-5.

⁶⁹⁴ Раков А.А. Население БССР. С.50.

⁶⁹⁵ Там же.

под воздействием различных факторов постепенно переходит к западноевропейскому типу демографического поведения.

Хотя официальный развод до 1917 г. был практически невозможен, в крестьянской среде бытовало фактическое расторжение отношений⁶⁹⁶. В 1920-е гг., после того как процедура развода была крайне упрощена, это явление получило широкое распространение. Число разводов стремительно росло: с 1923 по 1925 г. более чем в 2 раза⁶⁹⁷. Наблюдался параллельный рост показателей «разводимости» и в городе, и на селе, хотя город, как и ранее, сохранял в этой области лидирующие позиции. Основная масса разволившихся обоих полов находилась в возрасте от 20 до 24 лет: 27% мужчин и 37,5% женщин⁶⁹⁸. Большинство актов расторжения брачных союзов в 1924 г. было осуществлено по обоюдному согласию сторон — 64,6%, причем в сельской местности этот процент был выше — 69,8%, а в городах несколько ниже — 51,4%⁶⁹⁹. Большею частью по обоюдному согласию разводились мужчины и женщины в возрасте до 30 лет.

Изменение стереотипов брачно-семейной сферы, взглядов на женщину и ее роль в семье и обществе затронули, в первую очередь, образованную и воспринявшую новую идеологию часть молодежи. В этом отношении значительный интерес представляют результаты анкетирования, проведенного в 1927 г. среди студентов Комвуза (охвачено 166 человек). Исследование выявило, что большинство студентов относится к женщине как к товарищу — 38%, уважают ее как человека — 20,5%, поддерживают принцип социального равенства мужчин и женщин — 20,5%. В то же время некоторые из анкетированных воспринимали женщину исключительно как объект своих желаний, а 7,3% опрошенных относились к ней как к слабейшему другу, что было квалифицировано как «права сваеасаблівых рыцарских паводзін, каторыя не гармануюць з нашай сучаснасцю»⁷⁰⁰. На вопрос о приемлемости работы по дому с целью создания жене условий для участия в общественно-политической деятельности большинство комвузовцев дали согласующиеся с большевистской идеологией ответы. Признали это целиком возможным 41,9% респондентов; возможным с оговорками — 21,7%. Невозможной посчитали помощь жене в домашних делах 16,2% студентов, 20,5% воздержались от ответа, однако с большой долей уверенности можно предположить их отрицательный ответ⁷⁰¹. Около половины комвузовцев оценили как важный физиологический момент во взаимоотношениях мужчины и женщины: 24,7% респондентов обозначили роль этого момента как значительную и самую главную, еще 22,9% посчитали его естественной необходимостью. Второстепенной роль физиологического аспекта представлялась 10,9% опрошенных, 12% дали неконкретные ответы, 3,6% не поняли вопроса, 25,9% не дали ответа⁷⁰². Сам вопрос привел в замешательство немалое количество студентов, что свидетельствует об устойчивости традиционных стереотипов: в сознании этой группы связанные с сексом темы являлись табуированными и не могли служить предметом обсуждения.

Таким образом, нормы и стереотипы брачной сферы, складывавшиеся веками, оставались довольно устойчивыми. Однако в 1920-е гг. здесь наметились определенные изменения: церковный брак вытеснялся гражданским, несколько повысился средний возраст брачующихся, при выборе брачного партнера большую роль стали отыгрывать личные склонности молодых.

Регулирование рождаемости. После Октябрьской революции, несмотря на радикальные действия по уравниванию женщин в правах, уголовная ответственность за аборты сохранялась. В условиях Первой мировой, а потом и Гражданской войн проблема абортов обострилась: возросло их количество, а несоответствующие условия проведения вызвали рост смертности женщин. Поэтому советское государство в 1920 г. вынуждено было пойти на разрешение абортов, осуществлявшихся в лечебных учреждениях по медицинским и социальным показателям. Соответствующее постановление подчеркивало, что признание искусственного аборта является временной мерой. Законодатели исходили из того, что семья желает иметь много детей, однако этому пока мешают социальные условия. По мере преодоления последствий Гражданской войны причины для абортов исчезнут, а рождаемость начнет расти⁷⁰³. Таким образом, советские законодатели в данном вопросе руководствовались не идеями о репродуктивной свободе женщин. Политика государства изначально была ориентирована на стимулирование высокой рождаемости. Легализация абортов при этом являлась временной мерой, призванной сохранить фертильность женщин и усилить контроль над репродуктивной сферой. Постановление об абортах 1920 г. было использовано также для борьбы с частнопрактикующими медиками и бабками-повитухами, для которых уголовное наказание сохранялось.

На протяжении 1920-х гг. прослеживалась тенденция к росту абсолютного количества абортов и их числа относительно родившихся. Так, на 1925 г. по БССР на 100 родившихся приходилось 5,6 абортов, по

⁶⁹⁶ Россия: Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. В.П. Семенова. Т.9. Верхнее Поднепрорье и Белоруссия. СПб., 1905. С.153.

⁶⁹⁷ Киркевич М. Естественное движение населения в БССР за 1924 г. С.27.

⁶⁹⁸ Там же. С.28.

⁶⁹⁹ Там же.

⁷⁰⁰ Панкевіч П. Панкевіч П. Які-ж наш беларускі студэнт. С.34.

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² Там же. С.35.

⁷⁰³ Авдеев А.А. Аборты и рождаемость // Социс. 1989. №3. С.57.

городам — 69,2 и по сельским местностям — 2,3⁷⁰⁴. К 1928 г. аборт в городе составляли уже 92,2% к числу родившихся, на селе — 7,6%⁷⁰⁵. Причем приведенные данные не учитывают подпольных абортов. Как свидетельствуют материалы об абортах, осуществленных в Витебской городской рабочей больнице им. Калинина в 1926—1927 гг., большей частью шли на искусственное прерывание беременности женщины в возрасте от 21 до 30 лет (65% в 1926 г. и 52% в 1927). Большинство из них были рожавшими: 89% в 1926 и 81% в 1927. При этом был отмечен рост количества молодых (до 20 лет) и нерожавших женщин. Значительная часть делала аборт уже во второй (47% в 1926, 59% в 1927) или даже в третий раз (32 и 22% соответственно)⁷⁰⁶. Аборты не были редкостью и в деревне. В 1920-е гг. они проводились, главным образом, не в больнице, а на дому⁷⁰⁷. Это объяснялось как нехваткой в сельской местности медицинских учреждений, так и традиционализмом мышления крестьянок, не желавших, чтобы общество узнало об их проблеме. Прерывание беременности в домашних условиях производилось варварскими способами: чтобы произошел выкидыш, женщины поднимали тяжести, прыгали с высоких мест, пили настои из ядовитых трав (настойки шафрана, цветов пиона и др.), могли принимать также ружейный порох и хинин. Если это не помогало, обращались к бабкам. Те, обычно, старались проткнуть плод веретеном, гусиным пером или гвоздем⁷⁰⁸.

Ввиду роста количества абортов и опасности нелегальных операций государство постепенно ограничило их доступность. В ноябре 1924 г. было издано правительственное постановление о создании абортных комиссий для выдачи разрешений на бесплатный искусственный аборт. В постановлении назывались категории женщин, имевших приоритетное право на прерывание беременности. Во-первых, это безработные-одиночки; во-вторых, работницы-одиночки, которые имеют ребенка; в-третьих, многодетные работницы, занятые на производстве; в-четвертых, многодетные жены рабочих; затем — все остальные категории застрахованных и другие гражданки⁷⁰⁹. Постановление, установившее очередность в праве на аборт, целиком отказывало в личных мотивах для прерывания беременности. Права личности и семьи на планирование количества детей и времени их рождения узурпировались государством. Однако созданные абортные комиссии, в состав которых обычно входил врач, акушерка и представитель женотдела, не дали ожидаемого эффекта. Далеко не каждая женщина обращалась в комиссию за разрешением, чтобы не подвергаться унижительной процедуре рассмотрения ее проблемы. Комиссии часто запрещали прерывать беременность, когда это было действительно необходимо⁷¹⁰, что в конечном итоге вынуждало женщин обращаться к врачам, нелегально практиковавшим на дому. Кроме того, многие женщины не доверяли бесплатной больничной медицине. Так, жена сотрудника ГПУ, получившая разрешение на проведение аборта в больнице, пыталась воспользоваться нелегальными услугами врача, который брал за операцию 25 рублей⁷¹¹. Подпольный аборт в городе сохранял свои позиции.

Во второй половине 1920-х гг. контроль над репродуктивной сферой сохранялся и даже усилился. Поскольку абортные комиссии действовали только в городах, Наркомздрав СССР циркуляром от 17 марта 1925 г. разрешил участковым врачам самостоятельно решать вопрос о проведении аборта по социальным и медицинским показателям⁷¹². В 1926 г. Наркомздрав запретил аборты после 3 месяцев беременности; беременным впервые при отсутствии жизненно важных медицинских показателей; ранее 6 месяцев после предшествовавшего аборта⁷¹³. С конца 1920-х гг. в ряде случаев за аборты стала взиматься плата, размер которой определялся в зависимости от социальной принадлежности женщины: для работниц — от бесплатного оказания медицинской услуги до 7 рублей 50 копеек (если зарплата превышала 100 рублей); для кустарниц — 10 рублей; для «нетрудового элемента» — 16 рублей; для крестьянок — от бесплатного до 5 рублей, для крестьянок индивидуального обложения — 10 рублей⁷¹⁴. При ограничении доступности абортов на первом плане была, видимо, забота о здоровье женщины, но объективно данные меры свидетельствуют о стремлении государства контролировать репродуктивную сферу.

⁷⁰⁴ Дихтяр С.Р. Лечебно-профилактические задачи в области родильно-гинекологической помощи в Белоруссии // Беларуская мэдычная думка. 1926. Т. II. №4-6. С.14.

⁷⁰⁵ Фурс М. Становішча і бліжэйшыя пэрспэктывы разьвіцця акушэрства і гінекалогіі ў БССР // Беларуская мэдычная думка. 1929. №5-8. С.28-29.

⁷⁰⁶ Окунев М. Искусственный аборт по материалам Витебской городской рабочей б-цы им.Калинина за 1926—27 гг. (Сравнительные данные) // Беларуская мэдычная думка. 1929. №5-8. С.116-117.

⁷⁰⁷ Лагун Я.М. Санітарна-бытавое апісаньне вёскі Азяраны Тураўскага раёну, Мазырскай акругі. С.109; Жук У., Панкоў П. Санітарна-бытавы нарыс вёскі Дубровы, Лельчыцкага сельсавету, і раёну, Мазырскае акругі // Наш край. 1929. №2. С.49.

⁷⁰⁸ Тамковіч М. Да пытання аб санітарна-бытавым стане вёсак: Глядкі, Шабунькі, Куляшы, Бранчыцы і Чапялі, Старобінскага раёну Бабруйскае акругі // Наш край. 1927. №12. С.53; Гарбач А.Л. Рысы старога быту. С.49; Поляк М. Аборты — не дело акушеров и бабок-повитух // Беларуская работніца і сялянка. 1928. №4. С.24.

⁷⁰⁹ Там же.

⁷¹⁰ НАРБ. Ф.4-п. Оп.9. Д.14. Л.188.

⁷¹¹ Там же. Л.89.

⁷¹² Авдеев А.А. Аборты и рождаемость. С.58.

⁷¹³ Там же.

⁷¹⁴ ГАВО. Ф.376. Оп.1. Д.90. Л.7.

Ограничительные меры в отношении аборта сочетались с широкой пропагандистской кампанией, направленной на разъяснение его вредности для здоровья. Доклады соответствующего содержания читались на делегатских собраниях и съездах женщин⁷¹⁵, в печати появлялись статьи, предупреждавшие об опасности аборта⁷¹⁶. Суды над повитухами в деревне стремились превращать в показательные процессы⁷¹⁷.

Вплоть до 1936 г., когда аборт были запрещены и могли осуществляться только в исключительных случаях (если беременность создавала угрозу здоровью женщины или при наличии у родителей тяжелых наследственных заболеваний), они оставались одним из главных средств регулирования рождаемости. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами контент-анализа материалов дискуссии по проекту постановления о запрете абортов, нашедших отражение в официальной прессе (газетах «Рабочий» и «Звезда»). Выявилось, что признак «сохранение абортов» находится на 3 месте по частоте встречаемости в предложениях и суждениях участников дискуссии, после признаков «радость материнства» и «расширение системы охраны материнства и младенчества». Особенно женщины, подчеркивая, что материнство — это замечательно, часто говорили, о преждевременности в существующих условиях запрета абортов. Предложение о распространении качественных средств контрацепции возникло всего в одном случае из 184. И это не случайно.

Борьба с абортами в 1920—1930-е гг. не сопровождалась широкой пропагандой знаний о контрацепции и распространением противозачаточных средств. Во-первых, партийное руководство вряд ли задумывалось о таком пути решения проблемы абортов. Во-вторых, это входило бы в противоречие с официальными взглядами на материнство, которые, в значительной степени соответствовали традиционным и религиозным представлениям. Хотя были и исключения. Например, нарком здравоохранения БССР Барсуков, выступая на II Всебелорусском съезде крестьянок 1926 г, говорил о необходимости ознакомления женщин «с мероприятиями, предупреждающими беременность, но менее опасными, чем аборт»⁷¹⁸. Это заявление вызвало живой интерес делегатов съезда. Женщины спрашивали: «Какие меры принять, чтобы не быть беременной?»; «Каким образом спастись от беременности кроме аборта?»; «Скажите, пожалуйста, почему именно женщина должна только спастись от беременности, неужели мужчина не может спастись от беременности?»⁷¹⁹ и т.п. На съезде, видимо, прозвучал ответ на эти вопросы, однако проблема контрацепции не вошла в программу делегатских собраний и не стала предметом их обсуждения. Лишь изредка этот вопрос мог затрагиваться во время докладов по здравоохранению.

В журнале «Беларуская работніца і сялянка» за 1927 г., вероятно под воздействием речи наркома Барсукова на II Всебелорусском съезде крестьянок, был опубликован цикл из двух бесед доктора М. Поляка «Предохранительные средства против беременности». Автор удачно обошел противоречие с существующими взглядами на материнство. Первая беседа открывалась фразой: «Материнство — это великая общественная обязанность женщины»⁷²⁰. Но далее доктор обосновывал мысль, что женщина, с другой стороны, не может мириться с большой семьей, которая ограничит ее общественную активность. Государство же пока еще не может полностью взять на себя содержание и воспитание детей. Женщины, не желающие рожать, идут на вредный аборт: следовательно, нужно предложить им безвредные, удобные в применении и доступные для малоимущих противозачаточные средства⁷²¹. Однако на официальном уровне не проявлялось серьезной заботы о распространении мер контрацепции. Поэтому аборт наряду с традиционными малоэффективными средствами предохранения оставался одним из основных способов регулирования рождаемости.

*** **

Таким образом, Кодексы законов о браке, семье и опеке 1918 и 1927 гг. реформировали брачно-семейное законодательство, вводили принципы добровольности и свободы брака и развода. При этом права женщины-матери и интересы детей, в том числе рожденных вне брака, были защищены законодательством. В то же время традиционно появление внебрачного ребенка считалось позором: женщина в подобном случае подвергалась осуждению со стороны семьи и сельского сообщества⁷²². В связи с развернувшейся индустриализацией 1930-х гг. особенно много внимания было уделено развитию государственной системы охраны материнства и младенчества. Материнство понималось партийно-советским руководством как социальная обязанность. Поэтому, несмотря на легализацию в 1920 г. абортов,

⁷¹⁵ НАРБ. Ф.4-п. Оп.9. Д.82. Л.95-96.

⁷¹⁶ Поляк М. Об аборте // Беларуская работніца і сялянка. 1928. №3. С.21 и др.

⁷¹⁷ НАРБ. Ф.4-п. Оп.9. Д.25. Л.40.

⁷¹⁸ НАРБ. Ф.4-п. Оп.9. Д.82. Л.96.

⁷¹⁹ Там же. Л.116-118.

⁷²⁰ Поляк М. Предохранительные средства против беременности: беседа первая // Беларуская работніца і сялянка. 1927. №3. С.19.

⁷²¹ Там же.

⁷²² Там же.

право женщин на репродуктивную свободу было довольно ограниченным, пока и вовсе не было ликвидировано в 1936 г.

В межвоенный период большинство белорусских семей сохраняли патриархальный характер; в то же время в некоторых из них происходил переход к эгалитарному типу взаимоотношений. Получала постепенное распространение малая семья. Происходил переход к типу демографического поведения, характерному для индустриального, урбанизированного общества. Незначительно расширилось применение мер контрацепции. Но нельзя абсолютизировать происходившие изменения. Хотя в молодежной среде отмечалось определенное раскрепощение нравов, еще рано применительно к рассматриваемому времени вести речь об исчезновении традиционных норм и стереотипов в поведении белорусов.

БРАК, МАТЕРИНСТВО И СЕМЬЯ В НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ МЕЖВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

«Классические» тоталитарные режимы XX века — сталинский Советский Союз, фашистская Италия и нацистская Германия — характеризуются рядом общих, присущих каждому из них в той или иной мере признаков. Исследования историков, социологов, философов показывают, что общими для трех тоталитарных диктатур прошлого столетия были однопартийная система и слияние монолитной массовой партии с государством, культ национального вождя и создание аппарата непрерывного массового террора. Сходство режимов Сталина, Гитлера и Муссолини распространяется не только на их базовые признаки, но и на многие частные моменты в идеологии и политике. К их числу относится политика в области материнства и складывание в Советском Союзе, Италии и Германии культа матери, основным предназначением которого были стимулирование роста населения и укрепление лояльности граждан по отношению к власти. Достаточно вспомнить чествование матерей в дни праздника 8 Марта и присвоение звания «Мать-героиня» советским женщинам или фашистские свадьбы, «битву за высокую рождаемость», День матери и ребенка в Италии⁷²³. Государственная поддержка материнства, сопровождавшаяся конструированием культа матери, осуществлялась в гитлеровском рейхе. Изучение частного германского примера может способствовать более глубокому осмыслению идеологии и политики тоталитарных государств, влияния диктатур на общественное развитие, на положение человека — и женщины, и мужчины — при тоталитаризме.

В первой трети XX в. в Германии происходил постепенный и противоречивый процесс эмансипации женщины. Так, в ноябре 1918 г. по решению Совета Народных Уполномоченных женщинам предоставили избирательное право, в 1926 г. рейхстаг смягчил установленные еще в эпоху создания Германской империи уголовные наказания за аборт, а в мае следующего года был принят закон о защите труда беременных женщин и работающих матерей. В то же время в республике действовал Гражданский кодекс 1900 г., устанавливавший подчинение жены мужу, а детей — отцу. Согласно кодексу жена была обязана проживать по месту жительства мужа, носить его фамилию, вести домашнее хозяйство и работать на семейном предприятии. Все имущество жены, в том числе полученное в качестве приданого и нажитое в браке, находилось под управлением мужа. Только он мог принимать решения по всем вопросам совместной жизни супругов. Матери, как и отцу, вменялась в обязанность забота о личности ребенка, однако представлять его интересы мог только отец, за которым в случае расторжения брака оставались все права на ребенка. Мать внебрачного ребенка должна была заботиться о нем, но не имела над ним родительской власти и не могла представлять его интересы⁷²⁴.

Противоречивые тенденции господствовали и в общественной жизни страны. С одной стороны, немецкое женское движение выступало за предоставление матери родительских прав, включая право представлять ребенка перед законом, распоряжаться и пользоваться его имуществом, передачу ребенка на воспитание наиболее подходящему из разведенных родителей, упрощение процедуры развода, юридическое равноправие законнорожденных и незаконнорожденных детей, наложение «более весомых обязанностей» на отцов внебрачных детей. С целью лучшей защиты интересов женщины-матери выдвигалось требование участия в бракоразводных процессах женщин-

⁷²³ См., например: Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., 1998. С.66-99; Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993. С.177-179.

⁷²⁴ Reichsgesetzblatt 1896. Teil I. S.196, 426-427, 474-475, 477.

судей. Программа «Союза защиты матери и сексуальной реформы», основанного еще в 1905 г., включала помощь незамужним матерям в достижении экономической самостоятельности, всеобщее страхование материнства, улучшение юридического положения матерей-одиночек и внебрачных детей, а также развертывание устной и печатной пропаганды в поддержку незамужних матерей⁷²⁵.

С другой стороны, консервативная часть немецкого общества с озабоченностью отмечала раскрепощение сексуальности, рост количества бездетных браков, разводов и аборт, снижение рождаемости, растущие показатели занятости замужних женщин. Истоки этих тенденций многие видели в «безграничном эгоизме» женщин, которые изменили своему «естественному предназначению» и стремились к большей личной свободе и независимости. Казалось, что опоры общества — брак и семья — стремительно разрушаются. От численности населения зависела и мощь государства. Поэтому, стремясь исправить демографическую ситуацию при одновременной экономии средств, правительства республики обратились к моральному стимулированию материнства. С 1923 г. в Германии каждое второе воскресенье мая отмечался День матери, сводившийся к вручению матерям цветов и выполнению мужьями и детьми «женской» работы по дому⁷²⁶.

Страх, недовольство, желание повернуть вспять общественное развитие аккумулировались в идеологии национал-социализма. Партия Гитлера, выступавшая против демократии и модернизации общества и экономики, стремилась вернуть женщин в семью, к домашнему очагу, изгнав их из сферы промышленного производства, из системы здравоохранения, правосудия, социального обеспечения, лишить их политического равноправия. «Естественными» функциями женщины считались (брачное) материнство и, в крайнем случае, труд в сельском хозяйстве или на семейном предприятии. Именно в качестве матери женщина упоминается в программе НСДАП «25 пунктов», принятой в феврале 1920 г.⁷²⁷ Дальнейшее развитие тема материнства получила на страницах книги Гитлера «Моя борьба» (1925—1926). Провозглашая женщину носителем телесной и душевной силы народа, нацистский лидер требовал от нее физического и психического здоровья. Он планировал поставить под государственный контроль воспитание девочек, придавая главное значение «физическому обучению, и лишь затем — воспитанию моральных и, в последнюю очередь, духовных ценностей. Цель женского воспитания — быть будущей матерью»⁷²⁸.

С программной речью по женскому вопросу Гитлер выступил на съезде партии в сентябре 1934 г. Он заявил слушателям, что слова о женской эмансипации являются только выдумкой еврейского интеллекта. «Если говорят, что мир мужчины — это государство, мир женщины — это его борьба, готовность к действию ради сообщества, то, может быть, можно было бы сказать, что мир женщины — меньший мир. Ведь ее мир — это ее муж, ее семья, ее дети и ее дом». Гитлер намеревался полностью вытеснить женщину из политики и экономической жизни Германии, направив все ее силы на производство потомства. «Программа нашего национал-социалистического женского движения содержит только один-единственный пункт, — продолжал он, — и этот

⁷²⁵ Zahn-Harnack A., von. Die Frauenbewegung. Geschichte, Probleme, Ziele. Berlin, 1928. S.33-34, 46-47, 54-55; Bäumer G. Die Frau in Volkswirtschaft und Staatsleben der Gegenwart. Stuttgart, Berlin, 1914. S.273-274.

⁷²⁶ Frevert U. Frauen-Geschichte. Zwischen bürgerlicher Verbesserung und Neuer Weiblichkeit. Frankfurt am Main, 1986. S.180-181, 223.

⁷²⁷ Нюрнбергский процесс. М., 1988. Т.2. С.181-183.

⁷²⁸ Hitler A. Mein Kampf. 620. Aufl. München, 1941. S.459-460.

пункт гласит: ребенок, это маленькое существо, которое должно расти и развиваться. Только это придает смысл всей борьбе за жизнь»⁷²⁹.

Важность материнской функции женщины для национал-социализма вытекает и из того факта, что лидер так называемого «левого крыла» НСДАП Грегор Штрассер в июне 1926 г. предложил приравнять материнство к воинской службе мужчин и вознаградить его политическими привилегиями, например, предоставлением каждой женщине-матери нескольких голосов на выборах⁷³⁰.

Германские фашисты считали, что их представления о будущем обществе полностью соответствуют чаяниям немецких женщин. Автор «Азбуки национал-социализма» (1933) Курт Ростен от имени противоположного пола писал, что «немецкие женщины хотят в первую очередь быть супругами и матерями, они не хотят быть товарищами, как пытаются внушить себе и им красные преступники. У них нет никакого желания идти на фабрику, идти в учреждения, у них нет никакого желания идти в парламент. Уютный дом, любимый муж и множество счастливых детей ближе их сердцам»⁷³¹.

Отметим, что нацистский режим действительно был основан не только на подавлении, насилии, терроре. Значительная часть населения добровольно оказывала ему поддержку. Эта лояльность, в свою очередь, базировалась на тактическом приспособлении партийной линии к пожеланиям немцев. Так, в 1932 г., характеризовавшемся острой предвыборной борьбой, Штрассер соглашался с тем, что «работающая женщина в национал-социалистическом государстве будет равноправной и получит такое же право на защиту своей жизни государством, как и женщина и мать в браке». В этот момент он не имел ничего против того, чтобы женщины работали учителями, медсестрами, секретаршами и социальными работницами, администраторами в сфере досуга, судьями в трудовых судах и даже состояли на государственной службе⁷³². Некоторые нацистские чиновники придерживались этой линии и после установления тоталитарной диктатуры. В министерстве внутренних дел в 1933 г. был учрежден пост референта по женским вопросам, который заняла нацистка Паула Зильбер. Считая высшей задачей женщины материнство, она одновременно провозглашала женский труд не только возможным, но и необходимым в таких областях, как воспитание подрастающего поколения, благотворительность, сельское хозяйство⁷³³.

Несмотря на эти колебания и разногласия по частным вопросам, в нацистской идеологии доминировало убеждение, выраженное одним из ближайших сподвижников Гитлера Йозефом Геббельсом: «Задача женщины — быть красивой и производить на свет детей. Это вовсе не так грубо и несовременно, как это звучит. Птица чистится для самца и высиживает для него птенцов»⁷³⁴.

Германский фашизм тесно связывал материнство со своими расовыми и демографическими представлениями, с идеей завоевания и колонизации обширного «жизненного пространства». По этой причине для нацизма демографический спад, отмечавшийся в Германии, представлял серьезную угрозу его главной цели — заселению немцами территорий, которые предполагалось захватить на Востоке. Падение рождаемости лишало оснований пункты программы НСДАП, требовавшие расширения границ проживания немецкого народа.

⁷²⁹ NS-Frauenbuch. München, 1934. S.10-11.

⁷³⁰ Schoenbaum D. Die Braune Revolution. Eine Sozialgeschichte des Dritten Reiches. Köln, Berlin, 1968. S.227.

⁷³¹ Цит. по: Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer Totalitären Herrschaft. München, 1963. S.361.

⁷³² Schoenbaum D. Op. cit. S.227.

⁷³³ Silber von Groote P. Die Frauenfrage und ihre Lösung durch den Nationalsozialismus. Wolfenbüttel-Berlin, 1933. S.11, 18.

⁷³⁴ Цит. по: Thalmann R. Frausein im Dritten Reich. Frankfurt am Main, Berlin, 1984. S.115.

Сразу после прихода к власти национал-социалисты приступили к «расовому обновлению» немецкого народа. Свой план предложили, например, известные деятели Национал-социалистической организации производственных ячеек (НСБО) Вальтер Шуман и Людвиг Брукнер. Они полагали, что немецкий народ вымирает и подвергается опасности со стороны «монголоидов» из Восточной Европы. Причины спада рождаемости в Германии Шуман и Брукнер усматривали в падении нравов людей, выражавшемся в стремлении немцев к наслаждению новшествами эпохи: радиопередачами, киносеансами, автомобилями, зимними видами спорта. Эти «эгоистические» интересы граждан якобы и вели к вымиранию немецкой семьи. Негативные демографические тенденции, по мнению Шумана и Брукнера, выражались также в увеличении показателей рождаемости «неполноценных» немцев. Производство такого количества детей, которое необходимо «для сохранения численности и культуры народа», они называли гражданским долгом и предлагали стимулировать рождаемость путем изменения социального законодательства: снижения налоговых ставок для многодетных семей и повышенного налогообложения бездетных, выдачи специальными расовыми отделами разрешения на заключение браков, ограничения женского образования и занятости на производстве в пользу единственной «естественной профессии» — материнства. При этом государство должно было обеспечить работающим мужчинам доход, достаточный для содержания семьи⁷³⁵.

Хотя век НСБО в условиях тоталитарной гитлеровской диктатуры оказался недолгим, многие идеи Шумана и Брукнера были реализованы на практике. Политика нацистского правительства в области материнства прошла несколько этапов, связанных с изменением демографической ситуации, положением на рынке труда, реакцией населения на государственные мероприятия. Эти меры включали, с одной стороны, поддержку многодетных семей, с другой, — поощрение внебрачного материнства.

Создание семьи при нацизме служило не удовлетворению потребностей личности, а интересам народного сообщества. «Брак больше не будет чисто личными отношениями между его участниками, брак является основой и зародышевой клеткой народного сообщества. Если брак поставлен в связь с народным целым, то его влияние не исчерпывается индивидуальной связью двух людей, а является несущей опорой народной культуры вообще», — говорил Гитлер. Он считал семью ячейкой, «в которой зреет будущее Германии», и препятствовал заключению браков военнослужащих вермахта с «кривобокими, сутулыми или уродливыми иностранками», охотнее разрешая «любовные шашни на стороне, если, конечно, все будет шито-крыто, чем такие вот браки, на которые людей толкнули распущенность и безответственность»⁷³⁶.

Так как ценность брака для нацистов состояла в первую очередь в рождении и воспитании детей, то в 1933 г. были восстановлены строгие уголовные наказания за производство аборт, средств

⁷³⁵ Schumann W., Brucker L. Sozialpolitik im neuen Staat. Berlin, 1934. S.518-519, 526.

⁷³⁶ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С.225-226.

или методов их проведения, продажу медикаментов. Количество осужденных за аборт вскоре выросло в полтора раза. Получение населением информации о противозачаточных средствах и доступ к ним преднамеренно затруднялись, коммунальные и частные пункты сексуальной консультации были закрыты, а сексуальность стала связываться только с продолжением рода. «Если половое сношение с самого начала служит только цели получения удовольствия, то это отравляет отношения между супругами и вредит нравственности женщины. Она больше не видит в половом сношении... ответственного и значимого акта, в котором проявляются тайные первобытные силы жизни. Она исподволь привыкает к тому, что речь идет только об удовольствии. Но половая жизнь служит зачатую для сохранения жизни нации, а не наслаждению отдельного человека», — писал автор книги «Гигиена половой жизни» (1939) Макс фон Грубер.

Дети, рожденные в браке, должны были соответствовать определенным расово-гигиеническим и евгеническим критериям. Считалось, что проституция, алкоголизм, преступность, неспособность подыскать работу являются проявлениями болезней, которые могут быть наследственными подобно физическим и психическим аномалиям. По мнению врачей и демографов третьего рейха, люди, страдающие действительными и мнимыми наследственными болезнями, имели больше детей и размножались быстрее, чем «расово полноценные» немцы. В июле 1933 г. был опубликован Закон о предотвращении потомства, больного наследственными болезнями. В соответствии с ним запрещались браки, если один из потенциальных супругов страдает заразной или наследственной болезнью, если один из обрученных находится под постоянной или временной опекой либо страдает от психического заболевания, «которое делает этот брак нежелательным для народного сообщества». Заключенные в обход этого закона браки объявлялись недействительными, а нарушители подвергались тюремному заключению на срок не менее трех месяцев. Для создания семьи требовалось получить в медицинских учреждениях свидетельство о пригодности к браку⁷³⁷.

Процедура проверки на пригодность к браку состояла в ознакомлении с родословной, изучении документов и медицинском освидетельствовании, особенно унижительном для женщины. В ходе осмотра проводилось измерение тела, проверялись зрение и слух, зубы и глотка, сердечно-сосудистая система, органы дыхания и живота. Половые органы исследовались на предмет наличия венерических болезней. Женщины должны были давать данные о менструациях, кроме того, проверялись позвоночник, конечности, нервная система, моча и кровь. В результате врач-гинеколог делал заключение о том, «позволяют ли имеющиеся анатомические данные с вероятностью, близкой к уверенности, ожидать нормальной беременности».

В ноябре 1934 г. имперский комитет народного здравоохранения выпустил памятку «Десять заповедей для выбора супруга», которые призывали «наследственно здоровых» мужчин и женщин вступать в браки и выбирать спутника жизни с «нордической»

⁷³⁷ Reichsgesetzblatt 1935. Teil I. S.2246.

кровью, интересоваться его предками, наследственностью, а также результатами медицинской проверки. Смыслом брака объявлялись «ребенок и выращивание потомства». «Ты должен (должна) хотеть как можно больше детей, — говорилось в одной из заповедей. — Сохранение народа гарантировано только при наличии трех или четырех детей. Только при максимальном количестве детей имеющиеся в роду задатки проявляются в максимальном числе и разнообразии... Ты уйдешь, а то, что ты дашь своим потомкам, останется. В них возродишься ты сам (сама). Твой народ живет вечно!»⁷³⁸

В июле 1938 г. был опубликован закон об унификации брачно-семейного законодательства, подрывавший моральные и религиозные основы семьи и брака и ставивший совместное проживание супругов в зависимость от их способности к воспроизводству «расово полноценного» потомства. Главные изменения коснулись существовавшего с 1900 г. права разводов. Согласно новому закону, основаниями для развода могли стать раздельное проживание мужа и жены в течение трех лет, отсутствие в семье детей или «уклонение» одного из супругов от продолжения рода. Хотя в первые годы после появления закона количество разводов выросло незначительно, обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве случаев инициаторами расторжения браков становились немолодые мужчины, стремившиеся «начать новую жизнь». В их числе оказались будущий шеф партийной канцелярии Мартин Борман и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Разведенные против их воли женщины, часто уже достигшие 45-летнего возраста, тоже начинали «новую», но совсем другую жизнь. У них не было шансов на повторное замужество, а бывший супруг мог уклониться от выплаты содержания в случае появления у него детей в новом браке. Единственным выходом для бывшей жены становился поиск (чаще всего плохо оплачиваемой) работы. Закон 1938 г., кроме того, объявлял недействительными браки, заключенные немецкими гражданами за границей, и снижал брачный возраст девушек до 16 лет. Мужчины, ранее имевшие право жениться с 21 года, отныне могли вступать в брак с 18 лет, если были в состоянии материально обеспечить семью⁷³⁹.

Семья и особенно женщина в семье были поставлены в гитлеровском государстве под тотальный медицинский контроль. Специальные «учреждения заботы о наследственности и расе» фиксировали все выкидыши и любые операции, сделанные каждой женщине на подведомственной им территории. Они же определяли биологическую ценность каждого человека и могли выносить решение о стерилизации, которая, в случае сопротивления, осуществлялась с привлечением полиции. Эти факты позволяют согласиться с выводом французской исследовательницы Риты Тальман о том, что обещанное нацистами создание упорядоченной семейной жизни и защита

⁷³⁸ Schneider R. Frauen unterm Hakenkreuz. Hamburg, 2001. S.49-52.

⁷³⁹ Thalmann R. Zwischen Mutterkruz und Rüstungsbetrieb: Zur Rolle der Frau im Dritten Reich // Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur Nationalsozialistischen Herrschaft. Bonn, 1992. S. 207; Frevert U. Op. cit. S.229.

чести и достоинства немецкой женщины оставались в третьем рейхе только пропагандистскими лозунгами⁷⁴⁰.

В нацистской Германии был принят ряд мер по материальной поддержке брака, семьи и материнства. Так, закон о сокращении безработицы от 1 июня 1933 г. предусматривал выдачу молодоженам ссуды в размере 1000 рейхсмарок (среднегодовой доход рабочего составлял тогда 1520 марок) в том случае, если жена оставляла свое рабочее место. Она давала обязательство не заниматься наемным трудом, пока ссуда не погашена полностью. Ссуда предоставлялась в виде талонов, дававших право на приобретение мебели и домашней утвари. Она погашалась путем ежемесячных выплат в размере 1% от общей суммы, а при рождении каждого ребенка считалась погашенной четверть ссуды. Ссуда не выдавалась, если оба супруга были лишены гражданских прав, если они не были безоговорочными сторонниками нового режима, имели низкие доходы или страдали от тяжелых физических и психических недугов⁷⁴¹.

К концу 1940 г. правительство выплатило брачных ссуд на сумму более 1 млрд. 25 млн. марок, но расчеты национал-социалистов на изменение демографической ситуации оправдались не полностью. С одной стороны, на треть сократилось количество бездетных семей, наполовину — количество семей с одним ребенком и двумя детьми, почти втрое больше стало семей с четырьмя детьми (21,7%). С другой стороны, большинство женщин, получивших ссуды, не рожали более двух детей, а многие молодые семьи вообще оставались бездетными. Хотя в последнем предвоенном году рождаемость с показателем 20,4 человека на 1000 жителей вышла на уровень «золотых двадцатых», средний состав семьи одновременно сократился с 3,6 до 3,27 человек. Следовательно, повышение рождаемости в Германии было связано с созданием новых семей. Если в 1932 г. на 1 тыс. жителей было заключено 7,9 браков, то в 1934 г. — уже 11,2. Сокращение рождений внебрачных детей с 12,2 до 7,7% показывает, что многие из женщин, получивших ссуды, и без них могли бы «подарить фюреру» ребенка. Статистические данные свидетельствуют, что около 75% семей с высоким уровнем жизни и образования не принимали новую модель семьи с четырьмя и более детьми. Государственной поддержкой демографических мероприятий воспользовались те слои населения, которых сами национал-социалисты считали неполноценными в генетическом отношении. Экономические эксперты к тому же указывали на бессмысленные увольнения женской рабочей силы, приведшие к сокращению занятости женщин на производстве с 37,1 до 31,6%⁷⁴².

В этой связи руководительница организации Национал-социалистических женщин Гертруда Шольц-Клинк решила на определенную ревизию партийно-государственной политики в отношении женщин. 27 сентября 1935 г. в интервью главному органу нацистской партии газете «Фелькишер беобахтер» она заявила: «Ошибочно считать, что женщину в Германии оценивают только как мать. Женщина находит признание во всех областях жизни, которые пригодны для нее. Перед женщинами нации стоит задача во

⁷⁴⁰ Thalmann R. Zwischen Mutterkreuz und Rüstungsbetrieb. S.207.

⁷⁴¹ Reichsgesetzblatt. 1933. Teil I. S.323-327.

⁷⁴² Bauer W., Dehen P. Tatsachen und Zahlen über Deutschland. Berlin, 1941. S.73; Frevert U. Op. cit. S. 224-225; Thalmann R. Zwischen Mutterkreuz und Rüstungsbetrieb. S.202-203; Schneider R. Op. cit. S. 45; Winkler D. Frauenarbeit im "Dritten Reich". Hamburg, 1977. S.193.

всех сферах сохранять и приумножать то, что создано мужчинами. Работающая женщина должна помогать в строительстве народа на своем месте, на свой манер, в соответствии со своими силами и своей сущностью. Мы не хотим никакого одностороннего воспитания матерей, но для всех женщин на переднем плане должно стоять звание матери»⁷⁴³.

Невысокий эффект ссуд, а также рост потребности в рабочей силе в связи с вооружением подтолкнули правительство к новым шагам в сторону женщины-матери. С 1937 г. можно было получить ссуду и сохранить за собой рабочее место, были увеличены вознаграждения за рождение детей и расширены налоговые льготы для многодетных семей. С 1936 г. семьи рабочих и служащих, ежемесячный доход которых был ниже 185 марок, получали за каждого пятого и следующего ребенка 10 марок ежемесячно, с 1938 г. такие суммы выплачивались за четвертого и даже третьего ребенка, а на содержание пятого ребенка выдавалось по 20 марок в месяц. В 1940 г. адресатами такой помощи были 2,9 млн. детей. Помимо этого в 1935-1940 гг. многодетные семьи получили более миллиона разовых выплат на сумму 322,33 млн. марок. Наконец, с 1938 г. гитлеровское государство субсидировало обучение детей из многодетных семей, выплатив в течение трех лет более 289 тыс. ссуд на сумму 49,1 млн. марок⁷⁴⁴.

Средства на финансирование поддержки многодетных семей бюджет получал за счет фондов страхования по безработице, повышения налога на холостяков и на семьи, оставшиеся бездетными после пяти лет совместной жизни. Ответственный за программу помощи безработным статс-секретарь Рейнхард еще летом 1933 г. от имени правительства рекомендовал жениться или выйти замуж тем, кто не желает платить дополнительные налоги⁷⁴⁵.

Другой формой партийно-государственной поддержки материнства было создание сети организаций для матерей. В День матери 13 мая 1934 г. Шольц-Клинк объявила о создании «Имперской службы матерей» (РМД), которая стала совместным детищем нескольких нацистских женских и благотворительных структур и уходила корнями в инициативы республиканского периода. «Имперская служба матерей» сотрудничала со всеми учреждениями, работающими в сфере попечения и защиты матери и ребенка. Она основывала материнские школы и курсы, организовывала отдых и свободное время для матерей и детей. Важной функцией новой организации было обучение женщины-матери. В директивах РМД говорилось: «Задачей обучения матерей является образование физически и духовно умелых матерей, которые убеждены в высшем долге материнства, имеют опыт заботы о детях и воспитания детей и могут решить стоящие перед ними задачи домашнего хозяйства»⁷⁴⁶.

К 1936 г. в Германии было открыто 150 материнских школ, устраивавших специальные учебные курсы, которые за 8 лет посетило свыше 4 млн. женщин⁷⁴⁷. Курс обучения в РМД предназначался не только для матерей, но и для всех желающих стать домохозяйками. Занятия проводились в составе группы из 25 слушательниц под руководством преподавательницы, имевшей

⁷⁴³ Цит. по: Schoenbaum D. Op. cit. S.230.

⁷⁴⁴ Bauer W., Dehen P. Op. cit. S.73.

⁷⁴⁵ Rühle G. *Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Das erste Jahr. 1933. Berlin, 1934. S.230-231.*

⁷⁴⁶ Lück M. *Die Frau im Männerstaat. Die Gesellschaftliche Stellung der Frau im National-sozialismus. Eine Analyse aus Pädagogischen Sicht. Frankfurt am Main, Bern, 1979. S.109.*

⁷⁴⁷ Frevert U. Op. cit. S.226.

подготовку врача, школьной учительницы домоводства или социального работника. Курс был рассчитан на 24 часа и состоял из трех разделов. Первый — «общее обучение» — был нацелен на идеологическую обработку матерей и включал такие темы, как национал-социалистическое мировоззрение, задачи женщины в новом государстве, женщина как представительница народа (демографические вопросы), учение о наследственности и забота о наследственности как задача матери, женщина в немецком праве, немецкие обычаи и немецкие праздники. Второй раздел посвящался ведению домашнего хозяйства и затрагивал вопросы приготовления пищи, ведения домашнего хозяйства, шитья. Наконец, значительное время отводилось обучению поведению во время беременности и родов, уходу за младенцем, питанию, лечению ребенка. Большое внимание в программе курса уделялось религиозно-нравственному воспитанию детей и культивированию религиозных обычаев в семье⁷⁴⁸.

Кроме того, РМД открыла в стране 25 тыс. консультационных пунктов, которые посетило свыше 10 млн. матерей, получавших не только рекомендации по уходу за детьми и их воспитанию, но и материальную помощь в виде детского белья, кроваток, продуктов. К 1937 г. 219 тыс. матерей получили путевки в дома отдыха⁷⁴⁹.

В тесном контакте с «Имперской службой матерей» работало общество «Мать и ребенок», основанное в 1934 г. при Национал-социалистической благотворительной организации. 25 тыс. штатных и почти 3 тыс. внештатных сотрудниц общества проводили консультирование матерей по широкому спектру вопросов, простиравшемуся от правильного питания матери и ребенка до расовой гигиены, организовывали отпуска для матерей со слабым здоровьем и ведение домашнего хозяйства во время их отдыха, осуществляли медицинское обслуживание, открывали детские ясли и сады. Национал-социалисты широко рекламировали деятельность общества «Мать и ребенок», указывая, что к концу 30-х гг. свыше 2 млн. детей побывали в домах отдыха, 800 тыс. детей со слабым здоровьем получили бесплатные путевки в санатории, 4 млн. матерей посетило консультационные пункты и т.д. В то же время они не скрывали, что руководствовались не только заботой о матерях и детях. В детских садах подрастающее поколение, еще не вступив в Гитлерюгенд, воспитывалось в нацистском духе, а помощь в ведении домашнего хозяйства позволяла работающим матерям отдавать больше сил выполнению 4-хлетнего плана экономического развития Германии. На этом фоне снижение детской смертности с 7,7 до 6% и увеличение вдвое количества детских садов выглядели как всего лишь один из результатов государственного управления материнством⁷⁵⁰.

Тем не менее надо признать, что деятельность нацистских организаций «профессионализировала» материнство и ведение домашнего хозяйства, повышала их социальную значимость. Пожалуй, не менее весомую роль в конструировании материнства в нацистской Германии играло его моральное стимулирование и пропаганда. Министр внутренних дел Вильгельм Фрик ставил в

⁷⁴⁸ Schneider R. Op. cit. S.43-44; Lück M. Op. cit. S.110.

⁷⁴⁹ Rühle G. Op. cit. Das fünfte Jahr. 1937. Berlin, 1938. S.313; Frevert U. Op. cit. S.226.

⁷⁵⁰ См.: Rühle G. Op. cit. Das sechste Jahr. 1938. Berlin, 1939. S.324; Bauer W., Dehen P. Op. cit. S.76.

зависимость от самоотверженного обращения женщин и девушек к идеалам семьи и материнства спасение Германии (13 мая 1934 г.)⁷⁵¹, а Борман в меморандуме «Обеспечение будущего немецкого народа», составленном 29 января 1944 г., прямо требовал «ради будущего нашего народа установить культ матери»⁷⁵².

И власти действительно не жалели пропагандистских усилий. В первые годы нацистского режима культ матери подчас приобретал причудливые формы и сопровождался атакой на устоявшиеся нормы поведения. Например, полиция многих городов вывесила в ресторанах плакаты, запрещающие женщинам курение, а полицай-президент Эрфурта даже потребовал от прохожих останавливать курящих на улице женщин и «напоминать об их долге немецкой женщины и матери»⁷⁵³. В 1935 г. День матери был объявлен национальным праздником — главным праздником «немецкой семьи», а в январе 1937 г. расово-политическое управление НСДАП рекомендовало мастерам изобразительного искусства, особенно художникам и графикам, изображать в составе немецкой семьи не менее четырех детей там, «где это позволяет художественная необходимость»⁷⁵⁴.

В начале 1939 г. был учрежден Почетный крест германской матери (Материнский крест), который в народе вскоре прозвали «кроличьим орденом». Бронзовый крест вручался матери 4-5 детей, серебряный — при наличии 6-7 детей и золотой — 8 и более детей. К немногочисленным условиям получения награды относились «арийское» происхождение и наследственное здоровье родителей, рождение женщиной необходимого количества живых детей и ее лояльное отношение к режиму. Орден представлял собой крест, покрытый белой и голубой эмалью и обрамленный венцом из золотых лучей. Внутри креста помещался круг со свастикой и надписью «Германской матери». Вручение Материнского креста осуществлялось ортсгруппенлейтерами НСДАП, как правило, одновременно по всему рейху в День матери, перенесенный в 1938 г. со второго на третье воскресенье мая. Инициатором награждения выступал бургомистр по поручению ортсгруппенлейтера НСДАП или окружного руководителя имперского союза многодетных. «Учреждая почетный крест германской матери, немецкий народ идет впереди всех остальных народов по пути к более высокой культуре, а именно, к признанию биологических заслуг женщины и к признанию заслуг германской матери перед народом и отечеством. Это — данная природой и потому единственная правильная и настоящая эмансипация!», — говорилось в наградных документах⁷⁵⁵.

Награждения сразу приобрели массовый характер: только в День матери 1939 г. обладательницами Материнского креста стали около 3 млн. женщин. Однако, как считают зарубежные авторы, эта награда не смогла превратиться в хороший стимул к деторождению. Ее главной функцией стала селекция «арийских матерей». Поскольку первым требованием к претенденткам была

⁷⁵¹ Rühle G. Op. cit. Das zweite Jahr. 1934. Berlin, 1935. S.159.

⁷⁵² Цит. по: Fest J. Op. cit. S.367.

⁷⁵³ Ibid. S.362.

⁷⁵⁴ Schneider R. Op. cit. S.65-66.

⁷⁵⁵ Frevert U. Op. cit. S.225.

«немецкая кровь», постольку медицинские учреждения проверяли не только саму мать, но и весь род. Многодетная мать, которой было отказано в получении награды, подвергалась общественному отчуждению и дискриминации⁷⁵⁶.

По мнению немецких ученых, культ «германской матери» был одной из основных частей национал-социализма как политической религии, предназначенной и для женщин, и для мужчин. Благодаря почитанию материнства женщины, лишённые политической власти, равенства шансов на получение образования и выбор профессии, занимали в обществе нишу, недоступную для мужчин. В третьем рейхе не существовало столь же развитого почитания отцов, и гендерная роль мужчины была ролью героя-воина. Культ погибшего героя воплощался в нескольких праздниках, главным из которых был «День памяти павших героев» 9 ноября. Культ матери и культ героев были тесно связаны: матери (жены) должны были жертвовать своими сыновьями (мужьями) для Германии и «арийской расы» и требовать самопожертвования от мужчин, ведь они рожали и воспитывали их именно для этого. Мужчины должны были из чувства долга по отношению к своим женам и матерям идти на войну, сражаться, убивать и умирать за своих жен и матерей. В этом смысле культ матери косвенно интегрировал в нацистскую систему и мужчин⁷⁵⁷.

После начала Второй мировой войны пропаганда и принуждение все больше заменяли материальное стимулирование материнства. Например, 15 декабря 1939 г. заместитель фюрера по вопросам идеологии Альфред Розенберг, глава Германского трудового фронта Роберт Лей и Шольц-Клинк с большой помпой открыли в одном из берлинских музеев выставку «Женщина и мать — источник жизни народа». В марте 1943 г. совет министров по обороне империи издал имеющее силу закона распоряжение «О защите брака, семьи и материнства». В соответствии с ним «разрушение семьи» каралось денежным штрафом или тюремным заключением на срок до двух лет, наказывалось уклонение от обеспечения супруга средствами к существованию, отказ мужчины в помощи забеременевшей от него женщине. Интересы женщины-матери, однако, были поставлены на службу демографической политике режима. Каторжной тюрьмой наказывались женщины, производившие аборт, и лица, оказывавшие в этом помощь, осуществившие стерилизацию и допускавшие использование таких противозачаточных средств, как гормональные препараты и облучение. Наконец, тюремное заключение на срок до двух лет или денежный штраф грозили тому, «кто преднамеренно или по халатности в нарушение этого закона изготавливает, пропагандирует или пускает в обращение средства или предметы, которые должны прерывать или предотвращать беременность либо предупреждать венерические заболевания»⁷⁵⁸.

Пожалуй, единственным шагом в сторону государственной поддержки материнства в годы войны стали дополнения к закону 1927 г. о защите матери, внесённые гитлеровским правительством в 1942 г. Эти дополнения диктовались, впрочем, более нехваткой рабочей силы, чем заботой о материнстве. Новая редакция закона впервые кодифицировала обязанность государства учреждать группы продленного дня при детских садах. Освобождение от работы в течение 6 недель до и 6 недель после родов превратилось из права работницы в ее обязанность, размер пособия по беременности

⁷⁵⁶ Weyrather I. *Muttertag und Mutterkreuz. Der Kult um die "deutsche Mutter" im Nationalsozialismus.* Frankfurt am Main, 1993. S.69, 216-217.

⁷⁵⁷ Ibid. S.218.

⁷⁵⁸ Reichsgesetzblatt. 1943. Teil I. S.140-141.

был уравнен с заработной платой, увольнения с работы во время беременности и в течение 4 месяцев после родов запрещались. Однако еженедельные выплаты по беременности и родам по-прежнему могли получать только работающие женщины. Предложение Лея о выплате аналогичных дотаций домохозяйкам, также выполнявшим тяжелую физическую работу, Гитлер отверг, сославшись на нехватку средств бюджета⁷⁵⁹.

В то же время война и сопряженные с ней потери подталкивали национал-социалистов к усилению поддержки внебрачного материнства. Еще в циркуляре от 28 октября 1935 г. имперское руководство по делам молодежи высказывалось за «временное» разрешение свободной любви. Руководительницы групп передавали соответствующие указания своим девушкам: «Не каждая из вас может получить мужчину, но все вы можете стать матерями». Очевидно, следуя этим указаниям, осенью 1936 г. около 1000 девушек вернулись с очередного партийного съезда беременными. Чтобы положить конец дискриминации незамужних женщин, министерства юстиции и внутренних дел в мае 1937 г. издали распоряжение, которое в противовес давно сложившемуся обычаю обязывало органы власти называть всех женщин словом «фрау»⁷⁶⁰.

В канун Рождества 1939 г. заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс опубликовал открытое письмо к незамужним матерям, в котором заявил, что в исключительных условиях «ради народа могут быть предприняты особые меры, отклоняющиеся от основных правил. Именно во время войны, которая требует смерти многих лучших мужчин, каждая новая жизнь имеет особое значение для нации. Поэтому если безупречные в расовом отношении молодые мужчины, которые возвращаются на поле боя, оставляют после себя детей, передающих их кровь следующим поколениям, детей от таких же наследственно здоровых девушек соответствующего возраста, немедленная женитьба на которых по каким-либо причинам невозможна, то о сохранении этого полноценного национального достояния будет проявлена забота. Сомнения, оправданные в нормальные времена, здесь должны отступить»⁷⁶¹.

В военные годы основные усилия по поддержке внебрачного материнства предпринимала организация «Лебенсборн» (Источник жизни), созданная под эгидой СС в декабре 1935 г. для ухода за женами, невестами и новорожденными детьми эсэсовцев, которые считались особенно ценным «человеческим материалом». Уже к концу 1939 г. «Лебенсборн» принял в своих 14 общежитиях 1436 матерей, из них 823 незамужних, а до 1945 г. здесь было зарегистрировано 12 тыс. рождений, причем половина появившихся на свет детей были внебрачными. Руководство организации с гордостью подчеркивало, что «полноценные немецкие женщины» отказываются от аборта и «дарят нации» ребенка, который как рабочая сила в будущем «внесет в немецкую экономику сумму в 100000 рейхсмарок»⁷⁶².

В приказе рейхсфюрера СС, подписанном 28 октября 1939 г. и обращенном ко всем формированиям СС и полиции, говорилось,

⁷⁵⁹ Bock G. Nationalsozialistische Geschlechterpolitik und die Geschichte der Frauen // Geschichte der Frauen. Bd. 5. Frankfurt am Main, New York, 1995. S.188-189.

⁷⁶⁰ Thalmann R. Frausein im Dritten Reich. S.130-131.

⁷⁶¹ Kuhn A., Rothe V. Frauen im Deutschen Faschismus. Düsseldorf, 1983. Bd. 2. S.116.

⁷⁶² Thalmann R. Zwischen Mutterkreuz und Rüstungsbetrieb. S.205; Schneider R. Op. cit. S.95.

что «любая война — это кровопускание наилучшей крови. Бывало, что победа, достигнутая силой оружия, оборачивалась для народа уничтожающим поражением его жизненной силы и крови. При этом, как ни прискорбно, необходимая гибель лучших мужчин — еще не самое худшее. Гораздо хуже — нехватка во время войны живущих, а после войны — не зачатых детей... Выходя за границы, вероятно, в остальном необходимых гражданских законов и обычаев, высшей задачей немецких женщин и девушек хорошей крови (также и не состоящих в браке) может быть желание — не из легкомыслия, а по глубочайшей нравственной причине! — стать матерью детей отправляющегося на фронт солдата, о котором только одной судьбе известно, вернется ли он на родину или погибнет за Германию. Именно в настоящее время также и для тех мужчин и женщин, которые находятся в тылу, святым долгом является стать отцом или матерью». Гиммлер обещал специальную опеку всем рожденным в браке или вне его детям «хорошей крови». «Мы придем на помощь этим матерям и с человеческой точки зрения возьмем на себя воспитание, а с материальной — заботу о подрастании этих детей вплоть до совершеннолетия таким образом, чтобы эти матери и вдовы не испытывали нужды». СС должны были позаботиться обо всех зачатых во время войны законным или внебрачным образом детях, а также о беременных женщинах и детях, если те будут испытывать нужду или находиться в стесненных материальных условиях. После войны, если отцы возвратятся, по ходатайству матерей была обещана «щедрая дополнительная материальная помощь»⁷⁶³.

Гиммлер вел настоящую «битву за рождаемость», которая представлялась многим лидерам гитлеровской партии столь же важной, как и победа на поле боя. Конечно, довоенные лозунги «обновления семьи» и защиты достоинства немецкой женщины были забыты. Из «Лебенсборна» нередко приходили сообщения о случаях депрессии и даже о самоубийствах одиноких матерей, эсэсовские врачи жаловались на непонимание населения, а также на «психоз аборт» у невест павших на фронте или находящихся на передовой солдат, у беременных работниц и крестьянок, которые трудились, заменяя призванных в армию мужчин. Эта ситуация, а также то, что число аборт, которые в официальной статистике учитывались как выкидыши, ежегодно составляло почти 600 тыс., побудила Гиммлера распространить сферу деятельности «Лебенсборна» за круг жен, подруг и невест эсэсовцев. В 1939 г. в конфискованных у евреев зданиях, расположенных в различных районах страны, было открыто 5 родильных домов. Однако в этих виллах, охранявшихся эсэсовскими караулами, постоянно происходили конфликты между их обитательницами. Жены офицеров, например, не терпели фамильярного обращения и отказывались выполнять работы по хозяйству, много нареканий вызывали жестокость и некомпетентность обслуживающего персонала⁷⁶⁴.

Колоссальные потери на фронтах и относительно небольшие масштабы деятельности «Лебенсборна» побуждали Гиммлера к поиску новых форм стимулирования рождаемости. На рубеже 1942—1943 гг. он распорядился об организации для солдатских жен так называемого «отпуска для продолжения рода», который предусматривал оплату расходов супругов на проезд и проживание в «приличной гостинице» или лесном отеле из кассы генерального штаба СС. В то же время рейхсфюрер отвергал искусственное оплодотворение как «аморальное» и «противоестественное». 16 июля 1941 г. он высказался против этого метода, уже опробованного в США и предлагавшегося в

⁷⁶³ Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С.245-246.

⁷⁶⁴ Thalmann R. Frausein im Dritten Reich. S.140-141.

присутствии Гитлера руководителем имперского управления здравоохранения доктором Леонардо Конти и его женой Наной, председателем Национал-социалистического союза акушерок. Гиммлер заявил, что при искусственном оплодотворении не принимаются во внимание физические и психические особенности, могут возникнуть импотенция, бесплодие или вырождение потомства⁷⁶⁵.

Целую программу повышения рождаемости после (победоносной для Германии) войны развил перед своими приближенными Гитлер. В январе 1944 г. он подсчитал, что «после этой войны у нас будет 3-4000000 женщин, которые больше не имеют и, соответственно, не получают мужчин. Вытекающий из этого спад рождаемости был бы непереносим для нашего народа: сколько дивизий... у нас отсутствовало бы через 20-45 лет». Из этого Гитлер не только делал вывод о необходимости всеобъемлющей моральной и материальной поддержки матерей, «которые по прежним правилам официально не замужем». В чем будет конкретно состоять материальная поддержка незамужних матерей, он не сообщил. Моральная поддержка сводилась к тому, что внебрачные дети «без проблем должны получать фамилию отца». Затем нацистский вождь высказал идею о замене моногамного брака полигамией: «По особому прошению мужчины должны вступать в прочные брачные отношения не только с одной, но и еще с одной женщиной. В этом браке женщина без проволочек получает фамилию мужа, дети — фамилию отца». Внебрачным связям, по мнению Гитлера, следовало «найти хорошие, дружелюбные названия». Наконец, после войны «бездетные браки и холостяки должны быть обложены более высоким налогом, чем прежде. Прежнее налогообложение холостяков должно быть детской игрой по сравнению с налоговым бременем, которое на них следует возложить в будущем. Доходы от этого налога на холостяков должны служить для поддержки матерей, которые производят на свет детей, для материальной поддержки наших стремлений к подрастающему поколению»⁷⁶⁶.

Важно подчеркнуть, что неотъемлемой составляющей конструирования материнства в нацистской Германии были дискриминационные мероприятия по отношению к «неполноценным в расовом отношении» гражданам. Государственная поддержка матери и ребенка не распространялась на миллионы иностранных работниц, занятых на немецких предприятиях, в сельском и домашнем хозяйстве. Более того, если отец будущего ребенка не был «арийцем», немецкой женщине рекомендовалось сделать аборт, а уже родившиеся дети отбирались у матерей и помещались в специальные «детские приемники», где умирали от голода. Еще до начала войны было подвергнуто стерилизации 320 тыс. человек, в основном по причине слабоумия и шизофрении. В 1935 г. были разрешены аборты по евгеническим причинам, а с 1938 г. еврейские женщины могли прерывать беременность, не указывая причин. Логическим следствием этой политики были жестокие гинекологические эксперименты над женщинами в нацистских концентрационных лагерях в годы войны, приводившие к гибели узниц⁷⁶⁷.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что германский национал-социализм превратил материнство из личного дела женщины в ее главную функцию в обществе, в ее долг перед государством. Образцовое выполнение этого долга

⁷⁶⁵ Ibid. S.142-143.

⁷⁶⁶ Schneider R. Op. cit. S.168-169.

⁷⁶⁷ Frevert U. Op. cit. S.228.

поощрялось награждением Материнским крестом, который, по представлениям нацистов, соответствовал Железному кресту, вручавшемуся мужчинам, образцово выполнявшим свою гендерную функцию — функцию воина. Вокруг многодетной «арийской» матери, «подарившей» фюреру своих детей, сложился культ, близкий, по мнению некоторых ученых, к религиозному⁷⁶⁸. Этот культ преследовал как идеологическую, так и «биологическую» цель: подталкивая «наследственно здоровых», «арийских» женщин к рождению детей, защитить немецкий народ от мирового господства евреев и установить собственное господство над всеми остальными народами. Именно ради этого «женщину покрывали как племенную кобылу»⁷⁶⁹.

В институциональном отношении материнский культ в нацистской Германии подкреплялся созданием многочисленных структур помощи матери и ребенку, в социальном плане — материальной поддержкой и юридической защитой материнства и детства. Однако германский фашизм не сумел ощутимо улучшить экономическое и юридическое положение женщины-матери, укрепить семью, изменить мораль. Нацистское государство, которое с первых своих дней расходовало гигантские суммы на вооружение, а потом — на ведение войны, не могло этого добиться, даже используя моральное поощрение и грубый нажим, приравнивая уклонение от материнства к дезертирству. Более того, под влиянием объективных обстоятельств изменился идеальный образ женщины, созданный национал-социализмом. Многодетная мать расширила круг своей активности за пределы сферы «дети, церковь, кухня» и заняла важное место в военной экономике.

⁷⁶⁸ Weyrather I. Op. cit. S.216.

⁷⁶⁹ Thalmann R. Frausein im Dritten Reich. S.156.

**ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В БЕЛАРУСИ
В ОТНОШЕНИИ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (1941—1944 гг.)**

Многочисленные исторические труды, посвященные исследованию немецко-фашистского оккупационного режима на территории Беларуси, как правило, освещают нацистский геноцид в отношении местного, в том числе женского, населения и раскрывают героико-патриотические аспекты участия женщин в партизанском и подпольном движении. Военная повседневность женщин, вынесших оккупацию и переживших войну, пока еще не получила должного внимания. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать малоизученные вопросы германской политики, имеющие отношение к женскому населению оккупированной территории Беларуси, а также раскрыть проблему повседневного выживания женщин в условиях оккупации.

Национал-социалистическое мировоззрение германского политического руководства и ставка на «молниеносную войну» обусловили отсутствие четко очерченной стратегической линии в отношении женского населения восточных оккупированных территорий. Основной расчет в достижении военно-политических целей, сформулированных вождями третьего рейха в планах «Ост» и «Барбаросса», делался на грубую силу и массовый террор. Но после провала «блицкрига» гитлеровцы были вынуждены внести коррективы в восточную политику с целью обеспечения необходимой лояльности местного населения оккупационному режиму. Чтобы добиться более эффективного социального управления, новые власти строили свою политическую тактику с учетом национальной принадлежности, социального происхождения, вероисповедания, возраста, а также пола жителей оккупированных территорий. В ответ на политическую необходимость нацистская пропаганда создала образ новой русской женщины (под определением «русские» понималось население оккупированных территорий СССР), определила ожидавшиеся от нее роли и обязанности. Информационные стереотипы, созданные оккупационной печатью, требовали от женщины быть высоконравственной женой, идеальной матерью и при этом являться ответственной и старательной работницей. «Освобожденные» германской армией от «страшного большевистского ада», русские женщины должны были, как писала одна из газет, выходявших на оккупированной территории Беларуси, «упорным трудом помогать скорейшему восстановлению хозяйства»⁷⁷⁰.

Местная рабочая сила играла важную роль в реализации хозяйственных программ и планов оккупантов. Обеспечение местными рабочими ряда промышленных и сельскохозяйственных предприятий, объектов военного строительства стало одной из главных задач германского оккупационного режима в Беларуси. Анализируя положение с трудовыми ресурсами, немецкие спецслужбы в этой связи подчеркивали: «Женщин этой страны можно рассматривать как полноценную рабочую силу, так как они не только привыкли к трудным мужским работам, но и значительно усерднее мужчин»⁷⁷¹.

Распоряжением рейхсминистра оккупированных восточных земель А. Розенберга от 5 сентября 1941 г. на территории Беларуси вводилась обязательная трудовая повинность для местного населения в возрасте от 18 до 45 лет, в том числе и женщин. При этом в распоряжении подчеркивалось, что рейхскомиссары могли для определенных групп населения расширять или ограничивать обязанность к труду⁷⁷². В результате, как свидетельствуют архивные документы, возрастные рамки трудовой повинности корректировались на местах и распространялись на женщин от 14 до 55-летнего возраста⁷⁷³.

Учетом трудоспособного населения занимались специально созданные отделы и биржи труда. За уклонение от регистрации местная администрация предусматривала различные штрафные санкции. Например, все жители Новогрудского округа в возрасте от 14 до 60 лет, согласно распоряжению окружного комиссара, должны были зарегистрироваться до 10 февраля 1942 г., сообщив о себе сведения в следующей форме: место жительства, дата рождения, семейное положение, количество малолетних детей,

⁷⁷⁰ Новый путь (г. Бобруйск). 1943. 4 августа.

⁷⁷¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.4683. Оп.3. Д.973. Л.44.

⁷⁷² Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф.2290. Оп.1. Д.105. Л.29.

⁷⁷³ Там же. Д.8. Л.8. Государственный архив Могилевской области (ГАМГО). Ф.859. Оп.1. Д.3. Л.6.

профессия и образование. Того, кто не сделал этого в установленный срок, ждал денежный штраф размером до 1000 руб. либо арест¹.

Сбор и уточнение данных о количестве трудоспособного населения особенно интенсивно проводился в 1942 г., когда возник недостаток в рабочей силе и оккупационной администрации необходимо было срочно искать новые трудовые резервы. Как заметил немецкий исследователь Х. Герлах, такую ситуацию обусловили следующие факторы: начало восстановления промышленного производства на оккупированной территории, вывоз местных рабочих в Германию и уничтожение большей части еврейского населения². Именно с 1942 г. оккупационная администрация начинает широко использовать на различных работах женщин. От созданных структур рабочего управления теперь требовалось проведение точного статистического учета женского населения и выявление трудоспособной его части. Так, на территории Минского округа сбор статистических данных в начале 1942 г. проводился в несколько этапов. Сначала, с 19 января 1942 г. по 26 января 1942 г., биржи труда должны были собрать сведения о безработных трудоспособных мужчинах, после чего необходимо было начать регистрацию трудоспособных женщин, которая должна была закончиться до 2 февраля 1942 г. Учету подлежала женская рабочая сила в возрасте от 15 до 55 лет, «поскольку эти (женщины — авт.) являются трудоспособными». В первую очередь подлежали регистрации те трудоспособные женщины, которые до войны уже работали по какой-нибудь специальности. Регистрационные карты на трудоспособных замужних женщин должны были содержать также их девичью фамилию. Женщин с двумя и более детьми до 14-ти лет биржам труда предписывалось «пока что» не учитывать³. Следует заметить, что рейхскомиссары были уполномочены по своему усмотрению освобождать беременных и женщин с детьми младше 14-ти лет от обязанности регистрироваться на биржах⁴.

Биржи труда делили местных женщин на тех, кто имел семьи и тех, кто был не замужем; последних можно было легко направлять на любые работы на территории Беларуси, а также в Германию. После регистрации все женщины делились на «работающих» и «безработных». В отношении последних газета «Витебские ведомости» объясняла, что «не являются безработными и не подлежат регистрации домашние хозяйки и тем более имеющие на своем содержании детей женщины. Их работа — помощь мужу по дому и воспитание детей»⁵.

Регистрация на бирже труда предусматривала обязательное указание специальности, которая являлась для данного лица основной. Для назначения на работы все специальности классифицировались согласно списку групп профессий. На основании материалов регистрации трудоспособных женщин Минского района по состоянию на 1 декабря 1942 г. можно составить представление о масштабе занятости и профессиональной структуре этой группы населения (см. табл.):

Таблица

**Профессиональная структура женщин Минского района,
зарегистрированных на бирже труда**

Специальности	Работа- ющие	Безрабо- тные
Группа специальностей А: сельскохозяйственные рабочие	5219	471

¹ Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф.642. Оп.1. Д.1. Л.12.

² Новікаў С.Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941—1944 гг. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў). Мн., 2002. С.135.

³ Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф.623. Оп.1. Д.173. Л.229, 244.

⁴ Там же. Д.503. Л.50.

⁵ ГАВО. Ф.2290. Оп.1. Д.6. Л.3.

Группа специальностей В: животноводы	187	-
Группа специальностей С: садоводы	9	-
Рабочие лесного и охотничьего хозяйства, рыболовы	1	-
Чернорабочие	4	-
Специалисты металлообрабатывающей промышленности	8	-
Мастера по изготовлению игрушек и музыкальных инструментов	2	-
Специалисты занятые в химической промышленности	1	-
Специалисты текстильной промышленности	26	-
Специалисты бумажной промышленности	1	-
Специалисты деревообрабатывающей промышленности	1	-
Специалисты пищевой промышленности	31	2
Специалисты швейной промышленности	195	26
Парикмахеры, санитары и др. работники по уходу за телом	4	-
Специалисты строительства	1	-
Специалисты графической промышленности	19	6
Специалисты по очистке и дезинфекции	7	-
Работники гостиниц	163	13
Специалисты транспорта	114	-
Работники помещений (уборщицы, прачки)	129	12
Подсобные рабочие всех видов	298	47
Машинисты и кочегары	3	1
Служащие общественных учреждений, работники в сфере торговли	231	40
Инженеры, техники, машинисты, архитекторы	24	6
Работники медицины, образования и искусства	474	54
Работники без определенной профессии, ученицы (недостигшие 16 лет)	44	-
Другие	52	255
Всего	7248	933

Источник: ГАМО. Ф.623. Оп.1. Д.403. Л.2-3, 247-253.

Такая детальная статистика по профессиям позволяла легко и оперативно реагировать на запросы различных служб и ведомств о рабочих конкретных специальностей, а также на требования по предоставлению рабочей силы для рейха.

Большая часть населения Беларуси по-прежнему проживала в сельской местности. Именно на плечи женщин ложились все тяготы по выполнению сельскохозяйственных поставок. Кроме того, как и все население оккупированных территорий, женщины в обязательном порядке привлекались к работам на дорожном строительстве, в лесном хозяйстве, на торфзаводах, при очистке различных объектов от снега и льда в зимний период. Так, все женское население Лепельского района в возрасте от 14 до 55-ти лет должно было 6 раз в году со своей тягловой силой и необходимым инвентарем исполнять гужевую повинность на восстановлении дорог и искусственных сооружений. От работ освобождались женщины, имевшие грудного ребенка и беременные за месяц до родов. Для лиц, уклонившихся от исполнения повинности, предусматривались административные меры наказания: штраф в размере 500 руб. и принудительные работы до 1 месяца¹. В качестве иллюстрации использования оккупационными властями труда местных женщин может служить распоряжение комендатуры от 22 января 1943 г., адресованное бургомистру м. Бобр Борисовского округа, согласно которому ежедневно в распоряжение Отдела труда должны были направлять 100 женщин «для очистки снега и содержания в порядке магистрата»².

¹ ГАВО. Ф.2088. Оп.1. Д.26. Л.77.

² ГАМО. Ф.686. Оп.1. Д.14. Л.160.

В особенно тяжелом положении оказались еврейские женщины. До «окончательного решения еврейского вопроса», т. е. тотального уничтожения евреев, на всех представителей данной национальности, в том числе женщин, возлагалась обязанность работать на оккупантов. Принудительная трудовая повинность распространялась на женщин в возрасте от 16 до 50 лет³. Нацистская политика геноцида, проводившаяся оккупационными властями в отношении еврейского населения, предполагала интенсивное использование труда евреев на самых трудоемких, изнурительных и низкооплачиваемых работах. Еврейские женщины, узницы минского гетто, мостили двор тюрьмы камнями, которые нужно было носить, разбивать и укладывать⁴.

Весной 1942 г. немецкие власти приступили к активной мобилизации населения оккупированных территорий Советского Союза на работу в Германию. Германские власти, которые из идеологических соображений стремились ограничить привлечение немецких женщин к работе в промышленности, широко вербовали и использовали в военной экономике Германии женщин, вывезенных из оккупированных территорий. «Каждая единица рабочей силы должна быть использована по своему назначению, – отмечал командующий центральной армейской группой, – из-за каждой девушки, оставшейся в районе операции, мы вынуждены привлекать жен фронтовиков на работу в военной промышленности»⁵. Вербовочная кампания проходила исключительно интенсивно, и уже на 31 мая 1942 г. среди гражданского населения, вывезенного с восточных оккупированных территорий, в том числе из Беларуси, на работы в рейх, насчитывалось 198 тыс. женщин¹.

Первоначально вербовка населения в Германию осуществлялась на добровольной основе, однако уже с лета 1942 г. начинается принудительная мобилизация местной рабочей силы. В специальных разнарядках каждой волости предписывалось, в какой срок и сколько необходимо было поставить людей. Так, согласно распоряжению начальника Крупской райуправы от 3 июня 1942 г. бургомистр Бобрской волости должен был выделить 46 женщин в возрасте от 17 до 45 лет для отправки на работу в Германию².

Отправленные в рейх восточные работницы использовались на строительстве оборонительных сооружений, в сельском хозяйстве и в военной промышленности, а с осени 1942 г. — и в немецком домашнем хозяйстве. В соответствии с указанием рейхсфюрера СС Гимmlера от 10 сентября 1942 г. использование восточных работниц в домашнем хозяйстве разрешалось только после удовлетворения потребностей в рабочей силе предприятий вооружения и сельского хозяйства³. К тому же к подобной работе допускались только те лица женского пола в возрасте от 15 до 35 лет, внешний вид которых «расово» соответствовал внешнему виду немецких женщин⁴.

Вербовать для работы в Германии беременных и женщин с детьми первоначально запрещалось. Однако, когда во второй половине 1943 г. угон населения особенно усилился, главное командование центральной армейской группой ходатайствовало об отмене постановления, согласно которому беременные женщины не использовались на работах в империи. Такой шаг объяснялся стремлением «не допустить того, чтобы женщины злоупотребляли этим законом и не имели основания не быть мобилизованными»⁵.

Провозглашенная фюрером в 1943 г. тотальная мобилизация в Германии материальных и людских ресурсов нашла продолжение в политике массовой депортации рабочей силы из оккупированных территорий. В результате этого предприятия, которые действовали на территории Беларуси, начали ощущать острую нехватку рабочих рук. В поиске новых источников пополнения трудовых ресурсов оккупационная администрация рекомендовала руководителям всех учреждений и предприятий привлекать женщин к работам, выполнявшимся ранее мужчинами: «Люки, образовавшиеся на предприятиях через вербовку рабочих в Германию, следует частично заполнить ... брать на работу женские рабочие силы. Следует проверить, не может ли работа, исполняемая до сих пор мужчиной исполняться женщиной»⁶.

Почти 2/3 занятых в производстве на оккупированной территории Беларуси составляли женщины. Однако при этом оплата женского труда во всех оккупированных районах Беларуси осуществлялась по немецким стандартам, которые предусматривали дифференциацию заработной платы мужчин и женщин. Таким образом, учитывалась разница между работами, выполнявшимися исключительно или в большинстве случаев женщинами, и работами, которые предоставлялись только мужчинам. В соответствии с постановлениями от 1 июня 1942 г. — для генерального округа «Беларусь» и от 2 августа 1942 г. — для тылового района группы армий «Центр» во вопросу регулирования зарплаты местных рабочих, занятых в

³ Там же. Ф.623. Оп.1. Д.1. Л.29.

⁴ Иоффе Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм. Мн., 2003. С.60.

⁵ НАРБ. Ф.4п. Оп.33а. Д.445. Л.56.

¹ Белорусские оstarбайтеры. Кн.1. Мн., 1996. С.133.

² ГАМО. Ф.686. Оп.1. Д.1. Л.182.

³ Белорусские оstarбайтеры. Кн.1. Мн., 1996. С.165.

⁴ Там же. С.166.

⁵ НАРБ. Ф.4п. Оп.33а. Д.445. Л.62.

⁶ Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф.2733. Оп.1. Д.59. Л.11.

промышленном производстве, ставка неквалифицированного рабочего старше 18 лет определялась в размере 1 руб., до 18 лет — 80 коп. в час, а неквалифицированных работниц на «легкой типично женской работе» — 80 коп. и 60 коп.⁷ В рейхскомиссариате «Украина» женщины получали 80% от заработной платы мужчин, а в округе «Белосток» их зарплата составляла лишь 75% от мужской¹. В условиях дискриминации еврейские работники получали только 80% от заработной платы рабочих других национальностей, соответственно уменьшалась ставка еврейских работниц. Если женщины выполняли работы, равные по своей нагрузке и производительности с мужскими, им предусматривалась одинаковая с мужчинами зарплата².

Работы, на которых в условиях оккупации была занята основная часть женщин из числа местного населения, не только ниже оплачивались, но и хуже снабжались продовольствием. Действовавшая в городах карточная система распределения продовольствия предусматривала дифференциацию в снабжении продуктами питания по социально-производственному принципу. В первую очередь обеспечивалось работающее население. Преимущественным правом среди этой категории лиц пользовались работники, занятые тяжелым физическим трудом. В отдельную группу потребителей иногда выделялись женщины, занятые на легких работах и домохозяйки, нормы снабжения которых были ниже, чем у других рабочих³. Гарантированные продовольственные нормы устанавливались также для взрослых иждивенцев и детей. Деревенские женщины, как и другие лица, проживавшие в сельской местности, не имели права на получение продовольственных карточек, единственным средством существования для них были приусадебные участки.

Реальную картину продовольственного снабжения населения в годы оккупации по всей территории Беларуси полностью восстановить сложно. Ситуацию можно реконструировать только на примере отдельных городов. Так, в отчетной документации органов гражданского управления г. Орши, который входил в состав зоны армейского тыла группы армий «Центр», на ноябрь 1942 г. называются следующие еженедельные нормы выдачи рабочим, а также женщинам, выполнявшим легкую домашнюю работу: 1300 г муки, 200 г гречки или пшена и 3 кг картофеля. Мясо, жир и овощи для этой группы населения предусматривались только в случае остатка после снабжения лиц, занятых на тяжелых работах⁴. В г. Минске, где население было разделено на 5 категорий, осенью 1942 г. рабочие получали в неделю 1800 г хлеба, 75 г соли, 70 г крупы⁵. При таких нормах, не обеспечивавших минимальные потребности людей в продуктах питания, большинству городского населения приходилось иметь дело с «черным рынком».

Наиболее сложные условия снабжения продовольствием были в гетто. При градации населения по национальному признаку евреи получали значительно меньшие рационы, чем остальные жители городов. Так, на территории генерального округа «Беларусь» в августе 1941 г. нормы продовольственного снабжения для нееврейского населения и евреев составляли соответственно 1750 г и 875 г хлеба, 200 г и 100 г муки, 150 г и 75 г крупы в неделю; кроме того, лицам нееврейского происхождения полагалось 200 г мяса и 60 г жира в неделю, а также картофель⁶ — евреям эти продукты не предусматривались. Несмотря на строгие запреты, обмен вещей на продукты стал для большинства еврейских женщин единственной возможностью пополнить свой скудный паек.

Для многих женщин одним со способов выживания стала проституция. По утверждению советских источников, оккупанты загоняли женщин и девушек в дома терпимости, которые предназначались для обслуживания немецких солдат и офицеров⁷. На практике же большинство из них, скорее всего, вынуждены были стать на путь проституции, чтобы избежать голодной смерти. Командир одного из отрядов, действовавших на территории Витебской области, так прокомментировал ситуацию, которая сложилась на оккупированной территории: «Есть чрезвычайно серьезные отрицательные факты. Понадобилось немцам в Витебске 400 девушек в публичные дома, а нашлось добровольцев до 600, если не больше, среди них есть комсомолки. Многие, конечно, пошли из-за голода»¹.

⁷ ГАВО. Ф.2074. Оп.13. Д.1. Л.58. ГАМО. Ф.623. Оп.1. Д.174. Л.63.

¹ Розенблат Е.Е. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941—1944 гг.): Дисс ... канд. ист. наук: 07.00.02. Мн., 1999. С.61.

² НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.917. Л.7.

³ ГАМО. Ф.686. Оп.1. Д.17. Л.1.

⁴ ГАВО. Ф.2074. Оп.2. Д.14. Л.55.

⁵ НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.874. Л.48.

⁶ Там же. Ф.4683. Оп.3. Д.974. Л.57.

⁷ Там же. Ф.4п. Оп.33а. Д.222. Л.24.

¹ НАРБ. Ф.63п. Оп.16. Д.3. Л.21.

Взаимоотношения немецкой оккупационной администрации с институтом проституции сводились к его контролю и регламентации. Подобным промыслом могли заниматься только женщины, которые были зарегистрированы в полиции, имели контрольную карточку и регулярно проходили осмотр у врача по венерическим заболеваниям². Однако строгие меры наказания (вплоть до смертного приговора), которые предусматривались для «распространительниц» венерического заболевания, приводили к тому, что проститутки предпочитали не регистрироваться и заниматься своим промыслом нелегально. В качестве иллюстрации методов упорядочения проституции оккупационными властями может служить запрос от 3 августа 1941 г. начальника отдела здоровья и попечительства Брест-Литовского городского управления доктора Анзельма, адресованный коменданту городской полиции, с просьбой выявить лиц, занимающихся проституцией, а также места сбора лиц указанной категории. Запрос делался в целях направления женщин на принудительный медицинский осмотр и лечение обнаруженных венерических заболеваний³. Комендант вспомогательной полиции г. Брест-Литовска Якимович 18 октября 1941 г. направил в отдел здравоохранения городского комиссариата список женщин, профессионально занимавшихся проституцией. Список включал данные о 17 женщинах с указанием фамилии, имени, года рождения, национальности, вероисповедания и адреса проживания⁴.

Следует отметить, что вне стен публичных домов немецкие солдаты должны были помнить о «пагубности расового смешения» и избегать контактов с местными женщинами, сохраняя таким образом «чистоту арийской расы». Согласно приказу коменданта г. Витебска от 20 июня 1942 г. запрещалось «любое открытое появление немецких солдат с представителями вражеского населения»⁵. Для нарушителей приказа предусматривались дисциплинарные взыскания. Так, наказание в виде 7 суток строгого ареста было вынесено одному из служащих комендатуры г. Витебска за то, что он «публично танцевал на улице с русской»⁶.

Однако, несмотря на попытки высшего немецкого руководства предотвратить любые отношения, в том числе половую связь, между личным составом германских частей и местными женщинами, дети у последних все-таки рождались. Среди архивных документов часто встречаются распоряжения местной оккупационной администрации о предоставлении сведений по волостям о детях, рожденных от немецких солдат⁷. Единых указаний о судьбах этих детей не существовало. Например, санитарный офицер Могилевской полевой комендатуры в письме к городскому врачу «советовал» «из расовых биологических соображений» разрешить искусственное прерывание беременности местным женщинам, состоявшим в половой связи с немцами, чтобы эти дети не стали в дальнейшем «сильными противниками немецкого народа. Другой вопрос — если немецким местным службам удастся создать детские дома для полноценных смешанных детей»⁸. Такие дети, по его мнению, после соответствующего воспитания могли бы «стать мостом между немецким и русским народом»⁹.

Массовое использование на работах женщин из числа местного населения требовало от немецких властей проведения особой социальной политики, которая учитывала бы обстоятельства беременности и материнства. Оккупационная администрация искала разные пути для более широкого привлечения женщин к работе. Женщины, имевшие детей дошкольного возраста, задействовались руководителями учреждений и предприятий на работах с неполным рабочим днем¹. Согласно распоряжению генерального комиссара Беларуси от 10 сентября 1941 г. во всех городах под немецким наблюдением должны были организовываться детские сады для присмотра за детьми тех женщин, которые из-за наличия детей не могли быть использованы на работе⁶. В г. Минске в 1943 г. детскими садами и яслями были охвачены 1960 детей, родители которых работали на предприятиях и в учреждениях города⁷. Действовавшие под контролем оккупационной администрации детские сады принимали даже грудных детей, матери которых на протяжении дня были заняты на производстве². При Инспекторiate белорусских школ был создан специальный Отдел

² ГАБО. Ф.201. Оп.1. Д.6175. Л.3.

³ Еленская И.Э. Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по материалам Госархива Брестской области): Дисс ... канд. ист. наук: 07.00.09. Мн., 1999. С.80.

⁴ Там же. С.81.

⁵ ГАВО. Ф.2146. Оп.1. Д.1. Л.16.

⁶ Там же. Л.5.

⁷ ГАМГО. Ф.845. Оп.1. Д.20. Л.116. ГАМО. Ф.681. Оп.1. Д.17. Л.7.

⁸ Там же. Ф.271. Оп.1. Д.42. Л.21.

⁹ Там же.

¹ НАРБ. Ф.4683. Оп.3. Д.978. Л.185.

⁶ ГАМО. Ф.623. Оп.1. Д.1. Л.145.

⁷ Там же. Ф.688. Оп.2. Д.4. Л.11.

² ГАМО. Ф.688. Оп.1. Д.68. Л.8.

детских учреждений, который курировал детские сады на территории генерального округа «Беларусь». Постановлением командующего армейской областью генерала М. Шенкендорфа от 3 августа 1942 г. местной администрации рекомендовалось организовывать детские сады и в тыловом районе группы армий «Центр»¹. Функция наблюдения за детскими садами здесь была возложена на районные управы.

Среди социальных мероприятий немецких властей в отношении местных женщин наиболее неоднозначной является политика социальной опеки беременных и рожениц. В соответствии с распоряжением генерального комиссара Беларуси от 18 января 1943 г. все работодатели обязывались выплачивать помощь в случае родов своим работницам при условии, что они отработали на предприятии не менее 6 недель. Помощь составляла 40% от недельной зарплаты, полученной непосредственно перед прекращением работы по причине ожидавшихся родов, и должна была выплачиваться 2 недели до родов и 2 недели после них³. В соответствии с постановлением от 26 января 1944 г. женщин необходимо было освобождать от работы на 5 недель до и на 4 недели после родов⁴. Отсутствие подобного рода распоряжений военных властей в тыловой зоне группы армий «Центр» компенсировалось, как свидетельствуют архивные документы, приказами местной администрации. Например, бургомистр г. Витебска предписал руководителям всех предприятий и учреждений увольнять беременных женщин за месяц до и на месяц после родов. На протяжении указанного периода женщинам разрешалось пользоваться хлебными и продуктовыми карточками, а также полностью выплачивалась зарплата⁵. На основании врачебных справок кормящим матерям предполагалось выдавать также карточки на молоко⁶.

Подобные меры в условиях военной разрухи, хоть и в незначительной степени, могли оказать помощь некоторой части женщин, однако архивные документы содержат лишь единичные примеры выполнения вышеизложенных инструкций⁷. Со стороны оккупационных властей они были не более чем прагматическим пропагандистским шагом, предназначенным, во-первых, повысить доверие местного населения к захватчикам, а во-вторых, привлечь к работе и сохранить как можно большее количество женских рабочих рук. К тому же еврейкам пособия по беременности не предусматривались. Не имели возможности претендовать на «льготы» и деревенские женщины, которым приходилось работать на тяжелых сельскохозяйственных работах до самых родов. Единственным правом, которым они могли воспользоваться, являлось освобождение от работы в рамках обязательной трудовой повинности по причине большого (от 6 месяцев) срока беременности на основании врачебно-медицинского свидетельства, выданного отделом здоровья местной администрации⁸.

Заинтересованность оккупационной администрации в сохранении трудоспособности женской рабочей силы и предупреждении распространения венерических заболеваний среди находившихся в Беларуси немцев обусловила организацию соответствующего медицинского обслуживания для местных женщин. В функционировавших с разрешения немецких властей медицинских учреждениях женщины могли пройти осмотр у врача гинеколога или получить квалифицированную помощь акушерки. Медицинское обслуживание в условиях оккупации было платным. Например, зимой 1941—1942 гг. в г. Могилеве прием у врача гинеколога в поликлинике или амбулатории стоил 3 руб., родовспоможение на дому с помощью акушерки — 25 руб., врача акушера — 50 руб., каждое последующее посещение после родов в течение 3-х дней акушеркой — 5 руб., врачом-акушером — 25 руб.¹ Кроме того, за отдельную плату роженицы могли прибегнуть к услугам акушерских отделений, которые функционировали при городских больницах или родильных домах. Так, из отчетов о движении больных больницы г. Барановичей следует, что за период 1941—1943 гг. в акушерском отделении принималось в среднем 20 родов в месяц².

Вместе с тем медицинская статистика отделов здоровья органов местной администрации фиксирует рост количества нелегальных абортов, главной причиной которых назывались неудовлетворительные материально-бытовые условия военного времени³. Это, в свою очередь, не могло не вызвать «обеспокоенность» немецких властей: «Не в интересах ни немецкого, ни русского народа распространение преступных абортов, которые приводят к тому, что женщины большей частью заболевают и теряют

¹ ГАВО. Ф.2074. Оп.13. Д.2. Л.74.

³ Там же. Ф.623. Оп.1. Д.503. Л.141-142.

⁴ ГАВО. Ф.2290. Оп.1. Д.104. Л.27.

⁵ Там же. Ф.2073. Оп.1. Д.185. Л.21.

⁶ Еленская И.Э. К вопросу о продовольственном снабжении и социальной помощи населению Брестчины в годы оккупации (историко-ведческий анализ документов ГАБО) // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Мн., 1998. Вып. 2. С.122.

⁷ ГАВО. Ф.2088. Оп.1. Д.2. Л.22; Ф.2073. Оп.1. Д.660. Л.8.

⁸ ГАМГО. Ф.858. Оп.1. Д.45. Л.170.

¹ Там же. Ф.260. Оп.1. Д.22. Л.48-50.

² Еленская И.Э. Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по материалам Госархива Брестской области): Дисс ... канд. ист. наук: 07.00.09. Мн., 1999. С.93.

³ ГАМГО. Ф.271. Оп.1. Д.42. Л.29; Ф.858. Оп.3. Д.3. Л.109.

работоспособность временно или совершенно»⁴. Официальное разрешение абортотворения противоречило идеологии национал-социализма, определяющей материнство как главный долг женщины перед обществом, однако из практических соображений оккупационные власти вынуждены были пойти на определенные уступки в этом вопросе. Согласно распоряжениям немецких властей искусственное прерывание беременности женщин из числа местного населения разрешалось на основании советского законодательства 1936 г. по предварительному заключению и направлению врачебных комиссий, а также при наличии социальных «войной обусловленных» причин с разрешения главы местной администрации и по представлению соответствующей справки⁵.

В целях практической реализации немецко-фашистской политики в отношении местных женщин германские власти предприняли попытки создания на оккупированной территории системы женских национальных организаций, которые тесно сотрудничали с органами местного управления. Так, в мае 1942 г. при Белорусской народной самопомощи был образован Всебелорусский женский комитет (ВЖК). В принятом 22 мая 1942 г. уставе Комитет определял своей задачей «организовать свои отделы в каждом месте, создать кружки, чтобы ни одна женщина белоруска не осталась вне организации»⁶. Основной целью ВЖК должно было стать поднятие национального самосознания женщин Беларуси и распространение достижений белорусской культуры среди населения. В то же время Комитет брал на себя вопросы опеки женщин и детей, оказания помощи будущим матерям, а также всем потерпевшим от войны. Членом организации, согласно уставу, могла стать каждая белоруска, достигнувшая 16 лет, для этого необходимо было подать заявление и иметь поручительство двух представителей ВЖК, также устанавливался ежемесячный членский взнос в размере 5 руб. Однако, как свидетельствуют материалы оккупационной периодической печати, деятельность ВЖК по расширению сети женских организаций не имела успеха. Руководительница женской секции БНС в г. Молодечно отмечала: «Большинство женщин придерживается мнения, что в настоящий момент лучше не принадлежать к организации, какой бы характер эта организация не имела»⁷. Но главная причина, которая не позволила гитлеровцам реализовать идею создания системы женских организаций, заключалась прежде всего в противоречивости самой политики, проводимой оккупационными властями в отношении женщин и населения в целом. Массовый террор, который осуществлялся карательными органами на оккупированной территории Беларуси, сводил на нет даже самые привлекательные, по мнению германских лидеров, пропагандистские акции.

Таким образом, в условиях временной оккупации территории Беларуси повседневная жизнь женщин претерпела значительные изменения, что, во-первых, было обусловлено самой военной действительностью, а во-вторых, стало результатом немецко-фашистской политики в отношении местного женского населения. Последняя, в свою очередь, характеризовалась максимальным использованием женщин в качестве источника трудовых ресурсов, жесткой регламентацией всех сфер их жизнедеятельности, а также попытками социального маневрирования и склонения к коллаборации.

⁴ Там же. Ф.271. Оп.1. Д.42. Л.21.

⁵ Там же. Ф.845. Оп.1. Д.20. Л.505; Ф.859. Оп.1. Д.2. Л.2-3.

⁶ НАРБ. Ф.384. Оп.1. Д.3а. Л.52.

⁷ Беларуская газета. 1942. 27 верасня.

ФЕМИНИЗМ И ГЕНДЕРНЫЕ ПРОЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Феминистская политика направлена на изменение существующих властных отношений в обществе и коррекцию асимметрий в гендерных ролях. Раньше других получили универсальное признание феминистские требования, опирающиеся на либеральную концепцию гражданства: равный доступ к пассивному и активному избирательному праву, получению образования, обретению профессии, занятию должностей; равенство в области трудовых отношений в части оплаты, статуса и возможностей. Необходимость совмещения семейных и производственных обязанностей обусловила вторую группу требований, которые традиционно рассматривались в качестве относящихся исключительно к женщинам, хотя эффект их продвижения непосредственным образом затрагивает и мужчин: отпуска по уходу за ребенком, детские ясли, пособие на детей. Третий блок требований сформулирован и поставлен в центр политики радикальными феминистками, выдвинувшими основной лозунг второй волны женского движения — *«все персональное является политическим»*. Он охватывает вопросы «частной» стороны жизни: репродуктивные права и свободы (аборт, контрацепция, консультирование по вопросам планирования семьи); насилие в семье; свобода в выборе сексуальной ориентации; проблемы, связанные с сексуальными домогательствами на рабочем месте.

К моменту появления в середине 1960-х гг. нового женского движения политические партии страны не рассматривали женщин в качестве достойного внимания участников политической жизни. Традиционная структура партий и стратегически, и политически поддерживала дискриминацию женщин, среди которых, в свою очередь, было широко распространено убеждение, что политика не является женским делом.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Консервативная партия

Имевший длительную историю и традиции английский консерватизм завершил организационную перестройку в Консервативную партию в 1883 г. Идеология, положенная в ее основу, обладает внутренней устойчивостью и привлекательными чертами для многих людей. Она объединяет привилегированные группы — тех, кто в процессе перемен видит опасность для своего социального статуса и экономического положения и соответственно заинтересован в сохранении существующего как общественного, так и гендерного устройства. Но не только их. Консервативные тенденции близки людям, стремящимся к исторической преемственности поколений, сохранению утвердившихся нравственных ценностей и традиций. В консервативном дискурсе, взявшем свои основания в церковной доктрине «о естественном предназначении женщины» и «мужчине-кормильце», женщине отводится определенное место — как «хранительнице традиций, семейных ценностей и домашнего очага». В Великобритании он влиял на семейные ценности, установки и политические приоритеты не только потомственной аристократии, но и многочисленного среднего класса (женщины, из относившихся к нему семей, традиционно не работали) — основной новой опоры консерваторов в XX в. Апеллирование к женщинам как к домохозяйкам и к мужчинам как к добытчикам средств существования стало многолетней стратегией партии консерваторов. Как следствие, с одной стороны, Консервативная партия долгие годы не замечала того,

что женщины стали все активнее осваиваться на рынке трудовых отношений, и игнорировала их нужды, а с другой — облик политика она целиком ассоциировала с мужчиной.

Женщины и парламентские выборы. Результаты социологического опроса. Сказанным выше можно объяснить не только отрицательное отношение к проблеме предоставления женщинам политических прав в период острых дебатов по этому вопросу, начиная с середины 60-х гг. XIX в. как в самом парламенте, так и за его стенами, но и то твердое неприятие, которое встретила в партии политика *позитивной дискриминации* в конце XX в. У консерваторов каждый избирательный округ автономен, поэтому партийное руководство не осуществляет контроль над деятельностью округов. Местные функционеры могут проигнорировать распоряжение лидера партии, даже премьер-министра, относительно включения того или иного лица в избирательный список.

Для целеустремленных кандидаток одной из наиболее сложных проблем являлось противостояние стереотипу, что место женщины — дом и семья. Консерваторы отрицали любую политику по их продвижению, и большинство селекционных комитетов не испытывали энтузиазма по поводу выдвижения женщин. В составе селекционных комитетов преобладали женщины старшей возрастной группы, которые, с одной стороны, придерживались стереотипа, что политика — не женское занятие, а с другой, считали, что избиратели не готовы голосовать за женщин, и поэтому отвергали женщин. Мнение местных селекционеров выразила заместитель председателя консервативной ассоциации Истборна Грейс Флетчер: *«Проблема в отношении Истборна состоит в том, что среди населения доминирует идея, что мужчина почему-то лучше. В Лондоне не имеет значения, мужчина вы или женщина, до тех пор, пока вы делаете работу. Но, к сожалению, здесь люди говорят, что Истборн еще не готов для женщины — депутата парламента»*⁷⁷⁴. Эмма Николсон, описывая в автобиографической книге свой опыт прохождения через селекционный процесс в Консервативной партии, приводит слова Джанет Янг, вице-председателя партии по делам женщин: *«Брось старания попасть в парламент. Консервативная партия не хочет видеть женщин в Палате общин»*⁷⁷⁵. В результате в 1983 г. Николсон была отвергнута консервативными ассоциациями 27 избирательных округов, прежде чем получила возможность баллотироваться в округе Дивон Уэст и Торридж. В 1987 г. она прошла в парламент, уже будучи вице-председателем Консервативной партии со специальными обязанностями заниматься делами женщин. Примечательно, что биография самой Янг состояла из списка достижений, ключевым словом которых является "первая". Баронесса Янг — первая в Консервативной партии женщина Правительственный *Whip* в Палате лордов, первая женщина — заместитель руководителя Консервативной партии, первая женщина — канцлер Ланкастерского герцогства, первая женщина — *Lord Privy Seal*, первая женщина заместитель министра иностранных дел, первая женщина — лидер Палаты лордов. Ольга Мейтленд, отобранная в качестве кандидата на безопасное для тори место на выборах 1992 г., говорила, что едва смогла поверить в решение селекционного комитета, после того как потеряла счет избирательным округам, отвергшим ее. *«Женщины, особенно старшего возраста, не хотят голосовать за женщин. В результате многие талантливые и способные женщины избегают политики»*⁷⁷⁶.

Местные селекционные комитеты консерваторов, если и выдвигали женщин, то в округа, где было мало шансов на избрание. Анализ распределения кандидаток между избирательными округами показывает, что в 1979 г. из 31 женщины 19

⁷⁷⁴ Elliott V. Ladies Learn to Make Men Give Them a Seat // Sunday Telegraph, 7 November 1993.

⁷⁷⁵ Nicholson E. Secret Society: Inside and Outside the Conservative Party. London. 1996. P.54.

⁷⁷⁶ The Times, 15 March 1992.

получили заведомо проигрышные, 12 — маргинальные, и ни одна не была выдвинута на безопасные для консерваторов места⁷⁷⁷. В 1979 г. шанс женщины быть избранной, будучи отобранной, был менее 1 к 10, в то время как мужчины — 1 к 3-4⁷⁷⁸. В 1983 г. шансы мужчин сохранились примерно на том же уровне, в то время как возможности женщин упали в отношении 1 к 12. Причины этого — в качестве мест, за которые они боролись, — безнадежные и маргинальные. Примерно такая же динамика сохранялась при распределении мест и на последующих выборах. В 1992 и 1997 гг. лейбористы выдвинули соответственно 138 и 159 женщин-кандидатов в сравнении с 63 и 68 от консерваторов⁷⁷⁹. Из 340 кандидатов-тори, впервые выставивших свои кандидатуры на выборах 1992 г., было всего 43 женщины. Консерваторы располагали 56 относительно безопасными местами, освобожденными парламентариями предшествующего состава, но только 6 из них были отданы женщинам⁷⁸⁰. На выборах 1997 г. лейбористы предоставили выигранные места 48, консерваторы — 3 женщинам-кандидатам. Даже среди женщин-членов парламента от Консервативной партии не было таких, кто поддерживал бы меры по продвижению женщин в политические структуры. Более того, они зачастую представляли часть партии, наиболее решительно настроенную против изменения гендерного баланса в Вестминстере, что подтверждают данные социологического опроса, проведенного автором в 1996 г. среди депутатов палаты общин.

В 1996 г. автор провела полустандартизированные интервью с депутатами-консерваторами британского парламента Терезой Горман, Марион Ро, Ольгой Мейтленд, Энн Винтертон, касавшиеся проблем их пребывания в политике, а также анкетирование депутатов Палаты общин созыва 1992—1997 гг., целью которого было выяснить их взгляды на проблемы, связанные с приходом, продвижением и пребыванием женщин в британской политике. Анкета была послана всем женщинам-парламентариям и поровну такому же количеству мужчин из консервативной и лейбористской фракций. На анкету ответили 30 человек: 9 женщин из лейбористской фракции и 3 из консервативной, а также по 9 мужчин — лейбористов и консерваторов. Для данной статьи из большого списка вопросов анкеты выбраны шесть: 1. В чем, на Ваш взгляд, состоит принципиальная трудность для женщин, желающих стать кандидатами в парламент? 2. В какой из партий женщине труднее быть отобранной в качестве кандидата в парламент? 3. Считаете ли Вы, что местные селекционные комитеты дискриминируют прямо или косвенно женщин-кандидатов? 4. Если Вы считаете, что дискриминация имеет место, приведите примеры того, какие формы она принимает. 6. Какие шаги должны быть предприняты, на Ваш взгляд, по уменьшению дискриминации?⁷⁸¹

На вопрос анкеты «**В чем, на Ваш взгляд, состоит принципиальная трудность для женщин, желающих стать кандидатами в парламент?**» депутаты дали широкий спектр ответов — «предубеждение против женщин»: «дети и семьи»; «восприятие другими людьми женщин-кандидатов, ролевые модели»; «предубеждение мужчин»; «партийные политические структуры, парламентская организация, конфронтационный стиль политики»; «семейные обязанности, отношение (к женщинам)»; «культурная история»; «прямая и косвенная дискриминация, финансовые трудности, обязанности по уходу за детьми»; «семейные обязанности, самоожидания»; «деньги»; «возраст»; «убеждение, что это трудно, отношение»; «предубеждение»; «забота о детях и домашние обязанности делают трудным быть политическим «активистом», труднее путешествовать в избирательные округа для прохождения отборочных интервью»; «консерватизм,

⁷⁷⁷ Hills J. Candidates, the Impact of Gender // Parliamentary Affairs. Spring 1981. Vol.34. №2. P.223.

⁷⁷⁸ Vallance E. Women Candidates in the 1983 General Election // Parliamentary Affairs. 1984. Vol.37. №3. P.305.

⁷⁷⁹ The Daily Telegraph, 17 April 1997.

⁷⁸⁰ The Sunday Times, 15 March 1992.

⁷⁸¹ Вопросы анкеты и ответы депутатов целиком опубликованы в приложении к монографии: Чикалова И. Партии и власть в США и Великобритании: гендерная политика в 1970—1990-е годы. Мн.: Тесей, 2000. С.261-277.

культура»; «предубеждение, привычка, недостаток людей выдвигающих себя»; «селекционное предубеждение»; «люди предпочитают мужчин»; «селекционные комитеты не склонны их отбирать, меньше женщин подают заявления»; «антипатия со стороны селекционных комитетов»; «женщины в селекционных комитетах не всегда голосуют за женщин».

Для того чтобы попасть в политическую обойму, необходимо выдвинуться в качестве кандидата и быть отобранным партийным селекционным комитетом. Следующий вопрос, по поводу которого изучалось мнение парламентариев, касался того, **в какой из политических партий женщине труднее быть отобранной в качестве кандидата.** Подавляющее большинство опрошенных так или иначе указали на Консервативную партию: «у тори — шовинистское отношение», «Консервативная партия более склонна думать о женщинах как о приложениях»; «в Консервативной трудней, потому что консервативные женщины не хотят женщин-членов парламента», «отношение Тэтчер было очень отрицательным к женщинам в парламенте», «(у консерваторов) большее нежелание в прошлом и настоящем, чем у лейбористов», «в Консервативной партии культура жены и матери», а «в Лейбористской партии существует система помощи женщинам. У тори ее нет», и вообще «атмосфера в Лейбористской партии расположена к кандидатам-женщинам». Консерваторы крайне неохотно поддерживали кандидатуры женщин, не говоря о том, что партия в принципе отвергала любую политику по их продвижению. Партийные селекционеры (а в их составе преобладали женщины старшей возрастной группы) искали «привлекательного 33-летнего мужчину, с обликом идеального зятя», не испытывая энтузиазма по поводу выдвижения женщин. Они, с одной стороны, придерживались стереотипа, что политика — не женское занятие, а с другой, считали, что избиратели не готовы голосовать за женщин. Ольга Мейтленд, будучи отобранной кандидатом на безопасное место на выборах 1992 г., говорила, что едва смогла поверить в решение селекционного комитета после того, как потеряла счет избирательным округам, отвергшим ее: *«Женщины, особенно старшего возраста, не хотят голосовать за женщин. В результате многие талантливые и способные женщины избегают политики»*⁷⁸². Однако, пробыв несколько лет в Вестминстере, Мейтленд уже иначе оценивала свое вхождение в него и пребывание там и скорее выражала партийную позицию: *«Я не думаю, что мое вхождение в парламент сильно отличалось от того, что пришлось преодолеть моим коллегам-мужчинам. Это — длинное и трудное путешествие, но это не должно останавливать женщин-кандидатов. Попад в Палату общин, я не заметила каких-либо особых проблем»*⁷⁸³.

На конференции консерваторов 1992 г. один из партийных руководителей консерваторов Крис Паттэн сожалел, что женщины-селекционеры часто были настроены против отбора женщин⁷⁸⁴. В этом смысле достаточно ясно обозначили личное неприятие и позицию самой партии два члена парламента с 1983 г., Энн Винтертон и Марион Ро. Э.Винтертон утверждала: *«Тот факт, что я женщина, не явился препятствием для моего отбора в качестве кандидата и не создавал никаких проблем для меня по пришествии в Вестминстер. Я не разделяю точку зрения, что женщины слабо представлены в парламенте, потому что не верю, что пол человека является точным индикатором его способности адекватно представлять взгляды и интересы любой группы избирателей, и я, конечно, отвергаю предположения, что любая форма позитивной дискриминации или система квот является подходящей для отбора кандидатов. Такой подход оскорбителен для женщин, которые имеют право быть избранными на основе индивидуальных заслуг таким же образом, как их коллеги-мужчины. По схожим причинам я бы поддержала упразднение Комиссии по равным возможностям, которая регрессивна в своей основе и вызывает разногласия в своих*

⁷⁸² The Times, 15 March 1992.

⁷⁸³ Депутат Палаты общин Ольга Мейтленд — И. Чикаловой. Письмо от 3 июля 1996 г.

⁷⁸⁴ Women's News, Issue 3, October 1995.

подходах»⁷⁸⁵. М.Ро, в свою очередь, в интервью автору отмечала: «Я думаю, в Консервативной партии существует общий взгляд, что вы должны находиться там (в парламенте) из-за своих заслуг, как индивидуальность, независимо, мужчина вы или женщина... Вы не можете навязать кого-либо селекционному комитету, если он не хочет. Он выбирает. Каждая консервативная ассоциация избирательного округа выбирает своего кандидата. Что она должна делать с точки зрения партии, так это представить какого-либо хорошего, ответственного, вперёдсмотрящего кандидата, женщину или мужчину, и обеспечить предоставление женщинам равных возможностей»⁷⁸⁶. Наконец, леди Сиком, заместитель председателя партии по работе с женщинами, в 1993 г. суммировала официальную позицию: «Мы верим, что все проблемы являются проблемами женщин, и мы в этой партии **никогда, никогда не поверим в позитивную дискриминацию**. Мы считаем, что она унижительна для женщин. Мы хотим, чтобы избирательные округа выбирали лучшего представителя — мужчину или женщину»⁷⁸⁷.

Абсолютное большинство опрошенных считают, что **местные селекционные комитеты дискриминируют прямо или косвенно женщин-кандидатов**. Только две лейбористки, одна женщина-консерватор и один лейборист утверждали, что дискриминации не существует. Среди мужчин-консерваторов, наоборот, больше тех, кто или не замечает, или не хочет признавать того, что женщины дискриминируются. В случае, если анкетированные считали, что дискриминация имеет место, их просили «привести примеры того, какие формы она принимает». Парламентарии привели следующие примеры: «вопросы типа, смогут ли они справиться с работой»; «мужские сеть и сделки»; «предпочтение (мужчинам). Кандидаты уже намечены»; «женщина-кандидат говорила мне, что одной из причин, по которой ее не номинировали, было то, что она не была достаточно привлекательно одета и нуждалась в похудении!»; «для женщин трудно составить регламент деятельности в партии из-за давления семейных обязанностей»; «путем невыдвижения женщин или убеждая их, что домашние обязанности подходят им больше, чем мужские»; «будучи ответственной за отбор кандидатов в Консервативной партии, я сделала наблюдение, что местные избирательные округа постоянно предпочитают молодого мужчину любому типу женщины»; «некоторые члены селекционных комитетов благоволят мужчинам или женщинам и могут быть влиятельными»; «в большинстве селекционных комитетов преобладают женщины, которые предпочитают мужчин в качестве членов парламента». Селекционеры часто задавали вопросы кандидатам-женщинам, которые никогда не ставились перед мужчинами. В интервью автору Тереза Горман отмечала, что селекционные комитеты исходили из двойной роли женщин и поэтому «спрашивают не мужчин о их семьях, а женщин: есть ли у них дети, и как они собираются в этом случае справляться. Они никогда не говорят мужчине, если у вас есть дети, как вы намерены справляться. Дискриминация существовала до недавнего времени на всех уровнях»⁷⁸⁸.

Игнорирование женщин имело своим следствием то, что партия сохраняла привлекательность лишь в глазах старшего поколения женщин. На выборах 1992 г. консерваторам отдали голоса 56% женщин старше 55 лет⁷⁸⁹. В то же время партия стала терять поддержку молодых избирательниц. Количество женщин в возрасте до 25 лет, проголосовавших за лейбористов, на 13% превысило число тех, кто отдал голоса консерваторам⁷⁹⁰. В более широком возрастном диапазоне, охватывавшем 18-34 года,

⁷⁸⁵ Депутат Палаты общин Энн Винтертон — И. Чикаловой. Письмо от 27 июня 1996 г.

⁷⁸⁶ Интервью автора с депутатом Палаты общин Марион Ро, 2 июля 1996 г.

⁷⁸⁷ Elliott V. Ladies Learn to Make Men Give Them a Seat // Sunday Telegraph, 7 November 1993.

⁷⁸⁸ Интервью автора с депутатом Палаты общин Терезой Горман, 24 июля 1996.

⁷⁸⁹ The Times, 21 October 1996.

⁷⁹⁰ The Independent, 15 December 1995.

разница была меньшей, но тоже существенной: за лейбористов проголосовало 44% женщин в сравнении с 36%, которые предпочли консерваторов⁷⁹¹.

Претензия консерваторов быть партией людей среднего возраста стала выглядеть все более зыбкой. В 1995 г. среднему консерватору исполнился 61 год, более половины перешагнуло за 65 лет и только 5% членов партии составляли люди моложе 35 лет⁷⁹². Возраст же лейбористов становился моложе: большинство новых членов в 1995 г. были младше 40 лет⁷⁹³. С начала 1990-х гг. это обстоятельство стало вызывать закономерную обеспокоенность у руководства консерваторов.

Уже в 1995 г. появились признаки того, что консервативное руководство начало склоняться к принятию некоторых мер, которые могли бы увеличить число женщин — членов парламента. В декабре 1995 г. *The Times* сообщила о неафишируемых планах консерваторов увеличить число парламентариев-женщин с помощью мер *позитивной дискриминации*, но только после следующих выборов⁷⁹⁴. Электоральная привлекательность лейбористской практики составления женских списков, приведшая к резкому увеличению числа лейбористок-кандидатов, по-видимому, подталкивала руководство консерваторов к пересмотру своего отношения к проблеме. Центральный офис Консервативной партии по инициативе вице-председателя Анджелы Рамбольд призвал местные ассоциации более доброжелательно относиться к кандидатам-женщинам⁷⁹⁵. Лидеры консерваторов пытались рекрутировать политически перспективных женщин в качестве кандидатов на безопасные места, но не преуспели в попытках убедить активистов избирательных округов пойти на широкое выдвижение женщин⁷⁹⁶. Накануне выборов 1997 г. Джон Мейджор выражал беспокойство по поводу того, что только 3 новые претендентки были отобраны на безопасные для тори места и в частном порядке убедил нескольких женщин выдвинуть свои кандидатуры. Однако попытки руководства консерваторов оказать давление на местные организации, чтобы на выборах 1997 г. увеличить число выдвигавшихся женщин, в целом не увенчались успехом. Партия продемонстрировала практически полное отсутствие интереса к продвижению женщин в выборные органы, за исключением муниципального уровня. В результате на выборах 1997 г. консерваторы, потерпевшие сокрушительное поражение, провели в парламент только 13 женщин против 101 от лейбористов. И без того небольшое их представительство в консервативной фракции Палаты общин уменьшилось на 7 человек⁷⁹⁷. В результате выборов 2001 г. соотношение оказалось 14 против 94. В то время как на лейбористских скамьях парламента созыва 1997—2001 гг. и во вновь избранном в 2001 г. корпусе депутатов практически каждым четвертым членом фракции была женщина, перед консерваторами, продолжающими негативно относиться к мерам позитивной дискриминации, встала угроза вообще остаться без их участия в парламенте.

Женщины в Кабинетах и Теневых кабинетах консерваторов. Консерваторы традиционно с недоверием подходили к привлечению женщин на руководящие должности и впервые предоставили женщине правительственный пост в ранге полного министра только в 1951 г.: тогда Флоренс Хорсбрук была назначена министром образования в правительстве Уинстона Черчилля⁷⁹⁸. К 1970 г., когда консерваторы выиграли выборы, только одна женщина, Маргарет Тэтчер, с 1969 г., находилась в Теневом кабинете в

⁷⁹¹ Witherspoon S. Labour and the Gender Gap: A Summary of a Report Prepared for Clare Short, MP, Shadow Minister for Women. London: The Labour Party. December 1994. P.1.

⁷⁹² Wilkinson H. The Voter Changes her Mind // The Independent, 10 October 1996; The Times, 21 October 1996.

⁷⁹³ The Times, 21 October 1996.

⁷⁹⁴ Thomson A. Tories May Adopt Quota for Women // The Times, 11 December 1995.

⁷⁹⁵ Shrimley R. Rumbold to Close Tory 'Cone Factory' // The Daily Telegraph, 24 May 1995; Thomson A. Tories May Adopt Quota for Women // The Times, 11 December 1995.

⁷⁹⁶ Wilkinson H. The Voter Changes her Mind // The Independent, 10 October 1996.

⁷⁹⁷ The Times, 3 May 1997; Women in the House of Commons. Factsheet. №5. Public Information Office. House of Commons. London. Revised November 1997.

⁷⁹⁸ Dod's Parliamentary Companion. London: Dod's Parliamentary Companion LTD, 1952, 1953, 1954, 1955; Women in the House of Commons. Factsheet. №5. Revised May 1994. P.16.

качестве министра образования⁷⁹⁹. Она стала второй женщиной в истории Консервативной партии, занявшей полную кабинетную позицию министра образования и науки в правительстве Эдварда Хита (июнь 1970 — март 1974)⁸⁰⁰. После поражения партии в 1974 г. Тэтчер вновь была назначена Эдвардом Хитом теневым министром образования⁸⁰¹.

Избрание в 1975 г. Тэтчер на пост лидера партии, казалось, не вписывалось в традиционную модель прихода политического деятеля к власти: ее шансы на избрание были ограничены из-за недостатка опыта работы на ведущих постах, ее взгляды разделяло меньшинство внутри партии, и она была женщиной. Тем не менее, при внимательном изучении модели рекрутирования в высший политический офис Великобритании успех Тэтчер будет выглядеть менее удивительным. Американский исследователь Филипп Бак проанализировал особенности карьер британских политиков, избранных в Палату общин между 1918 и 1959 гг.⁸⁰² Он пришел к выводу, что политики в Великобритании, дослужившиеся до кабинетных постов, имели очень похожие карьеры. Вместе с ранним избранием в парламент, обычно в возрасте около 35 лет, начиналась карьера в министерствах в качестве парламентского личного секретаря министра или младшего министра. Три четверти консервативных и две трети лейбористских кабинетных министров начали свои карьеры с этих позиций. Первое назначение происходило примерно в первые четыре-пять лет службы в парламенте.

Политическая карьера Тэтчер полностью соответствует модели, описанной Баком. Она была впервые избрана в парламент в 1959 г. в возрасте 34 лет. Двумя годами позже Гарольд Макмиллан назначил ее объединенным парламентским секретарем министерства пенсий и национального страхования. Будучи парламентским секретарем члена кабинета, стала младшим министром и сохраняла этот пост вплоть до поражения консерваторов в 1964 г. В Теневом кабинете занимала различные должности: министра газа, электричества и ядерной энергии, позднее — министра транспорта. Но наиболее важным стало назначение ее в 1969 г. на пост теневого министра образования. Когда в 1970 г. консерваторы вновь выиграла выборы, и Эдвард Хит стал премьер-министром, Тэтчер оказалась единственной женщиной — членом его Кабинета. Она оставалась министром образования и науки вплоть до поражения партии в 1974 г. В следующем году Тэтчер избрали партийным лидером. Хотя Тэтчер не являлась наиболее очевидной кандидатурой для избрания, когда те, кто имел лучшие шансы, бросив вызов Эдварду Хиту потерпели неудачу, черед дошел до той, чьи перспективы выглядели минимальными. Обычай выбирать партийного лидера из тех, кто имел пост в Теневом кабинете, недостаток желающих бросить вызов Эдварду Хиту, внутренние партийные игры, желание самой Тэтчер участвовать в соревновании в сочетании с умелым руководством ее кампанией со стороны менеджера Айри Ниив — все это предопределило ее успех. Приведя партию к победе на выборах 1979 г., она стала премьер-министром. С момента ее избрания в парламент прошло 20 лет.

Во время рекордного 11-летнего пребывания на должности премьер-министра (1979—1990 гг.) Тэтчер удостоилась министерскими назначениями только 10 женщин. В составе же самого Кабинета появилась лишь одна женщина⁸⁰³. Когда Тэтчер в ноябре 1990 г. ушла в отставку, она оставила после себя Кабинет, составленный исключительно из мужчин⁸⁰⁴. Консерватизм позиции Тэтчер в отношении женщин ухудшил политические перспективы ее партии.

⁷⁹⁹ Dod's Parliamentary Companion, 1970.

⁸⁰⁰ Dod's Parliamentary Companion. 1971, 1972, 1973, 1974, 1975; Women in the House of Commons. Factsheet. №5. Revised May 1994. P.17.

⁸⁰¹ Dod's Parliamentary Companion. 1975.

⁸⁰² Buck P. Amateurs and Professionals // British Politics, 1918—1959. Chicago. 1963; Buck P. The Early Start Toward Cabinet Office, 1918—1955 // Western Political Quarterly. Vol.16. 1963. P.624-632.

⁸⁰³ Dod's Parliamentary Companion. 1982. 1983, 1984.

⁸⁰⁴ Dod's Parliamentary Companion. 1990, 1991.

Джон Мейджор, избранный в 1990 г. лидером Консервативной партии и тогда же занявший пост премьер-министра, попытался исправить имидж руководства консерваторов путем приглашения женщин на ответственные посты. Джудит Чаплин получила должность политического советника и Сара Хогг — руководителя политического отдела. В дальнейшем, после парламентских выборов 1992 г., произвел перестановки, назначив Джиллиан Шефард заместителем министра по занятости, а затем главой важного департамента образования и занятости⁸⁰⁵. Вирджиния Боттомли некоторое время работала министром здравоохранения, а затем получила портфель в департаменте государственных имуществ⁸⁰⁶. Обе они работали в Кабинете на протяжении всей деятельности парламента созыва 1992 г. В 1993 г. Мейджор сделал назначение, которое в прошлом не могло бы стать даже предметом для обсуждения. Впервые женщина — Стелла Римминтон — возглавила контрразведку MI-5⁸⁰⁷. Но все это не спасло его от серьезной критики за игнорирование женщин — возможных кандидатов в состав Кабинета: в 1996 г. в администрации, помимо Боттомли и Шефард, было только 9 женщин при наличии 87 постов вне Кабинета⁸⁰⁸.

Традиция назначать членов Теневого кабинета только из числа депутатов парламента поставила Уильяма Хейга, сменившего в 1997 г. Мейджора на посту лидера партии, перед сложной дилеммой: или оставить Теневой кабинет без женщин из-за их минимального присутствия в парламентской фракции и подвергнуть себя критике за игнорирование женщин, либо назначать в пропорции, не соответствовавшей их реальному представительству в парламентской фракции. Хейг пошел по компромиссному пути. Лишь в июне 1999 г. он решил довести число женщин в Теновом кабинете до трех: женщина была назначена теневым министром внутренних дел, теневым министром торговли и промышленности, теневым министром образования и занятости.

Робкие и, в конечном счете, малоэффективные попытки Мейджора и Хейга расширить женское представительство в верхних эшелонах власти во многом были связаны со сковывавшими их инициативу традициями. В партии консерваторов необходимо было являться членом неформальной сети, чтобы добиться политического успеха. В ней не сложились специфически женские сети, в рамках которых женщины помогали бы друг другу в продвижении на политические должности. Доступ же в «мужские» неформальные сети, хотя и был открытым для женщин, однако не в той мере, чтобы обеспечить равные с мужчинами шансы.

Идеология и политические решения в отношении женщин. Премьер-министр Маргарет Тэтчер стала наглядным примером реализации способностей женщины. Однако для многих женщин позиция самой Тэтчер была разочаровывающей. Отвечая на вопрос, рассматривала ли она завоевание лидерства в Консервативной партии в 1975 г. как победу женщин, «железная леди» заметила: «*Это не победа женщин. Это — победа политика*»⁸⁰⁹. Раздражение стало типичной реакцией феминистских исследователей на Тэтчер: она, посещавшая школы «только для девочек», получившая высшее образование в женском колледже Самервилл университета Оксфорда, тоже выиграла от женского движения. Без него ей бы никогда не удалось добиться ни образования, ни своего поста. Но сама Тэтчер всегда отрицала и даже осуждала женское движение, хотя консерваторы традиционно опирались на широкую поддержку женщин.

⁸⁰⁵ The Independent on Sunday, 19 April, 1992. Editorial Page 18; Dod's Parliamentary Companion, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 1998; Women in the House of Commons. Factsheet. №5. Revised November 1997.

⁸⁰⁶ The Independent on Sunday, 19 April, 1992. Editorial Page 18; Dod's Parliamentary Companion, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997, 1998; Women in the House of Commons. Factsheet. №5. Revised November 1997.

⁸⁰⁷ Challenging Inequalities Between Women and Men. Twenty Years of Progress. 1976—1996. London: Equal Opportunities Commission. 1996. P.4.

⁸⁰⁸ Dod's Parliamentary Companion. 1997.

⁸⁰⁹ Pilcher J. The Gender Significance of Women in Power: British Women Talking about Margaret Thatcher // The European Journal of Women's Studies. Nov. 1995. Vol.2. Issue 4. P.495.

С переходом лидерства к Тэтчер лозунги «к викторианским ценностям» и «укрепление семьи», апеллирование к семейным и родительским обязанностям стало центральным пунктом программных документов партии. Усилилась ориентация в государственной политике на модель семьи, где мать занимается воспитанием детей, а отец — их материальным обеспечением. Ни один из манифестов, разработанных под руководством Тэтчер, не содержал отдельного раздела, посвященного женщинам. Вместо этого Манифест 1979 г. включил раздел «Родительские права и обязанности»⁸¹⁰, 1983 г. — «Ответственность и семья», «Поддерживая семейную жизнь»⁸¹¹. Манифест 1987 г., полностью пронизанный духом победы, заметно отличался от двух предшествовавших. Его прямым адресатом был средний класс, заметно укрепивший свои позиции за годы руководства Тэтчер. Женщинам с их специальными нуждами отводилось место только в разделе, посвященном здравоохранению⁸¹².

Можно было предположить, что приход Тэтчер к власти благоприятно скажется на продвижении интересов женщин, но Тэтчер, достигшая успеха в преимущественно мужском мире, не рассматривала их в качестве социальной группы со специальными интересами и нуждами и на практике не отдавала приоритета «женской теме». В идеологии консерватизма родительство предстает как частное дело, а на семью перекладывается все бремя финансовой ответственности за ее членов. Практически это выразилось в последовательном сворачивании с середины 1980-х гг. универсальных программ помощи семье. Политическая программа Тэтчер не содержала предложений по расширению возможностей для женщин. Например, Тэтчер не усовершенствовала систему пособий на детей, тем самым поддержав взгляд на частичную занятость, как на основной вид трудового контракта, рекомендованного для женщин. Она оставила без изменений нуждавшуюся в реформировании систему дошкольного воспитания, которая является ключевой для создания условий для активного участия женщин в общественной сфере. Тэтчер не предприняла никаких шагов с целью помочь женщинам принять вызов меняющихся реалий в мире и совмещать работу вне дома с воспитанием детей. Фактически Тэтчер выступала за то, чтобы женщины оставались дома, занимались семьями и исполняли традиционные роли. Как результат, по переписи 1991 г., накануне ухода Тэтчер в отставку, в 10 группах людей с низкими доходами 76% составляли женщины. В то же время в группах, входивших в первую десятку по доходам, 83% приходилось на долю мужчин⁸¹³.

В тэтчеровской политике не было места для женщин, а саму «железную леди», постоянно восхвалявшуюся за мужской ум, называли «лучшим мужчиной в Консервативной партии». Позиция Тэтчер в отношении женщин по сути укладывалась в формулу: «Делай, как я *говорю*, но не как я *делаю*»⁸¹⁴. Тэтчер демонстрировала чрезвычайно противоречивые взгляды на место и роль женщин: не отрицая их значение на рынке труда, ее рекомендации по поводу того, какими им следует быть, носили предписывающе назидательный характер — хорошими домохозяйками и женами. Уже начиная с 1979 г. различные свидетельства давали основание предполагать, что женщины, особенно молодые, оказались слабо восприимчивы к рекомендациям «железной леди» и идеям тэтчеризма. Более того, среди молодых женщин появилась тенденция смещения к лейбористскому лагерю.

При всем этом необходимость считаться с требованиями международного сообщества подталкивала правительство Тэтчер к созданию формальных структур, ответственных за изменения и улучшение положения женщин. Важным стимулирующим фактором было одобрение британской делегацией на Всемирной конференции ООН по положению женщин в Найроби в 1985 г. заключительного документа «*Стратегия*

⁸¹⁰ The Conservative Manifesto 1979. London, 1979.

⁸¹¹ Foreword — The Challenge of Our Time. The Conservative Manifesto 1983. London, 1983.

⁸¹² The Next Moves Forward. The Conservative Manifesto 1987. London, 1987.

⁸¹³ Social Development and Gender. Gender Equality Policy. London: British Council, 1997.

⁸¹⁴ Genovese M. Margaret Thatcher and the Politics of Conviction Leadership // Genovese M. Women as National Leaders. London: SAGE Publications. 1993. P.204.

будущего по продвижению женщин»⁸¹⁵. Он представлял собой план действий для правительств стран-участниц до 2000 г. и предусматривал создание правительственного механизма для мониторинга и повышения статуса женщин с учреждением правительственного поста по женским вопросам. Однако в Великобритании, несмотря на взятые обязательства, последний не был образован, а женские вопросы были рассредоточены между тремя правительственными отделами. В обязанности сотрудников Министерства занятости, отвечавших за вопросы равенства на рабочем месте, входил и контроль за выполнением *Закона о равенстве в оплате*. Министерство внутренних дел было наделено общими координирующими функциями и обязанностью контролировать выполнение *Закона о дискриминации по признаку пола*. Секретариат офиса Кабинета обеспечивал информационное обслуживание *Женской национальной комиссии*⁸¹⁶. Указанное распределение обязанностей сохранялось вплоть до выборов 1992 г.

Смена в 1990 г. партийного лидера принесла некоторые подвижки в партийную стратегию в отношении женщин. В целом, оставаясь на позиции «семейных ценностей», Манифесты 1992 и 1997 гг. впервые содержали подразделы «Женщины и возможности» и «Возможности для женщин». В них консерваторы, признавая наличие барьеров, с которыми сталкивались женщины, желавшие улучшить свое существование, их недостаточную финансовую безопасность, обещали помощь правительства в соединении домашних обязанностей с работой. Эти обязательства в соединении с необходимостью реагировать на решения конференции в Найроби и, главное, противодействовать планам лейбористов в случае победы создать Министерство по делам женщин побуждали консерваторов сделать хоть что-то реальное.

Среди мероприятий правительства Мейджора нужно отметить принятие в 1992 г. программы *Новые горизонты для женщин*. В результате ее реализации женщины должны были получить более благоприятные возможности в сфере подготовки, занятости, общественных назначений. Программа не получила широкого резонанса, однако к ее успехам можно отнести рост с 23% в 1992 г. до 30% в 1996 г. числа женщин, назначенных на посты в правительственном секторе⁸¹⁷. Правительство Мейджора добилось введения гарантированного отпуска по беременности продолжительностью до 14 недель⁸¹⁸. Премьер-министр в феврале 1992 г. лично объявил об официальном начале действия инициативы *Возможность 2000*, имевшей целью осуществить благоприятствующую семье политику занятости и увеличить количество рабочих места для женщин⁸¹⁹. И все же программа, несмотря на правительственную поддержку, не получила широкого отклика и вновь возродилась лишь после прихода в 1997 г. к власти лейбористов.

Консерваторы предприняли попытку реформирования системы дошкольного и внешкольного воспитания. Объявленная ими в 1995 г. *Инициатива внешкольного воспитания* давала возможность родителям, воспитывавшим детей школьного возраста, более активно работать вне дома⁸²⁰. С помощью правительственного гранта в ее рамках создали более 67 тыс. новых мест в группах внешкольного воспитания⁸²¹. В 1996 г. запустили в действие программу ваучеров для детских садов общим объемом в 730 млн. ф. ст. Она давала каждому родителю 4-летнего ребенка право на получение

⁸¹⁵ Forward Looking Strategy for the Advancement of Women. The United Nations' 3rd World Conference on Women. Nayroby. 1985.

⁸¹⁶ Governing for Equality. The Outcome of Labour's Consultation on Government for Women. London: Labour Party. 1995. P.7.

⁸¹⁷ Women (Government Priorities) // House of Commons Hansard Debates. 27 February. 1998. Column. 617.

⁸¹⁸ Government Achievements on Issues of Concern to Women. P.1.

⁸¹⁹ Britain 1995. An Official Handbook. London: HMSO. 1995. P.36; Britain 1998. An Official Handbook. London: HMSO. 1998. P.43.

⁸²⁰ Britain 1998. An Official Handbook. P.44.

⁸²¹ Women (Government Priorities) // House of Commons Hansard Debates. 27 February 1998. Column 609.

специального ваучера, который мог быть использован на покрытие места в любом дошкольном учреждении независимо от формы собственности⁸²².

Как видим, консерваторы постепенно стали осознавать необходимость реформ в направлении расширения возможностей и для улучшения положения женщин. В последней трети XX века значительно возросло число работавших женщин. Если в 1979 г. 63% женщин в возрастной группе 16-59 лет имели ту или иную оплачиваемую работу, то в 1994 г. их количество увеличилось до 71%. Одновременно за тот же период с 91 до 85% сократилось число работавших мужчин активного возраста (16-64 года)⁸²³. Великобритания заняла второе место в Европейском союзе (после Дании) по участию женщин в общественном производстве: в 1997 г. оплачиваемую работу имели 7 из 10 женщин⁸²⁴. В то же время в 1995 г. 43% работавших женщин трудились на неполную ставку, следствием чего был более низкий доход и меньшее число трудовых прав⁸²⁵. Хотя разрыв в доходах постепенно сокращался, женщины продолжали зарабатывать значительно меньше мужчин: их доходы в среднем составляли в 1975 г. 71%, в 1984 г. — 73% и в 1997 — 80,2% от доходов мужчин⁸²⁶. Тем не менее, консерваторы слишком поздно заметили, что на протяжении лет место женщин, их запросы и нужды в британском обществе заметно изменились, и упустили инициативу, передав ее в руки лейбористов.

Лейбористская партия

Начальный этап деятельности. После Первой мировой войны в двухпартийной системе страны лейбористы заняли место Либеральной партии⁸²⁷. С 1997 г. они находятся у власти, проводят политику, направленную на поддержку интересов и на выдвижение женщин, и в целом активно апеллируют к работающим женщинам молодого и среднего возраста как к электорату. Тем не менее, так было не всегда. Особенности возникновения Лейбористской партии, основанной на коллективном членстве⁸²⁸, наложили отпечаток на ее взаимоотношения с женщинами как с электоратом, так и с женщинами внутри самой организации. С момента основания лейбористам приходилось определяться в своем отношении к проблеме политических и гражданских прав женщин. Уже в разгар суфражистского движения лейбористы в результате длительных дебатов должны были поддержать его требования в обмен на поддержку своих кандидатов со стороны суфражистских организаций.

Вопрос об избирательном праве, об отношении к имущественному цензу и о расширении состава избирателей был одним из центральных в парламентских и

⁸²² Government Achievements on Issues of Concern to Women. P.1.

⁸²³ Social Development and Gender. Gender Equality Policy. London: British Council. 1997.

⁸²⁴ Women (Government Priorities) // House of Commons Hansard Debates. 27 February. 1998. Column 608.

⁸²⁵ Social Development and Gender. Gender Equality Policy. London: British Council. 1997.

⁸²⁶ Ibid; Equal Pay. Earl Russell asked Her Majesty's Government // House of Commons Hansard Written Answers for 16 February 1998: Column WA3.

⁸²⁷ К концу XIX в. часть британского общества испытывала все большее разочарование ограниченными результатами деятельности парламента в социальной сфере. Надежды на Либеральную партию, которую на выборах поддерживала основная масса рабочих и под знаменами которой избирались многие рабочие депутаты (так как разрозненные социалистические организации не могли обеспечить избрание депутатов и создание в парламенте рабочей фракции), полностью иссякли. Добавим, что либералы, не взирая на приверженность идеям индивидуализма и гражданских свобод, демонстрировали ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на новые группы граждан — и женщин, прежде всего, что в конечном итоге подтолкнуло некоторых женских лидеров к сотрудничеству с Лейбористской партией. Исключение женщин из практик свободы опиралось на их якобы «естественную» неспособность преступить за пределы их «биологического предназначения».

⁸²⁸ Основанный в 1900 г. в Лондоне «Комитет рабочего представительства» в 1903 г. был провозглашен федерацией тред-юнионов, Фабианского общества и Независимой рабочей партии. В 1906 г. КРП переименовали в Лейбористскую партию, и в этом же году к ней пришел первый парламентский успех: в общем итоге лейбористы провели в палату общин 29 депутатов.

внутрипартийных дебатах на протяжении второй половины XIX — начала XX в. Важнейшим следствием трех парламентских реформ XIX в. (1832, 1867, 1884—1885) явился рост числа избирателей с 670 тыс. в результате первой реформы до 2 млн. 500 тыс. — в результате второй и 5 млн. 700 тыс. — третьей⁸²⁹. Но и при этом избирательное право не стало всеобщим. Вплоть до парламентской реформы 1918 г. асимметрия в праве голоса проявлялась в трех основных направлениях: а) из поля электоральной политики были исключены женщины⁸³⁰; б) правом голоса обладала лишь часть мужчин; в) право голоса связывалось не с личностью, а с обладанием собственностью. Вновь образованная, как организация парламентского типа, Лейбористская партия тоже должна была определиться по этим вопросам. Входившие в ее состав *Независимая рабочая партия* и *Фабианское общество* изначально выступали за наделение женщин правом голоса. *Социал-демократическая федерация* и *Федерация тред-юнионов* ратовали только за устранение имущественного ценза. Тем не менее усиливавшееся давление со стороны женского движения, которое, в свою очередь, отличалось по методам борьбы, подталкивало партию к определению своих позиций по вопросу избирательных прав женщин.

Умеренные суфражистки из *Национального союза женских суфражистских обществ* во главе с Милисент Фосетт, принадлежавшие по большей части к представительницам среднего класса, ограничивались агитационной работой. Их тактика оказалась малоэффективной. Поэтому в начале XX в. часть сторонниц женских политических прав перешла к воинствующим методам ведения кампаний⁸³¹, а другая — сконцентрировалась, особенно после выборов 1906 г., на работе с политическими партиями по продвижению идеи женских избирательных прав. В 1903 г. Эммелин Панкхерст создала милитантскую суфражистскую организацию *Женский социально-политический союз*⁸³², в котором ключевую роль играли женщины, связанные с рабочими организациями. Сама она была женой одного из руководителей *Независимой рабочей партии* (коллективного члена КРП), известного юриста и агитатора идеи женских политических прав Ричарда Панкхерста. Она пользовалась также поддержкой лидера *Независимой рабочей партии* Кейр Гарди, который был убежденным сторонником идеи. Уже в 1906 г. на конференции *Комитета рабочего представительства* Э. Панкхерст пыталась убедить руководство принять пункт о расширении существующей избирательной системы в пользу женщин (как того добивались умеренные суфражистки), но безуспешно: в результате на конференции было принято решение о борьбе за всеобщее избирательное право, но для мужчин⁸³³. Это решение стало стратегическим для лейбористов на протяжении нескольких последующих лет, когда они регулярно проваливали на партийных конференциях резолюции о распространении избирательных прав на женщин. Помимо независимого ЖСПС (по крайней мере, по формальным

⁸²⁹ Чикалов Р.А., Чикалова И.Р. Западная Европа и Соединенные Штаты Америки (1815—1918 годы): Учебное пособие для студентов исторических специальностей высших учебных заведений. Мн., 2000. С. 235.

⁸³⁰ Начало агитации за избирательные права британских женщин связано с двумя событиями. В 1864 г. в Лондоне знаменитый философ и член парламента Джон Стюарт Милль издал книгу «О подчинении женщины» (М., 1994), и в 1866 г. он же внес на обсуждение Палаты общин петицию, подписанную полутора тысячами женщин, и поправку к биллю о второй парламентской реформе. Она предусматривала возможность предоставления женщинам избирательных прав на одинаковых с мужчинами условиях. За поправку проголосовали 74 депутата, что было признанием наличия проблемы, но недостаточно для ее прохождения. Таким образом, провал знаменитой поправки во время обсуждения реформы вызвал к жизни массовое суфражистское движение.

⁸³¹ От англ.: militant — воинствующий, боец. Отсюда наименование — милитантки, милитантский суфражизм.

⁸³² Главной формой протеста для Женского социально-политического союза, в отличие от законопослушных умеренных суфражисток, стало демонстративное нарушение закона. Многочисленные судебные приговоры не останавливали воинственных суфражеток — сама Эммелин Панкхерст только в 1913—1914 г. 10 раз отбывала тюремный срок.

⁸³³ Напомним, что пункт «о всеобщем избирательном праве для взрослого мужского населения» содержала еще «Народная хартия» чартистов 1838 г.

признакам) для оказания помощи лейбористам на выборах была создана *Женская лейбористская лига*. Первая конференция Лиги в 1906 г. определила цель деятельности организации следующим образом: «работа в сотрудничестве с партией лейбористов по достижению независимого женского лейбористского представительства женщин в парламенте и во всех местных органах власти»⁸³⁴.

Билль о распространении на женщин избирательного права принимался Палатой общин в 1904, 1908, 1910⁸³⁵, 1911, 1912 и 1913 гг. во втором, а в 1911 г. даже в третьем чтении, но дальнейшее продвижение его блокировалось. Тем не менее перелом наступил, в том числе во взаимоотношениях умеренных суфражисток с лейбористами. В ответ после провала законопроекта 1913 г. на ежегодной лейбористской конференции была принята резолюция, призывавшая свою парламентскую фракцию противодействовать любому биллю об избирательной реформе, который бы не содержал положения о политических правах женщин.

Первая мировая война на время сняла с повестки дня вопрос о женском избирательном праве. И все же он вновь зазвучал в парламенте еще до завершения войны в связи с необходимостью пересмотра довоенных избирательных списков. В 1917 г. в парламент поступил законопроект новой избирательной реформы, предложенный коалиционным кабинетом Ллойд Джорджа. Среди прочих он предусматривал право голоса для всех женщин, но лишь с 30 лет, а возможность баллотироваться в парламент с 21 года. В 1918 г. билль приобрел силу закона, действовавшего до 1928 г., когда и активное, и пассивное избирательное право им предоставили наравне с мужчинами по достижении 21 года⁸³⁶. На выборах 1923 г. первые три лейбористки были избраны в парламент⁸³⁷. С этого момента и после ухода с политической сцены суфражистского движения, несмотря на появление отдельных женщин в политических структурах, начался затяжной период «невидимости» женщин и игнорирования последних в лейбористской политической повестке.

Организация и стиль работы. Основу идеологии Лейбористской партии составил фабианский социализм, концепция которого предусматривала уравнивание в правах женщин и мужчин. Фабианское общество готовило программы лейбористов. В то же время решающую роль в партии благодаря системе коллективного членства играли массовые тред-юнионы, особенно традиционные индустриальные союзы с доминирующим мужским составом (которые были настроены предельно консервативно в отношении женщин), обеспечивая ее и финансами, и большой массой членов. Отражая эту зависимость, программа лейбористов гарантировала доминирование тред-юнионов путем предоставления им существенного представительства в Национальном исполнительном комитете.

Несмотря на риторическую приверженность идеям равенства, идеология, культура, организация и стиль работы Лейбористской партии с самого начала ее существования и на протяжении десятилетий базировались на вере в существование глубинных «естественных» различий между полами, следствием которого является разделение сфер жизни на «мужские» и «женские». Патерналистский порядок был встроен в структуру организации, легитимируя гендерные иерархии. Хотя с 1918 г. женщины могли вступать в партию на индивидуальной основе, моделью политического лейбористского активиста служил член тред-юниона, промышленный рабочий, мужчина. Поэтому женщины, обладавшие политическими амбициями, должны были соревноваться внутри заполненных мужчинами структур, в которых они сталкивались с традиционным предубеждением. Оно не ослабло даже после того, как все

⁸³⁴ Цит. по: Школьников И.А. Лейбористская партия Великобритании и суфражистское движение // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 4, 2002. С.108.

⁸³⁵ 1910 г. стал важным этапом эволюции лейбористской политики в отношении избирательного права женщин. В этот год по инициативе лейбористского депутата Генри Брейлсфорда в Палате общин был создан межпартийный Комитет согласия для выработки законопроекта о женских политических правах.

⁸³⁶ The Representation of the People (Equal Franchise) Act. Royal Assent, 2 July 1928.

⁸³⁷ Dod's Parliamentary Companion. 1924.

больше женщин начало проявлять активность в партийных организациях графств. Хотя к 1980 г. женщины составляли примерно 40% рядового состава, их насчитывалось только 3% в лейбористской парламентской фракции и 11% среди делегатов ежегодной *Национальной конференции*. Они занимали лишь 7 из 29 мест в Национальном исполнительном комитете, 5 из которых были для них просто зарезервированы и заполнялись в соответствии с пожеланиями профсоюзов. Женщины традиционно рассматривались в качестве жен и матерей рабочих, а не в качестве самостоятельных участников общественной жизни. Моделью политического лейбористского активиста служил член тред-юниона, промышленный рабочий, мужчина.

Большинство женщин принимались в партию через *женские секции*. Для координации их работы в масштабе страны с 1951 г. действовал *Национальный лейбористский женский совещательный комитет*⁸³⁸. Эта организация выступала в качестве консультативного органа по проблемам женщин при Национальном исполнительном комитете. Завершалась эта пирамида женской лейбористской конференцией, созывавшейся раз в два года. Наличие отдельных женских секций вело к отрыву большинства женщин от главных структур партии. *Женские секции* не обладали ни властью в принятии решений, ни прямым представительством в руководящих органах. Даже на места в Национальном исполнительном комитете, с 1981 г. резервировавшиеся для женщин, они избирались ежегодной общепартийной конференцией. Поэтому женщины, обладавшие политическими амбициями, должны были соревноваться внутри заполненных мужчинами структур, в которых они сталкивались с традиционным предубеждением. Оно не ослабло даже после того, как все больше женщин начало проявлять активность в партийных организациях графств.

Кризис в партии. Заставить лейбористов критически переоценить гендерную политику отчасти помогло женское движение. Новая волна феминизма в Великобритании заявила о себе на национальном уровне в 1970 г. В этот год множество разрозненных женских групп, пытаясь достичь объединения на основе общих требований, провели первую национальную конференцию в Оксфорде. На ней ее участницами было выдвинуто четыре основных требования: равенство в оплате, равенство в образовании и возможностях, широкое развитие системы дошкольного воспитания, включение в реестр бесплатных услуг государственной системы здравоохранения контрацепции и проведения абортов⁸³⁹. Позднее, в 1974 г., в число практических задач женского движения были включены требования финансовой и юридической независимости женщин, а в 1978 г. — свободы и прав для лесбиянок, защиты от угроз и насилия, включая сексуальное. Тем не менее, участницы феминистского движения были скептически настроены по отношению к работе в политических институтах, поэтому до конца 1970-х гг. партия не испытывала серьезного давления с его стороны.

Однако к началу 1980-х гг. положение стало меняться, что было связано с комплексом причин. Многие британские феминистки усилили активность в традиционных институтах политического соперничества — партиях, союзах, местных правительствах, которые, в свою очередь, более не могли игнорировать названные и другие проблемы, получившие под влиянием женского движения широкий общественный резонанс. Женское движение фрагментировалось: ряд активисток, связавших себя с феминистской идеологией, присоединились к Лейбористской партии и начали работать над ее феминизацией. Среди наиболее известных женских групп, возникших в начале 1980-х гг., был *Комитет действия лейбористских женщин*⁸⁴⁰. Его требования включали проведение дебатов на ежегодной конференции Лейбористской партии по резолюциям, принятым женской партийной конференцией. Кроме того, предлагалось проводить выборы женщин на места в Национальном исполнительном комитете на женской конференции, благодаря чему они были бы подотчетны женщинам — членам

⁸³⁸ В 1981 г. из его названия слово «совещательный» изъяли.

⁸³⁹ The Encyclopedia of World History, Sixth Edition. Ed. Stearns P. Houghton Mifflin Company. 2001 // <http://www.bartleby.com/67/2783.html>

⁸⁴⁰ Mercer P. Directory of British Political Organizations. 1994. London: Longman. 1994. P.355.

Лейбористской партии, а не партии в целом. Комитет также требовал включения, по крайней мере, одной женщины в списки кандидатов в парламент. Женские активистки на этом этапе пытались построить альянс с левым крылом в партии, но сделать дискурс лейбористов гендерно чувствительным оказалось трудным делом: левые в стремлении реформировать партию рассчитывали на тред-юнионы и не хотели портить отношения со столь влиятельными группами по поводу женских требований. Поэтому, несмотря на свои радикальные претензии, левое крыло проявляло чрезвычайную консервативность, когда возникала необходимость трансформации самой организации, чтобы сделать ее более демократичной, открытой и отзывчивой к новым веяниям. Попытки развить гендерную перспективу в таком контексте закончились неудачей. Все требования *Комитета действия лейбористских женщин* были проигнорированы в силу желания партии, включая ее левое крыло, сохранить поддержку влиятельных тред-юнионов, которые не скрывали враждебного отношения к коллективному представительству женщин.

Со временем ряд внутренних и внешних событий заставил лейбористское руководство задуматься над тем, какое впечатление производила партия на женщин. Неудовлетворенность решениями партийной конференции 1981 г. в Уэмбли, в том числе новым механизмом выбора лидера партии путем введения коллегии выборщиков, в которой тред-юнионы получили 40% голосов, вынудила несколько влиятельных партийных функционеров, включая Ширли Вильямс, покинуть лейбористов. Созданная ими в марте 1981 г. *Социал-Демократическая партия (СДП)*, как более открытая и современная организация, уже на следующий год своего существования объявила, что в каждый окончательный избирательный список от партии будет включено не менее двух женщин. Таким образом, в Великобритании появилась первая партия, которая начала использовать принцип *позитивной дискриминации*. В стране появился прецедент и начала создаваться практика целенаправленного выдвижения женщин. Это не могло не оказать воздействия в будущем и на Лейбористскую партию.

Обеспокоенность имиджем партии проявилась после поражения лейбористов на выборах 1983 г. Новый лидер — избранный вместо Майкла Фута Нейл Киннок — принял партию, программа которой ориентировалась на защиту имущественных прав узкой группы организованных промышленных рабочих и была отвергнута избирателями. В свете этого руководство лейбористов должно было оценить степень влияния партии на избирателей в целом и их женскую часть, в особенности. Эта озабоченность особенно усилилась после поражения на парламентских выборах 1987 г.: исследование, проведенное *Теневым агентством по коммуникациям*, свидетельствовало о том, что имидж партии оставался для нее главной проблемой⁸⁴¹.

Со своей стороны, *Комитет действия лейбористских женщин* развернул широкие дебаты о месте женщин в партии. Поддержка его действий, которая прежде ограничивалась акциями женщин среднего класса, ассоциировавших себя с феминизмом и лефтизмом, расширилась за счет многочисленной группы партийных активисток из других общественных слоев. Кроме того, в парламент были избраны симпатизировавшие феминистской идеологии Клэр Шорт и Харриет Харман. Они присоединились к влиятельному парламентариям, феминистке Джо Ричардсон для продвижения внутри партии женских требований. Еще более важную роль сыграло то обстоятельство, что лидеры профсоюзов стали оказывать некоторую поддержку активисткам, с конца 1960-х гг. агитировавшим за изменение политики в отношении трудящихся женщин и увеличение их представительства в руководстве. Разраставшийся в 1980-х гг. кризис в тред-юнионистском движении сделал его лидеров более восприимчивыми к женским требованиям. В результате ряд тред-юнионов одобрил новую политику в отношении равных прав, сексуального домогательства на рабочем месте и защиты материнства. Индикатором успеха стало создание в 1988 г. в Конгрессе тред-юнионов *отдела по равным правам*.

⁸⁴¹ Hewitt P. and D. Mattinson. *Women's Votes: The Key to Winning*. London: Fabian Research Series. №353. 1988.

Значительное уменьшение влияния индустриальных союзов с доминирующим мужским составом при параллельном росте на протяжении 1980—1990-х гг. авторитета профсоюзов, объединявших работников сферы услуг, в которых преобладали женщины, вынудило тред-юнионистское руководство начать реагировать на женские нужды. Профсоюзные лидеры стали участвовать в дебатах внутри Лейбористской партии по поводу гендера и представительства женщин в избираемых органах, а с другой стороны, партийные активистки в целях координации действий начали более активно работать в профсоюзах. В некоторых случаях личные связи в этом взаимном сближении играли немаловажную роль: избранная в парламент сторонница продвижения женских прав Харриет Харман стала женой одного из видных тред-юнионистских деятелей.

Хотя *Комитет действия лейбористских женщин* не был допущен к работе группы по пересмотру политики, ее окончательный документ «*Ответ на вызов, осуществим перемену*»⁸⁴² содержал достаточно большое количество обязательств по отношению к женщинам. Они включали равенство в налоговой системе, развитие законодательства в интересах гендерного равенства, расширение системы дошкольного воспитания и увеличение минимальной зарплаты. Одновременно руководство партии начало склоняться к политике *позитивной дискриминации* с целью увеличить число женщин в парламенте. Конференция Лейбористской партии 1988 г. одобрила резолюцию, поддерживавшую принцип обязательного представительства женщин в окончательных списках кандидатов. За этим решением последовала декларация конференции 1989 г., провозгласившая целью партии достижение равного с мужчинами представительства женщин в парламенте через 10 лет или в результате 3-х очередных парламентских выборов. В дополнение в своем предвыборном манифесте партия обратилась с открытым призывом к британкам, пообещав ввести должность министра по делам женщин в случае завоевания парламентского большинства и формирования правительства. Пожалуй, это был первый осознанный призыв к женщинам-избирателям, сделанный британской политической партией. Как шаг на пути к созданию властного института по проблемам женщин, партия включила парламентского оратора по женским правам в Теневой кабинет.

Однако специальные решения для претворения этой стратегии в жизнь не были приняты вплоть до следующего деморализующего поражения на всеобщих выборах 1992 г. Партия продолжала рассматриваться избирателями как ограниченная, не передовая, находившаяся «в кармане» у профсоюзов. И хотя в результате выборов 1992 г. число женщин-депутатов от Лейбористской партии выросло с 21 до 37, это воспринималось без оптимизма. Женщины составляли 21% от числа лейбористских кандидатов в депутаты и только 14% от парламентской фракции партии. Таким образом, требовалась реальная работа по изменению маскулинного характера партии.

По-прежнему этому мешало недоверие к партии, главным образом, со стороны женщин. Все проводимые исследования демонстрировали, что намного больше женщин голосовало за консерваторов, чем за лейбористов. Это оказалось критически важным во время парламентских выборов 1992 г., когда лейбористы по сравнению с консерваторами лидировали с преимуществом в один пункт среди мужчин, но отставали на 15 пунктов по степени поддержки среди женщин. Если бы женщины в 1992 г. проголосовали за лейбористов в той же пропорции, что и мужчины, партия выиграла бы выборы⁸⁴³. Это побуждало лейбористов к принятию срочных мер по устранению или, по крайней мере, уменьшению разрыва к следующим парламентским выборам. Поэтому партийное руководство в выборе стратегии сконцентрировало внимание на уменьшении *гендерного разрыва* при голосовании.

Дифференциация в политических предпочтениях у избирательниц разных возрастов привела к появлению у лейбористов реальной возможности привлечь на свою

⁸⁴² Meet the Challenge, Make the Change. London: The Labour Party. 1988.

⁸⁴³ Perrigo S. Women and Change in the Labour Party. 1979—1995 // Parliamentary Affairs. Vol.49. №1. January 1996. P.126.

сторону больше голосов за счет молодого поколения. Женщины, совмещавшие работу вне дома с воспитанием детей, позитивно реагировали на программу лейбористов. Их, в первую очередь, привлекала обещанная ими развитая система дошкольного воспитания. В отношении женщин старшего возраста выборы 1992 г. подтвердили, что пожилых женщин отпугивал имидж лейбористов, ассоциировавшийся у них с партийным пропагандистским плакатом прошлых лет, на котором изображались мрачные ряды облаченных в кепки рабочих. Ассоциация партии с профсоюзами, в которых доминировали мужчины, заставляла воспринимать ее в качестве сугубо мужской организации, далекой от интересов женщин. Ввиду этого даже при высоком уровне разочарования политикой консерваторов поддержка лейбористов женщинами была значительно меньшей, чем мужчинами.

Внутрипартийные реформы. Главной целью внутренних партийных реформ становилось изменение отношения избирателей к партии путем отхода от модели закрытой организации, представлявшей узкие корпоративные интересы промышленных союзов, в сторону открытой плюралистической партии, основанной на индивидуальном членстве. Для этого лейбористское руководство стало искать возможность дистанцироваться от профсоюзов, уменьшить их влияние в решении партийных вопросов, переместить власть от активистов избирательных округов к «рядовому» члену. С другой стороны, стремление к изменению имиджа партии и отношения к ней избирателей увязывалось с проблемой более широкого представительства женщин. Руководство лейбористов надеялось, что привлечение большего их числа в парламент поможет изменить неблагоприятный в глазах массы избирателей облик партии. Попытки увеличить число женщин-парламентариев, сочетались с разнообразными процедурными изменениями, предусматривавшими рост их представительства в органах партийного руководства: Национальном исполнительном комитете и Национальной конференции.

В Национальном исполнительном комитете резервировалось 5 мест для женщин в отдельной «Женской секции». В дополнение женщины имели право состоять в секциях «Организаций округов» и «Тред-юнионов». Избрание в них в условиях соревнования с мужчинами всегда рассматривалось как более значительное достижение по сравнению с попаданием в «Женскую секцию». Но женщины, избранные в указанные секции, всегда составляли абсолютное меньшинство: на протяжении 1980-х гг., например, их никогда не было больше двух, а чаще одной. До 1992 г. ни одна женщина ни разу не избиралась в секцию «Тред-юнионов». Для увеличения количества женщин в Национальном исполнительном комитете применили систему квот. Было решено, что с 1993 г. по 2 места в секциях «Организации округов» и «Тред-юнионов» должны резервироваться для женщин. Впоследствии, начиная с 1995 г., квоту для секции «Организации округов» увеличили до 3-х. В результате новой процедуры представительство женщин в Национальном исполнительном комитете возросло. В 1986 г. из 29 мест в Национальном исполнительном комитете только 7 (24%) занимали женщины, в 1996 г. их число увеличилось до 14 (48%).

Ввели также правило, согласно которому среди функционеров на уровне избирательных округов и в центральном аппарате партии должна быть, по крайней мере, половина женщин. В случае, если это оказывалось невозможным, соответствующие посты следовало оставлять вакантными. Эффективными оказались и шаги по изменению гендерной пропорции на ежегодных партийных конференциях. Начиная с 1993 г. тред-юнионы стали делегировать на них женщин пропорционально их количеству в профсоюзе. В то же время было решено, что организации Лейбористской партии в избирательных округах, которые имели право направлять на конференцию только по одному делегату, обязаны посылать женщину через год⁸⁴⁴.

⁸⁴⁴ The Financial Times, 1 July 1993; Timmins N. Labour Bars 14 Male Conference Delegates // The Independent on Sunday, 23 September 1994. Home News Page 4; Sherman J. Blair Urges Delegates to Oppose Rule on Women // The Times, 24 September 1994. P.2.

Расширение женского присутствия в партийных органах создало благоприятный фон для продвижения женщин в парламент. В июне 1993 г. Национальный исполнительный комитет принял решение одобрить фиксированную квоту на половину выигранных и половину маргинальных мест для передачи их на следующих выборах женщинам в случае, если действовавшие парламентарии вновь не выдвинут на эти места свои кандидатуры. Решение должно было реализовываться через требование к окружным организациям партии отбирать на эти целевые места кандидатов только из женских списков. Партийная конференция в этом же году согласилась с предложенным принципом. Согласованная процедура предусматривала, что половина избирательных округов с безопасными местами и половина округов с маргинальными местами должны одобрить женские избирательные списки.

Поддержка этого предложения явилась результатом успешного союза между реформаторами, которых возглавил после смерти Нейла Киннокка в 1994 г. Тони Блэр, и активистками партии. Женщины согласились поддержать резолюцию партийной конференции 1994 г. по введению правила «Один человек — один голос», разрушавшее доминирование тред-юнионов на условиях, что будет также поддержана резолюция по введению квотирования при отборе кандидатов. Конференция приняла решение начать отбор кандидатов из подготовленных женских списков. Чтобы смягчить негативное впечатление от принятого решения, процедуру начали с маргинальных мест.

Решению о составлении женских списков и отбора из них кандидаток пытались оказать сопротивление партийные организации в тех округах, где лейбористы располагали безопасными местами. Тем не менее, по мере приближения даты открытия национальной партийной конференции, на которой планировали провести дебаты «по женскому представительству», отбор женщин не только на маргинальные, но и на выигранные места ускорился. К середине 1995 г. отбор избирательных округов и кандидаток на маргинальные места полностью завершился.

Однако от отбора кандидатов из женских списков пришлось вскоре отказаться. Двое мужчин-лейбористов в 1995 г. начали судебный процесс против партии и выиграли его. Суть иска состояла в том, что исключительно по причине пола их кандидатуры отказались рассматривать в качестве потенциальных кандидатов на места, зарезервированные для женщин. Поскольку суд в январе 1996 г. заключил, что отдельный женский список не совместим с *Законом о дискриминации по признаку пола* 1975 г. и, таким образом, незаконен⁸⁴⁵, лейбористское руководство было вынуждено отказаться от волевого отбора кандидаток из этих списков⁸⁴⁶. Тем не менее, перелом уже произошел, и это решение не могло кардинально повлиять на успех лейбористских женщин на выборах 1997 г.

Однако в связи с запретом женских списков уже на следующих выборах 2001 г. лейбористы были поставлены перед фактом уменьшения числа женщин, впервые избранных в парламент. Обеспокоенные этим, они в феврале 2002 г. добились проведения через парламент нового закона *О дискриминации по признаку пола (В отношении отбора кандидатов)*⁸⁴⁷. Его смысл состоял в устранении юридических барьеров, которые имелись в законе *О дискриминации по признаку пола* 1975 г. и в аналогичном законе 1976 г., действовавшем на территории Северной Ирландии. В связи с этим политические партии получили возможность использовать позитивные меры, чтобы уменьшить разрыв между числом женщин и мужчин, избранных в парламент. Закон разрешил политическим партиям самим решать, какие меры следует использовать, если они желают уменьшить гендерное неравенство. Действие закона распространилось не только на выборы в Палату общин, но и в законодательные органы Шотландии и Уэльса, в местные органы власти и Европейский парламент. Такие же изменения внесены в закон

⁸⁴⁵ What is Correct Politically? // The Independent, 9 January 1996; Wainwright M. Drive for Women MPs Illegal, Smithers R. Court Victors Upset, Roberts Y. May the Best Man Win // Gardian, 9 January 1996.

⁸⁴⁶ The Daily Telegraph, 1 February 1996. P.6/1.

⁸⁴⁷ The Sex Discrimination (Election Candidates) Act 2002 // Department of Trade and Industry. Women and Equality Unit, 2003.

для Северной Ирландии. Действие закона истекает в 2015 г., что является признанием временного характера позитивных мер. По мнению авторов закона, применение его в трех циклах выборов на всех уровнях будет достаточным для изменения гендерного баланса в законодательных структурах.

Реформы Теневого кабинета и Кабинета. До конца 1980-х гг. женщины были редкими фигурами в лейбористском Теневом кабинете. Первый формальный шаг по введению в него большего числа женщин был предпринят в 1989 г., когда Лейбористская партия, в то время руководимая Нейлом Кинноком, пересмотрела существовавший порядок ежегодных выборов в Теневой кабинет. Изменение касалось принятия условия: при голосовании в каждом бюллетене, по крайней мере, 3 из 18 предпочтений должны быть отданы кандидатам-женщинам. Состав Теневого кабинета, насчитывавший 15 человек, тогда же увеличили еще на 3, чтобы удовлетворить этому требованию.

В начале 1990-х гг. женщины в Теневом кабинете распространили влияние на значительно более широкий круг вопросов, нежели тот, который традиционно охватывал «женские темы». Они были широко представлены на младших должностях, относящихся к сферам образования и занятости, защиты окружающей среды, сельского хозяйства, здравоохранения, торговли и промышленности, финансов. Им доверяли места в шотландском офисе и офисе партийных парламентских организаторов. Однако ни одна женщина не была назначена на теневой пост министра иностранных дел, министра внутренних дел, министра финансов или министра обороны. Между 1992 и 1994 гг. престиж женщин в Теневом кабинете был поднят также фактом избрания Маргарет Бекетт на пост заместителя лидера партии⁸⁴⁸. После того как в результате выборов 1992 г. представительство женщин на лейбористских скамьях в Палате общин возросло с 21 до 37, руководство партии в 1993 г. предложило реформировать Теневой кабинет таким образом, чтобы довести в нем до 4 число женщин, за которых должны были голосовать депутаты из лейбористской фракции парламента⁸⁴⁹. Изменение правил и в 1989 г., и в 1993 г. происходило при поддержке лидеров партии Нейла Киннока и пришедшего ему на смену в 1993 г. Джона Смита. Увеличенная квота была одобрена на заседании парламентской фракции в июле 1993 г.⁸⁵⁰ Очевидно, если бы новая процедура голосования не установила квоту для женщин, было бы невозможно гарантировать минимальное их число в Теневом кабинете. Но принцип квотирования оказался уязвим в том плане, что позволял оппонентам в случае их решительности и хорошо скоординированной тактики голосования не допускать избрания женщин свыше минимума.

Еще в 1981 г. было решено в уставные правила Лейбористской партии ввести требование, согласно которому **«при занятии поста премьер-министра лидер назначит членами своего кабинета тех, кто был избран в Парламентский комитет (Теневой кабинет — прим. автора) к роспуску парламента, и сохранил свои места в новом парламенте»**⁸⁵¹. После победы лейбористов на выборах 1997 г. это решение в полной мере сыграло свою роль. В свое время принятая норма подчеркивала намерение партии установить жесткие правила формирования правительства. Теперь, с переходом власти в руки лейбористов, это процедурное правило должно было найти практическую реализацию. Для женщин оно означало неминуемое усиление политического присутствия в правительстве при условии предварительного вхождения в Теневой кабинет. Руководство лейбористов проявило последовательность, и Энн Тейлор стала лидером лейбористской фракции Палаты общин. В сформированное Тони Блэром правительство в число 21 министра вошли Маргарет Бекетт, возглавившая ведомство торговли и

⁸⁴⁸ Macintyre D., S.Castle. John Smith Sweeps in with Reforming Zeal // The Independent on Sunday, 19 July 1992. Title Page 1.

⁸⁴⁹ Davis P. Women Win Poll Place // The Independent, 22 July 1993. Politics & Policy Page 8; Webster P. Whisper Campaign Against Women Riles Labour MPs // The Times, 13 October 1993. P.6; Coote A. Labour Troublesome Women // The Independent, 22 October 1993. Comment Page 21.

⁸⁵⁰ The Daily Telegraph, 22 July 1993.

⁸⁵¹ Parliamentary Labour Party Standing Orders, Section E, 1. London: The Labour Party.

промышленности, Харриет Харман — социального обеспечения, Марджори Молэм — Северной Ирландии, Клэр Шорт — заморских территорий⁸⁵². 17 женщин получили назначения на должности младших министров вне Кабинета⁸⁵³. Вхождение 4 женщин в правительство явилось беспрецедентным фактом по сравнению с единственной женщиной — членом предыдущего лейбористского правительства Каллагана, находившегося у власти в 1976—1979 гг.

Стремление поднять уровень женского представительства в органах управления нашло выражение в смягчении кадровой политики. После прихода лейбористов к власти в 1997 г. началась систематическая работа по увеличению числа женщин в правительственных учреждениях: была поставлена задача к 2005 г. довести их пропорцию до 45-50% от всех сотрудников⁸⁵⁴. Одним из самых прочных мужских бастионов являлось Министерство иностранных дел. Впервые (и тоже лейбористским правительством) только в 1976 г. женщина, Энн Уорбертон, была назначена послом в Данию⁸⁵⁵. До 1972 г. для работавших в Министерстве иностранных дел женщин действовало требование безбрачия. Отмена этой ограничительной нормы и с приходом лейбористского правительства к власти в нем с конца 1990-х гг., хотя и медленно, стала развиваться тенденция к увеличению числа женщин. В 1999 г. при наличии 148 мест уже 5 женщин работали послами.

Социальная политика лейбористов в интересах женщин. Лейбористы, в отличие от консерваторов, начиная с выборов 1974 г., помещали во все программные манифесты отдельные подразделы, содержавшие перечень обязательств перед женщинами: «Хартия женщин» (1974), «Равенство для женщин» (1979), «Лучшее предложение для женщин» (1983), «Женские права» (1987), «Лейбористское министерство по делам женщин» (1992). Лейтмотивом этих манифестов стал принцип практического обеспечения равных возможностей для женщин, а не ведения вежливых разговоров о равенстве⁸⁵⁶. Целью партии провозглашалось достижение равенства мужчин и женщин. Женщинам следует дать свободный выбор между занятиями семьей дома и работой. Мужчины и женщины должны разделить права и обязанности в отношении оплачиваемой работы и домашних дел с тем, чтобы сегрегация в области труда дома и вне него была разрушена⁸⁵⁷. Обвиняя консерваторов в атаках на женские права, в увеличении числа безработных женщин, разрушении служб, в которых особенно нуждаются женщины, лейбористы предложили широкий перечень обязательств по отношению к последним: обеспечение равной оплаты за труд одинаковой ценности путем внесения соответствующей поправки в *Закон о равенстве в оплате*, усиление *Закона о дискриминации по признаку пола* путем включения в него запрета прямой и непрямой дискриминации в части семейного статуса, усиление и расширение роли *Комиссии по равенству возможностей*, распространение трудовых прав на женщин, работающих неполный рабочий день и дома, предоставление дополнительной помощи семьям с одним родителем, увеличение пособия матерям, введение поста кабинетного министра по осуществлению равенства между полами, ликвидировать имевшиеся барьеры в реализации репродуктивных прав женщин и многое другое⁸⁵⁸.

Долгое время абсолютное преобладание, с одной стороны, мужчин в политических структурах и консервативного предубеждения в отношении женщин, — с другой, имело своим результатом то, что довольно поздно законодательное разрешение нашли лишь несколько ключевых для женщин проблем, и произошло это усилиями, главным образом, лейбористов на волне женского движения. После окончания Второй мировой войны

⁸⁵² The Labour Team // The Independent on Sunday, 4 May 1997. News 3.

⁸⁵³ Dod's Parliamentary Companion. 1998; Britain 1998. An Official Handbook. P.44.

⁸⁵⁴ Текущий архив министерства промышленности Великобритании. Women in Public Life // Department of Trade and Industry. Women and Equality Unit, 2003.

⁸⁵⁵ History Notes. Women in Diplomacy. The FCO, 1782—1994. Historical Branch, LRD. №6, May 1994. P.20.

⁸⁵⁶ Britain Will Win With Labour. The Labour Party Manifesto: October, 1974. London, 1974.

⁸⁵⁷ The New Hope for Britain. The Labour Party Manifesto: October, 1983. London, 1983. P.35.

⁸⁵⁸ Ibid. P.35-37.

лейбористы выиграла парламентские выборы в 1945, 1964, 1974, 1976, 1997 и 2001 гг. и формировали правительства 1945—1951 гг., 1964—1970 гг., 1974—1976 гг., 1976—1979 гг., 1997—2001 гг. и продолжают оставаться у власти в настоящее время. В 1969 и в 1975 гг. лейбористские правительства образовали соответственно *Женскую национальную комиссию* и *Комиссию по равенству возможностей*. Первая из них получила статус главного совещательного органа по женским вопросам при правительстве. Вторая и созданная в 1976 г. *Комиссия по равенству возможностей в Северной Ирландии* являлись независимыми организациями, хотя финансировались центральным правительством.

Проведенный лейбористами *Закон об абортах* (1967 г.) передал контроль над репродукцией в руки самих женщин, разрешив легальное проведение абортов при наличии медицинского заключения о его необходимости. Лейбористское законодательство против дискриминации в сфере занятости включило два парламентских акта: *О равенстве в оплате* (1970 г.) и *О дискриминации по признаку пола* (1975 г.). Первый запретил платить женщинам меньше за одинаковую с мужчинами работу; второй сделал дискриминацию во всех областях общественной жизни незаконной. Хотя этот закон одинаково исключает дискриминацию и женщин, и мужчин по причине пола, практически он значительно чаще защищает женщин. *Закон о домашнем насилии и процедуре в отношении супруга* (1976 г.) дал возможность жене или находящейся в гражданском браке женщине обращаться в суд графства с просьбой принять постановление, запрещающее партнеру применять насилие к ней и ребенку и даже лишаящее насильника права проживать в собственном доме. В случае нанесения физического ущерба женщине или ребенку, а также возможной угрозы повторного нападения судебным постановлением мог быть предусмотрен арест насильника. Средства защиты женщин от мужской агрессии и сексуального насилия расширились на протяжении 1980—1990-х гг. Начиная с 1984 г. закон разрешил принуждать жен давать показания против обидчиков, освобождая их от взаимных обвинений со стороны мужей в свидетельствах против них. В 1992 г. Палата лордов приняла поправку к *Закону о сексуальных преступлениях* 1985 г., в соответствии с которой муж может быть привлечен к ответственности за изнасилование жены. Хотя традиционно полиция предпочитала оставаться в стороне от вмешательства в семейные ссоры, после принятия названных законов она стала более решительно расследовать случаи домашнего насилия.

Лейбористы, придя в 1997 г. к власти, объявили о придании женским проблемам статуса приоритетных и приступили к осуществлению ряда программ, нацеленных на реформирование положения и расширения возможностей для женщин. Они создали специальный подотдел по делам женщин в составе министерства социального обеспечения. В качестве основных направлений его деятельности были объявлены: создание системы воспитания детей, благоприятствующая семье организация рабочей среды, преодоление насилия в отношении женщин дома и вне него, создание атмосферы доверия между женщинами и правительством, продвижение женского представительства на всех уровнях в правительстве и общественных органах⁸⁵⁹. После победных выборов 2001 г. лейбористы создали в составе министерства промышленности новую структуру — *Отдел по делам женщин и равенству* — с обязанностями отвечать в правительстве за вопросы гендерного равенства, координировать усилия по уменьшению и ликвидации препятствий на пути утверждения равенства и равных возможностей для всех. Перевод отдела из состава министерства социального обеспечения в состав министерства промышленности стал признанием того факта, что женщины, особенно имеющие детей, должны быть не только и не столько потребителями государственной социальной помощи и объектами социальной политики, но обладать равными возможностями в сфере трудовых отношений. Только утвердившись в таком качестве они могут почувствовать

⁸⁵⁹ Текущий архив министерства социального обеспечения Великобритании. Our Priorities // Department of Social Security, 1998.

себя полноценными гражданами страны и воспитателями детей, которые прежде всего через семейный опыт получают представления о мире труда.

Система дошкольного и внешкольного воспитания Великобритании, несмотря на попытки реформирования ее правительством Мейджора, оставалась самой неразвитой в Европейском сообществе. 90% одиноких матерей хотели работать, но из-за различных трудностей должны были отказаться от этой идеи⁸⁶⁰. Доступ к воспитательным учреждениям зависел от района проживания семьи. Родители в сельской местности имели особенно мало шансов определить ребенка в дошкольное или внешкольное учреждение. В 1997 г. 93% сельских приходов не имели детских яслей и 92% не располагали группами внешкольного воспитания⁸⁶¹. Чтобы решить проблему, правительство Блэра в 1998 г. объявило о начале действия *Национальной стратегии воспитания детей*. В центр внимания лейбористы поставили создание развернутой системы детского воспитания для решения следующих основных целей: укрепление семьи, поддержание стабильной и сильной экономики. В рамках *Национальной стратегии воспитания детей* до 2006 г. должно быть создано 2 млн. новых мест в воспитательных учреждениях для детей, из которых более 1,1 млн. к 2003 г. уже вступили в строй. Таким образом, правительство выполнило обещание обеспечить к 2003 г. в детских садах место для каждого нуждающегося в нем четырехлетнего ребенка⁸⁶². Новые кадры для воспитательных учреждений стали готовить из числа молодых, не имевших работы людей в возрасте до 25 лет, которые получили возможность приобрести квалификацию и профессиональный опыт в организациях по воспитанию детей⁸⁶³. Создание необходимого количества мест в дошкольных и внешкольных учреждениях диктовалось и требованиями рынка. Выдвинутая программа, по существу, стала продолжением *Инициативы внешкольного воспитания* правительства консерваторов, но в значительно более широких масштабах.

В Великобритании по-прежнему оставалась нерешенной проблема одиноких матерей: в конце 1990-х гг. 2 миллиона детей воспитывалось миллионом живших на социальные пособия одиноких родителей. В рамках *Национальной стратегии воспитания детей* лейбористы объявили о вводе с июля 1997 г. программы *Новый курс для одиноких родителей*⁸⁶⁴. 500 тысяч одиноких родителей приглашались в центры по трудоустройству для консультаций по поиску работы, прохождения переподготовки и получения помощи в воспитании детей. Одновременно правительство развернуло серию тренингов для консультантов по проблемам одиноких родителей. Программы тренингов включали разнообразные вопросы: помощь одиноким родителям в поиске работы; особенности трудового законодательства; поиск программ подготовки и переподготовки; обучение прохождению интервью при приеме на работу; поиск подходящего детского центра; осуществление подсчета, насколько выигрывает одинокий родитель от получения работы и отказа от социального пособия⁸⁶⁵.

Одновременно лейбористы приступили к реформированию системы пособий работникам с низким доходом для оплаты расходов на воспитание детей. В 1997 г. пособие на детей было увеличено с 60 до 100 ф. ст. в неделю для семей, воспитывающих 2 и более детей. Право на

⁸⁶⁰ Текущий архив министерства социального обеспечения Великобритании. Harriet Harman Announces New Deal For Lone Parents // Department of Social Security. Press Release. 2 July 1997; Lone Parents // House of Commons Hansard Written Answers for 5 December 1997: Column 534.

⁸⁶¹ Women (Government Priorities) // House of Commons Hansard Debates. 27 February. 1998. Column 616.

⁸⁶² Текущий архив министерства промышленности Великобритании. What Has Government Achieved for Women // Department of Trade and Industry. Women and Equality Unit, 2003.

⁸⁶³ Текущий архив министерства социального обеспечения Великобритании. Harriet Harman Announces New Deal For Lone Parents. P.1.

⁸⁶⁴ Текущий архив министерства социального обеспечения Великобритании. Historic New Deal For Lone Parents Launched // Department of Social Security. Press Release. 21 July 1997.

⁸⁶⁵ Текущий архив министерства социального обеспечения Великобритании. Harriet Harman Says Deal For Lone Parents Personal Advisers are Pioneers of Government's Approach to Modernizing Welfare // Department of Social Security. Press Release. 14 July 1997.

пособие получили родители детей в возрасте до 12 лет, а не 11, как было прежде⁸⁶⁶. В 2003 г. размер пособия в связи с рождением ребенка увеличили с 60 до 100 ф. ст., оплачиваемый отпуск в связи с рождением ребенка вырос до 26 недель с предоставлением возможности получить неоплачиваемый отпуск до 6 месяцев. Эти условия впервые распространили также на приемных родителей и отцов⁸⁶⁷. Программы *Sure Start (Уверенный старт)* и *Neighbourhood Childcare Initiative* к 2004 г. затронули 400 тыс. детей, проживающих в неблагополучных районах и составляющих третью часть всех детей из бедных семей. В их рамках за три года действия к 2004 г. инвестировано 300 млн. ф. ст. в наиболее неблагополучные с точки зрения обеспечения детей условиями для роста и развития районы.

В апреле 1999 г. впервые в британской истории лейбористы ввели *Национальный минимум заработной платы*, действие которого распространили на основную массу работающих. Поскольку женщины чаще, чем мужчины, работали на низкооплачиваемых работах (правительство признает, что 70% низкооплачиваемых работников в стране составляют женщины), в том числе с почасовой оплатой (в 1998 г. в стране 500 тыс. женщин зарабатывали менее 2,5 ф. ст. в час⁸⁶⁸), нововведение в первую очередь сказалось на благосостоянии этой группы населения. Национальный минимум в оплате коснулся 2 млн. работающих, в числе которых было 1,3 млн. женщин⁸⁶⁹, и равнялся в конце 2003 г. 4,5 ф. ст. в час.

Лейбористы сделали очередной шаг по пути устранения дискриминации расширением сферы применения закона 1970 г. *О равенстве в оплате*, который распространялся на случаи дискриминации работников противоположных полов. Этот закон в апреле 2003 г. был дополнен *Опросником* (Equal Pay Questionnaire) с тем, чтобы дать возможность работникам независимо от пола запрашивать у своих работодателей информацию, позволяющую выяснить, получают ли они равную оплату со своими коллегами, и если нет, каковы причины этого.

Еще одним направлением деятельности кабинета Тони Блэра стало создание благоприятствующей семье системы занятости. До 1999 г. условия работы и льготы для работников в основном регулировались самими компаниями, а не национальным законом. Спектр предлагаемых льгот был разнообразен. Например, среди крупнейших только *Lloyd TSB* предлагала длительный отпуск для родителей продолжительностью 63 недели с сохранением льгот. Компания *ASDA* предоставляла неоплачиваемый отпуск родителям до трех месяцев в период летних каникул. *Tesco, Boots, ASDA, Natwest* предлагали своим сотрудникам так называемые «карьерные отпуска», напоминающие отпуска для родителей⁸⁷⁰. Чтобы унифицировать условия работы и льготы работникам по всей стране, правительство инициировало в парламенте *Закон о трудовых взаимоотношениях*, одобренный в 1999 г., в соответствии с которым работники получили право требовать предоставления им неоплачиваемого «родительского» отпуска продолжительностью до 3 месяцев и «разумное» количество времени для разрешения «домашних инцидентов». Это право распространили на работающих на неполную ставку и контрактников с фиксированными сроками трудового соглашения. Начиная с апреля 2003 г. работникам, имеющих детей в возрасте до 6 лет, предоставили право требовать предоставления гибкого графика работы. Считается, что благодаря этому до 55 тысяч молодых матерей смогут вернуться на работу⁸⁷¹.

⁸⁶⁶ Текущий архив министерства социального обеспечения Великобритании. Harriet Harman Announces New Deal For Lone Parents. P.2.

⁸⁶⁷ Текущий архив министерства промышленности Великобритании. What Has Government Achieved for Women. P.1.

⁸⁶⁸ Women (Government Priorities). Column 612.

⁸⁶⁹ Текущий архив Женской национальной комиссии. UN Questionnaire on Implementation of the Beijing Platform of Action. London: Women's National Commission. 1999.

⁸⁷⁰ Текущий архив лейбористского исследовательского департамента. Just How Family-Friendly is Business? // Labour Research Department. Press Release. 1999.

⁸⁷¹ Текущий архив министерства промышленности Великобритании. What Has Government Achieved for Women. P.1

В Великобритании раньше, чем в других странах, развилась озабоченность со стороны женских организаций проблемой насилия в семье. Исследование, проведенное в 1992 г., показало, что британская полиция ежегодно фиксировала минимум полмиллиона случаев домашних посягательств, жертвами которых в 87% были женщины⁸⁷². К 1990-м гг. во всех крупных городах Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии неправительственными женскими группами были созданы убежища и кризисные телефонные линии для жертв насилия. Однако, хотя во многих графствах продолжали развиваться инициативы по предотвращению насилия в отношении женщин, в 1990-х гг. на национальном уровне страна стала отставать в признании проблемы, скорости проведения законодательных реформ по защите жертв насилия. Лейбористы выделили более 10 млн. ф. ст. на проекты по предотвращению насилия в отношении женщин. Премьер-министр Блэр лично объявил о выделении 2 млн. ф. ст. и о начале действия с помощью правительственного гранта круглосуточной горячей телефонной линии, помещении в Интернете базы данных о действующих в стране убежищах и о готовности правительства дополнительно потратить 7 млн. ф. ст. на создание в сотрудничестве с местными властями новых центров помощи пострадавшим женщинам⁸⁷³.

В целом курс лейбористов, обеспечивший большее участие женщин в парламенте, Национальном исполнительном комитете и Национальной конференции, в Теневом кабинете (с 1997 г. — в кабинете), правительственных учреждениях был, несомненно, благоприятным для них. На ежегодной конференции 1995 г. в Брайтоне влиятельная партийная деятельница, бывший теневой министр по делам женщин Клэр Шорт выразила надежду, что «на выборах 2001 года лейбористы будут выглядеть целиком дружественной женщинам партией»⁸⁷⁴. Изменившийся гендерный баланс в лейбористской парламентской фракции и Кабинете после выборов 1997 и 2001 гг. и принятие в 2002 г. *Закона о дискриминации по признаку пола (В отношении отбора кандидатов)* подтверждают самые оптимистические ожидания.

Хотя лейбористы не предлагали программ *позитивных действий* в сфере образования и занятости (ограничившись лишь аналогичными действиями при отборе кандидатов в законодательные органы страны, комплектовании Кабинета, отделов правительственных учреждений и руководящих органов партии), дружественная женщинам и в целом семье политика лейбористов последних лет имела целью, с одной стороны, расширение популярности в среде электората самой Лейбористской партии. С другой — предпринимаемые попытки решать проблемы насилия в семье, сочетания домашних обязанностей с работой, одиноких родителей, организации системы воспитания детей, социального обеспечения, равной оплаты, здоровья и безопасности женщин создают основы для построения общества на принципах сотрудничества и равного участия.

⁸⁷² Estimating the Extent of Domestic Violence: Finding from the 1992 BCS . London: Home Office Research Bulletin. №37. 1994.

⁸⁷³ Текущий архив министерства промышленности Великобритании. What Has Government Achieved for Women. P.1.

⁸⁷⁴ Women's News, Issue 3, October 1995.

Сведения об авторах

Богин Игорь (Коган Игорь Леонидович) — кандидат культурологии, докторант кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры.

Бородин Дмитрий Юрьевич — магистр социальных наук (Центрально-Европейский университет, Будапешт), ассистент кафедры социологии и политологии Тверского государственного университета, сотрудник Центра женской истории и гендерных исследований ТвГУ.

Бородина Анна Владимировна — научный сотрудник Центра женской истории и гендерных исследований Тверского государственного университета, выпускница программы «Гендер и культура» Центрально-Европейского университета (Будапешт).

Дулов Анатолий Николаевич — преподаватель кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета им. П.М. Машерова

Ермаков Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета.

Николаева Ирина — аспирантка кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, постоянный представитель России во «Всемирной федерации исследователей, изучающих историю женщин».

Романов Павел Васильевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, директор Центра социальной политики и гендерных исследований.

Сурта Елена Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белорусского государственного педагогического университета.

Толстокорова Алиса Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, руководитель Центра гендерного просвещения в Киеве.

Успенская Валентина Ивановна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Тверского государственного университета; директор Центра женской истории и гендерных исследований ТвГУ.

Чернышева Елена Анатольевна — аспирантка кафедры социологии Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Цыглакова Елена Алексеевна — аспирантка кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета.

Чикалова Ирина Ромуальдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белорусского государственного педагогического университета.

Шутова Ольга Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения и музееведения Белорусского государственного университета.

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, научный руководитель Центра социальной политики и гендерных исследований.